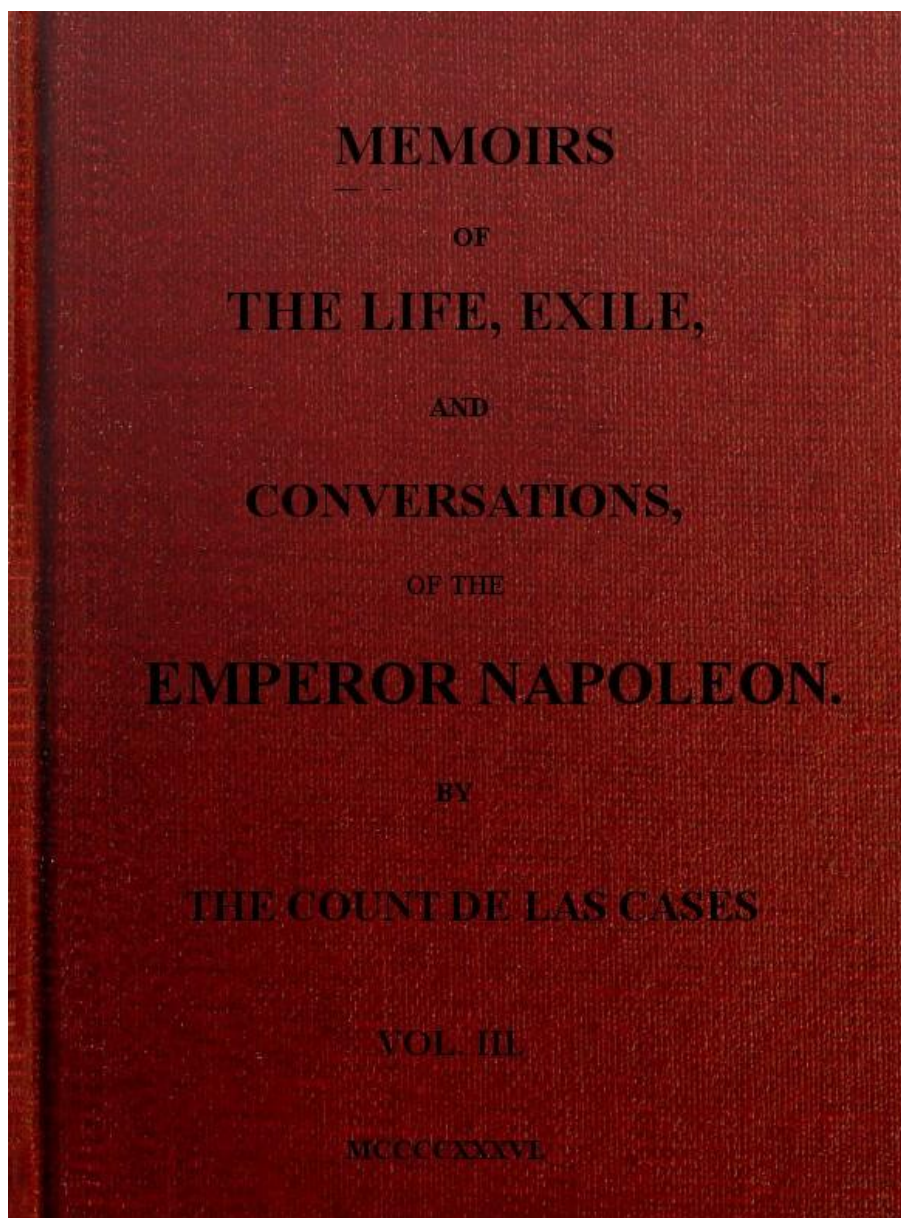

Воспоминания о жизни, ссылке и беседах императора Наполеона. (Том. III)

Граф де Эммануэль-Огюст-Дьедонне Лас Касес

Электронная книга проекта "Гутенберг", содержащая Воспоминания о жизни, ссылке и беседах императора Наполеона. (Том. III)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Воспоминания о жизни, ссылке и беседах императора Наполеона. (Том. III)

Автор: граф де Эммануэль-Огюст-Дьедонне Лас Касес

Дата выхода: 16 января 2017 г. [Электронная книга № 53969]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: производится КД недели, Хосеп седла каналов и онлайн распределенных вычитка команда <http://www.pgdp.net> (этот файл был создан из изображения любезно предоставлены интернет-архив/американских библиотек.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ, ССЫЛКЕ И БЕСЕДАХ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА". (ТОМ. III) ***

Примечание переписчика:

Сноски собраны в конце каждой главы и связаны для удобства использования.

Незначительные ошибки, связанные с принтером, были исправлены. Пожалуйста, ознакомьтесь [с примечанием](#) переписчика в конце этого текста для получения подробной информации об устранении любых текстовых проблем, возникших при его подготовке.

Это третий из четырех томов, с которыми можно ознакомиться в Project Gutenberg здесь:

Том I <https://www.gutenberg.org/ebooks/53967>

Том II <https://www.gutenberg.org/ebooks/53968>

Том III <https://www.gutenberg.org/ebooks/53969>

Том IV <https://www.gutenberg.org/ebooks/53970>

Изображение на обложке создано на основе информации с титульного листа и добавлено в общественное достояние.

Исправления, внесенные в текст, будут отображаться как [исправления](#), которые служат ссылками на соответствующую запись в заключительных примечаниях. Исходный текст можно просмотреть, наведя курсор на исправление.

Исправления, внесенные в текст, будут отображаться как исправления, которые служат ссылками на соответствующую запись в заключительных примечаниях.

СЭР ХАДСОН ЛОУ.

Опубликовано для Генри Колберна в марте 1836 года.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ, ССЫЛКЕ И БЕСЕДАХ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА.

ПО ДЕЛАМ ГРАФА ДЕ ЛАС.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

С ПОРТРЕТАМИ

И МНОЖЕСТВО ДРУГИХ УКРАШЕНИЙ.

ТОМ III.

ЛОНДОН:

ОПУБЛИКОВАНО ДЛЯ ГЕНРИ КОЛБЕРНА,

РИЧАРД БЕНТЛИ; БЕЛЛ И БРЭДФУТ, ЭДИНБУРГ; Дж. КАММИНГ, ДУБЛИН;

И ВСЕ КНИГОТОРГОВЦЫ.

DCCCXXXVI.

АНДОВЕР: ПО СТЕРЕОТИПУ И НАПЕЧАТАНО Б. БЕНСЛИ.

МЕМОАРЫ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА.

ЗАКОНОПРОЕКТ О НАШЕМ ИЗГНАНИИ.—БОМАРШЕ.—ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШЕРБУРА.

15 июля 1816 года. Около десяти часов император вошел в мои апартаменты: он пришел неожиданно, так как хотел прогуляться. Я последовал за ним, и он некоторое время шел по направлению к лесу, где нас подвезла коляска. Прошло значительное время с тех пор, как он ею воспользовался. Я был единственным человеком рядом с ним, и Счет, который имел к нему отношение и с природой которого мы не были знакомы, все это время был предметом нашего разговора.

По нашем возвращении император, после некоторого колебания, стоит ли ему завтракать под деревьями, решил пойти в дом и оставался дома весь день. Он обедал в одиночестве.

Он послал за мной после обеда; я застал его за чтением каких-то "Меркьюри" или старых газет. Он нашел в них различные анекдоты и обстоятельства, касающиеся Бомарше, которого император во время своего консульства, несмотря на все его остроумие, неизменно не признавал из-за его дурного характера и вопиющей безнравственности. Разница в манерах придавала остроту анекдотам, хотя разница во времени была такой незначительной. Он нашел отчет о визите Людовика Шестнадцатого в Шербур, над которым некоторое время размышлял. Затем он обратился к работам Шербура и быстро ознакомился с ними с ясностью, точностью и живой манерой, которые характеризовали все, что он говорил.

Шербур расположен на дне полукруглой бухты, двумя оконечностями которой являются остров Пеле справа и Мыс Керквиль слева. Линия, которой соединяются эти две точки, образует хорду, или диаметр, и проходит на восток и Запад.

Напротив к северу, на очень небольшом расстоянии, примерно в 20 лигах, находится знаменитый Портсмут, великий арсенал англичан. Остальная часть их побережья проходит почти параллельно нашему. Природа сделала все для наших соперников, но ничего для нас. Их берега безопасны и ежедневно очищаются от препятствий. Они изобилуют глубокими зондами, средствами укрытия, гаванями и превосходными портами; наши, напротив, полны скал, вода

неглубокая, и они с каждым днем забиваются. У нас в этих краях нет ни одного настоящего порта больших размеров, и можно сказать, что англичане в одно и то же время находятся и дома, и на нашем побережье, поскольку их эскадрам, стоящим на якоре в Портсмуте, нет необходимости выходить в море, чтобы досаждать нам. Несколько легких судов достаточно, чтобы сообщить о наших передвижениях, и в одно мгновение, без проблем и опасности, они готовы наброситься на свою добычу.

Если, напротив, наши эскадры осмелятся появиться в Британском проливе, который в действительности следовало бы называть Французским морем, они подвергаются постоянной опасности; их полное уничтожение может быть вызвано ураганом или превосходством противника, потому что в обоих этих случаях для них нет укрытия. Именно это произошло в знаменитой битве при Ла-Хогге, где Турвиль мог бы объединить славу умелого отступления с славой тяжелого и неравного сражения, если бы у него был порт, в котором он мог укрыться.

При таком положении вещей люди большой проницательности, озабоченные благосостоянием своей страны, убедили правительство с помощью проектов и мемориалов изыскать с помощью искусства те ресурсы, которых мы были лишены природой; и после долгих колебаний был выбран Шербурский залив, и было решено защитить его огромной дамбой, выступающей в море. Таким образом, мы должны были создать, даже вблизи от противника, искусственную дорогу, по которой наши корабли могли бы в любое время и при любой погоде атаковать его или уйти от преследования.

“Это было,” сказал император, “великолепное предприятие, очень трудное с точки зрения исполнения и финансов того периода. Дамба должна была быть образована огромными конусами, сооруженными пустыми в порту и впоследствии отбуксированными к месту, где они затонули под тяжестью камней, которыми были заполнены.^[1] В этом изобретении, безусловно, была большая изобретательность. Louis XVI. почтил эти операции своим присутствием. Его отъезд из Версаля был великим событием. В те времена король никогда не покидал своей резиденции, его экскурсии не выходили за пределы охотничьего отряда; они не спешили, как сейчас, и я действительно верю, что я немало способствовал быстроте их передвижений.

Однако, поскольку было абсолютно необходимо, чтобы все соответствовало характеру эпохи, вечное соперничество между сушей и морем, этот вопрос, который никогда не может быть решен, продолжалось. В этой связи можно было бы сказать, что во Франции было два короля или что у того, кто правил, было два интереса и должно было быть две воли, что скорее доказывало, что у него их вообще не было. Здесь единственным предметом рассмотрения было море, однако вопрос был решен в пользу суши не на основании превосходства аргументов, а на основании приоритета права. Там, где на карту была поставлена судьба империи, был заменен пункт о приоритете, и таким образом великая цель, великолепное предприятие не увенчались успехом. Сухопутная партия обосновалась на острове Пеле и в форте Керквиль; ее использовали там только для того, чтобы оказать помощь в строительстве дамбы, которое само по себе было главной целью; но вместо этого она начала с установления своего собственного господства, а затем вынудила дамбу стать орудием своего удобства и подчиняться своим планам и усмотрению. Каков же был результат? Формирующаяся гавань, предназначенная для размещения основной массы нашего флота, предназначенного либо для нанесения удара в сердце вражеской мощи, либо для случайного укрытия, могла вместить самое большее пятнадцать парусов, в то время как нам требовалась якорная стоянка более чем для сотни, что

можно было бы осуществить безбольшого труда и с небольшими затратами, если бы работы были перенесены дальше в море, просто за пределы, которые сухопутная сторона присвоила себе.

Имел место еще один весьма характерный и едва ли мыслимый промах. Были приняты все основные меры по достройке гавани; началось возведение дамбы; один из каналов, идущий на восток, был закончен, а другой, идущий на запад, находился на грани формирования, без точного знания всех результатов зондирования. Эта оплошность была настолько велика, что уже образованный канал шириной в пятьсот саженей, проложенный к востоку слишком близко к форту, не позволял без неудобств пропускать суда при низкой воде, а другой, который собирались построить к западу, был бы неосуществим или, по крайней мере, очень опасен, если бы не личное рвение одного офицера (г-на де Шаваньяка), который вовремя сделал это важное открытие и остановил работы на левой оконечности дамбы на расстоянии в тысячу двести саженей от форта. форт Керквиль, с помощью которого он должен был защищаться. Мне кажется, что это слишком большое расстояние, да и на самом деле это слишком большое расстояние.^[2]

“Система, принятая при сооружении дамбы, которая находится более чем в лиге от берега и имеет более 1900 морских саженей в длину и 90 футов в ширину, также подвергалась многочисленным изменениям, подсказанным, однако, опытом. Конусы, которые, согласно установленному принципу, должны были касаться друг друга своими основаниями, были в этом отношении разделены либо случайно, либо в целях экономии. Они были повреждены штормами, изъедены червями или сгнили от старости. В конце концов ими вообще пренебрегли, за исключением камней, наугад брошенных в море; а когда было замечено, что они разбросаны набегаящими волнами, пришлось прибегнуть к огромным блокам, которые в конце концов оправдали все ожидания.

“Работы продолжались без перерыва и при Людовике XVI. Возросшая активность была придана им нашими законодательными собраниями; но вследствие беспорядков, которые вскоре последовали, они были полностью заброшены, и во времена консульства от этой знаменитой дамбы не было видно и следа. Все было разрушено на протяжении нескольких футов при низком уровне воды из-за первоначального несовершенства плана, длительности строительства и ярости волн.

Однако в тот момент, когда я встал у руля управления делами, одной из первых вещей, которые я сделал, было обратить свое внимание на столь важный момент. Я приказал создать комиссии по расследованию; этот вопрос обсуждался в моем присутствии; я ознакомился с местными условиями; и я решил, что дамбу следует прокладывать со всей возможной скоростью и что со временем на двух ее концах должны быть построены два прочных укрепления; но что следует немедленно принять меры для установки значительной временной батареи. Затем мне пришлось столкнуться со всех сторон с неудобствами, возражениями, особыми взглядами, нежностью, которая присуща отдельным мнениям, и т. Д. Некоторые утверждали, что это определено невозможно сделать; я продолжал упорно, я настаивал, я приказывал, и дело было сделано. Менее чем через два года из моря, как по волшебству, поднялся настоящий остров, на котором была установлена батарея большого калибра. До этого момента наши труды почти постоянно были развлечением англичан; по их словам, они с самого начала были убеждены, что они окажутся бесплодными; они предсказывали, что конусы разрушатся сами

собой, что мелкие камешки унесет волнами, и, прежде всего, они полагались на нашу усталость и непостоянство. Но здесь все полностью изменилось, и они сделали вид, что мешают нашим операциям; однако они опоздали; я уже был готов к ним. Западный канал, естественно, продолжался очень широко, и два крайних укрепления, защищавших каждый свой проход, были неспособны поддерживать перекрестный огонь, поэтому было вероятно, что предприимчивый противник сможет форсировать западный канал, встать на якорь внутри дамбы и там повторить катастрофу при Абукире. Но я уже защитился от этого с помощью своей центральной временной батареи. Однако, поскольку я сторонник постоянных укреплений, я приказал построить внутри дамбы, в центре, в качестве опоры, которая, в свою очередь, могла бы служить ограждением, огромное эллиптическое сооружение, командующее центральной батареей, и расположенное в двух казематированных этажах, защищенное от бомб, с 50 орудиями крупного калибра и 20 мортирами широкого радиуса действия, а также казармами, пороховым погребом, цистерной и т.д.

“Я испытываю удовлетворение от того, что оставил эту благородную работу в законченном состоянии.

“После обеспечения обороны моим единственным делом была подготовка наступательных мер, которые заключались в том, чтобы сосредоточить основные силы нашего флота в Шербуре. Гавань, однако, могла вместить только пятнадцать парусов. С целью увеличения их числа я приказал вырыть новый порт; римляне никогда не брались за более важную, более трудную задачу или за ту, которая обещала более длительный срок! Он был погружен в гранит на глубину 50 футов, и я распорядился, чтобы его открытие было отпраздновано присутствием Марии Луизы, в то время как я сам находился на полях сражений в Саксонии. Таким образом я обеспечил якорную стоянку еще на 25 парусов. И все же этого количества было недостаточно, и поэтому я полагался на совсем другие средства увеличения своей военно-морской мощи. Я был полон решимости восстановить чудеса Египта в Шербуре. Я уже воздвиг свою пирамиду в море; у меня также будет свое озеро Мерис. Моей главной целью было получить возможность сосредоточить все наши морские силы, и со временем их было бы достаточно, чтобы нанести врагу смертельный удар. Я готовил место своих действий таким образом, чтобы две нации в их совокупности могли сразиться друг с другом, как мужчина с мужчиной, и исход не мог быть сомнительным, поскольку нас было бы более 40 миллионов французов против 15 миллионов англичан. Я должен был закончить войну битвой при Акциуме, а после этого чего я хотел от Англии? Ее уничтожения? Конечно, нет. Я просто хотел положить конец невыносимой узурпации, насладиться неотъемлемыми и священными правами, избавлением, свободой морей, независимостью, честью флагов. Я говорил от имени всех и для всех, и я должен был добиться успеха путем уступок или силой. На моей стороне были сила, неоспоримое право, воля народов” и т.д.

У меня есть основания полагать, что император, испытавший отвращение к потерям, вызванным частичными попытками на море, и наученный роковым опытом, принял новую систему ведения войны на море.

Война между Англией и Францией незаметно приобрела характер настоящей борьбы не на жизнь, а на смерть. Раздражение всех англичан против Наполеона достигло высшей степени. Его берлинские и миланские декреты, его континентальная система и его оскорбительные выражения потрясли все умы по ту сторону Ла-Манша; в то время как английские министры

своими клеветами, измышлениями и всеми мыслимыми средствами преуспели, возбудив все страсти, в том, что сделали ссору совершенно национальной. На этом основании в полном составе парламента было объявлено, что война была *вечной* или, по крайней мере, на *жизнь*. Император счел своим долгом выстроить свои планы в соответствии с таким положением вещей, и с этого момента, как из расчета, так и по необходимости, он отказался от всякого рода круизов, дальних предприятий и рискованных попыток. Он определился со строгой оборонительной системой до тех пор, пока его континентальные дела не будут окончательно урегулированы, а накопление его морских сил позволит ему нанести уверенный удар в более поздний период. Поэтому он сохранил все свои суда в порту и ограничился постепенным увеличением наших военно-морских ресурсов, не подвергая их какому-либо дальнейшему риску. Все было рассчитано на основе отдаленного результата.

Наш военно-морской флот потерял большое количество судов, большая часть наших хороших моряков оказалась в плену в Англии, а все наши порты были блокированы англичанами, которые препятствовали их коммуникациям. Император приказал проложить каналы в Британии, с помощью которых, вопреки врагу, были созданы пункты сообщения для снабжения Бреста всеми видами припасов между Бордо, Рошфором, Нантом, Голландией, Антверпеном, Шербургом и этим портом. Он желал иметь во Флашинге или в его окрестностях мокрые доки для размещения антверпенской эскадры, полностью оснащенной и готовой выйти в море через двадцать четыре часа, что неизбежно ограничивалось пребыванием в Шельде четырьмя или пятью месяцами в году. Наконец, он спроектировал близ Булони или в каком-нибудь месте вдоль этого побережья строительство дамбы, подобной Шербурской, а между Шербуром и Брестом - подходящую гавань на Иль-а-Буа. Все это было спланировано с целью обеспечения в любое время и без опасности полного и свободного сообщения для наших больших кораблей между Антверпеном и Брестом. Чтобы устранить нехватку моряков и большие трудности с их формированием, было приказано, чтобы молодые призывники каждый день проходили обучение во всех наших портах. Сначала их предполагалось погрузить на борт небольших легких судов, и флотилия такого типа должна была даже плавать по Зейдерзее; впоследствии они должны были быть переданы большим кораблям и немедленно заменены другими того же класса. Судам было приказано каждый день выходить под парусами, выполнять все возможные маневры и эволюции и даже обмениваться выстрелами с противником, не подвергая себя опасности вступить в бой.

Последним пунктом были сила и количество наших судов; они были значительными, несмотря на все наши потери, и император рассчитывал, что ему удастся строить 20 или 25 кораблей в год. Экипажи будут готовы так быстро, как это потребуется, и, таким образом, по истечении четырех или шести лет он мог рассчитывать на наличие 200 линейных кораблей, а возможно, и 300, если бы такое количество было необходимо, менее чем за 10 лет. И что это был за период по сравнению с вечной войной, или войной на всю жизнь, которая была объявлена против нас? Дела на континенте тем временем были бы доведены до конца; все это охватило бы нашу систему; император отозвал бы большую часть своих войск к нашему побережью, и именно в этой ситуации он с уверенностью смотрел на решающий исход состязания. Все соответствующие ресурсы двух наций были бы задействованы, и тогда, по его мнению, мы должны были бы подчинить наших врагов моральной энергией или задушить их нашей материальной мощью.

Император разработал несколько проектов по совершенствованию военно-морского флота и приспособил для этой цели часть своей военной тактики. Он намеревался установить свою линию наступления и обороны от мыса Финистерре до устья Эльбы. У него должны были быть три эскадрильи во главе с адмиралами, а также армейские корпуса во главе с их генералами. Адмирал центра должен был разместить свои штаб-квартиры в Шербуре, адмирал левого фланга - в Бресте, а адмирал правого фланга - в Антверпене. Более мелкие дивизии должны были быть размещены на окраинах, в Рошфоре, и в Ферроле, в Текселе и в устье Эльбы, с целью поворота и обхода противника с фланга. Все эти пункты должны были быть соединены многочисленными промежуточными станциями, и их соответствующие главнокомандующие должны были считаться постоянно присутствующими с помощью телеграфов, которые, протянувшись вдоль побережья, должны были поддерживать непрерывную связь между частями большой системы.

Давайте, однако, рассмотрим, каким было бы поведение англичан во время наших приготовлений и постепенного наращивания нашей военно-морской мощи. Продолжили бы они блокаду наших портов? Мы имели бы удовлетворение, наблюдая износ их крейсерских эскадр; мы бы заставили их содержать 100 или 150 судов, постоянно подвергающихся наших берегов яростным штормам, опасности натывания камней, всем опасностям катастрофы, в то время как у нас, напротив, были все шансы на успех, если бы произошла какая-либо непредвиденная катастрофа из-за природных явлений или ошибок их адмиралов, что не могло не произойти с течением времени. Какие преимущества мы не должны извлечь из этого мероприятия? Мы, свежие и в отличной форме; мы, ожидающие только возможности, всегда готовые выйти в море и вступить в бой! Должны ли англичане устать? Наши суда немедленно вышли бы в море с целью проведения учений и тренировки своих экипажей.

По завершении нашего вооружения и при приближении решающего момента, если бы англичане встревожились за безопасность своего острова и собрали свои силы перед своими главными арсеналами, Плимут, Портсмут и Темзой, наши три дивизии из Бреста, Шербурга и Антверпена атаковали бы их, а затем наши фланги повернулись бы против Ирландии и Шотландии. Если бы они, полагаясь на свое мастерство и храбрость, решили выступить против нас одним большим отрядом, тогда борьба свелась бы к решающему результату, в котором мы были бы вольны выбирать *время, место и возможность*; и это то, что император называл битвой при Акциуме, в которой, если бы мы потерпели поражение, мы понесли бы лишь незначительные потери, в то время как, если бы мы оказались победителями, враг прекратил бы свое существование. Но наш триумф, утверждал он, был несомненным, поскольку двум нациям предстояло сразиться один на один, а нас было более сорока миллионов против пятнадцати. Это была любимая позиция, на которой он неизменно останавливался. Такова была одна из его великих идей, его гигантская концепция.

Наполеон был основателем стольких учреждений, что его работы и памятники вредят друг другу своим количеством, разнообразием и важностью. Моим искренним желанием было дать полное представление о его работах, которые были выполнены в Шербуре, а также о тех, которые он спроектировал. Человек именно той профессии, которая лучше всего подходит для того, чтобы оценить этот предмет и одно из его ярких украшений, пообещал мне их описание. Если он сдержит свое слово, оно будет дано позже.

ДОЛГАЯ АУДИЕНЦИЯ У ГУБЕРНАТОРА. — ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР.

16—го.-Около девяти часов император вышел проветриться в коляске. В поле зрения было судно, на которое он смотрел через подзорную трубу. Он пригласил Доктора, который, как оказалось, занимался тем же самым, составить ему компанию. По возвращении мы позавтракали под деревьями. Он долго беседовал с Доктором о поведении губернатора по отношению к нам, о его бесконечных досадах и т. Д.

Около двух часов дня пришел человек, чтобы узнать, примет ли император губернатора. Он дал ему аудиенцию, которая длилась почти два часа, и пробежался, не впадая, по его словам, в азарт, по всем обсуждаемым предметам. Он перечислил все наши обиды; перечислил все свои проступки; обратился, как он заметил, поочередно к своему пониманию, своему воображению, своим чувствам и своему сердцу. Он сделал все, что было в его силах, чтобы исправить все то зло, которое он натворил, приступить к осуществлению совершенно нового плана, но тщетно, ибо этот человек, по его словам, был безжалостен; от него ничего нельзя было ожидать.

Этот губернатор, сказал император, заверил его, что, когда произошло задержание слуги господина де Монтолона, он не знал, что тот находится у нас на службе, и добавил, что не читал запечатанного письма мадам Бертран. Император заметил ему, что его письмо графу Бертрану совершенно противоречит нашим нравам и прямо противоречит нашим предрассудкам; что если бы он, Император, был всего лишь генералом и частным лицом и получил такое письмо от него, губернатора, он вызвал бы его; что человек, столь хорошо известный и уважаемый в Европе, как Великий маршал, не должен был подвергаться оскорблению под страхом общественного порицания; что он неправильно оценивал свое положение по отношению к нам; что все его действия здесь относятся к области истории. , и что даже разговор, который происходил в тот момент, принадлежал истории; что своим поведением он каждый день причинял вред своему собственному правительству и своей собственной нации, и что со временем он может почувствовать последствия этого; что его правительство в конце концов откажется от его поведения, и что на его имя ляжет пятно, которое опозорит его детей. “Вы позволите мне, - сказал император, - сказать вам, что мы о вас думаем? Мы думаем, что вы способны на все; *да, на все*; и пока вы сохраняете свою ненависть, мы сохраним свое мнение. Я все еще подожду некоторое время, потому что мне нравится действовать на основе определенности; и тогда мне придется жаловаться не на то, что самым худшим поступком министров было отправить меня на остров Святой Елены, а на то, что они отдали вам приказ об этом. Ты для нас большее бедствие, чем все несчастья этой ужасной скалы”.

Ответ губернатора на все это заключался в том, что он собирается сделать доклад своему правительству; что он по крайней мере кое-чему научился у императора, но что с нашей стороны он получил лишь провокационное обращение, и что мы только усугубили ситуацию.

Что касается уполномоченных держав, которых губернатор пожелал представить, император отверг их в их политическом качестве, но заверил губернатора, что он охотно примет их как частных лиц; что он не испытывает неприязни ни к кому из них, даже к французскому уполномоченному г-ну де Моншеню, который, возможно, очень достойный человек, который был его подданным десять лет и, будучи эмигрантом, вероятно, обязан ему, Императору, счастьем вернуться во Францию; что, кроме того, в конце концов, он француз; этот титул был присвоен ему. неизгладимый в его глазах, и никакое мнение не могло разрушить его в его оценке и т.д.

Что касается новых зданий в Лонгвуде, которые были главной целью визита губернатора, император ответил на его сообщение по этой теме, что он их не желает; что он предпочитает свою нынешнюю неудобную резиденцию лучшей, расположенной на большом расстоянии и приобретаемой ценой большой суеи и хлопот с переездом; что для завершения зданий, о которых он только что упомянул, потребуются годы, и что до этого времени либо мы не стоили бы понесенных нами затрат, либо Провидение избавило бы его от нас и т.д.

О ПРЕКРАСНЫХ ЖЕНЩИНАХ ИТАЛИИ.—МАДАМ ГРАССИНИ—МАДАМ V- И БЕРТЬЕ.

17—го. Император послал за мной около двух часов; он оделся и уехал в коляске. Госпожа де Монтолон была в компании. Это было ее первое появление с момента поступления. Разговор зашел, в частности, об итальянских дамах, их характере и красоте.

Молодой генерал, осуществивший завоевание Италии, с первого момента возбудил в этой стране всеобщее чувство энтузиазма и честолубия. Император был рад это услышать и повторить. Прежде всего, не было красавицы, которая не стремилась бы понравиться и тронуть его сердце, но тщетно. “Мой разум,” сказал он, - был слишком силен, чтобы попасться в ловушку; мне показалось, что под цветами есть пропасть. Мое положение было исключительно щекотливым; мной командовали генералы-ветераны; задача, которую мне предстояло выполнить, была огромной; за всеми моими действиями следили ревнивые глаза; моя осмотрительность была чрезвычайной. Моя удача заключалась в моем благоразумии; я мог забиться на час, а сколько моих побед, - сказал он, - зависели не от большого промежутка времени!”

Несколько лет спустя, во время его коронации в Милане, его внимание привлек *Грассини*, знаменитый певец. Затем обстоятельства сложились более благоприятно. Он пожелал увидеть ее, и сразу после ее представления она напомнила ему, что дебютировала именно во время первых достижений генерала армии Италии. “Я была тогда,” сказала она, “ в полном блеске своей красоты и своего таланта. Мое выступление в “Девах солнца” было темой всеобщих разговоров. Я очаровывал все взоры и воспламенял каждое сердце. Один только молодой генерал был нечувствителен к моим чарам, и все же он был единственным объектом моих желаний! Какой каприз, какая необычность! Когда я обладал какой-то ценностью, когда вся Италия была у моих ног, и я героически пренебрег ее восхищением ради одного вашего взгляда, я не мог добиться этого; и теперь, какая странная перемена! вы снизили до того, чтобы заметить меня — теперь, когда я не стою таких хлопот и больше не достоин вас!”

Знаменитая мадам В.... тоже была в толпе Армидаса; но, измученная потерей времени, она уступила свои притязания Бертье, который с первого мгновения жил только для нее. Однажды Главнокомандующий преподнес ему в подарок великолепный бриллиант стоимостью более 100 000 франков. “Вот,” сказал он, “ возьми это; мы часто играем по-крупному, отложи это на черный день”. — Не прошло и двадцати четырех часов, как мадам Бонапарт пришла рассказать своему мужу об алмазе, который был предметом ее восхищения. Это был подарок, который следовало отложить на черный день, и который уже перекочевал из рук Бертье в голову мадам ... С тех пор во всех обстоятельствах своей жизни он неизменно подчинялся ей.

Император, постепенно осыпавший Бертье богатствами и почестями, часто настаивал на его женитьбе, но он так же постоянно отказывался, заявляя, что только мадам В. может сделать его счастливым. Сын, однако, мадам V, познакомившись с герцогиней Баварской, приехавшей в Париж в надежде получить мужа по милости императора, мадам V, думала, что творит чудеса и увеличивает состояние своего сына, женившись на своей возлюбленной; и, исходя из этого впечатления, она убедила Бертье жениться на баварской принцессе. Но, сказал император, нет такого проекта, каким бы превосходным он ни был, который не стал бы забавой фортуны; ибо едва был заключен брак, как муж мадам В. умер и оставил свою жену на свободе. Это событие стало для нее и для Бертье источником настоящего отчаяния; они были безутешны. Бертье пришел со слезами на глазах, чтобы сообщить о своей несчастной участи императору, который посмеялся над его несчастьем. До какого жалкого состояния, восклицал он, был доведен; прояви он чуть больше постоянства, мадам В. могла бы стать его женой!

СЕН—ЖЕРМЕНСКОЕ ПРЕДМЕСТЬЕ.—АРИСТОКРАТИЯ; ДЕМОКРАТИЯ.-НАМЕРЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ЖЕНИТЬСЯ на ФРАНЦУЖЕНКЕ.

18—го. - Около четырех часов за мной послал император, который был в очень слабом состоянии. По рассеянности он провел три часа в очень горячей ванне и ошпарил кипятком правое бедро. В ванне он прочитал два тома. Он побрился, но не захотел одеваться сам.

В половине восьмого император приказал застелить свой кабинет двумя покрывалами и был очень рассержен, потому что его бумаги пришли в беспорядок, когда их убрали с целью использования стола, на котором они лежали. По его указанию их заменили, и покрывала были накрыты на другой маленький столик.

Мы долго беседовали; он вернул меня к темам, которые часто приходили ему в голову, когда мы были вместе, и в отношении которых я должен стараться не повторяться, тем более что они обладают привлекательностью, которая для меня особенно интересна. Мы много говорили о наших юношеских годах и о времени, проведенном в военном училище. Этот предмет снова заставил его обратить внимание на новые школы, которые он основал в Сен-Сире и Сен-Жермене, и, наконец, он обратился к эмигрантам и тем, кого он называл *нос энкроутес*. Он стал веселым и оживленным из-за нескольких анекдотов о Сен-Жерменском предместье, касающихся его личности, которые я рассказал, и поскольку малейшие мелочи приобретали важность в тот момент, когда он касался их, он сказал— “Я ясно вижу, что мой план относительно вашего Сен-Жерменского Предместья был плохо осуществлен. Я сделал слишком много или слишком мало. Я сделал достаточно, чтобы вызвать недовольство противоположной стороны, и недостаточно, чтобы полностью привязать ее к себе. Хотя некоторые из них любили деньги, толпа удовлетворилась бы погремушками и звуками, которыми я мог бы их напичкать, в основном без какого-либо ущерба для наших новых принципов. Мои дорогие Лас Кейсы, я делал слишком много и недостаточно, и все же я был искренне занят бизнесом. К сожалению, я был единственным, кто серьезно занимался этим предприятием. Все, кто был рядом со мной, препятствовали этому, вместо того, чтобы способствовать этому, и все же по отношению к вам нужно было принять только две грандиозные меры: уничтожить или растворить вас в огромной массе общества. Первое не могло прийти мне в голову, а второе было нелегкой задачей, но я не считал это выше своих сил. И, на самом деле, хотя у меня не было поддержки и моим взглядам

даже противодействовали, я в конце концов почти осознал их. Если бы я остался, дело было бы завершено. Это покажется удивительным тому, кто умеет ценить сердце человека и состояние общества. Я не думаю, что история может предоставить какой-либо случай подобного рода или что можно найти столь важный результат, полученный за столь короткий промежуток времени. Я должен был осуществить это слияние и скрепить этот союз каждой жертвой; это сделало бы нас непобедимыми. Противоположное поведение погубило нас и может надолго продлить несчастья, возможно, последние вздохи несчастной Франции. Я еще раз повторяю, что я сделал слишком много или слишком мало. Я должен был привязать к себе эмигрантов по их возвращении; я мог бы легко стать объектом обожания аристократии. Учреждение такого рода было мне необходимо. Это настоящая, единственная опора монархии — ее проводник, ее рычаг, ее точка сопротивления. Без этого государство - всего лишь судно без руля, настоящий воздушный шар в воздухе. Но суть аристократии, ее магическое очарование заключается в древности, в возрасте; и это были единственные вещи, которые я не смог создать. Промежуточных средств не хватало. г-н де Бретей, который втерся в мое расположение, поощрял меня. Напротив, г-н де Т., который, конечно, не был любимцем эмигрантов, отговаривал меня всеми возможными способами. Разумная демократия довольствуется обеспечением равенства для всех как справедливой основы притязаний и владения. Реальной линией поведения было бы использовать остатки аристократии с формами и намерениями демократии. Прежде всего, было необходимо собрать древние имена, прославленные в нашей истории. Это единственный способ мгновенно придать дух древности самым современным учреждениям.

“Я придерживался по этому поводу идей, которые были совершенно мне не свойственны. Если бы из-за Австрии и России возникли какие-либо трудности, я бы женился на француженке. Я бы выбрал одно из самых прославленных имен монархии. Это была даже моя первоначальная мысль, моя настоящая склонность. Если мои министры и помешали мне, то только своими искренними призывами к политическим взглядам. Если бы меня окружали Монморанси, Нели и Клиссоны, я бы, удочерив их дочерей, объединил их с иностранными государями. Моей гордостью и восторгом было бы расширить эти благородные французские племена, если бы они приняли участие в наших делах или полностью отдались нам. Они и те, кто принадлежал ко мне, думали, что на меня повлияли одни лишь предрассудки, в то время как я действовал в соответствии с самыми глубокими комбинациями. Как бы то ни было, ваши друзья потеряли во мне больше, чем они осознают!... Они лишены души, чувства истинной славы. По какой несчастливой склонности они предпочли барахтаться в трясине союзников, чем последовать за мной на вершину горы Симплон и снискать с ее вершины уважение и восхищение остальной Европы? Бесчувственные люди!— Однако у меня был в портфолио проект, - продолжил он, - и только времени требовалось, чтобы его доработать, который сплотил бы вокруг меня большое количество людей этого класса и который, в конце концов, был бы справедливым. Он заключался в том, что каждый потомок древних маршалов, министров и т. Д. Всегда должен считаться способным добиться провозглашения себя герцогом, представив необходимые дары. Все сыновья генералов и губернаторов провинций руководствовались одним и тем же принципом: они должны были иметь право принять графский титул, и так далее в той же градации. Это продвинуло бы вперед одних, вселило надежды в других, возбудило всеобщее соперничество и ни у кого не задело гордости; грандиозные, но в целом безвредные погремушки, к тому же принадлежащие к моей системе и моим комбинациям.

“Старыми и коррумпированными народами управляют не так, как древними и добродетельными нациями. В настоящее время на одного человека, готового пожертвовать собой ради общественного блага, приходится тысячи и миллионы людей, которые нечувствительны ко всему, кроме своих собственных интересов, удовольствий и тщеславия. Следовательно, претендовать на возрождение народа в одно мгновение или как если бы кто-то путешествовал по почте, было бы актом безумия. Гениальность рабочего должна заключаться в умении использовать имеющиеся у него под рукой материалы, и это одна из причин возрождения всех монархических форм, восстановления титулов, сословий и знаков отличия орденов. Секрет законодателя должен заключаться в умении извлекать выгоду даже из каприза и неправильностей тех, кем он претендует управлять; и, в конце концов, эти безделушки были сопряжены с небольшими неудобствами и не лишены выгоды. На том уровне цивилизации, которого мы сейчас достигли, они рассчитаны на то, чтобы привлечь уважение толпы, при условии, что человек, украшенный ими, всегда сохраняет уважение к самому себе. Они могут удовлетворить тщеславие слабых, ни в малейшей степени не пугая сильные и властолюбивые умы”. Было уже очень поздно, и император сказал на прощание: “Вот и еще один приятно проведенный вечер”.

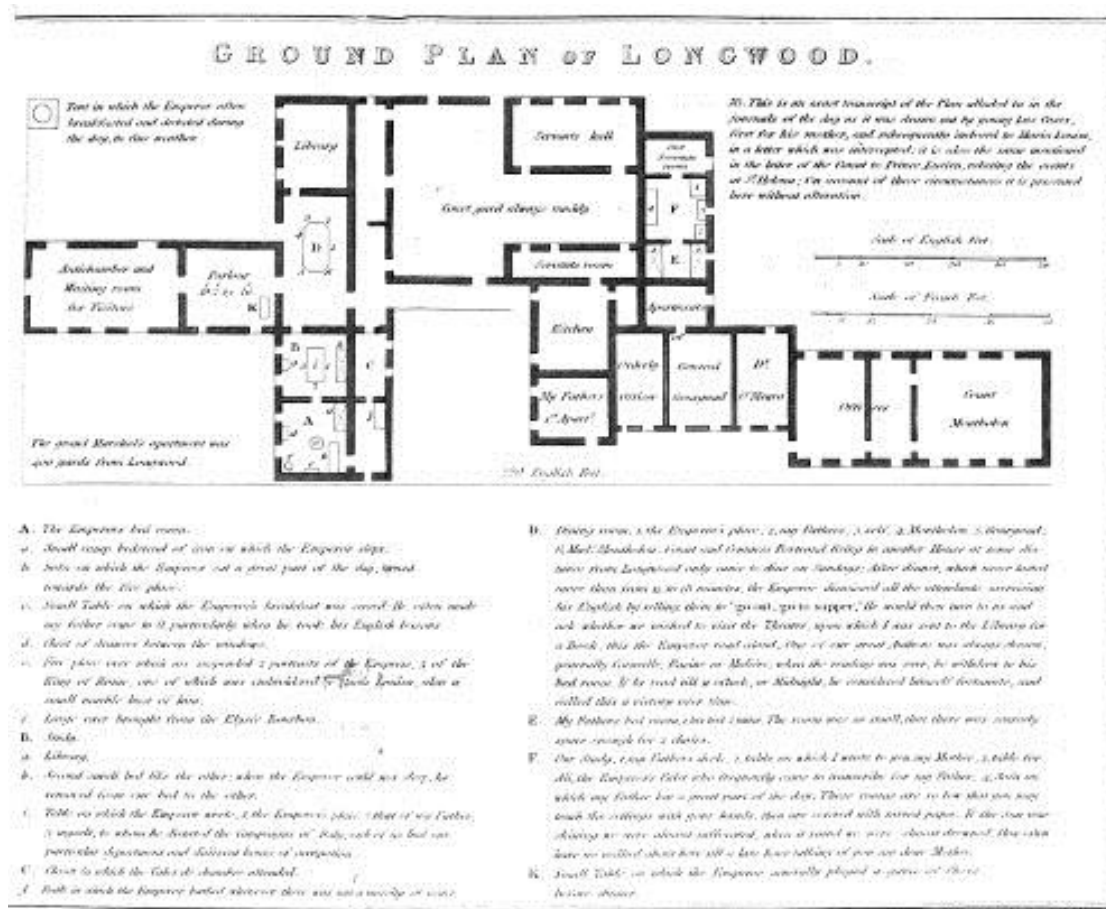
НАШ ДОМ В ОГНЕ.-ЭТИКЕТ В ЛОНГВУДЕ.

19—го. -Ночью в дымоходе салуна произошел пожар, но пламя вырвалось наружу только с рассветом. На два часа раньше, и здание превратилось бы в груды пепла.

Император отправился на прогулку; его сопровождали несколько человек, и мы обошли парк пешком.

У него выпала пряжка на ботинке, и мы все нетерпеливо попытались вставить ее обратно; тот, кому это удалось, считал себя самым удачливым. Император, который не допустил бы этого в Тюильри, здесь, казалось, испытывал своего рода удовлетворение от нашего поведения; он позволил нам поступать так, как нам хотелось, и мы были благодарны ему за то, что он позволил нам совершить поступок, который, по нашему собственному мнению, делал нам честь.

Это заставляет меня заметить, что я еще не говорил о наших обычных манерах, когда речь заходила о его особе, и я особенно обращаю на них внимание, потому что мы получили несколько лондонских газет, которые распространяют тысячи досужих историй на эту тему и утверждают, что императорский этикет в Лонгвуде соблюдался так же строго, как и в Тюильри.

План местности Лонгвуда.

Император обращался с нами самым добрым образом и с отеческой фамильярностью. Мы, со своей стороны, были самыми внимательными и уважительными из придворных. Мы неизменно старались предугадать его желания; мы тщательно следили за всеми его желаниями, и едва он успевал подать знак рукой, как мы приходили в движение.

Никто из нас не входил в его квартиру без того, чтобы за ним не послали, и, если ему нужно было сообщить что-то важное, необходимо было подать заявление, чтобы его пустили. Если он шел отдельно с кем-либо из нас, никто другой не осмеливался вмешиваться. Вначале мы постоянно оставались непокрытыми рядом с его персоной, что показалось странным англичанам, которым было приказано надеть шляпы после первого салюта. Этот контраст показался императору настолько нелепым, что он раз и навсегда приказал нам вести себя так же, как они. Никто, кроме двух дам, не садился в его присутствии, если этого не хотели. С ним никогда не заговаривали до тех пор, пока он не заговаривал первым, и всегда, и во всех случаях, беседа проходила под его контролем и руководством. Таков был этикет в Лонгвуде, который полностью, как это должно быть очевидно, соответствовал нашим воспоминаниям и чувствам.

По нашем возвращении император принял хозяина "Ньюкасла" и долго допрашивал его.

Из-за пожара в салоне и того, что в столовой поставили бильярдный стол, мы обедали в топографическом кабинете. После ужина, поскольку других апартаментов, куда можно было бы удалиться, не было, нам пришлось долго оставаться за столом. Это обстоятельство, однако,

придало беседе дополнительный интерес; мы стали более близки, более сплочены друг с другом; мы дали больше простора нашему языку, и вечер прошел быстрее.

УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ НИЩЕНСТВА Во ФРАНЦИИ.—ПРОЕКТЫ НАПОЛЕОНА ОТНОСИТЕЛЬНО ИЛЛИРИИ.—БОЛЬНИЦЫ.—ПОДКИДЫШ.—ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЗНИКИ.—ИДЕИ ИМПЕРАТОРА.

20-е число. Император послал за мной утром; я застал его за чтением английского труда о доле бедных, об огромных собранных суммах и огромном количестве людей, содержащихся за счет своих приходов; отчет охватывал миллионы людей и сотни миллионов денег.

Император опасался, что он неправильно прочитал работу или что он ошибся в значении. По его словам, это казалось совершенно невозможным. Он не мог себе представить, из-за каких пороков и изъянов может быть так много бедняков в такой богатой, такой трудолюбивой стране, как Англия, и с таким изобилием трудовых ресурсов. Он был еще менее способен понять, каким чудом собственники, перегруженные тяжелыми обычными и экстраординарными налогами, смогли также обеспечить нужды такого множества людей. “Но у нас во Франции, - заметил он, - нет ничего, что могло бы сравниться с этим хотя бы в сотой или тысячной доле. Разве вы не говорили мне, что я посылаю вас в департаменты с особой миссией по борьбе с нищенством? Давайте посмотрим, сколько у нас нищих? Сколько они стоили? Сколько богаделен я основал? Каково было их количество? Какой эффект они оказали в искоренении нищенства?”

На этот поток вопросов я был вынужден ответить, что с тех пор прошло значительное время, что мои мысли были заняты несколькими другими предметами и что для меня было невозможно делать правильные заявления, основываясь только на воспоминаниях; но что у меня есть сам официальный отчет среди немногих сохранившихся у меня бумаг, и что, возможно, в первый раз, когда он соблаговолит послать за мной, я смогу удовлетворить его. “Но, - сказал он, - уходи немедленно и искать это все не выгодно, если своевременно применено, и я буду в ближайшее время работать *надбольшим пальцем*, как аббат де Pradt гениально сказано; хотя, правду сказать, я не очень люблю думать о таких предметах; они напоминают мне горчицей после ужина”.

Через две минуты отчет был у него в руках. “Ну что ж!” сказал император и мне через несколько минут, поскольку действительно можно было сказать, что он не переворачивал страницы. - Что ж, на самом деле это совсем не похоже на Англию. Наша организация, однако, потерпела неудачу; я подозревал это, и именно по этой причине я доверил вам миссию. Ваш отчет полностью соответствовал бы моим взглядам. Вы взялись за это рассмотрение откровенно и как честный человек, не опасаясь вызвать неудовольствие министра, лишив его множества назначений.

“Я доволен большим количеством ваших деталей. Почему вы сами не пришли и не поговорили со мной о них? Вы бы удовлетворили меня, и я должен был бы знать, как ценить ваши услуги.” “Сир, при тогдашнем положении вещей я не мог бы этого сделать; мы были тогда вовлечены в смятение, вызванное нашими несчастьями”. — “Ваше наблюдение совершенно верно; вы занимаете неоспоримую позицию. Дело в том, что в том процветающем состоянии, до которого я довел империю, ни один рабочий нигде не мог быть найден без работы. Только праздность и порок могли породить нищенствующих.”

- Вы думаете, что их полное уничтожение было возможно; и я, со своей стороны, придерживаюсь того же мнения.

“Ваш сбор в массовом порядке для строительства обширной и единой тюрьмы в каждом департаменте был в равной степени приспособлен к спокойствию общества и благополучию заключенных в нем; ваша идея сделать из них памятники на века привлекла бы мое внимание. Это гигантское начинание, его полезность, важность, постоянство результатов - все это стояло у меня на пути.

“Что касается вашего университета для людей, я очень опасаясь, что это было бы всего лишь красивой химерой филантропии, достойной бесхитростного аббата де Сен-Пьера. Однако в совокупности этих концепций есть некоторые достоинства; но для достижения какого-либо хорошего результата потребовались бы энергия характера и негибаемая настойчивость, которыми мы обычно не отличаемся.

Что касается остального, я каждый день собираю у вас в этом месте идеи, на которые я и не предполагал, что вы способны; но это была вовсе не моя вина. Ты был рядом со мной; почему ты не открыл мне свой разум? Я не обладал даром прорицания. Если бы вы были министром, этим идеям, какими бы фантастическими они поначалу не показались мне, уделялось бы не меньше внимания, потому что, по моему мнению, нет совершенно невосприимчивой концепции какого-либо позитивного блага, а неправильное представление, при надлежащем контроле и регулировании, часто приводит к правильному выводу. Я должен был передать вас комиссарам, которые проанализировали бы ваши планы; вы бы защитили их своими аргументами, и, ознакомившись с предметом, я один должен был бы принять окончательное решение в соответствии со своим собственным суждением. Таков был мой образ действий и мое намерение; я дал толчок промышленности; я привел ее в состояние полной активности по всей Европе; я желал сделать то же самое для всех способностей ума, но у меня не было времени. Я не мог воплотить свои планы в жизнь на полном скаку; и, к сожалению, я слишком часто растрачивал их на песчаном фундаменте и отдавал в непроизводительные руки.

“Каковы были другие миссии, которые я вам поручал?”—“Одна в Голландии, другая в Иллирии”. —“У вас есть отчеты?”—“Да, сир”. — “Идите за ними”. Но не успел я дойти до двери, как он сказал: “Ничего, возвращайтесь, избавьте меня от необходимости читать подобные статьи!— Отныне они, в сущности, совершенно бесполезны”. —Чего только не раскрыли мне эти слова!

Император вернулся к теме Иллирии. “В получении получение владение Иллирию, это никогда не было моим намерением, чтобы удержать ее; я никогда не привлекала идея уничтожить Австрию. Напротив, ее существование было необходимым условием для осуществления моих планов. Но Иллирия в наших руках была авангардом в сердце Австрии, рассчитанным на то, чтобы держать ее в узде; часовым у ворот Вены, чтобы сохранять ее верность нашим интересам. Кроме того, я желал представить и утвердить в этой стране наши доктрины, нашу систему правления и наши кодексы. Это был дополнительный шаг к возрождению Европы. Я просто взял его в залог и намеревался позже обменять на Галлицию при восстановлении Польши, к которому я поспешил вопреки своему собственному мнению. Однако у меня было несколько проектов в отношении Иллирии, поскольку я часто колебался в своих замыслах и имел мало идей, которые опирались бы на твердые основания. Это возникло скорее из-за того, что я приспособлялся к обстоятельствам, чем из-за того, что давал им импульсы направление, и я был вынужден каждое мгновение перестраиваться. Следствием этого было то, что большую

часть времени я не приходил к какому-либо абсолютному решению и был занят просто проектами. Однако моей преобладающей идеей, особенно после моего замужества, было уступить ее Австрии в качестве компенсации за Галлицию, во всяком случае, при восстановлении Польши как отдельного и независимого королевства. Не то чтобы меня волновало, на чью голову - друга, врага или союзника - возложат корону, лишь бы дело было сделано. Результаты были мне безразличны. Я, мои дорогие Лас Кейсы, разработал обширные и многочисленные проекты, и все они, несомненно, направлены на развитие разума и благополучие человеческой расы. Меня боялись, как удара молнии; меня обвиняли в том, что у меня железная рука; но в тот момент, когда эта рука нанесла бы последний удар, все было бы смягчено к всеобщему счастью. Сколько миллионов людей излили бы на меня свои благословения, как тогда, так и в будущем! Но как многочисленны, следует признать, были роковые несчастья, которые были накоплены и объединены, чтобы привести к моему свержению в конце моей карьеры! Мой несчастливый брак; вероломство, которое из него вытекло; это злодейское дело в Испании, от которого я не мог отвязаться; эта роковая война с Россией, которая произошла по недоразумению; эта ужасная жестокость стихии, поглотившей целую армию; ... и тогда вся вселенная против меня!... Разве это не чудо, что я все еще был способен так долго сопротивляться и что я не раз был на грани того, чтобы преодолеть все опасности и выйти из этого хаоса более могущественным, чем когда-либо!... О судьба человека!— Что такое человеческая мудрость, человеческое предвидение!— И затем, внезапно обратившись к моему отчету, он сказал: “Я заметил, что вы объехали множество департаментов. Долго ли длилась ваша миссия? Было ли ваше путешествие приятным? Принесло ли оно вам реальную пользу? Много ли вы собрали информации? Смогли ли вы составить правильное суждение о состоянии страны, об общественном мнении?”

“Теперь я вспоминаю, что выбрал вас именно потому, что вы только что вернулись из своей миссии в Иллирию, и я обнаружил в вашем отчете несколько вещей, которые произвели на меня сильное впечатление; ибо удивительно, как много в настоящее время каждый день всплывает в моей памяти того, что в то время поразило меня в вас и что по странному стечению обстоятельств сразу же после этого было полностью забыто. Когда должны были состояться какие—либо назначения на эти специальные и конфиденциальные миссии, указ с пробелами для имен был положен передо мной, и я заполнил их лицами по моему собственному выбору - я, должно быть, написал ваше имя своей рукой ”.

“Сир, ” ответил я, “ возможно, никогда не было миссии, более приятной и удовлетворительной со всех точек зрения. Я начал его ранней весной и проследовал из Парижа в Тулон, а из Тулона в Антиб, следуя вдоль береговой линии и время от времени отклоняясь вглубь страны. Я проехал почти тысячу триста лье, но, к сожалению, времени было мало. Министр в своих инструкциях строго ограничил этот период тремя или, самое большее, четырьмя месяцами. Мне было бы трудно дать адекватное описание всех удовольствий и выгод, которые я извлек из путешествия. Я был членом вашего Совета, служащим в вашем доме. Меня везде считали одной из ваших *missi dominici*, и меня принимали с должным уважением. Чем больше я вел себя осмотрительно, умеренно и просто, посещая лично высокопоставленных чиновников, присутствие которых мне было разрешено требовать, тем больше ко мне относились с уважением и покладистостью. Для того, кто выказывал какое-либо недоверие или проявлял какие-либо признаки дурного настроения или зависти; (ибо впоследствии я узнал от них самих, что моя репутация дворянина, эмигранта и камергера служила тремя определенными основаниями для порицания) для того, повторяю, кто смотрел на меня ревнивым взглядом,

янашел многих, чьи сообщения были совершенно откровенными, даже по предметам, относительно которых я не осмелился бы расспрашивать. Они заверили меня, что им доставило удовольствие открыться мне с полной откровенностью; что они рассматривали мое положение рядом с личностью государя как благоприятного посредника; и считали меня исповедником, на которого они полагались в передаче своих самых сокровенных мыслей *Всевышнему*. Чем больше я старался убедить их в том, что они ошибались относительно моего положения и характера моей миссии, тем больше они утверждались в противоположном мнении. За столь короткий период какой урок для меня о человечестве! Не было ни одного из этих высокопоставленных чиновников, кто не отличался бы друг от друга в отношении взглядов, средств и замыслов всех рассматриваемых объектов; и все же все они были людьми, отобранными с особой тщательностью, испытанными способностями и, как правило, большими заслугами. Люди в частной жизни также смотрели на меня как на луч Провидения и обращались ко мне либо публично, либо тайно. Сколькому я еще не научился! Сколько доносов и обвинений поступало на меня! Какое множество местных злоупотреблений, мелких интриг было мне раскрыто!

“Совершенно не знакомый с делами и до тех пор абсолютно несведущий в официальных процедурах, я воспользовался этой уникальной возможностью для получения информации. Я не преминул ознакомиться со всеми целями и особыми обстоятельствами каждой вечеринки. Я не боялся показать свое невежество первому, кто представился, поскольку таким образом получил возможность подготовиться к обсуждению бизнеса с другими.

“Это правда, сир, что моя особая миссия ограничивалась учреждениями для нищих и исправительными домами; но, чувствуя, что мне недостает запаса знаний, пригодных для того, чтобы быть полезным Государственному совету, и пользуясь своим назначением, я по собственному желанию провел тщательную инспекцию тюрем, больниц и благотворительных учреждений, а также обследовал все наши порты и эскадры.

“Как великолепно сочетание, которое таким образом представилось моему взору! Я повсюду видел совершенное спокойствие и полное доверие к правительству; каждая рука, каждый факультет, каждая отрасль промышленности были заняты; почва украшалась процветающим сельским хозяйством, это было самое прекрасное время года; дороги были превосходны; общественные работы велись почти во всех кварталах; Арльский канал, благородный мост Бордо, работы Рошфора, каналы от Нанта до Бреста, Ренна, Сен—Мало; основание Наполеонвиля, которому предстояло стать ключом ко всему полуострову Ла—Манш. Британия; великолепные сооружения Шербура, Антверпена, шлюзы, молы и другие усовершенствования в большинстве городов вдоль Ла-Манша - таково краткое описание того, что я видел.

С другой стороны, порты Тулон, Рошфор, Ориент, Брест, Сен-Мало, Гавр и Антверпен демонстрировали необычайную активность; наши дороги были заполнены судами, и их количество увеличивалось с каждым днем: наши экипажи тренировались, несмотря ни на какие препятствия, и наши молодые призывники становились хорошими моряками, пригодными для будущей службы. Я, принадлежавший к старому флотскому истеблишменту, был поражен всем, что видел на борту, настолько велики были усовершенствования, достигнутые в этом искусстве, и настолько они превосходили со всех точек зрения все, чему я был свидетелем.

Эскадры, принадлежащие разным портам, каждый день поднимали паруса и выполняли свои обычные маневры, похожие на парады гарнизонов, и все это происходило на виду у англичан,

которые считали это нелепым фарсом, не предвидя опасности, которая имугрожала; ибо никогда и ни в какое время наш флот не был более грозным, а наши корабли - более многочисленными. У нас уже было более 100 человек на плаву или на стапелях, и мы ежедневно пополняли это число. Офицеры были превосходны и полны рвения. Я не имел ни малейшего представления о ходе наших приготовлений, пока не стал свидетелем этого лично, и не поверил бы в это, если бы мне об этом рассказали.

Что касается нищенствующих заведений, то особая цель моей миссии, ваши намерения, сир, были плохо поняты, и план оказался совершенно неудачным. В большинстве департаментов нищенство не только сохранилось со всеми своими недостатками, но и не было предпринято никаких шагов для его уничтожения. Дело в том, что несколько префектов, далеких от того, чтобы наводить ужас *нищенствующих*, просто рассматривали их как убежище для *бедняков*. Вместо того чтобы применять заключение в качестве наказания, они заставили искать его как убежище; и, таким образом, участи заключенных могли бы позавидовать трудолюбивые крестьяне по соседству. Франция могла бы, таким образом, покрыться подобными заведениями, которые могли бы быть заполнены без уменьшения числа нищенствующих, которые обычно занимаются попрошайничеством и отдают ему предпочтение. Однако я был способен судить о том, что искоренение зла возможно, и примера некоторых департаментов, в которых префекты лучше разбирались в этом вопросе, было достаточно, чтобы прийти к такому убеждению. Было несколько случаев, когда он полностью исчезал.

“Это наблюдение производит непосредственное и поразительное впечатление: при прочих равных условиях нищенство гораздо реже встречается в тех краях, которые бедны и бесплодны, и гораздо чаще встречается в тех, которые плодородны и изобильны. Также бесконечно труднее осуществить его уничтожение в тех местах, где духовенство пользовалось большим богатством и властью. В Бельгии, например, было замечено, что нищенствующие черпали почет в своем ремесле и хвастались тем, что занимались им на протяжении нескольких поколений. Эти притязания принадлежали исключительно им, и, соответственно, эта страна была местом встречи нищенства”. “Но меня это не удивляет, - продолжал император, - трудность этого важного рассмотрения состоит исключительно в том, чтобы точно провести различие между *бедняком*, который вызывает наше уважение, и *нищенствующим*, который должен вызывать наше негодование; кроме того, наши религиозные нелепости настолько смешивают эти два класса, что они, по-видимому, считают нищенство заслугой, своего рода добродетелью, и поощряют его обещанием небесных наград. Нищенствующие на самом деле ни больше, ни меньше, чем монахи *au petit pied*; так что в их списке мы находим даже нищенствующих монахов. Как было возможно, чтобы такие идеи не приводили к замешательству в умах и беспорядку в обществе? Было канонизировано огромное количество святых, единственным очевидным достоинством которых была лживость. Кажется, что они были перенесены на Небеса за то, что, если рассматривать это как вопрос разумной политики, должно было подвергнуть их бичеванию и заключению в этом мире. Это, однако, не помешало бы им быть достойными Небес. Но продолжайте”. —

“ Я не без волнения наблюдал за подробностями работы благотворительных учреждений, сир. Размышляя о тревогах, заботах, горячем милосердии стольких отзывчивых сердец, я смог убедиться, что мы далеки от того, чтобы уступать пальму первенства, какими бы ни были соображения, какому-либо другому народу, и что у нас просто было меньше хвастовства и мы меньше использовали искусственные средства для приумножения наших достоинств. Юг,

прежде всего, и Лангедок, в частности, проявляли рвение и одушевление, о которых было бы трудно составить адекватное представление. Повсюду были многочисленные больницы и богадельни, за которыми хорошо ухаживали. После революции число подкидышей увеличилось в десять раз, и я немедленно приписал это развращению времени; но мне было угодно заметить, и постоянные размышления убедили меня в истине, что результат, напротив, следует приписать вполне удовлетворительным причинам. Меня уверяли, что раньше о подкидышах заботились так скверно и их так плохо кормили, что все они были миниатюрными, болезненными и недолговечными и что из десяти погибало от семи до девяти человек; в то время как в настоящее время их питание, чистота и забота о них во всех отношениях таковы, что почти все они сохраняются и составляют прекрасную расу детей. Таким образом, своей численностью они обязаны исключительно своему сохранению. Вакцинация также внесла огромный вклад в их увеличение. В настоящее время к этим детям относятся с таким вниманием, что это привело к необычайному жестокому обращению. Матери, даже находящиеся в стесненных обстоятельствах, испытывают искушение выставить своих младенцев на всеобщее обозрение; впоследствии они обращаются в больницу и под предлогом благотворительности предлагают самим воспитывать одного из них; им возвращают их собственных детей с выплатой небольшого пособия. Все это осуществляется по милости самих агентов и часто с целью получения незначительной пенсии для одного из их родственников. Другим злоупотреблением такого рода, и не менее экстраординарным, было то, которое я наблюдал в Бельгии, когда люди задолго до этого вносили свои имена, чтобы дать им право отправить своих детей в больницу. Любая молодая пара, вступая в брак, стремилась внести свои имена на вакантные места, которые доставались им несколько лет спустя, по праву; это было частью брачного соглашения". — "О Иисус! Господи! — воскликнул император, пожимая плечами и смеясь. - и после этого издавать законы и предписания!" -

\$1“\$ 2”\$ 3 Но что касается тюрем, сир, то они почти всегда были сценами ужаса и настоящих страданий, позором наших провинций, абсолютными поглотителями коррупции и заразы, через которые я был вынужден проходить с величайшей поспешностью или из которых меня выгоняли обратно, несмотря на все мои усилия. Я прежде посещал некоторые тюрьмы в Англии и позволил себе улыбнуться той роскоши, которую я наблюдал в них; но это было совсем другое дело по сравнению с нашей, и мое возмущение вызвала противоположная крайность. Нет таких проступков, я бы даже сказал преступлений, которые не карались бы в достаточной мере в таких жилищах, и те, кто покидает их, по строгой справедливости, не должны были бы дальше искупить свою вину. И все же, в конце концов, те, кто был заключен в них, находились всего лишь под простым обвинением, в то время как те, кто был признан виновным, настоящие преступники и закоренелые негодяи, имели свои особые тюрьмы, свои исправительные дома, где о них, возможно, слишком хорошо заботились; и даже в последнем случае у честного поденщика могли быть основания позавидовать их участи и проводить сравнения, вредные для Провидения и общества. Еще одно поразительное несоответствие наблюдалось в этих исправительных домах; это было слияние, обычное смешение всех классов, которым был вынесен приговор. Из заключения одних за незначительные проступки всего на год, а других на пятнадцать, двадцать лет или пожизненно за совершенные ими ужасные преступления неизбежно следовало, что все они будут низведены до одного морального уровня не за счет улучшения последнего, а скорее за счет развращения первого.

“Что меня также очень сильно поразило в Вандее и прилегающей стране, так это то, что количество маньяков там увеличилось, возможно, в десять раз больше, чем в любой другой

части империи, и что люди содержались в заведениях для нищих и других местах лишения свободы, с которыми обращались как с бродягами или могли ими стать, и которые, будучи взяты на воспитание в детстве, ничего не знали о своих родителях или происхождении. У некоторых из них на лицах были следы ран, но они не знали, как они были нанесены. Они, без сомнения, были сделаны в младенчестве. Возможность нанять этих людей, не усвоивших ни единой социальной идеи, была упущена; теперь они непригодны ни для какой цели”. — “Ах!” воскликнул император. - Это гражданская война и ее отвратительный ход; ее неизбежные последствия и определенные плоды! Если некоторые лидеры сколачивают состояния и избегают опасности, отбросы населения всегда оказываются растоптанными и становятся жертвами любого бедствия!”

Что касается других вопросов, я обнаружил в совокупности этих учреждений значительное количество лиц, которые, как мне сказали, были правы или нет, были заключенными государства и содержались под стражей по приказу полиции высшего, среднего или низшего звена.

“Я выслушал всех этих заключенных, выслушал их жалобы и принял их ходатайства, разумеется, без какого-либо участия с моей стороны; ибо я не имел права заключать какие-либо соглашения; и, кроме того, я прекрасно понимал, что, выслушав только их показания, я не мог возложить вину ни на кого. За исключением, однако, некоторых отъявленных злодеев, они, в общем-то, не заслуживали большего, чем обычные наказания исправительной полиции.

“Я нашел среди них, в тюрьмах Ренна, мальчика между двенадцатью и четырнадцатью годами, которого, когда ему было всего несколько месяцев, забрали с бандой *шоферов*. Все они были казнены, и с тех пор мальчик оставался там без какого-либо решения по своему делу. Его моральные способности легко оценить. Он никогда не видел, не знал и не слышал никого, кроме злодеев; это были единственные люди, о существовании которых он мог составить представление.

“В Мон-Сен-Мишель мое внимание особенно привлекла женщина, чье имя я забыл. У нее было довольно миловидное лицо, приятные манеры и скромное поведение. Она провела в заключении четырнадцать лет, приняв самое активное участие в беспорядках в Вандее, и постоянно сопровождала своего мужа, который был командиром батальона повстанцев, и которому она наследовала командование после его смерти. Несчастье, которое она испытывала, и слезы, которые она проливала, заметно ослабили ее очарование. Я напустил на себя суровый вид во время рассказа о ее злоключениях, но это было сделано для того, чтобы скрыть эмоции, которые она вызывала. Благодаря добрым манерам и другим своим качествам она приобрела своего рода власть над вульгарными и развращенными женщинами, которые окружали ее. Она посвятила себя уходу за больными; тюремный лазарет был доверен ей, и ее все любили.

- За исключением этой женщины, нескольких священников и двух-трех старых шуанских шпионов, остальные демонстрировали лишь грязную смесь отвратительной или экстравагантной порочности.

“Я встречался с женатым мужчиной, имеющим годовой доход в 15 000 ливров, очевидно, ограниченным вследствие интриг его жены, на манер древних *lettres de cachet*; и с проститутками, которые уверяли меня, что их задерживали не в наказание за беспорядочное

расточительство их благосклонности, а назло их нежеланию услужить одному человеку. Лгали они мне или нет; но в любом случае должны ли они быть удостоены звания государственных узников, содержаться за счет двух франков в день и способствовать тому, чтобы правительство стало одиозным и смешным? Наконец, я встретился с несчастным человеком в бельгийском городе, который женился на одной из тех девушек, которым муниципалитеты выделяют средства на свадьбу по торжественным случаям. Он был заключен в тюрьму по обвинению в краже части, потому что он пренебрег ее заработком. От него положительно требовали исполнить этот важный долг, и он так же категорически отказался. Возможно, от него требовалось сделать то, что было для него абсолютно невозможно.

“Сразу по возвращении в Париж я зашел к месье Реалю, префекту полиции округа, который я только что посетил. Я сказал, что считаю своим долгом сообщить ему *вдружеской* манере о результатах моих наблюдений. Я должен отдать ему справедливость; ибо, был ли он далек от дурного сердца, был ли он впечатлен моей прямоотой или, возможно, под влиянием, сир, магического влияния вашего мундира, он поблагодарил меня, заметил, что я оказываю ему реальную услугу, и заверил меня, что немедленно предпримет шаги для *освобождения и исправления*, таковы были его слова, дел, которые я ему изложил. Однако, встретившись с ним несколько дней спустя на собрании, он сказал с явным огорчением: ‘Это неудачное дело, очень неблагоприятное для вашей Амазонки (он намекнул на опрометчивое предприятие генерала Маллета), которое я считал себя способным совершить несколько дней назад по собственной воле. Теперь я не могу претендовать на то, чтобы взяться за это дело без приказа вышестоящего руководства”. — Я не знаю, чем все закончилось”.

Император некоторое время останавливался на злоупотреблениях, на которые я указал, а затем заключил: “Во-первых, для того, чтобы действовать регулярно, на вас была возложена обязанность удостовериться, была ли ваша информация обоснованной, и заслушать доказательства против обвиняемых; и затем следует откровенно признать, что злоупотребления присущи каждому человеческому учреждению. Вы видите, что почти все, на что вы жалуетесь, делается теми самыми людьми, которым были специально доверены средства предотвращения. Может ли быть обеспечено средство правовой защиты, когда невозможно увидеть, что происходит повсюду? Существует, так сказать, сеть, раскинутая над низшими слоями общества, которая окутывает низшие классы. Сетка должна быть разорвана и обнаружена таким удачливым наблюдателем, как вы, прежде чем что-либо об этом станет известно в верхних слоях. Соответственно, одной из моих мечтаний было бы, когда грандиозные события войны будут полностью прекращены и я вернусь в глубь страны в спокойствии и непринужденности, присмотреть за полудюжиной или дюжиной настоящих филантропов, за теми достойными людьми, которые живут только для того, чтобы творить добро. Я должен был распространить их по империи, которую они должны были тайно осмотреть с целью представления мне своего отчета. Они были бы *шпионами добродетели*! Они должны были обращаться непосредственно ко мне и должны были быть моими исповедниками, моими духовными наставниками, а мои решения вместе с ними должны были быть моими добрыми делами, совершаемыми втайне. Моим великим занятием, когда я был на досуге и на пике своего могущества, было бы улучшение положения каждого класса общества. Я должен был бы опуститься до деталей индивидуального комфорта; и, если бы я не находил мотивов для такого поведения в моем природном расположении, мною двигал бы дух расчета; ибо после приобретения такой большой славы какие еще средства остались бы у меня, чтобы что-то дополнить к ней? Именно потому, что я хорошо понимал, что этот рой злоупотреблений

неизбежно существовал, потому что я желал сохранения моих подданных и стремился устранить все препятствия на пути подчиненной и промежуточной тирании, я задумал свою систему государственных тюрем, приспособленную к любому кризису, который мог произойти”. — “Да, сир, но она была далеко не хорошо принята в наших салонах и немало способствовала тому, что вы стали непопулярны. Повсюду раздавались крики протеста против *новых бастилий*, против обновления *художественной литературы*”. — “Я это очень хорошо знаю.” сказал император. “Этот крик был подхвачен всей Европой и вызвал у меня отвращение. И все же обратите внимание, каким сильным было влияние слов, отравленных вероломством! Все недовольство было вызвано главным образом нелепым названием моего указа, которое ускользнуло от меня по рассеянности или по какой-либо другой причине; ибо, в основном, я утверждаю, что сам закон оказал выдающуюся услугу и сделал свободу личности более полной и определенной во Франции, чем в какой-либо другой стране Европы.

“Учитывая кризис, из которого мы вышли, фракции, которыми мы были разделены, и заговоры, которые были задуманы и все еще замышлялись, тюремное заключение стало необходимым. На самом деле это было благо, поскольку заменяло эшафот. Но я желал закрепить это юридическими актами и сделать так, чтобы оно было вне досягаемости каприза, произвола власти, ненависти и мести. Никто, согласно моему закону, не мог быть заключен в тюрьму как государственный узник без решения моего тайного совета, который состоял из шестнадцати человек; первых, самых независимых и наиболее выдающихся деятелей государства. Какое недостойное чувство осмелилось бы подвергнуть себя разоблачению такого трибунала? Разве я добровольно не лишил себя права отправлять людей в тюрьму? Ни один человек не мог быть задержан дольше года без нового решения Тайного совета, и четырех голосов из шестнадцати было достаточно, чтобы добиться его освобождения. Два государственных советника были обязаны прислушаться к показаниям заключенных и с этого момента стали их ревностными защитниками в Тайном совете. Эти заключенные также находились под защитой Комитета по защите личной свободы, назначенного Сенатом, который был объектом публичных насмешек только потому, что не выставлял напоказ свои труды и их результаты. Его заслуги, однако, были велики; ибо предположение, что сенаторы, которым нечего было ожидать от министров и которые были равны им по рангу, не воспользовались бы своей прерогативой выступить против них и нападать на них всякий раз, когда важность дела требовала их вмешательства, свидетельствовало бы о недостаточном знании человечества. Следует также учитывать, что я возложил надзор за заключенными и тюремной полицией на трибуналы, что с этого момента парализовало осуществление любого рода произвольной власти другими ветвями администрации и их многочисленными подчиненными агентами. После таких мер предосторожности я без колебаний утверждаю, что гражданская свобода была настолько эффективно обеспечена этим законом во Франции, насколько это возможно. Общественность неправильно поняла или притворилась, что неправильно поняла эту истину, ибо мы, французы, должны роптать по любому поводу.

“Дело в том, что на момент моего увольнения в тюрьмах штата едва ли содержалось 250 человек, а я обнаружил в них 9000, когда стал консулом. Из списка тех, кто был заключен в тюрьму, и после изучения причин и мотивов их заключения станет ясно, что почти каждый из

них заслуживал смертной казни и был бы приговорен к ней в обычном судебном порядке; и, следовательно, из этого следует, что их заключение было, с моей стороны, оказанным им благом. Почему в настоящее время ничего не опубликовано против меня на эту тему? Где можно найти серьезные претензии, в которых меня упрекают? В действительности их нет. Если некоторые из заключенных впоследствии заслужили свои страдания перед королем благодаря своим усилиям в его пользу, разве они не вынесли таким образом свой собственный приговор и не засвидетельствовали мою справедливость? Ибо то, что в глазах короля может показаться добродетельным поступком, при мне, несомненно, было преступлением; и только потому, что мне претило пролитие крови из-за политических преступлений, и потому, что такие судебные процессы привели бы лишь к продолжению волнений и замешательства в сердце страны, я заменил наказание простым тюремным заключением.

“Я повторяю, французы в мое время были самыми свободными людьми во всей Европе, даже не исключая англичан; ибо в Англии, если какая-либо чрезвычайная опасность приведет к приостановлению действия закона *Habeas Corpus*, каждый человек может быть отправлен в тюрьму по простой воле министров, которые не призваны оправдывать свои мотивы или отчитываться за свое поведение. В моем законе были совсем другие ограничения”. В заключение он сказал: “И тогда, наконец, если, несмотря на мои добрые намерения и несмотря на мою предельную осторожность, все, что вы только что сказали, и, без сомнения, многие другие вещи, были хорошо обоснованы, это все еще не следует считать такой легкой задачей, как считается, создать благотворное учреждение для нации. Примечательно, что страны, которые были отделены от нас, пожалели о законах, с помощью которых я ими управлял. Это дань уважения их превосходству. Реальным и единственным способом вынести мне решительный приговор в отношении их недостатков было бы показать существование лучшего кодекса в любой другой стране. Приближаются новые времена, это будет видно” и т.д.

Около пяти часов великий маршал, только что покинувший императора, сообщил мне, что желает меня видеть. Он весь день просидел дома. Я застал его за осмотром нового бильярдного стола. Он опасался, что погода слишком сырая для прогулок, и до обеда играл в шахматы. Вечером он читал нам “Атрея и Тьесте” Кребийона. Эта пьеса показалась нам ужасной; мы сочли ее отвратительной и отнюдь не трагической. Император не смог ее закончить.

ЕГИПЕТ.—Сен—Жан Д'Акр.—ПУСТЫНЯ.-АНЕКДОТЫ.

21-го. Около трех часов император потребовал свою коляску. Он послал за мной, и мы вместе дошли до опушки леса, где он приказал подать экипаж, чтобы забрать его наверх. У меня были кое-какие подробности, не имеющие особого значения для сообщения, которые касались лично его. Во время нашей поездки мы заметили два судна, направлявшихся к острову.

За обедом император был очень разговорчив. Он только что участвовал в своей кампании в Египте, которой в течение некоторого времени пренебрегал и которая, по его словам, была бы столь же интересна, как романтический эпизод. Говоря о своей позиции в Сен-Жан-д'Акре, он заметил: —Это был, конечно, смелый поступок - расположиться таким образом в самом сердце Сирии, имея всего 12 000 человек. Я находился в 500 лигах от Дезэ, который составлял другой край моей армии. Сидней Смит рассказал, что я потерял 18 000 человек под Акрой, хотя моя армия состояла всего из 12 000 человек. Малоизвестный человек, М....., который, как казалось, только что окончил колледж, который ничего не смыслит в том, что он описывает, и чей единственный талант заключается в том, что он связывает несколько предложений вместе с

целью, без сомнения, превратить их в свое вознаграждение, брат, однако, того, кого я осыпал милостями и кто был членом моего Государственного совета, недавно опубликовал кое-что на эту тему, на которую я бросил взгляд, и которая раздражает меня из-за своей глупости и неблагоприятной окраски, которую он пытается придать славе и авторитету. подвиги этой армии.

“Если бы я был хозяином моря, я был бы хозяином Востока, и это было настолько осуществимо, что потерпело неудачу только из-за глупости или дурного поведения некоторых моряков.

Волни, который путешествовал по Египту до революции, высказал свое мнение, что эта страна не могла быть оккупирована без трех великих войн - против Англии, великого синьора и местных жителей. Последнее, в особенности, казалось ему трудным и ужасным. В этом отношении он совершенно ошибался, поскольку это не доставляло нам никаких хлопот. Нам даже удалось за короткое время подружиться с местными жителями и объединить их дело с нашим. Таким образом, горстки французов было достаточно, чтобы завоевать эту прекрасную страну, которую они никогда не должны были терять. Мы действительно совершили чудеса на войне и в политике. Наше начинание совершенно отличалось от крестовых походов; крестоносцы были бесчисленны, и их подгонял фанатизм. Моя армия, напротив, была очень мала, и солдаты были настолько далеки от того, чтобы одобрять это предприятие, что поначалу у них часто возникало искушение снять знамена и вернуться. Мне, однако, удалось познакомить их со страной, которая поставляла все в изобилии и по такой низкой цене, что однажды я был готов перевести их на половинное жалованье, чтобы отложить для них вторую половину. Я приобрел такое влияние на них, что мог бы простым приказом дня обратить их в мусульманство. Они отнеслись бы к этому как к шутке, население было бы удовлетворено, и сами христиане Востока сочли бы себя выигравшими и одобрили бы это, зная, что мы не могли сделать ничего лучшего для них и для самих себя.

“Англичане были поражены ужасом, увидев, что мы овладели Египтом. Мы показали Европе определенные средства отвоевать у них Индию. Они еще не избавились от своих опасений, и они правы. Если 40 или 50 000 европейских семей когда-либо преуспеют в создании своей промышленности, законов и правительства в Египте, Индия будет в большей степени потеряна для англичан из-за непреодолимого влияния обстоятельств, чем силой оружия”.

В течение вечера великий маршал напомнил императору об одной из своих бесед с математиком Монжем в Кутаке, посреди пустыни. “Что вы обо всем этом думаете, гражданин Монж?” - спросил Наполеон. “Ну, гражданин генерал, ” ответил Монж, “ я думаю, что если в этом месте когда-нибудь увидят столько экипажей, сколько в Оперном театре, то сначала на земном шаре должны произойти какие-нибудь замечательные революции”. Император от души рассмеялся при этом воспоминании. Однако, как он заметил, у него на месте была карета, запряженная шестеркой лошадей. Несомненно, это был первый подобный самолет, путешествовавший по пустыне, и, соответственно, он очень удивил арабов.

Император заметил, что пустыня всегда оказывала особое влияние на его чувства. Он никогда не пересекал ее, не испытывая определенных эмоций. Для него, по его словам, это был образ необъятности: казалось, у него нет границ, ни начала, ни конца; это был океан на твердой земле. Его воображение было в восторге от этого зрелища, и он получил удовольствие, обратив наше внимание на замечание, что Наполеон имел в виду *Льва Пустыни!*...

Император также рассказал нам, что, когда он был в Сирии, в Каире сложилось устойчивое мнение, что его там больше никогда не увидят, и он обратил внимание на воровство и дерзость маленького китайца, который был одним из его слуг. “Это был,” сказал он, “маленький уродливый карлик, который когда-то понравился Жозефине в Париже. Он был единственным китайцем во Франции; отныне она всегда будет сопровождать его в своем экипаже. Она взяла его с собой в Италию, но поскольку у него была постоянная привычка к воровству, она пожелала избавиться от него. С этой целью я взял его с собой в свою египетскую экспедицию. Египет помог ему преодолеть половину пути. Этому маленькому монстру было доверено заботиться о моем погребе, и не успел я пересечь пустыню, как он продал по очень низкой цене 2000 бутылок отличного кларета. Его единственной целью было заработать денег, и он был убежден, что я никогда не вернусь. Он нисколько не смутился моему возвращению, но радостно вышел мне навстречу и сообщил, как он сказал, как верный слуга, о пропаже моего вина. Ограбление было настолько вопиющим, что он сам был вынужден признаться в нем. Меня очень уговаривали повесить его, но я отказался, потому что, по строгой справедливости, я должен был поступить так же с теми в расшитых одеждах, которые сознательно купили и выпили вино. Я удовлетворился тем, что уволил его и отправил в Суэц, где он был волен делать все, что ему заблагорассудится”.

По этому поводу я должен заметить, что в этом месте мы были вынуждены на мгновение поверить в очень странное совпадение. Несколько месяцев назад нам сообщили, что на борту одного из китайских торговцев, которые в то время находились за пределами острова, возвращаясь в Европу, находился китаец, который сказал, что был на службе у императора в Египте. Император немедленно воскликнул, что это, должно быть, его маленький вор, историю которого я только что рассказал; но на самом деле это был повар Клебера.

Император внезапно прекратил разговор и, с большей веселостью, чем обычно, повернувшись к мадам Бертран, сказал с улыбкой: “Когда вы будете в своих апартаментах в Тюильри? Когда вы будете давать свои великолепные обеды послам? Но вам придется, по крайней мере, как мне сказали, приобрести новую мебель, поскольку, по слухам, мода полностью изменилась. Затем разговор, естественно, зашел о великолепии и роскоши, свидетелями которых мы были при императоре.

ОТЕЧЕСКИЙ СОВЕТ—ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ БЕСЕДА—КАЛИОСТРО; МЕСМЕР, ГАЛЛ, ЛАФАТЕР И К.

22—го.-Император пришел в мои апартаменты около 10 часов и повел меня гулять. Мы все позавтракали под деревьями. Погода была восхитительная, и жара, хотя и сильная, не была вредной для здоровья. Император приказал подать свой экипаж; двое из нас были с ним, а третий сопровождал нас верхом. Великий маршал не смог присутствовать. Император напомнил о некотором недоразумении, которое произошло между нами несколько дней назад. Он оценил наше положение и наши естественные потребности: “Вы обязаны, — сказал он, — когда однажды будете возвращены в мир, считать себя братьями из-за меня. Моя память продиктует тебе это поведение. Тогда будь таким с этого момента!” Затем он описал, как мы могли бы принести взаимную пользу друг другу, какие страдания в наших силах облегчить и так далее. Это было одновременно семейный и моральный урок, урок чувств и поведения. Это должно было быть написано золотыми буквами. Это длилось почти час с четвертью и, я думаю, никогда не будет забыто никем из нас. Что касается меня, то я никогда не забуду не только

принципы и слова, но и тон, выражение лица, действия и, прежде всего, то сердце, с которым он их излагал.

Около пяти часов император вошел в мои апартаменты, где я работал со своим сыном над главой о битве при Арколе. Он хотел мне что-то сказать, и я последовал за ним в сад, где он подробно пересказал разговор, состоявшийся в коляске....

Теперь мы обедали в старом топографическом кабинете, примыкающем к кабинету императора, и в апартаментах, которые раньше занимала семья Монтолон, которые с помощью книг и полок, недавно полученных из Англии, были превращены в сносную библиотеку.

Поскольку ущерб, нанесенный пожаром в салоне, требовал длительного ремонта, мы были вынуждены продолжать сидеть за столом в нашей новой столовой, пока император не удалился. Это обстоятельство, однако, придало разговору дополнительный интерес.

Император был сегодня очень общителен. Разговор зашел о снах, предчувствиях и предвидениях, которые англичане называют *вторым зрением*. Мы исчерпали все общеизвестные темы, обычно связанные с этими предметами, и, наконец, перешли к разговору о колдунах и призраках. В заключение император заметил: “Все это шарлатанство и многие другие, такие как шарлатанство Калиостро, Месмера, Галля, Лафатера и других, уничтожаются этим единственным и простым аргументом: *Все это может существовать, но этого не существует*.”

“Человек любит чудесное; оно обладает для него непреодолимым очарованием; он всегда готов отказаться от того, что находится под рукой, устремиться за тем, что придумано для него. Он добровольно поддается заблуждению. Правда в том, что каждая вещь в нас - чудо. Нет ничего, что можно было бы правильно назвать феноменом. Каждая вещь в природе - это феномен. Мое существование - это феномен. Дрова, которые подбрасывают в огонь и согревают меня, - это феномен; вон та свеча, которая дает мне свет, - это феномен. Все первопричины, мой разум, мои способности - это феномены; ибо все они существуют, и мы не можем дать им определения. Я прощаюсь с вами здесь, - сказал он, - и вот! Я в Париже, вхожу в свою ложу в Опере. Я кланяюсь публике; я слышу их одобрительные возгласы; Я вижу исполнителей; я слушаю музыку. Но если я могу преодолеть расстояние от острова Святой Елены, почему бы мне не преодолеть расстояние в столетия? Почему я не должен видеть будущее так же хорошо, как прошлое? Почему одно должно быть более необычным, более чудесным, чем другое? Единственная причина в том, что его не существует. Это аргумент, который всегда будет сводить на нет, без возможности ответа, все визионерские чудеса. Все эти шарлатаны занимаются очень остроумными спекуляциями; их рассуждения могут быть справедливыми и соблазнительными, но их выводы ложны, потому что они не подкреплены фактами.

“Месмер и месмеризм так и не оправились от удара, нанесенного им докладом Байи от имени Академии наук. Месмер производил воздействие на человека, намагничивая его к своему лицу, но тот же самый человек, намагниченный сзади, сам того не подозревая, не испытывал никакого воздействия. Именно поэтому, со своей стороны, ошибку воображения, дебильного чувства; это был акт [somnabulesomnabule](#), кто ночью бежит по крыше без какой-либо опасности, потому что он не боится, но кто бы сломать себе шею в тот день, потому что его чувства не посрамили его.

“Однажды на одной из моих публичных аудиенций я напал на шарлатана Пуйсегюра за его сомнабулизм, somnambulism. Он бы принял очень возвышенный тон: я низвел его до должного уровня всего лишь этими словами: "Если ваше учение так поучительно, пусть оно скажет нам что-нибудь новое!" Человечество, без сомнения, добьется очень большого прогресса в ближайшие двести лет; пусть оно укажет любое отдельное улучшение, которое должно произойти в течение этого периода! Пусть оно подскажет мне, что я должен сделать в течение следующей недели! Пусть он объявит номера лотереи, которая будет разыграна завтра!

“Я поступил точно так же с Галлом и внес большой вклад в дискредитацию его теории. Корвизар был его главным последователем. Он и его коллеги имеют большую склонность к материализму, который рассчитан на усиление их теории и влияния. Но природа не так уж бедна. Если бы она была настолько неуклюжей, чтобы заявить о себе внешними формами, мы бы делали свое дело быстрее и знали гораздо больше. Ее секреты более утонченны, более деликатны, более недолговечны и до сих пор ускользали от самых тщательных исследований. Мы находим великого гения в маленьком горбуне, а человек с прекрасным командирским характером оказывается глупцом. Большая голова с большим мозгом иногда лишена единой идеи, в то время как маленький мозг обладает обширным пониманием. И обратите внимание на идиотизм Желчи. Он приписывает определенным выступлениям склонности и преступления, которых нет в природе, а возникают исключительно из общества и общепринятых обычаев человечества. Что стало бы с распространением воровства, если бы не было собственности; с пьянством, если бы не было перебродивших напитков; и с честолубием, если бы не было общества?

Те же замечания применимы к этому вопиющему шарлатану Лафатеру с его физическими и моральными связями. Наша доверчивость коренится в недостатке нашей природы. Нам присуще желать приобретения позитивных идей, в то время как мы должны, напротив, быть тщательно остерегающимися их. Едва взглянув на черты лица человека, мы притворяемся, что знаем его характер. Нам следует быть достаточно мудрыми, чтобы отвергнуть эту идею и нейтрализовать эту обманчивую внешность. Меня ограбил человек с серыми глазами, и с этого момента я никогда не смогу смотреть в серые глаза без мысли, страха быть ограбленным? Оружие ранило меня, и я боюсь его везде, где вижу; но были ли это серые глаза, которые ограбили меня? Разум и опыт, а я смог извлечь большую пользу из того и другого, доказывают, что все эти внешние признаки - сплошная ложь; что мы не можем быть слишком строго осторожны с ними и что единственный верный способ оценить человечество и получить его полное знание - это попробовать его и общаться с ним. В конце концов, мы встречаемся с лицами настолько отвратительными, что следует допустить” (и в качестве примера он описал одно из них; это было лицо губернатора), “что самый могущественный разум сбит с толку и осуждает их вопреки себе”.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СЕРИЯ НЕПРИЯТНОСТЕЙ И Т. Д.

23 день.—Император зашел ко мне около трех часов. Он пожелал прогуляться. У него был мрачный вид, и он сильно страдал со вчерашнего дня. Он серьезно пострадал от сильной жары во время поездки в коляске. Он заметил новую наружную дверь, которая изготавливалась и которая изменила бы весь интерьер топографического кабинета и бывшей квартиры мадам Монтолон. С ним не посоветовались по этому поводу, и он был чувствительно тронут этим. Он немедленно послал за человеком, который дал указания, и жалкие причины, которые он назвал,

только еще больше разозлили его. Мы вышли прогуляться, но, казалось, было решено, что в этот вечер все должно раздражать и приводить его в дурное расположение духа. По пути он увидел несколько английских офицеров и почти в гневе отвернулся от них, заметив, что вскоре ему будет невозможно высунуть ногу на улицу. В нескольких шагах от него к нему присоединился Доктор, который подошел, чтобы рассказать ему, достаточно не по сезону, о некоторых приготовлениях, которые делались для него (Императора), и спросить его мнение по этому поводу. Это была одна из тем, которая, возможно, ранила его чувства больше всего. Он ничего не ответил, его обычное средство против разочарования; но на этот раз он хранил молчание с раздражением, которое не мог скрыть. Он поравнялся с экипажем и сел в него, но по дороге мы встретили еще нескольких английских офицеров, и тогда он внезапно приказал кучеру галопом отъезжать в другом направлении.

Однако новый дверной проем, который был сделан в доме без его ведома и который он находил таким неудобным, все еще лежал тяжестью у него на сердце. Он собирался облегчить ношу, оживленно поигрывая с женой человека, который это заказал и который случайно оказался в коляске. “А, ” сказал он, “ вы здесь? Ты в моей власти; ты заплатишь наказание. Виновен муж; это жена должна ответить за него ”. Но вместо того, чтобы смириться с тем смыслом, в котором были произнесены эти слова, что она могла бы сделать без малейших неудобств и с уверенностью в удовлетворительном результате, она упорно оправдывала своего мужа и повторяла причины, которые лишь усиливали его недовольство. Наконец, чтобы дополнить главу о взаимных намерениях, один из нас, обнаружив палатки в лагере, сообщил ему, что эволюции и маневры предыдущего дня были посвящены празднованию одной из великих побед, одержанных англичанами в Испании, и что полк, который их осуществил, был почти уничтожен в том сражении. “Полк. Сэр, враг никогда не уничтожает его; он увековечен”, - был его единственный ответ. Это правда, что он был произнесен очень сухо.

Что касается меня, то я в тишине размышлял над этим скоплением противоречий, которые наносили такие повторяющиеся удары за столь короткое время. Это был драгоценный момент для наблюдателя. Я оценил унижение, которое они должны были вызвать, и с восхищением отметил, как мало он выдал себя. Я сказал себе: это *несговорчивый человек*, это *тиран*! Можно было бы предположить, что он знал, что происходило у меня на уме, потому что, когда мы вышли из коляски и были на несколько шагов впереди остальных, он тихо сказал мне: “Если тебе нравится изучать человечество, узнай, как далеко может зайти терпение, и все, с чем человек может мириться”, и т. Д.

Вернувшись, он заказал чай; я никогда не видел, чтобы он его пил. Мадам де Монтолон впервые оказалась во владении своим новым салоном. Он пожелал посмотреть на это и заметил, что ей будет гораздо удобнее, чем любому из нас. Он вызвал огонь и сыграл в шахматы с несколькими из нас подряд. К нему постепенно вернулось его природное самообладание, и он немного поел за обедом, что полностью восстановило его силы. Он не отказывал себе в беседе и снова возвращался к своим ранним годам, которые всегда обладали для него новым очарованием. Он много рассказывал о своих ранних знакомых и о трудностях, с которыми некоторые из них столкнулись, добиваясь доступа к нему после его возвышения, и заметил, что “если порог его дворца и был непроходим, то это было вопреки его воле. Каково же тогда, - сказал он, - должно быть положение других государей в этом отношении!”

Мы продолжали беседовать до одиннадцати, не замечая позднего часа.

МАДАМ ДЕ Б. — АНЕКДОТЫ ОБ ЭМИГРАНТАХ.

24—го.- Сегодня император попробовал бильярдный стол, который только что поставили, и вышел, но из-за очень сырой погоды он почти сразу вернулся.

Перед обедом он беседовал со мной в своей квартире об эмигрантах, и было упомянуто имя мадам де Б....., которая была *дамой д'атур* мадам и была очень заметна в начале наших отношений. Император заметил: “Но разве эта мадам де Б.... не очень опасная женщина?” — “Конечно, нет, - ответил я. - напротив, она одна из лучших женщин в мире, с большим умом и отличными суждениями”. “Если это так, ” сказал император, - то у нее должно быть много причин жаловаться на меня. Это болезненное последствие ложных представлений; на нее указали как на очень опасную личность”. — Да, сир, вы сделали ее очень несчастной. Мадам де Б.... полагала все свое счастье в прелестях общества, а вы изгнали ее из Парижа. Я встретился с ней во время одной из моих миссий, когда она находилась в пределах своей провинции и изнывала от досады, однако она не выразила никакого негодования против вашего Величества и говорила о вас с большой сдержанностью”. “Ну что ж! почему вы не пришли ко мне и не исправили меня?” — “Ах, сир, ваш характер был тогда нам так мало известен по сравнению с тем, что я знаю о нем сейчас, что я не осмелился бы сделать этого. Но я упомяну анекдот о мадам де Б., когда она была в Лондоне, во время прилива нашей эмиграции, который познакомит вас с ней лучше, чем все, что я мог бы рассказать. Во время вашего поступления в консульство человек, только что прибывший из Парижа, был приглашен на небольшую вечеринку в ее дом. Он привлек внимание компании из-за всех подробностей, которые ему пришлось сообщить относительно места, которое интересовало нас так материально. Ему задали несколько вопросов о консуле. Он, по его словам, долго не проживет, он восхитительно *желтоват*. Таковы были его слова. Он мало-помалу оживился и провозгласил тост — За смерть Первого консула! О ужас! мгновенно вырвалось восклицание мадам де Б..... Что, выпить за смерть ближнего! От стыда! Я предложу гораздо лучшее: за здоровье короля!”

“Что ж, - сказал император, - я повторяю, что я очень дурно обошелся с ней из-за тех представлений, которые мне были сделаны. Мне описали ее как человека, увлекающегося политическими интригами и примечательного горечью своего сарказма. И это наводит меня на мысль о выражении, которое, возможно, ошибочно приписывается ей, но которое, однако, поразило меня исключительно своим остроумием. Меня уверяли, что выдающаяся особа, которая была очень привязана к ней, была охвачена приступом ревности, для которой она ясно доказала, что не давала повода. Однако он настаивал и заметил, что она должна знать, что жена цезаря должна быть свободна от подозрений. Мадам де Б..... ответила, что это замечание содержит две важные ошибки, поскольку всему миру было известно, что она не была его женой и что он не был цезарем”.

После обеда император прочел нам отрывки из комедий “Рассеянец” и “Глорье”, но они ему так не понравились, что он остановился; они не представляли достаточного интереса. У него сильно болел правый бок. Это было следствием сырости, которой он подвергся во время утренней прогулки, и мы не были лишены опасений, что это симптом обычной болезни в этом знойном климате.

Вернувшись домой, я нашла письмо из Англии и посылку с кое-какими принадлежностями для моего туалета. Военный корабль “Грифон” только что прибыл из Англии.

ИМПЕРАТОР ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМА ОТ СВОЕЙ СЕМЬИ.—БЕСЕДА С АДМИРАЛОМ.—УПОЛНОМОЧЕННЫЕ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ.

25—го. Около девяти часов я получил от великого маршала три письма для императора. Они были от мадам Мер, принцессы Полины и принца Люсьена. Последнее было вложено в письмо, адресованное мне из Рима принцем Люсьеном, датированное 6 марта. Я также получил два от моего агента в Лондоне.

Император провел все утро за чтением газет с 25 апреля по 13 мая. В них содержались сообщения о смерти императрицы Австрии, переносе срока полномочий французских палат, оправдании Камбрана, осуждении генерала Бертрана и т. Д. Он сделал много замечаний по всем этим темам.

Около трех адмирал Малькольм попросил представить его императору. Он принес ему серию "Журнала дебатов" за 13 мая. Император пожелал, чтобы я представил его, и беседовал с ним почти три часа. Он доставил большое удовольствие императору, который с первого момента отнесся к нему с большой свободой и добродушием, как к старому знакомому. Адмирал полностью придерживался его мнения по большому количеству вопросов. Он признал, что сбежать с острова Святой Елены было чрезвычайно трудно, и он не видел никаких неудобств в том, чтобы позволить ему находиться на свободе на острове. Он считал абсурдным, что Плантационный дом не был передан императору, и чувствовал, но только с момента своего прибытия, признался он, что звание генерала может быть оскорбительным. Ему пришло в голову, что поведение леди Лаудон было нелепым здесь и вызвало бы смех в Лондоне. Он думал, что у губернатора были добрые намерения, но он не знал, как действовать. Министры, по его мнению, были смущены по отношению к императору, но не питали к нему ненависти; они не знали, как от него избавиться. Если бы он остался в Англии, он был бы и остается ужасом для Континента; он был бы слишком опасным и эффективным инструментом в руках Оппозиции и т. Д. Однако он опасался, что все эти обстоятельства, вместе взятые, задержат нас здесь надолго; и он выразил уверенность, что министры намеревались, за исключением необходимых мер предосторожности для предотвращения его побега, чтобы к Наполеону относились со всей возможной снисходительностью на острове Святой Елены и т. Д. Он высказался по всем этим пунктам в такой удовлетворительной манере, что император обсудил с ним это дело так без особой теплоты, как будто его это не касалось.

В какой-то момент император произвел на него осязаемое впечатление; это было тогда, когда, ссылаясь на уполномоченных, он указал на невозможность принять их. "В конце концов, сэр, " сказал он, " мы с вами мужчины. Я обращаюсь к вам: возможно ли, чтобы император Австрии, на дочери которого я женился, который на коленях умолял об этом союзе, который сдерживает мою жену и моего сына, прислал мне своего Уполномоченного без строчки от моего имени, без малейшего клочка бюллетеня о здоровье моего сына? Могу ли я принимать его последовательно? Могу ли я что-нибудь сообщить ему? Я могу сказать то же самое о Комиссаре, присланном Александром, который гордился тем, что называл себя моим другом, с которым я действительно вел политические войны, но лично не ссорился. Прекрасно быть Сувереном, но из-за этого мы не имеем меньшего права на то, чтобы с нами обращались как с мужчинами; в настоящее время я не претендую ни на какой другой характер! Неужели все они лишены чувств?

Будьте уверены, сэр, что, когда я возражаю против звания генерала, я не обижаюсь. Я отказываюсь от этого просто потому, что это было бы признанием того, что я не был императором; и в этом отношении я защищаю честь других больше, чем свою собственную. Я защищаю честь тех, с кем я был в этом звании связан договорами, семейными и политическими союзами. Единственным из этих Уполномоченных, которого я, возможно, мог бы принять, был бы представитель Людовика XVIII, который мне ничего не должен. Этот комиссар долгое время был моим подчиненным, он действует просто в соответствии с обстоятельствами, независимо от своего выбора; и я принял бы его соответствующим образом завтра, если бы не опасался искажений, которые имели бы место, и ложной окраски, которая была бы придана обстоятельствам”.

После обеда император снова заговорил о времени своего консульства, о многочисленных заговорах, которые были составлены против него, о знаменитых личностях того периода и т. Д. Я уже довольно подробно останавливался на этих темах. Беседа продолжалась до часу ночи — очень необычный час для нас.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР. —РАСХОДЫ, СБЕРЕЖЕНИЯ, ОХОТНИЧЬИ ЗАВЕДЕНИЯ, КОНЮШНИ, ПАЖИ, СЛУЖБА ЧЕСТИ И Т. Д.

26-28—го. Наш обычный образ жизни: проветривание в вагоне в середине дня; разговоры ночью.

27-го числа император ненадолго принял полковника, родственника семьи Уолша Серранта, который возвращался с мыса Хейкомб и на следующий день должен был отплыть в Европу. Он был губернатором Бурбона и развлекал нас множеством приятных подробностей, касающихся этого острова.

После ужина разговор зашел о старом и новом Дворах, об их устройстве, расходах, этикете и так далее. Я уже упоминал большинство из этих моментов в другом месте, и многие из них были повторены в данном случае. Я опускаю то, что могло бы показаться буквальным повторением.

Императорский двор был во всех отношениях гораздо великолепнее, чем что-либо виденное до того периода, и все же, сказал он, расходы были бесконечно меньшими. Эта огромная разница была вызвана пресечением злоупотреблений и введением порядка и регулярности в отчетности. Его охотничье хозяйство, за исключением некоторых бесполезных и нелепых деталей, как, по его словам, соколиная охота и некоторые другие, было столь же великолепным, столь же многочисленным и столь же поразительным, как у Людовика XVI., и ежегодные выплаты, как он заверил нас, составляли всего 400 000 франков, в то время как у короля они составлялись миллионы. Его стол был сервирован по той же системе. Дюрок, благодаря своей регулярности и строгости, творил чудеса в этом отношении. При королях дворцы не содержались в мебелировке, и одни и те же предметы переносились из одного дворца в другой; людям, принадлежащим ко Двору, не разрешалось иметь никакой мебели, и каждый был обязан заботиться о себе сам. Напротив, при нем не было ни одного человека, который не был бы обеспечен в отведенной ему квартире с таким же комфортом или даже в большей степени всем необходимым или подходящим, чем в его собственном доме.

Императорский конный завод стоил три миллиона, расходы на лошадей составляли в среднем 3000 франков за лошадь в год. Паж стоил от 6 до 8000 франков. Это заведение, по его словам,

было, пожалуй, самым дорогим во дворце, и, соответственно, образование пажей и забота о них были предметом справедливых похвал. Первые семьи империи заботились о том, чтобы отдать туда своих детей, и у них были на то веские причины, сказал император.

Что касается придворного этикета, император сказал, что он был первым, кто отделил *службу чести* (выражение, изобретенное при нем) от того, что было абсолютно необходимо. Он отказался от всего, что было трудоемким и существенным, и заменил все то, что было только номинальным и декоративным. “Короля, - сказал он, - нельзя найти в природе, он просто создание цивилизации. Голых королей не бывает; все они должны быть одеты” и т.д.

Император заметил, заметил, что никто не мог быть лучше осведомлен о природе и взаимосвязи всех этих вопросов, чем он сам; потому что все они были урегулированы им в соответствии с прецедентами прошлых времен, из которых он отсекал все нелепое и сохранил все, что казалось подходящим.

Разговор продолжался до одиннадцати часов. Все прошло в сносном духе, и император, покидая нас, снова заметил, что, в конце концов, мы, должно быть, добродушные люди, раз можем вести такую довольную жизнь на острове Святой Елены.

СВЕЖИЙ ПРИМЕР ЗЛОНАМЕРЕННОСТИ ГУБЕРНАТОРА И Т. Д. — ОТЧАЯННЫЙ ПРОЕКТ КОРСИКАНЦА САНТИНИ.

29-е число. Погода была плохой в течение нескольких дней; император воспользовался удобным промежутком времени, чтобы осмотреть палатку, которую адмирал в очень изящной манере распорядился поставить для своего жилья командой своего корабля, услышав, как он жаловался в ходе беседы на недостаток тени и на невозможность насладиться свежим воздухом вне своих апартаментов. Император переговорил с офицером и матросами, которые прикладывали последние усилия к этой работе, и приказал выдать каждому из матросов по наполеону.

Сегодня мы узнали, что последнее судно доставило для императора книгу о состоянии государственных дел, написанную, как было сказано, членом парламента. Оно было отправлено самим автором, и на внешней стороне золотыми буквами были начертаны следующие слова: *Наполеону Великому*. Это обстоятельство побудило губернатора приостановить работу, и строгость с его стороны составляла странный контраст с его стремлением снабдить нас клеветой, в которой так неуважительно обращались с императором.

Во время обеда император, повернувшись с суровым видом к одному из прислуживавших слуг, воскликнул, к нашему крайнему ужасу: “Так значит, убийца, ты намеревался убить губернатора!— Негодяй!— Если такая мысль когда-нибудь снова придет вам в голову, вам придется иметь дело со мной; вы увидите, как я буду вести себя с вами.” А затем, обращаясь к нам, он сказал: “Джентльмены, это Сантини, который решил убить губернатора. Этот негодяй собирался втянуть нас в неприятную историю. Я счел необходимым приложить весь свой авторитет, все свое негодование, чтобы сдержать его”.

Чтобы объяснить эту экстраординарную сделку, мне необходимо отметить, что Сантини, который ранее был приставом императорского кабинета и чья чрезвычайная преданность

побудила его следовать за своим хозяином и служить ему, независимо от того, по его словам, в каком качестве, был корсиканцем с глубокими чувствами и горячим воображением. Взбешенный дурным обращением губернатора, не в состоянии большетерпеливо сносить оскорбления, которые, как он видел, сыпались на императора, раздраженный ухудшением его здоровья и впавший в рассеянную меланхолию, он некоторое время не работал по дому и, под предлогом того, что добывал немного дичи для императорского стола, занимался, по-видимому, охотой по соседству. В минуту откровенности он сказал своему соотечественнику Сиприани, что с помощью своего двустольного ружья разработал план убийства губернатора, а затем покончил с собой. И все это, сказал он, для того, чтобы избавить мир от чудовища.

Сиприани, знавший характер своего соотечественника, был потрясен его решимостью и сообщил об этом нескольким другим слугам. Все они объединились, умоляя его отказаться от своего замысла, но их усилия, вместо того чтобы смягчить его, казалось, только разжигали его раздражение. Тогда они решили сообщить об этом проекте императору, который немедленно привел его к себе: “И только, - сказал он мне некоторое время спустя, - с помощью императорской, папской власти мне, наконец, удалось заставить негодяя полностью отказаться от своего проекта. Понаблюдайте на мгновение за роковыми последствиями, которые он собирался произвести. Я также должен был бы сойти за убийцу губернатора, и на самом деле было бы очень трудно разрушить такое впечатление в сознании большого количества людей”.

Император прочел нам "Смерть Помпеи", о которой в журналах говорилось как о предмете всеобщего интереса в Париже из-за ее политических намеков. И это дало повод к замечанию, что правительство было вынуждено запретить представление Ричарда, и что, конечно же, пятого и шестого октября Людовик XVI. мало кто думал о том, что его когда-либо запретят за отсылки к другому. “Дело в том, что времена чудесным образом изменились”, - сказал император.

30—го. Император, прогулявшись несколько раз по саду, направился в апартаменты генерала Гурго, где он долгое время работал со своим циркулем и карандашом над нанесением побережья Сирии и планом Сен-Жан д'Акр, который генерал должен был выполнить. Отмечая некоторые моменты в Акко, он сказал: “Я пережил там много неприятных моментов”.

Вечером у нас была Свадьба Фигаро, которая развлекла и заинтересовала нас гораздо больше, чем мы могли ожидать. “Это была, - заметил император, закрывая книгу, - Революция, уже приведенная в действие”.

МЕЛАНИ ЛА АРПА.—МОНАХИНИ.—МОНАСТЫРИ.—МОНАХИ ЛА ТРАПП.— ФРАНЦУЗСКОЕ ДУХОВЕНСТВО.

31—го.- Около трех часов дня погода была ужасной, и император едва смог добраться до салона мадам де Монтолон. Там он некоторое время развлекался чтением "Тысячи и одной ночи", а потом, увидев том "Монитера", над которым тогда работал г-н де Монтолон и который был открыт в той части, которая касалась переговоров о морском перемирии в 1800 году, все его внимание было поглощено ими более чем на час.

После обеда император прочитал сначала "Прекрасную мать", которая вызвала у нас интерес, а затем "Историю Ла Арпы", которая, по его мнению, была неудачно задумана и очень плохо

исполнена. “Это была, ” сказал он, “ напыщенная декламация, в полном соответствии со вкусом времени, основанная на модной клевете и абсурдной лжи. Когда Ла Гарп писал это произведение, отец, конечно, не имел права заставить свою дочь принять постриг; законы никогда бы этого не допустили. Эта пьеса, поставленная в начале революции, была обязана своим успехом исключительно экстравагантности общественного мнения. Теперь, когда страсти улеглись, ее следует признать жалким спектаклем! Все персонажи Ла Гарпа неестественны. Ему не следовало нападать на неполноценные учреждения с неполноценным оружием ”.

Император сказал, что Ла Гарп настолько потерпел неудачу в достижении своей цели, исходя из своих собственных впечатлений, что все его чувства были на стороне отца, в то время как он был шокирован поведением дочери. Он никогда не видел этого представления без искушения вскочить со своего места и крикнуть дочери: “Тебе стоит только сказать ”Нет“, и мы все встанем на твою сторону; ты найдешь защитника в каждом гражданине”.

Он заметил, что, когда служил в своем полку, часто был свидетелем церемонии принятия пострига. “Это была церемония, на которой очень много полицейских, и которая вызвала наше возмущение, особенно когда жертвы были красивыми. Мы толпами бежали на нее, и наше внимание было приковано к малейшему инциденту. Если бы они только сказали ”Нет“, мы бы уничтожили их с мечом в руке. Следовательно, ложно утверждать, что применялось насилие: использовались только средства обольщения. Возможно, тех, на ком они практиковались, держали в изоляции, как новобранцев. Дело в том, что прежде чем они это сделали, им пришлось пройти испытание монахинями, настоятельницей, духовным наставником, епископом, гражданским служащим и, наконец, зрителями. Можно ли предположить, что все они сговорились участвовать в совершении преступления?”

Император заявил, что он враг монастырей вообще, как бесполезных и приводящих к унижительному бездействию. Однако, с другой точки зрения, он допускал, что в их пользу могут быть приведены определенные доводы. Лучший *mezzo termine*, и он принял его, заключался, по его мнению, в том, чтобы терпимо относиться к ним, обязывать членов церкви приносить пользу и допускать только ежегодные обеты.

Император жаловался, что у него не было достаточно времени, чтобы завершить создание своих институтов. В его намерения входило расширить учреждения Сен-Дени и Экуэна, чтобы предоставить убежище вдовам солдат или женщинам преклонных лет. “И затем, - добавил он, - следует также признать, что у них были характеры и воображение всех видов; что принуждение не следует применять в отношении эксцентричных людей, при условии, что их странности безвредны, и что в империи, подобной Франции, могут и должны быть дома для сумасшедших, называемые *траппистами*. Относительно последнего, ” заметил он, “ если бы кто-нибудь когда-либо подумал о том, чтобы навязать другим дисциплину, которую они практиковали, это было бы справедливо сочтено самой отвратительной тиранией, и что, несмотря на это, это могло бы доставить удовольствие тому, кто добровольно применял ее к себе. Таков человек, таковы его прихоти или безумства!... Он терпел монахов с горы Сенис, но они, по крайней мере, - добавил он, - были полезны, очень полезны, и их можно даже назвать героями”.

Император высказался в своем Государственном совете следующими словами, когда готовилась организация Университета: “Я считаю, что монахи были бы гораздо лучшим органом для распространения знаний, если бы можно было держать их под надлежащим контролем и

вывести из зависимости от иностранного учителя. Я склонен относиться к ним благосклонно. Возможно, у меня была бы власть восстановить их в их учреждениях, но они сделали это невозможным. В тот момент, когда я делаю что-либо для духовенства, они дают мне повод раскаться в этом. Я не жалею на старое устоявшееся духовенство, ибо им я достаточно доволен; но молодые священники воспитаны в мрачной фанатичной доктрине; в молодом духовенстве нет ничего галликанского.

“Мне нечего сказать против старых епископов. Они показали, что благодарны за то, что я сделал для религии; они оправдали мои ожидания.

“Кардинал де Буажелен был разумным человеком с добродетельным характером, который преданно усыновил меня.

“Архиепископ Турский Барраль, человек с большими познаниями, оказавший нам существенную услугу в наших разногласиях с Папой, всегда был очень привязан ко мне.

“Достойный кардинал дю Беллуа и добродетельный епископ Роклор питали ко мне искреннюю привязанность.

“Я без каких-либо затруднений причислил епископа Боссе к Высокопоставленным лицам Университета, и я убежден, что он был одним из тех, кто в этом качестве самым искренним образом вел себя в соответствии с моими взглядами.

“Все эти старые епископы пользовались моим доверием, и ни один из них не обманул меня. Немало странного в том, что те, на кого у меня было больше всего причин жаловаться, были именно теми, кого я избрал сам; поэтому совершенно верно, что святое помазание, хотя и присоединяет нас к царству Небесному, не избавляет нас от земных немощей, от ее неправильностей, ее непристойностей, ее порочности ”.

Затем разговор зашел о нехватке священников во Франции, об обязательности привлечения их в возрасте шестнадцати лет и о трудности, даже невозможности найти кого-либо в двадцать один год.

Император пожелал, чтобы они были рукоположены в более преклонном возрасте. Ответ епископов и самого папы был таким: “Это очень хорошо: ваши доводы очень справедливы; но если вы будете ждать этого периода, вы не найдете никого, кого можно было бы рукоположить, и все же вы признаете, что нуждаетесь в них”.

“Я не сомневаюсь, ” заметил император, “ что после меня будут приняты другие принципы. Призыв священников и монахинь, возможно, будет рассматриваться во Франции, как в мое время рассматривался призыв в армию. Мои казармы, возможно, будут превращены в монастыри и семинарии. Так устроен мир. Бедные нации! Несмотря на все ваши знания, всю вашу мудрость, вы, как отдельные личности, остаетесь рабами модного каприза”.

Был почти час ночи, когда император удалился к себе. По его словам, это была настоящая победа над скукой и большое облегчение от недостатка сна.

МАРИЯ—АНТУАНЕТТА.—ПРАВЫ ВЕРСАЛЯ.—АНЕКДОТ.—БЕВЕРЛИ.-"ОТЕЦ СЕМЬИ"ДИДРО.

1 августа. Погода была ужасная. Около трех часов дня главный маршал пришел меня искать; но поскольку я в этот момент отважился выйти, меня нигде не было. Это было из-за какого-то англичанина, которого он должен был представить императору.

Император послал за мной в пять часов; он был не в духе, и, по его словам, не на шутку из-за меня. Визит англичан, плохая погода, отсутствие салуна и переводчика - все это вместе взятое разозлило его.

Он читал "Буаи Замка", которые, как он заметил, были утомительными, и он оставил их ради Рассказов о Маргарите, королеве Наваррской.

Впоследствии он обратился к Версалю; двор, королева, мадам Кампан и король были главными объектами его замечаний, и он сказал много вещей, некоторые из которых я уже заметил. В заключение он заметил, что Людовик XVI. был бы идеальным образцом в личной жизни, но он был жалким королем; и что королева, без сомнения, всегда была бы украшением любого круга, но ее легкомыслие, непоследовательности недостаток способностей немало способствовали развитию и ускорению катастрофы. Он отметил, что она вывела из строя манеры Версаля; его древняя серьезность и строгий этикет превратились в свободные манеры и абсолютную болтовню частной вечеринки. Ни один здравомыслящий и влиятельный человек не мог избежать шуток молодых придворных, чья природная склонность к остроумию обострилась от аплодисментов молодой и красивой Государыни.

Был рассказан один из самых характерных анекдотов того времени. Галантный и достойный немецкий генерал прибыл в Париж со специальной рекомендацией королеве от императора Иосифа, ее брата. Королева подумала, что не может оказать ему большей услуги, чем пригласить его на одну из своих частных вечеринок. Легко себе представить, что в такой компании он чувствовал себя немного не в своей тарелке, но все желали относиться к нему с подчеркнутым уважением, и он был вынужден принять ведущее участие в разговоре. Ему не повезло с выбором тем и с манерой их излагать. Он много говорил *освоей белой кобыле и своей серой кобыле*, которую ценил превыше всего. Эта тема вызвала ряд лукавых расспросов со стороны молодых придворных по тысяче несерьезных моментов, на которые у него хватило добродушия ответить, как будто они были чем-то важным. В заключение один из них спросил, кому из двух он отдает решительное предпочтение: "Действительно," ответил генерал с особой значительностью, "я должен признаться, что, если бы я был в день битвы на своей белой кобыле, я не думаю, что спешил бы, чтобы сесть на свою серую". Наконец он отвесил поклон, и последовавшие за этим взрывы смеха можно легко себе представить. После его ухода разговор принял другой оборот; долго и изобретательно обсуждалась привлекательность белых и смуглых красавиц, и, когда королева спросила одного из гостей, кого он предпочитает, он немедленно принял серьезный вид и, подражая торжественному тону австрийца, ответил: "Право, мадам, я должен признаться, что если бы я был в день битвы на ..." "Достаточно," вмешалась королева, "избавьте нас от остальных".

После ужина он прочел нам "Бeverли" и "Отца семейства". Последний, в частности, вызвал его неодобрение. Нам это показалось ничтожным произведением. Что больше всего позабавило императора, как он сказал, так это то, что книга принадлежала Дидро, этому Корифею

философов и Энциклопедии. Все, что в ней содержалось, было, по его словам, ложным и нелепым. Император приступил к долгому изучению деталей и в заключение сказал: “Зачем рассуждать с сумасшедшим в разгар бушующей лихорадки? Ему нужны лекарства и решительный способ лечения. Кто не знает, что единственная защита от любви - это бегство? Когда Ментор хочет обезопасить Телемаха, он бросает его в море. Когда Улисс пытается спастись от Сирен, он приказывает крепко связать себя, предварительно заткнув уши своих товарищей воском”.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЭМИГРАЦИИ В КОБЛЕНЦ. — АНЕКДОТЫ И др.

2. — Непрерывная плохая погода с проливными дождями. Императору было нехорошо; он чувствовал, что его нервы очень расшатаны.

Он пригласил меня позавтракать с ним. Во время всего завтрака и долгое время после него разговор снова зашел об эмиграции. Я уже отмечал, что он часто возвращал меня к этой теме. Его сегодняшние расспросы были направлены на выяснение подробностей того, что произошло в Кобленце, нашего положения, нашей диспозиции, нашей организации, наших взглядов и наших ресурсов, и в конце всех моих ответов он в заключение заметил: “Вы уже несколько раз познакомили меня со значительной частью этих вещей, и все же я не сохраняю их, потому что вы сообщаете о них нерегулярно. Сведите их к последовательному историческому обзору. Как бы вам лучше устроиться в этом месте? И тогда, мои дорогие Лас Кейсы, у вас под рукой будет статья для вашего журнала.” Это требование было похоже на то, с которым Дидона обратилась к Эней, и я тоже мог бы воскликнуть: *Infandum regina, jubes ...* однако я выполнил набросок настолько полно, насколько мне позволяли моя память и здравый смысл, потому что объект начал стареть, а я был в то время очень молод. Вскоре после прочтения я отдаю его Наполеону.

“Сир, после известных событий, которые свергли Бастилию и подняли волнение по всей Франции, большинство наших принцев, оказавшихся замешанными в последствиях, бежали из страны с единственной целью в тот период обеспечить свою личную безопасность. Вскоре после этого к ним присоединились лица значительного положения и несколько молодых людей; первых побудила связь, которую они имели с ними, а вторых - убеждение, что мера сама по себе в какой-то степени свидетельствует о поразительной, щедрой и решительной преданности. Когда было собрано определенное число людей, возникла идея использовать в политических целях то, что до тех пор создавалось исключительно усердием и случайностью. Считалось, что если бы с помощью этих собраний можно было создать своего рода небольшую державу, она могла бы с выгодой воздействовать на внутренние районы, стать рычагом восстания там, произвести впечатление на общественное сознание и сдержать народные волнения; в то время как за границей это было бы названием или предлогом для обращения к иностранным державам и привлечения их внимания. Таково было происхождение эмиграции; и с уверенностью утверждается, что эта грандиозная идея была задумана М. де Калоном,^[3] когда он проезжал через Швейцарию в свите одного из наших принцев, который направлялся из Турина в Германию.

Первое собрание состоялось в Вормсе при принце де Конде. Самым знаменитым было то, что произошло в Кобленце при двух братьях короля, один из которых приехал из Италии, где сначала нашел убежище при дворе короля Сардинии, своего тестя, а другой прибыл через Брюссель, избежав кризиса, сделавшего Людовика XVI пленником. в Варенне.

“ Я был одним из первых, кто собрался в Вормсе. Когда я прибыл, вокруг принца было едва ли пятьдесят человек. Во всем пылу юности и с первым вдохновением благородства я поспешил в Вормс с самой невинной простотой сердца. Мое чтение и моя молитва каждое утро состояли из главы из Баярда. Я ожидал, что по прибытии в Вормс меня, по крайней мере, схватит и обнимет такое количество братьев по оружию; но, к моему великому удивлению (и это был мой первый урок о человечестве), вместо такого теплого приема меня и моего спутника сразу же осмотрели и за нами наблюдали с целью убедиться, что мы не шпионы. Впоследствии нас тщательно расспросили о наших интересах, наших взглядах и претензиях, которыми мы могли руководствоваться, и, наконец, были приложены большие усилия, чтобы доказать нам и заставить принца осознать (и этот план возобновлялся при каждом новом прибытии), что наша численность значительно возросла и, без сомнения, уже превысила те места и благосклонность, которые он должен был предоставить. Мой спутник был так потрясен, что предложил мне немедленно возвращаться в Париж.

“Мы, составлявшие собрание, чтобы быть полезными или приобрести значимость, по очереди, трое или четверо из нас, взялись составлять своего рода регулярную охрану особы принца днем и ночью; ибо мы уже не мечтали ни о чем, кроме заговоров и убийств, настолько могущественными и грозными мы себя считали, и когда нас сменили, находясь в такого рода добровольной охране, мы имели честь быть допущенными к столу принца. Три поколения Конде составляли его украшение, и это странное обстоятельство с еще большим эффектом проявилось в армии Конде, в которой дед сражался в центре, в то время как сын и внук командовали правым и левым флангами, где они, я полагаю, оба были ранены, причем в один и тот же день.

“Принцесса Монако последовала примеру принца Конде; впоследствии он женился на ней, но тогда она управляла его заведением и оказывала ему почести. У нас была возможность услышать за этим столом, как некоторые из гостей утверждали и повторяли принцу, что нас уже более чем достаточно для въезда во Францию; что его имени и белого носового платка было достаточно; что звезда Конде вот-вот засияет снова; что случай был исключительно счастливым и что необходимо им воспользоваться; и я бы не поручился, что лесть была^{was} не зашла так далеко, чтобы предложить принцу очень заинтересованное личное мнение.

“Вормс, судя по характеру его собраний и характеру его руководителя, всегда отличался большей регулярностью, большей строгостью дисциплины, чем Кобленц, где царили большее возбуждение, роскошь и удовольствие. Соответственно, Вормс назывался *лагерем*, а Кобленц - *городом* или *Двором*.

Важность предводителя была пропорциональна силам, находившимся под его командованием, и принц Конде понимал это настолько, что никогда не видел, чтобы кто-нибудь покидал его без сожаления, и надолго запомнил это. Из-за этого у меня не уменьшилось желание поехать в Кобленц, как только он приобрел определенную степень великолепия. Там у меня были родственники и друзья, и, кроме того, он был более привлекательным из-за превосходства в великолепии, активности и грандиозности. Кобленц за короткое время стал центром иностранных и внутренних интриг. Там можно было наблюдать две разные партии; господ д'Аваре, де Жокур и некоторые другие были близкими друзьями, советниками или министрами месье, ныне Людовика XVIII. Епископ Аррасский, граф де Водрей и другие принадлежали монсеньору графу д'Артуа; и было уверенно заявлено, что даже тогда эти князья достаточно

отчетливо проявляли те же политические разногласия, которые, как утверждается, с тех пор характеризовали их. Г-н де Бретей, проживающий в Брюсселе, и облеченный, согласно его собственному заявлению, неограниченными полномочиями Людовика XVI, сформировал третью партию и еще больше осложнил наши дела.

“На господина де Калонна полагались в нашем финансовом отделе, а старый маршал де Бройль и маршал де Кастри стояли во главе нашего военного ведомства. Храбрый и способный господин де Буйи, покинувший Францию после дела при Варенне, счел невозможным оставаться с нами и последовал за королем Густавом III. в Швецию.

“Эмиграция, однако, приобрела грандиозный характер благодаря заботе, приложенной к ее распространению. Агенты разъезжали по провинциям, в особняках и загородных усадьбах были распространены циркуляры, призывавшие каждого дворянина присоединиться к принцам и действовать в сотрудничестве с ними ради сохранения алтаря и трона, восстановления их чести и восстановления их прав. Проповедовался абсолютный крестовый поход, причем с гораздо большим эффектом, поскольку он производил впечатление на умы, склонные к нему. Среди всего дворянства и привилегированных классов не было ни одного человека, который не чувствовал бы себя задетым за живое постановлениями Собрания. Все, от того, кто занимал высший чин, досамого низкого деревенского сквайра, были лишены того, что им было дороже всего; ибо первый потерял свой титул и своих вассалов, а второй стал свидетелем того, как захватили его башенку и голубятню, а его зайцев перестреляли. Соответственно, движение за начало путешествия было немедленным и всеобщим; от него нельзя было отказаться под страхом бесчестия, и женщинам было приказано посылать веретена тем, кто колебался или слишком запаздывал. То ли из страсти, малодушия, то ли из соображений чести, эмиграция превратилась в настоящую заразу; толпы людей яростно устремились за границы; и что немало способствовало умножению зла, так это средства, использованные лидерами Революции для тайного его распространения, в то время как они делали вид, что выступают против него публично. Они, правда, в туманных выражениях выступали против этого с трибуны; но они очень заботились о том, чтобы все проходы оставались открытыми. Ослабло ли рвение эмигрантов?—ораторы стали более агрессивными, и было решено, что барьеры должны строго охраняться. Тогда те, кто остался позади, были доведены до отчаяния, потому что они не воспользовались благоприятным моментом. Но случайно или по невнимательности барьеры снова были открыты, и их с готовностью преодолели те, кто был полон решимости не подвергать себя еще одному разочарованию. Именно благодаря такому ловкому управлению Ассамблея помогла своим врагам ввергнуть самих себя в пропасть.

“Способные люди фракции с самого начала предполагали, что такая мера избавит их от разнородных частей, которые сдерживали их продвижение, и что собственность всех этих добровольных изгнанников обеспечит им неисчислимые ресурсы. Офицеры думали, что они творят чудеса, ускользая из своих полков, в то время как лидеры Революции, со своей стороны, подстрекали солдат к восстанию, чтобы вынудить их к нему. Этими средствами они избавлялись от врагов, которые были в высшей степени опасны, и, напротив, получали в унтер-офицеры ревностных сотрудников, которые становились героями национального дела; именно они поставляли великих военачальников и побеждали все ветераны иностранных войск.

Следствием этого стало то, что Кобленц собрал все знаменитое, принадлежавшее французскому двору, и все богатое и выдающееся, принадлежавшее провинциям. Нас были

тысячи, мы представляли все роды войск, форму и звания армии; мы заполнили город и захватили дворец. Наши ежедневные собрания вокруг особ принцев казались множеством великолепных празднеств. Двор был самым блестящим, и наши принцы были настолько действительными его Властителями, что бедный курфюрст затмевался и терялся среди нас, что побудило одного человека однажды очень любезно заметить ему, то ли из совершенной простоты, то ли из остроумия, что среди всех, кто толпился в его дворце, он был единственным незнакомцем.

“Во время больших торжеств у нас иногда устраивались публичные гала-концерты, и уважаемым жителям разрешалось любоваться столами. Затем мы ликовали, став свидетелями восхищения, выраженного жителями страны приятной внешностью и рыцарским обликом монсеньора графа д'Артуа, и мы гордились тем почтением, которое они оказывали приобретениям и талантам месье. Стоило посмотреть, с каким высокомерием мы выставляли напоказ, так сказать, все достоинство, блеск нашей монархии и, прежде всего, превосходство нашего Государя и возвышение наших Князей. *Его Величество король* - таково было выражение, которое мы напыщенно использовали в немецких кругах для обозначения короля Франции; ибо это был или должен был быть, по нашему мнению, его титул с точки зрения превосходства по отношению ко всей Европе. Аббат Мори, которого мы сначала встретили с одобрением, но который, к тому же, за очень короткое время потерял большую часть нашего уважения, обнаружил, как он заверил нас, что это его право и прерогатива. Должен ли я привести еще один пример чрезмерной гордыни и самомнения?

“Позднее, во время наших величайших бедствий и когда наше дело было полностью разрушено, австрийский офицер высшего ранга, которому были поручены депеши для Лондонского двора, пригласил на обед нескольких наших офицеров, с которыми он ранее был знаком на Континенте. После обеда, как раз в то время, когда вся правда выходит наружу, компания заговорила о политике, и он случайно сказал, что после его отъезда из Вены одной из главных тем разговора была свадьба мадам Рояль (ныне герцогини Ангулемской) с эрцгерцогом Карлом, который в тот момент пользовался большой известностью. ‘Но это невозможно!’ - заметил один из его французских гостей. ‘И почему?’ ‘Потому что это неподходящий брак для мадам’. — “Как! - воскликнул австриец, серьезно оскорбленный и почти задыхающийся. ‘Его королевское высочество монсеньор, эрцгерцог Карл! неподходящая партия для твоей принцессы.” Принцесса”. ‘О! нет, сэр, для нее это был бы всего лишь гарнизонный поединок!

Кроме того, эти высокие притязания были привиты нам нашим воспитанием; они принадлежали нам как национальные чувства, и наши князья не были освобождены от них. У нас братья короля пренебрегали титулом королевского высочества, они претендовали на то, чтобы обращаться ко всем монархам титулом брата; в остальном система соблюдалась пропорционально, и, соответственно, в Европе было только одно чувство против нашего Версаля, манер и самонадеянности наших принцев.

Густав III сказал в Экс-ла-Шапель— ‘Ваш Версальский двор был недоступен; он слишком потворствовал высокомерию и насмешкам. Когда я был там, на меня почти не обращали внимания, а когда я уходил, то забрал с собой титулы *олуха и болвана*.

“Герцогине Камберлендской, которая была замужем за братом короля Англии, пришлось пожаловаться в то же время и в том же городе, что принцесса де Ламбаль не оказала ей почестей в виде складных дверей.

“Старый герцог Глостер от себя лично пожаловался в более поздний период в Лондоне на одного из наших принцев крови и добавил, что принц Уэльский от души рассмеялся, потому что он, принц Уэльский, обращаясь к тому же принцу титулом "монсеньор", а последний старательно пытался подстроить свою речь так, чтобы не отвечать на комплимент.

Однако в Кобленце, когда наши обстоятельства изменились, наши принцы снизошли до того, чтобы изменить свои манеры в этом отношении и опуститься до уровня иностранных принцев. Они были тогда с курфюрстом Тревским, принцем Саксонским, братом их матери, которого, в скобках, мы в то время съедали и который впоследствии был лишен своих владений из-за нас. Они снизошли до того, чтобы называть его своим *дядей*, а ему разрешили называть их своими *племянниками*. Достоверно известно, что однажды он сказал им: "На ваше несчастье, я обязан вам такими нежными выражениями; в Версале вы обращались бы со мной просто как с мсье аббатом, и не уверен, что я навещал бы вас каждый день". Было добавлено, что он говорил правду и что они предоставили печальные доказательства этого его брату, графу Лужицкому, который присутствовал при этом.

Вечера принцы обычно проводили в обществе своих близких друзей. Один из них большую часть времени проводил в доме мадам де Поластрон, которой он оказывал внимание, оправданное ее постоянством и поведением. Предпринимались частые попытки разрушить эту близость, но тщетно, поскольку мадам де Поластрон была выше всех заговоров, использованных для этой цели; и, в дополнение к своим любезным манерам и прекрасному поведению, была совершенно бескорыстна и тщательно избегала любого вмешательства в политические дела. Она увидела очень мало людей. Я был в долгу перед родственницей за удовольствие быть допущенным на это мероприятие; но, поскольку было необходимо удалиться до прибытия принца, я так и не имел чести видеть его там.

“Месье проводил вечера у мадам де Бальби, придворной дамы мадам. Мадам де Бальби, живая, остроумная, верный друг и решительный враг, привлекала к себе внимание самых выдающихся личностей. Для меня было честью быть принятым в ее дом, который был центром вкуса и моды. Месье иногда оставался там допоздна; и когда, после того как толпа расходилась и круг сужался, ему случалось быть общительным, следует признать, что он превосходил нас как очарованием своей беседы, так и своим рангом и достоинством.

“Вот и все о нашем образе жизни и нашем внешнем виде в Кобленце; это была справедливая сторона нашего положения; но с политической точки зрения мы были менее счастливы — это была унижительная сторона”.

“Хорошо!” сказал император. - Я начинаю находить, что подробности вашей гостиной слишком длинны. Впрочем, вам это простительно. Тема вам приятна. Вы были тогда молоды; но продолжайте”.

“Сир, все мы были всего лишь благородной и блестящей толпой и представляли собой картину полного замешательства. Это была анархия, стремящаяся вовне установить, как говорили, порядок внутри - настоящая демократия, борющаяся за восстановление своей аристократии. Мы представили, в небольшом масштабе и всего с несколькими отличиями, копию всего, что

проходило во Франции. Среди нас были ревностные приверженцы наших древних форм и горячие поклонники новизны; у нас были свои конституционалисты, свои нетерпимые и свои умеренные. У нас были свои эмпирики, которые искренне сожалели о том, что они не стали хозяевами особы короля с целью действовать с применением насилия от его имени, или которые откровенно признавались, что у них был умысел объявить его недееспособным. Наконец, у нас были также наши якобинцы, которые хотели по возвращении убивать, жечь, уничтожать все подряд.

Наши князья не имели прямой власти над толпой.— Они были нашими Суверенами, это правда, но мы были очень неуправляемыми подданными, и нас очень легко раздражать. Мы роптали при каждом удобном случае, и наша общая ярость была направлена, в частности, против тех, кто присоединился к нам последними. Мы заявили, что они лишили нас подвигов и надежд столько славы и удачи. Те, кто был однажды принят, считали, что каждое последующее прибытие было слишком поздним. Утверждалось, что все заслуги по этому поводу были исчерпаны. Если бы все продолжали восприниматься таким же образом, вся Франция вскоре была бы на нашей стороне, и больше не было бы никого, кого можно было бы наказать.

“Затем на тех, кто присоединился к нам, посыпались всевозможные обвинения со всех сторон. Принц де Сен-Морис, сын принца де Монбари, счел невозможным противостоять буре, хотя формально он пользовался поддержкой всех выдающихся личностей и самого принца, который соизволил обратиться к нему с мольбой и сказал: ‘Увы! господа, кто здесь есть, у кого нет недостатков, в которых можно было бы упрекнуть себя в Революции? Я был виновен в нескольких преступлениях, и, забыв о них, вы дали мне право ходатайствовать за других.’ Это не избавило господина де Сен-Мориса от необходимости бежать как можно скорее. Его преступление состояло в том, что он принадлежал к Обществу Друзей негров и подвергся среди нас жестокому нападению со стороны дворянина из Франш-Конте, который обвинил господина де Сен-Мориса в поджоге его особняка. Однако через несколько дней выяснилось, что у дерущегося нападавшего не было особняка, он не был ни уроженцем Франш-Конте, ни джентльменом: он был простым авантюристом.

“Г-н де Казалес, прославивший Францию и Европу своим красноречием и мужеством в Национальном собрании, тем не менее, потерял расположение народа в Кобленце. Когда он прибыл в Париж, среди нас распространился слух, что принцы не захотят его видеть или окажут ему нелюбезный прием. Мы собрали восемьдесят уроженцев Лангедока, чтобы составить для него, вопреки его собственному желанию, своего рода эскорт. Господин де Казалес был честью нашей провинции; мы проводили его к князьям, которые хорошо приняли его.

“Среди нас был депутат третьего сословия, который высоко отличился в Учредительном собрании своей привязанностью к королевской власти. Один из наших принцев, обращаясь к нему однажды в толпе, сказал: ‘Но, сэр, тогда объясните мне.—Вы такой достойный человек, как вы могли в то время принести присягу *jeu de paume*?’ Депутат, онемевший от этого нападения, сначала пробормотал, что был застигнут врасплох, что он не предвидел фатальных последствий, но, быстро придя в себя, с живостью ответил: “Я, однако, замечу монсеньеру, что не это привело к крушению французской монархии, а на самом деле собрание знати, которое

присоединилось к нам вследствие очень убедительного письма, написанного монсеньером". — "Перестаньте, — воскликнул принц, похлопывая его по животу, — успокойтесь, мой дорогой. " Сэр, я не собирался досаждать вам этим вопросом.

“Однако со временем было принято нечто вроде системы регулярности, хорошей или плохой. Мы были распределены по корпусам и провинциям; за нами были закреплены пункты расквартирования, и нас снабжали оружием. Королевские телохранители были снова сформированы, одеты, экипированы и им платили жалованье, и вскоре они превратились в превосходный корпус по внешнему виду и дисциплине. Коалиция Оверни и корпус морской пехоты, частью пешие, частью конные, привлекли особое внимание своей дисциплиной, знаниями и сплоченностью. Нашей покорностью и самоотречением нельзя было слишком восхищаться. Отныне каждый офицер был всего лишь рядовым, подвергавшимся упражнениям и переутомлению, что весьма противоречило его прежнему образу жизни, и подвергался величайшим лишениям, поскольку не получал жалованья, и многим из этого числа вскоре не на что было рассчитывать, кроме как на пожертвования своих более удачливых товарищей. Мы заслуживали лучшей участи, или, говоря более корректно, мы были достойны лучшего предприятия. Все офицеры, принадлежащие к тем же полкам, были собраны вместе в отдельные группы, чтобы они могли быть готовы принять командование своими солдатами, которые, как мы думали, не преминули бы присоединиться к ним, едва увидев их. Таково было наше заблуждение! Именно по тому же мотиву джентльмены были распределены по соответствующим провинциям, без сомнения, имея в виду их эффективное влияние на массу населения. Наша слабость заключалась в убежденности, что нас по-прежнему желают, уважают, обожают.

“Все эти органы были публично задействованы и управлялись, и на дипломатические возражения, которые были сделаны по этому поводу, были даны уверения, что ничего подобного не существует или что это, безусловно, должно быть предотвращено. У нас были назначены генералы, сформирован штат и организовано все, что отличает штаб-квартиру, вплоть до должности главного провоста. Постепенно наши принцы были окружены всем, что составляет настоящее правительство. У них были министры для текущих дел, и даже для Франции, когда мы должны были вернуться, настолько определенным и близким казалось это время.

“Г-ну де Лавильернуа, о котором впоследствии так много говорили из-за участия в заговоре роялистов и который погиб в Синнамари вследствие событий при Фруктидоре, было поручено управление полицией. Он рано отправился тайно выполнять свои обязанности в Париже. Он испытывал ко мне искреннюю привязанность и был полон решимости сделать меня своим зятем. Он использовал самые веские доводы, чтобы убедить меня последовать за ним; но я отказался: мне не нравился характер его должности. В противном случае, какие разные сочетания в моей судьбе!

“У нас также были прямые отношения почти со всеми дворами. У принцев были послы, которые принимали их в Кобленце. Монсеньор, граф д'Артуа, насколько я понимаю, посетил Вену, но я могу с уверенностью заявить, что он был в Пильнице. Дворянство в полном составе направило письмо Екатерине, от которой мы приняли г-на де Романсоффа в качестве посла. Эта императрица с удовольствием наблюдала за бурей, поднимавшейся на юге Европы; она радостно раздувала пламя, которое могло оказаться весьма благоприятным для ее взглядов, не

требуя от нее никаких затрат, и соответственно показала себя пылкой в своих чувствах и восторженной в своих обещаниях. В тот кризис она не отчаялась одурачить Густава III, чья непрерывная деятельность доставляла ей хлопоты; говорят, она убедила его предпринять крестовый поход, польстив ему званием генералиссимуса. Я не знаю, позволил ли этот принц, который, безусловно, был очень выдающейся личностью для своего времени и обладал большой долей понимания и таланта, чтобы она ввела его в заблуждение. Однако нельзя отрицать, что он проявил большую привязанность к нашему делу и лично объявил о своем желании бороться за него. Когда он уезжал из Экс-ла-Шапель, чтобы предпринять последние меры для достижения этой цели в Швеции, я слышал, как, прощаясь с принцессой де Ламбаль, он сказал: "Вы"Вы скоро снова увидите меня, но я, тем не менее, обязан, исходя из своих личных соображений, придерживаться определенных процедур, соблюдать определенную осторожность; ибо роль, которую мне предстоит играть, очень деликатного характера. Знайте, что я, желающий вернуться во Францию, чтобы сражаться во главе ваших аристократов, дома являюсь первым демократом страны".

“Мы также принимали посланников от Людовика XVI, которые публично выступали с осуждением нашего поведения и проводили конфиденциальные совещания, возможно, совершенно иного рода. По крайней мере, мы действовали так, как если бы это было так; открыто заявив, что он был пленником и что мы не должны обращать внимания ни на один из его приказов; что мы были обязаны воспринимать все, что он был вынужден сказать, в противоположном смысле, и что, когда он призывал нас к миру, на самом деле он призывал нас к войне. Соответственно, я считаю, что мы нанесли большой ущерб спокойствию несчастного монарха и что мы внесли свою особую лепту в помилование, которое он завещал своим друзьям, которые своим нескромным рвением, как он замечает, причинили ему столько вреда.

“Наша эмиграция, однако, затянулась, несмотря на все данные нам обещания и все надежды, которыми тешилось наше воображение. Какими иллюзиями, какими досужими рассказами, какими нелепостями высмеивалось наше нетерпение! то ли те, кто их придумал, предвидели наше разочарование, то ли сами были обмануты. Было приятно подсчитать, что, согласно нашим письмам и газетам, мы менее чем за восемнадцать месяцев привели в движение почти два миллиона человек, хотя сами никого из них не видели. Но те, кто посвящен в тайну, уверяли нас, по особой секретности, что эти войска маршировали только ночью, с целью более эффективного удивления демократов, или что они проходили днем только взводами и без формы; или рассказывали нам какую-нибудь другую историю подобного рода. С другой стороны, мы показали друг другу кучу писем из всех стран и лучших источников, написанных загадочным стилем и которые, как считалось, были понятны только нам одним. Одному было известно, что для его страны только что отправили пятьдесят тысяч богемских бокалов; другому сообщили, что вскоре будут отправлены десять тысяч изделий из саксонского фарфора; а третий получил известие, что ему будет адресовано двадцать пять тюков какао вместе с другими глупостями того же рода.

“Как это было возможно, - спрашиваю я себя теперь, - что разумные люди, а их, безусловно, было очень много среди этого числа, что министры, которые раньше управляли нами, и другие, которым суждено было их сменить, были одурачены такой жалкой чепухой, или что простой здравый смысл, которым мы обладали, как большинство, не заставил нас рассмеяться им в лицо?" Но нет; мы не были менее убеждены, что близки к осуществлению наших надежд; что

момент близок; что это непременно произойдет; что нам нужно только показать себя; что нас с нетерпением ждут и что все падут ниц к нашим ногам ”.

Тут император, который часто прерывал меня смехом и насмешками, сказал очень серьезным тоном: “Как правдива нарисованная вами картина! Я узнаю в нем толпу твоих друзей. Воистину, мои дорогие Лас Кейсы, и я говорю это, не желая вас ни в чем обидеть, можно сказать, что, несмотря на все их остроумие, их удел - рассеянность, доверчивость, непоследовательность, сама глупость. Когда я иногда хотел позабавиться и лишал себя всякой сдержанности, чтобы дать им полный простор и укрепить их доверие ко мне, я слышал в Тюильри, при консульстве и Империи, вещи не менее нелепые, чем те, о которых вы сейчас рассказываете. Никто из них никогда ни в чем не сомневался. Любовь французов к своим королям была сосредоточена, как они уверяли меня, в моей личности. Отныне я мог делать все, что мне заблагорассудится; у меня было право использовать свою власть; я никогда не столкнулся ни с каким другим препятствием, кроме горстки неисправимых личностей, вызывающих всеобщее отвращение. Эта контрреволюция, которой так боялись, заметил другой, была для меня всего лишь детской забавой; я осуществил ее с предельной легкостью. И (поверят ли этому?) ‘единственное, чего здесь не хватает,’ сказал он вкрадчивым тоном, ‘это замены старинного белого цвета на тот, который причинил нам столько вреда во всех странах’. Идиот! Это было единственное пятно, которое он смог найти на нашем гербе. Я рассмеялся из чистой жалости, хотя мне было трудно сдерживать свои чувства; но, со своей стороны, его искренность не вызвала сомнений; он был полностью убежден, что говорит так, как я думаю, и еще больше в том, что большинство думает так же, как он.^[4] Но продолжайте”.

“Появление герцога Брауншвейгского в Кобленце и прибытие короля Пруссии во главе своих войск были предметами великой радости и ожидания для всех эмигрантов. Наконец-то Небеса открываются перед нами! это было наше восклицание, и мы собираемся вернуться в землю обетованную. Однако с самого начала здравомыслящие и опытные люди придерживались мнения, что наша борьба приведет к тому же результату, что и все те, что напоминали ее в истории, и что мы будем всего лишь орудием и предлогом для иностранцев, которые преследуют только свои частные интересы и не питают к нам никаких чувств.

Г-н де Казалес, которому за короткое время значительно стало лучше, высказался на этот счет с большой энергией. Мы с восторгом наблюдали за пруссаками, которые гуськом шли по улицам Кобленца к нашим границам. ‘Глупые мальчишки,’ воскликнул он, ‘вы с энтузиазмом восхищаетесь этими войсками и всем их снаряжением. Вы радуетесь их маршу; вам следовало бы скорее содрогнуться от этого. Что касается меня, то я хотел бы видеть, как эти солдаты, все до единого, будут утоплены в Рейне. Горе тем, кто подстрекает иностранцев вторгнуться в их страну! О друзья мои, французское дворянство не переживет этого зверства! Они будут иметь несчастье умереть вдали от мест своего рождения. Я виноват больше, чем кто-либо другой, потому что я вижу это, и все же я поступаю так же, как все остальные; но мое единственное оправдание в том, что я не могу предотвратить катастрофу. Я повторяю, горе тем, кто призывает иностранцев против своей страны и верит в них”.

“ Как пророчески звучат эти последние слова! Факты быстро убедили бы нас в их истинности, будь мы менее увлечены ими или если бы толпа была способна рассуждать и действовать пристойно; но нам было суждено обогатить историю одним из тех уроков, которые больше всего заслуживают размышления человечества. Нас можно было бы оценить в 20 или 25 000

вооруженных людей; и, конечно, такая сила, исполненная рвения и преданности, сражающаяся за свои собственные интересы, поддерживающая взаимопонимание с сочувствующими элементами внутри страны, действующая против нации, потрясенной до основания и потрясенной агитацией за новые права, еще не установленные и недостаточно понятые, могла бы быть способна нанести решающие удары. Но иностранцы полагались не на нашу силу, не на наш успех, не на нашу активность в достижении своих взглядов. Соответственно, под предлогом использования этого влияния и направления его действия, как они сказали, против нескольких пунктов сразу, они уничтожили нас, разделив нашу численность и сделав нас, так сказать, пленниками в середине своих различных корпусов. Таким образом, 6000 человек под командованием принца Конде были отправлены в поход против Эльзаса; 4000 человек под командованием герцога Бурбонского должны были действовать во Фландрии, а от 12 до 15 000 продолжали действовать в центре под командованием двух братьев короля для участия во вторжении в Шампань.

“Планом и желанием наших принцев было, чтобы месье, как наследник короны и естественный представитель Людовика XVI, вследствие своего пленения провозгласил себя регентом королевства в тот момент, когда его нога ступит на французскую территорию; чтобы он выступил со своими эмигрантами во главе экспедиции, и чтобы союзники, находящиеся у него в тылу, рассматривались только как вспомогательные силы. Но союзники отнеслись к этому плану с насмешкой и ограничили нас стоянкой в хвосте по приказу, по воле и удовольствию генералиссимуса Брауншвейга, который заставил нас выступить с самым абсурдным манифестом, от насмешек и одиозности которого, однако, он, по крайней мере, спас нас.

“Однако справедливо признать, что такое обращение не ускользнуло от предвидения некоторых опытных и более сведущих руководителей среди нас. Они соответственно предложили, как было сказано, на Совете принцев, чтобы мы бросились, до прибытия союзников, в какой-нибудь пункт Франции и в одиночку поддерживали там гражданскую войну. Другие, более отчаявшиеся или более пылкие, придерживались мнения, что мы должны благородно захватить владения курфюрста Тревского, нашего благодетеля; занять город и крепость Кобленц и основать там центральный пункт сбора или опорный пункт, независимый от германского корпуса; икогда мы восклицали против такого вероломства и неблагодарности, их ответ был таким: ‘Отчаянное зло требует отчаянных средств’. Невозможно сказать, что могло бы стать результатом таких решений, которые, однако, больше соответствовали смелому духу предприимчивости, характеризующему нынешнее время, чем состоянию нравов в том виде, в каком они существовали тогда. Следовательно, они были без присмотра, и, кроме того, возможность была упущена; мы были слишком тесно связаны с иностранцами; мы уже были в их власти, и наше предназначение должно было исполниться!..

Что касается нас, составлявших толпу, мы были далеки от того, чтобы предвидеть бедствия, которые должны были нас постигнуть. Мы начали наше шествие в приподнятом настроении. Не было ни одного из нас, кто не ожидал бы через две недели оказаться дома, торжествующий среди своих покорных, униженных и возросших вассалов. Наша уверенность не потерпела бы ни единого замечания или сомнения на этот счет. По этому поводу я собираюсь привести пример, который, хотя и является личным и очень незначительным сам по себе, не будет менее характерным по отношению ко всем нам. Мы маршировали по городу Трев; один из моих двоюродных дедушек во время войны за престолонаследие был губернатором при Людовике XIV. пока мы сохраняли за собой [мы сохраняли за собой](#) владение им. Я пошел посмотреть на его

могилу, которая находится в часовне, принадлежащей картезианцам этого города. Пыл моей юности и волнение момента побудили меня воздвигнуть в его память небольшой памятник с великолепной надписью, соответствующей обстоятельствам. Я не сомневался в исполнении своего желания. Добрые монахи придерживались иного образа мыслей; приор хотел, чтобы я уладил этот вопрос с аббатом, своего рода епископом, причем немецким епископом. Его сдержанность и холодность, несмотря на многочисленные гербы, очень расположили меня к нему, когда я сообщил о своем рыцарском замысле; но когда после некоторой околичности он заявил, что при нынешних обстоятельствах ... благоразумие, осмотрительность, если французы войдут в это место, — При этих последних словах мое негодование было крайним; оно было таково, что я не стал дожидаться, чтобы произнести ни единого слова в ответ. Я немедленно поспешил прочь со смешанным смехом презрения и гнева, убежденный, что оставил позади самого ужасного якобинца из всех существующих; и ничто, кроме моего природного великодушия и уважения к собственной репутации, не могло помешать мне позвать своих товарищей, которые, несомненно, снесли бы часовню. Но, увы! аббат видел дальше, чем я! Не прошло и трех недель, как республиканцы были в Трире, бедный аббат обращен в бегство, а прах моего доброго дяди осквернен неверными.

“Но как только мы начали действовать в полную силу, как только мы ступили на французскую землю, стало нетрудно, за исключением случаев откровенной глупости и слепоты, понять, что на самом деле вполне возможно, что мы были одурачены нашей собственной глупостью. Мы оказались посреди пруссаков, которые сковывали все наши движения; мы не могли сделать ни шагу вперед, ни вправо, ни влево, без их разрешения, а они никогда его не давали. Наше существование, все наши ресурсы зависели исключительно от их воли; нам было стыдно выглядеть рабами на земле, где мы стремились царствовать.

“Что касается наших соотечественников, то вместо того, чтобы принять нас как своих избавителей, как мы были убеждены, они лишь демонстрировали нам свою неприязнь. За исключением нескольких сельских джентльменов или других лиц, присоединившихся к нам, вся масса населения разбежалась при нашем приближении; с нами обращались как с врагами, бросая на нас укоризненные взгляды и суровое молчание осуждения. Казалось, они говорили нам: ‘Неужели вы не содрогаетесь, видя, как пятнается земля вашей страны? Разве вы не французы по рождению? Неужели ваши сердца не зывают к вам пользу вашей родной земли? Вы говорите, что с вами поступили несправедливо; но какая несправедливость, какой вред когда-либо давал сыну право или желание разорвать грудь своей матери?... Нам рассказывают, что в древние времена пламенный патриций Кориолан был достаточно печально известен, чтобы воевать против своей страны, но у него, по крайней мере, была заслуга в том, что он сочетал возвышенные чувства со своей неистовой страстью; он шел вперед с победоносной рукой; он выдвигал свои собственные условия; его не тащили в хвосте чужеземцы-варвары; он командовал ими, а также позволял себе испытывать сострадание. Можете ли вы быть невосприимчивы к этой нежности и не трепещете ли вы от наших проклятий, которые будут навешаны на вас нашими детьми? В любом случае, каким бы ни был ваш успех, он не сравнится с вашим унижением! Ты притворяешься, что пришел сюда с целью правления, и ты приведешь с собой своих хозяев”.

“Под Верденом и Эстеном мы были расквартированы в городе. Несколько моих товарищей и я поселились в красивом доме, но вся мебель и все владельцы исчезли, за исключением двух очень хорошеньких молодых леди, которые передали его нам во владение. Это последнее

обстоятельство показалось нам благоприятным предзнаменованием, мы воспользовались случаем, чтобы указать им на это, и желали расположить к себе своей вежливостью и вниманием. ‘Джентльмены,’ сказала одна из двух амазонок довольно резким тоном, ‘мы остались, потому что почувствовали, что у нас хватит смелости сказать вам лицом к лицу, что наши возлюбленные ополчились против вас и что мы молимся за них не меньше, чем за наши сердца. Это был понятный язык; мы больше не желали его слышать и даже переехали жить в другой дом.

“Как бы то ни было, мы наконец оказались во Франции и в тылу той прусской армии, которая добилась блестящих успехов, оставив нас на три или четыре марша позади. И то ли их целью было выставить нас на посмешище, потому что мы заверили их, что все города распахнут свои ворота при нашем появлении, то ли чтобы избавиться от нашей назойливости, они поручили нам осаду Тионвиля. Мы предприняли свои действия, и, по фантастической случайности, корпус морской пехоты оказался как раз напротив национальных добровольцев Бреста. Когда они узнали друг друга, невозможно описать тот залп инвектив и оскорблений, которым они мгновенно обменялись.

“Однако, как известно, Тионвиль является одним из самых сильных мест, и мы сочли его взятие невозможным с нашими ограниченными средствами, поскольку у нас не хватало всего; и абсолютно потребовались важные переговоры, чтобы получить два 24-фунтовых орудия у австрийцев в Люксембурге. После долгих уговоров и колебаний оба орудия, наконец, были доставлены с триумфом, и именно с этим грозным составом мы прибыли на место и ночью, совершенно зря потратив порох, произвели несколько сотен пушечных выстрелов. Когда я вернулся из эмиграции и случайно столкнулся с генералом де Вимфеном, командовавшим крепостью, он спросил меня: ‘Каковы могли быть наши намерения или смысл шутки, которую мы таким образом попытались разыграть?’ “Я полагаю, - сказал я, - это было сделано потому, что на вас полагались”. “Но даже если бы это было так, - сказал он, - вы все равно должны были бы предоставить мне повод для капитуляции; вы не могли ожидать, что я буду просить вас напасть на меня”. Все было в пропорциональном масштабе: малейшая вылазка вносила замешательство во все наши силы; самым незначительным обстоятельством было произошедшее с нами событие; причина была очевидна; мы не были знакомы ни с чем, и, соответственно, отбросив мужество, я не побоюсь поверить, что малейшая вылазка привела к замешательству во всех наших войсках. сотня отборных солдат императорской гвардии разгромила бывшую нашу армию. К счастью, наши противники были такими же невежественными, как и мы, все тогда были пигмеями, хотя за очень короткое время гиганты водились повсюду.

Между тем мы были крайне недовольны всем этим, лежа в наших палатках и на нашей жалкой соломе; но *по-французски* мы находили облегчение в нашем веселье; наше дурное настроение улетучивалось в каламбурах и шутках. У всех наших главных офицеров были прозвища, не было ни одного, даже у нашего главнокомандующего, достопочтенного маршала де Бройля, который ускользнул от нас, и это наводит меня на мысль об обстоятельстве, которое дало повод одному из его лейтенантов дать прозвище, от которого он так и не избавился. Если кто-нибудь из моих боевых товарищей когда-нибудь прочтет это, это может даже сейчас вызвать смех.

“В момент вылазки, которая, как обычно, вызвала у нас сильное беспокойство, все устремились вперед. У нас были две небольшие пушки, которые мы купили и которые, за неимением

лошадей, тянули сами артиллерийские офицеры”. “Что ж, - заметил император, “ я мог бы сам быть привязан к этим самым частицам, и все же какие разные сочетания в наших судьбах и в судьбах мира! Ибо неоспоримо, что я придал этому импульс и направление, исходящие исключительно от меня самого. Но продолжайте”.

“Сир, два наших небольших орудия катились по большой дороге, когда на полном скаку прибыл дежурный офицер и с негодованием остановился при виде наших маленьких пушек, которые тянулись к крепости казенной частью вперед. —“Как""Как", - воскликнул он, - неужели это действительно джентльмены, которые направляют свои пушки таким образом против врага? И если бы он действительно представился, как бы вы ухитрились открыть по нему огонь? Он упорствовал в своей ошибке, отказываясь понимать то, что артиллерийские офицеры пытались объяснить всеми возможными способами; что таков порядок действий повсюду и что, если у него нет какого-нибудь нового изобретения для сообщения, другого способа не существует. С этого момента мы окрестили его прозвищем, под которым он вскоре стал всемирно известен.

Но вся эта пародия вскоре сменилась на то, что было до крайности серьезно; сцена изменилась, как по волшебству, и наши несчастья обрушились на нас в одно мгновение. То ли из-за предательства, слабости, политических интересов или болезни в своей армии, то ли из-за реального превосходства сил, то ли просто из-за ловкости французского генерала, король Пруссии вступил с ним в тайные переговоры, внезапно развернулся и, двинувшись к границе, покинул французскую территорию. Самая ужасная буря разразилась сейчас над нашими головами; слов недостаточно, чтобы выразить скандальное обращение, которому мы подверглись, а также справедливое негодование, которое не могло не воодушевить каждое великодушное сердце против наших союзников, пруссаков. Они унизили, отреклись от наших принцев, оскорбили их; наши экипажи, наши самые необходимые вещи, даже наше белье, были разграблены; с нашей личностью плохо обращались: и таким образом мы были подло изгнаны за границы нашими друзьями, нашими союзниками!!!

Что касается меня, то, изнемогая от усталости от слишком долгих переходов по грязи и под проливными дождями; сгибаясь под мушкетом и грузом снаряжения, которое не причиняло вреда никому, кроме меня самого, я воспользовался своей привилегией добровольца, чтобы покинуть ряды и, насколько мог, осуществить свое отступление. Я двигался по мере возможности; я никогда не искал обычного места для привала; я нашел убежище на ближайшем фермерском дворе, и то ли это была моя собственная удача, то ли потому, что крестьяне на самом деле были добры и не озлоблялись на нас, я пересек границу без каких-либо несчастных случаев. Лишь некоторое время спустя я смог правильно оценить всю степень опасности, которой я сам подвергся, когда я прочитал в газетах, что от пятнадцати до восемнадцати из нас, отставших, таких же, как я, и некоторых из тех, кто стоял рядом со мной в строю, схватили, приволокли в Париж и казнили публично, в виде аутодафе и, так сказать, в качестве искупления.

“Как только мы покинули Францию, мы получили уведомление о роспуске, но намек был излишним, поскольку эта мера стала абсолютно необходимой из-за наших нужд и отсутствия всего необходимого. Мы разошлись, каждый наугад выбирая свой путь, с отчаянием и яростью за наших товарищей. Мы путешествовали как беглецы, большую часть времени пешком, а иногда и почти нагишом, по местам нашего бывшего великолепия и роскоши; счастливые, когда двери не захлопывались у нас перед носом, когда мы не получали жестокого отпора! В одно

мгновение нас официально изгнали со всех сторон; нам было запрещено проживать во всех соседних государствах или въезжать в них; мы были вынуждены искать убежища в отдаленных странах и демонстрировать по всей Европе зрелище наших страданий, которое должно было стать великим моральным и политическим уроком для народа, великих людей и королей.

Однако подвиги французов потребовали от иностранцев жестокого искупления унижений, которым они нас подвергли; в то время как мы, со своей стороны, испытывали своего рода утешение, видя, что честь эмиграции нашла убежище в армии Конде, которая выставила себя на всеобщее обозрение и вписала себя в историю как образец верности, доблести и постоянства.

“Такова, сир, эта слишком знаменитая эпоха, это роковое решение, которое по отношению к большому числу людей можно рассматривать только как заблуждение молодости и неопытности. Однако никто, кроме них самих, не имеет права упрекать их в этой ошибке. Чувства, которыми они руководствовались, были такими чистыми, такими естественными, такими великодушными, что они могли бы даже, если бы это было необходимо, почерпнуть из них честь; и эти наклонности, я должен сказать, принадлежали массе, из которой мы состояли, и в особенности той толпе сельских джентльменов, которые, жертвуя всем и ничего не ожидая, не имея ни состояния, ни надежды, проявляли преданность, поистине героическую, потому что ее единственной целью было выполнение обязанностей, которые они считали священными. В других отношениях наш недостаток заключался в нашем политическом воспитании, которое не научило нас различать свои обязанности и заставило нас посвящать одному принцу то, что принадлежало стране в целом. Соответственно, в будущие времена, когда враждебные страсти угаснут, когда не останется и следа от противоречащих интересов или партийного увлечения и ярости, то, что было сомнительным для нас, станет положительным и ясным для других; то, что было простительно или даже допустимо для нас, которые находились между древним порядком вещей, который вот-вот должен был закончиться, и новым, который вот-вот должен был начаться, будет считаться в высшей степени преступным для тех, кто придерживается устоявшихся доктрин. Среди них следующие будут считаться символами веры: —1. Что величайшим из всех преступлений является вторжение иностранной державы в сердце чьей-либо страны. 2. наконец. Что суверенитет не может быть неустойчивым, но что он неотделим от территории и остается привязанным к массе граждан. 3. в общем. Что страну нельзя вывезти за границу; но что она неизменна и целостна на священной земле, которая дала нам рождение и которая содержит кости наших предков. Таковы великие принципы и многие другие, кроме них, которые останутся потомками нашей эмиграции; таковы великие истины, которые будут извлечены из наших бедствий!”

“Очень хорошо! ” воскликнул император, “ очень хорошо! Это и называется свободой от предрассудков! Это действительно философские взгляды! И о вас скажут, что вы смогли обратить в свою пользу уроки времени и невзгод”.

“Сир, во время нашего пребывания на борту "Нортумберленда" и в часы досуга во время нашего плаванья англичане не раз затрагивали эту деликатную тему. Введенные в заблуждение войной, которую они с яростью вели против нас, а также сентенциями, которыми сиюминутный интерес наполнял их журналы, даже вопреки их национальным доктринам, они рассуждали о достоинствах эмиграции и добродетелях, свидетелями которых они были, и осуждали нацию за то, что она сопротивлялась ей. Но когда аргументы становились слишком сложными или нам

хотелось внезапно положить им конец, мы отстаивали свою точку зрения одним-единственным словом. Мы просто сказали им: ‘Вернитесь к периоду вашей собственной революции; представьте себе Якова II. угрожающего вам с противоположного берега и под французскими знаменами: хотя вы и окружены верными подданными, что бы вы сделали? И если бы Людовик XIV. вернул его в Лондон во главе 50 000 французов, которые впоследствии должны были содержать гарнизоны в вашей стране, каковы были бы ваши чувства?’— ‘Ах!... Но ... Ах!..” - воскликнули они, пытаясь найти какую-нибудь разницу, но, не сумев найти ее, они рассмеялись и замолчали”. “И в самом деле, - сказал император, - в ответ не было сказано ни слова”.

Затем он начал со своей обычной быстротой и талантом рассматривать различные темы, которые я заметил, и остановился, чтобы поразмыслить об абсурдности, непоследовательности, великой ошибке нашей эмиграции и реальном ущербе, который она нанесла Франции, королю и нам самим. “Вы установили и освятили в политической Франции, - заметил он, - разделение, подобное тому, которое католики и протестанты ввели в религиозной Европе; и к каким только бедствиям это не привело! Мне удалось уничтожить его результаты, но разве они не находятся на грани возрождения?” Затем он рассказал о средствах, которые он использовал для уничтожения этой чумы, о мерах предосторожности, которые он был вынужден принять, и о последствиях, которые он имел в виду. Как менялось внешне все, что срывалось с его языка!—как все увеличивалось в моих глазах по мере того, как он обсуждал эту тему! “И, ” заметил он, - своеобразной особенностью моего положения было то, что во время всех этих операций я сам постоянно держал штурвал среди скал. Каждый, судя по своим меркам, приписывал страсти, простому предубеждению или мелочности то, что во мне, однако, было всего лишь следствием глубоких взглядов, грандиозных концепций и самых возвышенных государственных принципов. Можно было бы сказать, что в отношении интеллектуального таланта я царствовал только над пигмеями. Меня никто не понимал. Национальная партия испытывала только зависть и негодование по поводу того, что, как они видели, я делал в пользу эмигрантов, а последние, со своей стороны, были убеждены, что я стремился только прославиться с их помощью. Бедные создания!..

“Я добился, однако, своей цели, несмотря на взаимное увлечение и предубеждения, и я имел удовлетворение от того, что оставил все в покое в порту, когда вышел в море для осуществления своих великих предприятий”.

Упомянув после моего возвращения в Европу об этих высказываниях Наполеона одному высокопоставленному офицеру короны, который часто имел честь беседовать с ним наедине (графу де С.), он, в свою очередь, пересказал мне разговор точно на ту же тему. Его совпадение с тем, что было только что прочитано, настолько поразительно, что побудило меня вставить его здесь. Однажды император сказал ему: “Как вы думаете, по какой причине я стремлюсь к тому, чтобы рядом со мной были великие имена древней монархии?” — “Возможно, сир, ради великолепия вашего трона и с целью сохранить определенный вид в глазах Европы”. — “Ах! Это так похоже на тебя, с твоей гордыней и твоими предрассудками о ранге! Что ж, тогда знайте, что мои победы и моя власть являются для меня гораздо лучшими рекомендациями в Европе, чем все ваши великие имена, и что мое очевидное пристрастие к ним наносит мне большой вред и делает меня очень непопулярным дома. Вы приписываете узким взглядам то, что вытекает из самых широких. Я занимаюсь обновлением общества, нации, и элементы, которые я вынужден использовать, враждебны друг другу. Дворянство и эмигранты - всего лишь точка в общей массе, и эта масса враждебна им и продолжает очень сильно озлобляться против них; она вряд

ли простит мне то, что я вспомнил о них. Со своей стороны, я считал это своим долгом, но если я позволю им продолжать действовать как единому целому, они могут однажды оказаться полезными иностранным державам, причинить вред нам и подвергнуть себя большим опасностям. Итак, моя цель - расторгнуть их союз и сделать их независимыми друг от друга. Если я размещу некоторых из них при себе, в различных ветвях управления и в армии, то это с целью объединить их с массой и сделать так, чтобы свести все классы в единое целое; ибо я смертен, и если мне случится покинуть вас до того, как это слияние будет завершено, вы вскоре увидите, какие бедствия возникнут из-за этих разнородных частей и ужасные опасности, жертвами которых могут стать определенные люди! Таким образом, сэр, все мои взгляды связаны с гуманностью и возвышенными политическими соображениями, и ни в коем случае не с тщеславными и глупыми предрассудками”.

Когда я заметил человеку, рассказавшему этот анекдот, как мало мы в Тюильри были знакомы с подлинным характером Наполеона, с великими и превосходными качествами его души и сердца, он ответил, что, со своей стороны, лично ему повезло больше, и что он предоставит мне доказательство этого, которое он выбрал из десяти: “Однажды император показал себя в своем Тайном совете очень разгневанным на генерала Лафета, на которого он обрушился с большой жестокостью, и чьи мнения и принципы, по его словам, были способны разрушить его”. добившись полного разрушения состояния: постепенно оживляясь, он, наконец, предался настоящей страсти. Я присутствовал как член Совета; меня приняли недавно, и я мало привык к манерам императора, и, хотя меня остановили два члена, сидевшие рядом со мной, я взялся говорить в защиту обвиняемого, утверждая, что на него была клевета в адрес Государя и что он спокойно жил в своем поместье, придерживаясь личных мнений, которые не имели никакого дурного воздействия. Император, все еще находясь в гневе, возобновил обвинение, намереваясь настаивать на нем с неистовством; но после пяти или шести слов он резко остановился и, обращаясь ко мне, сказал: ‘Но он ваш друг, сэр, и вы правы. Я совсем забыл об этом.—Давайте поговорим о чем-нибудь другом.’ ”И почему, — спросил я, - вы не ознакомили нас со всем этим в то время?” - По роковой случайности, которая, казалось бы, соответствовала атмосфере Наполеона, то ли из-за предубеждения, то ли по какой-то другой причине в наших умах сложилось впечатление, что об этом можно было рассказать только его близким друзьям; ибо тот, кто много говорил об этом, сошел бы только за неуклюжего придворного романиста, который говорит не то, что считает правдой, а то, что, по его мнению, лучше всего подходит для получения благосклонности и наград ”.

Поскольку я упомянул об этом великом офицере короны, который отличается изяществом ума и приятными манерами не меньше, чем своим возвышенным характером, я приведу один из его ответов Наполеону, замечательный своей изобретательной и тонкой лестью. Император на одной из своих дамб, вынужденный некоторое время ждать его появления, напал на него по прибытии, открыто, в присутствии всех. Случилось это как раз в то время, когда пять или шесть королей (и среди прочих короли Баварии, Саксонии и Вюртемберга) находились в Париже. “Сир, ” ответил преступник, “ у меня, без сомнения, есть миллион оправданий перед вашим величеством, но в настоящее время человек не имеет полной свободы разгуливать по улицам, как ему заблагорассудится. Я только что имел несчастье попасть *в толпу королей*, из которой мне не удалось выбраться раньше. Это, сир, и было причиной моей задержки. Все улыбнулись, и император удовлетворился тем, что сказал смягченным тоном: “Какова бы ни была, сэр, причина, примите надлежащие меры предосторожности на будущее и, прежде всего, никогда больше не заставляйте меня ждать”.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НАПОЛЕОНА.—ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДУХ ТОГО ВРЕМЕНИ.—СОБЫТИЯ 10 АВГУСТА.

3. Погода несколько улучшилась; император попытался прогуляться по саду. Генерал Бингхэм и полковник 53-го полка попросили о встрече с императором, который задержал их довольно надолго. Появление губернатора обратило нас всех в бегство. Генерал Бингхэм исчез, и мы, со своей стороны, отправились в лес, чтобы держаться подальше от этого места.

Император во время прогулки много рассказывал о путешествии, которое он предпринял в Бургундию в начале революции. Это он называет своим сентиментальным путешествием в Ньюиц. Он ужинал там со своим товарищем Гассенди, в то время капитаном того же полка, который был удачно женат на дочери местного врача. Молодой путешественник вскоре заметил разницу в политических взглядах между отцом и зятем; Гассенди, джентльмен, был, конечно, аристократом, а врач - пламенным патриотом. Последний нашел в странном госте мощного помощника и был так восхищен им, что на следующий день на рассвете нанес ему визит в знак признательности и сочувствия. Появление молодого артиллерийского офицера, обладающего хорошим логическим мышлением и бойким языком, было, по мнению императора, ценным и редким дополнением к этому месту. Путешественнику было легко заметить, что он производит благоприятное впечатление. Было воскресенье, и перед ним с одного конца улицы до другого снимали шляпы. Его триумф, однако, не прошел бесследно. Он отправился ужинать в дом некоей мадам Маре или Мюре, где, по-видимому, с комфортом обосновался другой его товарищ, В. Здесь привыкла собираться кантонская аристократия, хотя хозяйка была всего лишь женой виноторговца, но у нее было большое состояние и самые изысканные манеры; она была, по словам императора, местной герцогиней. Там можно было встретить всех знатных людей окрестностей. Молодой офицер попал, по его словам, в настоящее осиное гнездо, и ему пришлось снова пробиваться оттуда с боем. Борьба была неравной. В самый разгар акции был объявлен кандидатура мэра. “Я считал его помощником, посланным мне Небом в критический момент, но он был худшим из всех моих противников. Сейчас я вижу этого негодяя перед собой в его прекрасной воскресной одежде, толстого и обрюзгшего, в просторном алом плаще; он был жалким животным. Я был счастливо вызволен щедростью хозяйки дома, возможно, из тайного сочувствия к ней. Она непрестанно парировала своим остроумием удары, которые наносились мне, и была защитным щитом, по которому тщетно билось оружие врага. Она оберегала меня от любых ран, и у меня навсегда сохранились приятные воспоминания об услугах, которые я получил от нее в подобной стычке.

“Такое же разнообразие мнений, ” сказал император, “ можно было встретить тогда во всех частях Франции. В салунах, на улицах, на больших дорогах, в тавернах каждый был готов принять участие в состязании, и для человека не было ничего проще, чем составить ошибочную оценку влияния партий и мнений в соответствии с местной ситуацией, в которой он находился. Таким образом, патриот мог быть легко введен в заблуждение, находясь в салунах или среди собрания офицеров, где большинство было решительно против него; но в тот момент, когда он оказывался на улице или среди солдат, он оказывался посреди всей нации. Настроения того времени преуспели даже в привлечении прозелитов среди самих офицеров, особенно после знаменитой присяги Нации, Закону и королю. До того времени, ” продолжал император, “ если бы я получил приказ направить мои пушки против народа, я не сомневаюсь, что обычай,

предрассудки, воспитание и имя короля побудили бы меня повиноваться; но после принесения национальной присяги это прекратилось бы, и я признавал бы только нацию. С тех пор мои природные склонности гармонировали с моими обязанностями и счастливо согласовывались со всей метафизикой Собрания. Однако следует признать, что патриотически настроенные офицеры составляли лишь меньшее число; но с помощью солдат, как рычага, они руководили полком и насаждали закон. Товарищи противоположной стороны и сами офицеры прибегали к нам в каждый критический момент. Я помню, например, как спас от ярости народа своего собрата-офицера, преступление которого состояло в том, что он распевал из окон нашей столовой знаменитую балладу *О Ричард! О mon Roi!* Тогда я и понятия не имел, что однажды этот воздух будет точно так же запрещен из-за меня. Точно так же, 10 августа, когда я увидел, что дворец Тюильри взят штурмом и личность короля схвачена, я, конечно, был очень далек от мысли, что я должен заменить его и что этот дворец станет моим местом жительства”.

Подробно останавливаясь на событиях 10 августа, он сказал: “В ту ужасную эпоху я находился в Париже, снимал квартиру на улице Мейль, площади Побед. Услышав звук набата и весть о штурме Тюильри, я побежал на Карусель, в дом Фовле, брата Буррьена, который держал лавку обойщика. Он был моим товарищем по военной школе в Бриенне. Именно из этого дома, который, кстати, я впоследствии так и не смог найти из-за произведенных там больших переделок, мне были хорошо видны все обстоятельства нападения. Прежде чем я добрался до Карусели, меня встретила группа отвратительного вида мужчин, несущих голову на конце пика. Увидев меня прилично одетым, с видом джентльмена, они призвали меня кричать *Да здравствует Нация!* что, как нетрудно поверить, я и сделал без колебаний.

“На дворец напал самый мерзкий сброд. Король, несомненно, располагал для своей защиты таким же количеством войск, каким впоследствии располагал Конвент 13-й Вандемской [Вандемьеры](#), и враги последнего были гораздо более дисциплинированными и более грозными. Большая часть национальной гвардии проявила благосклонность к королю; это их заслуга”.

Здесь Великий маршал заметил, “что на самом деле он принадлежал к одному из батальонов, проявивших самую решительную преданность. Несколько раз он был на грани того, чтобы быть убитым, когда возвращался один в свою резиденцию”. Мы, со своей стороны, отметили, что в целом национальная гвардия Парижа постоянно демонстрировала достоинства своего класса: любовь к порядку, преданность власти, страх грабежа и отвращение к анархии; и таково было мнение императора.

“ Когда дворец был взят в плен, а король отправился на Собрание, - продолжал он, - я отважился проникнуть в сад. Никогда с тех пор ни одно из моих полей сражений не наводило меня на мысль о таком количестве мертвых тел, какое произвели на меня кучи швейцарцев; то ли из-за малости места, казалось, увеличивало их количество, то ли потому, что это было результатом первого впечатления, которое я когда-либо получал такого рода. Я видел, как хорошо одетые женщины совершали самые грубые непристойности над мертвыми телами швейцарцев. Я обошел все кофейни по соседству с Ассамблеей; раздражение везде было крайним; ярость была в каждом сердце и отражалась на каждом лице, хотя люди, охваченные таким гневом, далеко не принадлежали к классу простых людей; и все эти заведения, должно быть, ежедневно посещали одни и те же посетители: ибо, хотя в моей одежде не было ничего особенного, или, возможно, это было из-за того, что мое лицо было более спокойным, мне было легко заметить,

что я вызывал множество враждебных и недоверчивых взглядов, как человек неизвестный или подозреваемый ”.

БАЛЫ—МАСКАРАДЫ.—МАДАМ ДЕ МЕГРИНЫ.—ПЬЕМОНТ И ПЬЕМОНТЦЫ.—КАНАЛЫ ФРАНЦИИ.—ПЛАНЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ПАРИЖА.—ВЕРСАЛЬ.-ФОНТЕНБЛО И Др.

4—й.-Погода значительно улучшилась. Император приказал завести коляску и долго шел пешком, пока она его не догнала.

Разговор зашел о балах-маскарадах, которые император особенно любил и часто заказывал. Тогда он всегда был уверен в определенной встрече, которая непременно должна была состояться. По его словам, к нему каждый год регулярно обращалась одна и та же маска, которая напоминала ему о старых дружеских отношениях и горячо умоляла принять ее при Дворе. Маска была самой дружелюбной, доброй и красивой женщиной, которой многие люди, несомненно, были многим обязаны. Император, который продолжал любить ее, всегда отвечал: “Я не отрицаю, что вы очаровательны, но немного поразмыслите над своим положением; будьте сами судьей и решайте. У вас есть два или три мужа и дети от нескольких ваших любовников. Было бы счастьем разделить с вами первую вину; вторая причинила бы боль, но все же ее можно было бы простить; но продолжение — и тогда, и тогда!... Воображайте себя императором и судьей; что бы вы сделали на моем месте, я, который обязан восстановить и поддерживать определенный этикет”. Прекрасная поклонница либо не ответила, либо сказала: “По крайней мере, не лишай меня надежды”, - и отложила свои притязания на счастье до следующего года. И каждый из нас, - сказал император, - был пунктуален на новой встрече”.

Императору доставляло огромное удовольствие подвергаться оскорблениям на этих балах. Однажды он от души посмеялся в доме Камбасересов, услышав от мадам де Сен-Д ..., “что на балу были люди, которых следовало выставить вон, и что они, конечно, не смогли бы попасть на бал без украденных билетов”.

В другой раз он заставил нежную и робкую мадам де Мегрины встать и удалиться в гневе и со слезами на глазах, жалуюсь, что свободой, предоставленной на балу-маскараде, в ее случае жестоко злоупотребили. Император только что напомнил ей об очень замечательной милости, которую он ранее оказал ей, и добавил, что все предполагали, что она заплатила за это, предоставив ему право господства. “Но не было, - сказал император, - никого, кроме меня, кто мог бы сказать это, не оскорбляя ее; потому что, хотя таков был слух, я был уверен в его лживости”. Ниже приводится описание этого обстоятельства.

Когда император направлялся на коронацию в Милан, он ночевал в Труа. Ему были представлены представители власти, а с ними была молодая леди, собирающаяся выйти замуж, с прошением, в котором она просила его о защите и помощи. Поскольку император, кроме того, желал сделать что-нибудь, что могло бы произвестихороший эффект и оказаться приятным для страны, обстоятельства казались благоприятными, и он воспользовался ими со всей мыслимой грацией. Молодая леди (мадам де Мегрины) принадлежала к знатным семьям этой провинции, но была полностью разорена эмиграцией. Едва она вернулась в жалкое жилище своих родителей, как прибыл паж с указом императора, по которому они получали доход в размере 30 000 франков или более. Можно хорошо представить себе последствия такого разбирательства. Однако, поскольку молодая леди была очень обаятельна и безупречно красива, было решено,

что ее очарование имело некоторую долю в его галантности, хотя он покинул город через несколько часов после этого и никогда больше не вспоминал об этом; но общее мнение на этот счет ни на йоту не изменилось. Хорошо известно, как складываются истории; и поскольку она вышла замуж за одного из его конюших и, следовательно, попала ко двору, все это так хорошо сочеталось друг с другом, что, когда впоследствии ее назначили помощницей гувернантки короля Рима, этот выбор на мгновение шокировал строгую мадам де Монтескью, которая заподозрила, по словам императора, что это было всего лишь соглашение.

Император сказал, что в Турине он возобновил в лице мадам де Ласкарис ту же грациозную галантность, что и в Труа; и что в обоих случаях у него были основания быть довольным результатами своей щедрости. Обе семьи выразили свою привязанность и благодарность.

Мы поинтересовались, каковы могли быть чувства Пьемонта по отношению к нему самому. По его словам, он питал особую привязанность к этой провинции. Господин де Сен-Марсан, на верность которого он полагался до конца, заверил его, что в период наших неудач страна покажет себя одной из его лучших провинций.

“На самом деле, ” продолжал император, “ пьемонтцам не нравится быть маленьким государством; их король был настоящим феодалом, которого нужно было обхаживать или бояться: у него было больше власти, чем у меня, который, как император Франции, был всего лишь верховным судьей, обязанным следить за исполнением законов и неспособным обойтись без них. Был ли в моей власти предотвратить арест придворного за долги? Мог ли я положить конец регулярному действию законов, независимо от того, на кого они действовали?”

Во время беседы за ужином император поинтересовался, было ли подсчитано количество речной воды, впадающей в Средиземное и Черное моря. Это побудило его выразить пожелание, чтобы был произведен расчет речных вод Европы и чтобы была установлена пропорция, вносимая каждой долиной и каждым ручьем. Он очень сожалел, что не предложил эту серию научных вопросов. По его словам, это была его великая система. Пришла ли ему в голову какая-нибудь полезная, любопытная или занимательная идея: “Я предлагал на своих приемах или в своих знакомых сообщениях аналогичные вопросы моим сотрудникам Института с приказом разрешить их. Решение стало предметом общественного расследования; оно анализировалось, оспаривалось, принималось или отвергалось; и нет ничего, чего нельзя было бы достичь таким образом. Это великий рычаг совершенствования для великой нации, обладающей большим интеллектом и обширными знаниями”.

Император также заметил по этому поводу, что география никогда не развивалась так успешно, как в настоящее время, и что его экспедиции в некоторой степени способствовали ее улучшению. Впоследствии он обратил внимание на каналы, которые по его приказу были проложены во Франции, и особо упомянул каналы от Страсбурга до Лиона, в которых, как он надеялся, был достигнут достаточный прогресс, чтобы побудить других завершить его. Он подумал, что из тридцати миллионов двадцать четыре, должно быть, уже израсходованы.

“Коммуникации теперь налажены во внутренних районах от Бордо до Лиона и Парижа. Я построил огромное количество каналов и спроектировал еще огромное количество”. Один из нас заметил, что предложение о строительстве очень полезного канала было представлено императору, но что были приняты меры, чтобы обмануть его, с целью помешать ему принять это предложение: “Без сомнения, - сказал император, - этот план должен был казаться выгодным

только на бумаге; но я полагаю, что было бы необходимостью деньги, которые были вытянуты у меня с трудом”. — Нет, сир, отказ был всего лишь результатом интриги. Ваше величество были обмануты. — “Это было невозможно в отношении такого предмета. Вы говорите, не располагая достаточной информацией”. — “Но я уверен в этом. Я был ознакомлен с планом, предложениями и подписчиками; мои родственники указали свои имена на значительные суммы. Целью было соединение Мааса с Марной. Длина канала составила бы менее семи лье.” — “Но вы не говорите нам всего; возможно, требовалось, чтобы я предоставил огромные национальные леса в окрестностях, на что я не должен был соглашаться”. — “Нет, сир, все это было интригой вашего Совета мостов и дорог”. — “Но даже тогда им было необходимо сослаться на какие-то причины, на какую-то видимость общественного интереса. Какие причины они называли?” “Сир, что прибыль была бы слишком значительной. — “Но в таком случае план должен был быть представлен мне лично, и я привел бы его в исполнение. Я повторяю, что вы не оправдываетесь фактами; вы сейчас говорите с человеком на ту самую тему, которая постоянно привлекала его внимание. Совет мостов и дорог, со своей стороны, никогда не был так доволен, как при приеме на работу. Никогда не было человека, предложившего строительство моста, которому не поверили бы на слово. Если он просил плату за двадцать пять лет, я был готов предоставить ему ее на тридцать. Если это ничего мне не стоило, было безразлично, окажется ли это полезным. Это все еще был капитал, которым я обогащал почву. Вместо того, чтобы отвергать предложения о прокладке каналов, я с энтузиазмом за ними ухаживал. Но, мой дорогой сэр, нет двух вещей, которые были бы так мало похожи друг на друга, как беседа в салуне и соображения Административного совета. Прожектер в салуне всегда прав; его проекты были бы великолепны и непогрешимы, если бы к нему прислушивались, и если бы он мог с помощью какого-нибудь маленького изобретения связать отказ, от которого он he страдает, с несколькими бутылками вина, с какой-нибудь интригой, затеянной женой или любовницей, романтика завершена, и это то, что вы, вероятно, слышали. Но Административным советом нельзя управлять таким образом, потому что он принимает решения только на основе фактов и точных измерений. Что это за канал, о котором вы упомянули? Я не могу не знать об этом”. — “Сир, от Мааса до Марны расстояние всего в семь лье”. — “Очень хорошо! мой дорогой сэр, вы имеете в виду расстояние от Мааса до Эны, и это было бы меньше семи лиг. Я скоро вспомню все об этом; однако необходимо преодолеть лишь одну небольшую трудность, и она заключается в том, что в данный самый момент сомнительно, осуществим ли этот проект. Там, как и в других местах, Гиппократ говорит *да*, а Гален говорит *нет*. Тарбе утверждал, что это невозможно, и отрицал наличие достаточного количества воды в том месте, где это должно было начаться. Я повторяю, что вы говорите с ним, который из всех остальных был наиболее внимателен к этим объектам, особенно в окрестностях Парижа. Я постоянно думал о том, чтобы превратить Париж в настоящую столицу Европы. Мне иногда хотелось, чтобы он, например, стал городом с населением в два, три или четыре миллиона человек, короче говоря, чем-то сказочным, колоссальным, не имеющим аналогов до наших дней и с общественными учреждениями, соответствующими его населению”.

Кто-то тогда заметил, что, если бы Небеса позволили императору царствовать шестьдесят лет, как Людовику XIV, он оставил бы много величественных памятников: “Если бы Небеса даровали мне двадцать лет и чуть больше досуга, - с живостью продолжал император, ” древний Париж искали бы напрасно; от него не осталось бы и следа, и я изменил бы облик Франции. Архимед обещал сделать все, что угодно, при условии, что у него будет опора для рычага; я должен был сделать то же самое везде, где я мог бы найти точку опоры для своей энергии, своего упорства и

своих бюджетов; мир мог бы быть создан с бюджетами. Я должен был показать разницу между конституционным императором и королем Франции. Короли Франции никогда не обладали никакими административными или муниципальными учреждениями. Они просто показали себя великими лордами, которых разорили их деловые люди.

“Сама нация не имеет в своем характере и вкусах ничего, кроме преходящего и тленного. Все делается ради сиюминутного удовольствия и каприза, ничего ненадолго.... Это наш девиз, примером которого являются наши манеры во Франции. Каждый проводит свою жизнь в делании и разрушении; ничто никогда не остается позади. Разве не неприлично, что в Париже нет даже французского театра или Оперного театра, в каком-либо отношении достойного его высоких притязаний?

“Я часто выступал против праздников, которые город Париж хотел мне устроить. Они состояли из обедов, балов, искусственных фейерверков стоимостью в четыреста, шестьсот или восемьсот тысяч франков; приготовления к ним задерживали публику на несколько дней и впоследствии стоили столько же на их устранение, сколько и на их сооружение. Я доказал, что на эти праздные расходы они могли бы воздвигнуть долговечные и великолепные памятники.

“Человек должен пройти через столько же, сколько прошел я, чтобы познать все трудности творения добра. Если дело касалось дымоходов, перегородок и мебели для некоторых лиц в императорских дворцах, работа выполнялась быстро; но если было необходимо удлинить сад Тюильри, благоустроить некоторые помещения, прочистить некоторые канализационные стоки и выполнить полезную для общества задачу, в которой конкретные лица не имели прямого интереса, я обнаружил, что мне необходимо напрячь всю энергию моего характера, писать шесть-десять писем в день и впадать в настоящую страсть. Именно таким образом я вложил в канализацию целых тридцать миллионов долларов, за что никто никогда не поблагодарит меня. Я снес участок стоимостью семнадцать миллионов в домах перед Тюильри, чтобы построить Карусель и открыть Лувр. То, что я сделал, огромно; то, что я решил сделать, и то, что я планировал, было гораздо важнее”.

Затем один человек заметил, что труды императора не ограничивались ни Парижем, ни Францией, но что почти в каждом городе Италии можно увидеть следы его творческой силы. Куда бы вы ни отправились, у подножия или на вершине Альп, в песках Голландии, на берегах Рейна, везде можно было увидеть Наполеона, всегда Наполеона.

В связи с этим замечанием он заметил, что принял решение осушить понтийские болота. “Цезарь, - сказал он, - собирался предпринять это, когда погиб”. Затем возвращаясь к Франции: “У королей, по его словам, было слишком много загородных домов и бесполезных предметов. Любой беспристрастный историк будет прав, обвиняя Людовика XIV. за его чрезмерные и праздные траты в Версале, когда он был вовлечен в войны, налоги и бедствия. Он истощил себя ради того, чтобы в конце концов создать город-бастард”. Затем император проанализировал преимущества административного города, то есть рассчитанного на объединение различных ветвей управления, и они показались ему поистине проблематичными.

Император не скрывал своего мнения, что столица временами не была подходящей резиденцией для государя; но, с другой точки зрения, Версаль не подходил для великих людей, министров и придворных. Людовик XIV. следовательно, он совершил грубую ошибку, если взялся построить Версаль исключительно для резиденции королей, когда Сен-Жермен был во

всех отношениях готов для этой цели; Природа, казалось, создала его специально для настоящей резиденции королей Франции. Сам Наполеон совершал ошибки в этом отношении, ибо, по его словам, было нехорошо хвалить себя за все, что было сделано таким образом. Ему следовало, например, отказаться от Компьеня, и он сожалел, что отпраздновал свою свадьбу там, вместо того чтобы выбрать Фонтенбло. “Это, ” сказал он, имея в виду Фонтенбло, “ настоящая обитель королей, дом веков; возможно, строго говоря, это не архитектурный дворец; но он, несомненно, хорошо рассчитан и идеально подходит. Это, безусловно, было самое удобное и удачно расположенное место в Европе для монарха”.

Затем он сделал обзор столиц, которые посетил, дворцов, которые видел, и заявил о решительном превосходстве в нашу пользу. Фонтенбло, добавил он далее, в то же время был наиболее подходящим местом для политической и военной ситуации. Император упрекал себя за те суммы, которые он потратил на Версаль, но все же, по его словам, это было необходимо, чтобы не допустить его разорения. Снос значительной части этого дворца рассматривался во время революции; было предложено убрать центр и таким образом разделить два крыла. “Это оказало бы мне существенную услугу, - заметил он, - ибо нет ничего более дорогого или по-настоящему бесполезного, чем это множество дворцов; и если, тем не менее, я взялся за дело римского короля, то только потому, что у меня были особые взгляды; и, кроме того, на самом деле я никогда не думал о чем-то большем, чем о подготовке почвы. На этом мне следовало остановиться.”^[5]

“В конце концов, мои ошибки при выплатах такого рода не могли быть очень большими. Благодаря моим бюджетам они соблюдались и обязательно исправлялись каждый год и никогда не могли превышать небольшой части расходов, вызванных первоначальной ошибкой ”.

Император заверил нас, что он испытывал всевозможные трудности в том, чтобы сделать свою систему бюджетов понятной и привести ее в исполнение. Всякий раз, когда предлагался план на сумму в тридцать миллионов, который меня устраивал, я соглашался, был мой ответ, но должен был быть завершен через двадцать лет, то есть за полтора миллиона франков в год. До сих пор все шло очень гладко; но что я получу, добавил я, за свой первый год? Ибо, если мои расходы должны быть разделены на части, то, однако, я полон решимости получить результат, работу, насколько это возможно, целостную и завершенную. Таким образом, сначала я мечтал об отдыхе, о квартире, неважно какой, но о чем-то идеальном за мои полтора миллиона франков. Архитекторы, казалось, решили не понимать, что я имею в виду; это сузило их широкие взгляды и их грандиозные эффекты. Они бы сразу же охотно возвели целый фасад, который, должно быть, долгое время оставался бесполезным, и таким образом вовлекли бы меня в огромные расходы, которые, если бы их прервали, поглотили бы все.

“Именно таким образом, который был присущ только мне, и несмотря на множество политических и военных препятствий, я осуществил так много начинаний. Я собрал мебели, принадлежащей короне, на сумму в сорок миллионов, и столовых приборов стоимостью по меньшей мере в четыре миллиона. Сколько дворцов я не отремонтировал? Возможно, слишком много; я возвращаюсь к этой теме. Благодаря моему образу действий я смог поселиться в Фонтенбло в течение одного года после начала ремонта, и это обошлось мне не более чем в 5-600 000 франков. Если с тех пор я потратил на это шесть миллионов, то это было сделано за

шесть лет. Со временем это обошлось бы мне гораздо дороже. Моей главной целью было сделать расходы легкими и незаметными, а также придать работе долговечность.

“Во время моих визитов в Фонтенбло, - сказал император, - от 12 до 1500 человек были приглашены и размещены со всеми удобствами; за обедом можно было угостить свыше 3000 человек, и это обходилось государю очень дешево вследствие замечательного порядка и регулярности, установленных Дюроком. Более двадцати пяти принцев, сановников или министров были вынуждены содержать там свои дома.

“Я не одобрял строительство Версаля; но в моих идеях относительно Парижа, а они порой были грандиозными, я думал о том, чтобы сделать его полезным и превратить со временем в своего рода предместье, прилегающее место, точку обзора из великой столицы; и, чтобы более эффективно использовать его для этой цели, я задумал план, описание которого у меня было набросано.

“Я намеревался изгнать из его прекрасных рощ этих нимф, творений дурного вкуса, и эти украшения в *стиле Туркарет*, и заменить их каменными панорамами всех столиц, в которые мы вошли победителями, и всех знаменитых сражений, которые придали блеск нашему оружию. Это было бы собрание стольких вечных памятников наших триумфов и нашей национальной славы, установленных у ворот столицы Европы, которые не могли не посетить остальные страны мира”. Здесь он внезапно прервался и начал читать “Le Distrain”, но почти сразу отложил ее в сторону, то ли от волнения собственных мыслей, то ли от нервного кашля, которым он в течение короткого времени часто страдал после обеда. Ему определенно становится значительно хуже, и его здоровье в целом ухудшается.

ПЛАН ИСТОРИИ ЕВРОПЫ.—СЕЛИМ III.—СИЛЫ ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА.— МАМЛЮКИ.—О РЕГЕНТСТВЕ.

5-го.-Император вышел только после пяти часов. Ему было больно, и он принял ванну, в которой оставался слишком долго, из-за приезда сэра Х. Лоу, поскольку не хотел покидать ее, пока губернатор не уйдет.

Находясь в ванне, император читал историю Османской империи в двух томах. Ему пришла в голову идея - и он сожалел, что не смог ее осуществить, - составить всю историю Европы со времен Людовика XIV на основе документов, принадлежащих нашему министерству иностранных дел, где хранятся регулярные официальные отчеты всех послов.

“Мое правление, ” заметил он, - было бы идеальной эпохой для достижения этой цели. Превосходство Франции, ее независимость и возрождение позволили тогдашнему правительству публиковать подобные материалы без каких-либо неудобств. Это было бы похоже на публикацию древней истории. Ничто не могло быть более ценным”.

Затем он обратился к султану Селиму III, которому, по его словам, однажды написал: “Султан, выйди из своего сераля; встань во главе своих войск и возобнови славные дни своей монархии”.

“ Селим, Людовик XVI. ”что касается турок, - сказал император, - которые были очень привязаны и благосклонны к нам, то он удовлетворился ответом, что совет был бы превосходным для

первых принцев его династии; но нравы тех времен были совсем другими; и что такое поведение в настоящее время было бы несвоевременным и совершенно бесполезным“ .бесполезно”.

Император добавил, однако, что никто не знал, как с уверенностью рассчитать энергию внезапного взрыва, который мог быть произведен константинопольским султаном, способным поставить себя во главе своего народа, вселить в него новый дух и побудить эту фанатичную толпу к действию. Позже он заметил, что, со своей стороны, если бы ему удалось объединить мамлюков со своими французами, он должен был бы считать себя властелином мира. “С этой горсткой избранных и сбродом, ” добавил он с улыбкой, “ набранным на месте, чтобы быть израсходованным в час нужды, я не знаю ничего, что могло бы устоять передо мной. Алжир содрогнулся от этого.

“Но если вашему султану, ’ сказал однажды дей Алжира французскому консулу, - когда-нибудь взбредет в голову нанести нам визит, на какую безопасность мы можем надеяться? Ибо он победил мамлюков.’ Мамелюки, ” заметил император, “ на самом деле были объектами почитания и ужаса на всем Востоке; до нашего времени на них смотрели как на непобедимых”.

Император, ожидая обеда среди нас, открыл книгу, которая лежала рядом с ним на кушетке; это была "Регентство". Он заклеил эту эпоху как одну из самых отвратительных в наших летописях и был раздосадован тем, что она была описана с легкомыслием того времени, а не с суровостью истории. Она была усыпана цветами светской жизни и оттенена колоритом Изящества, вместо того чтобы к ней отнеслись со строгой справедливостью. Регентство, по его словам, на самом деле было царством порочности сердца, распушенности ума и самой радикальной безнравственности всех видов. Это было так, сказал он, что он верил во все ужасы и мерзости, в которых упрекали манеры регента в кругу его собственной семьи; в то же время он не верил историям, рассказанным о Людовике XV, который, хотя и погряз в самом грязном и ужасном разврате, не давал, однако, никаких оснований оправдывать свою веру в такие возмутительные и чудовищные поблажки; и он очень удовлетворительно оправдал его от некоторых обвинений, которые серьезно повлияли бы на личность одного из его (Наполеона) друзей. бывшие адъютанты. Он считал, что эпоха регента была ниспровержением всякого рода собственности, разрушением общественной морали. Ничто не считалось священным ни в манерах, ни в принципах. Регент лично был опозорен. В деле о законных принцах он проявил величайшую низость и совершил крупное злоупотребление властью. Только король мог санкционировать такое решение, и он, регент, испытывал удовольствие, беспричинно опозорив себя в лице своей жены, внебрачной дочери Людовика XIV, на которой он, однако, счел своим интересом жениться, пока этот король находился на троне.

6. Поскольку мы хотели попробовать палатку, которая была только что закончена, там был накрыт стол, и мы пригласили английских офицеров, руководивших работами, позавтракать с нами.

Император послал за мной в свои апартаменты; он оделся, и, когда он вышел, я проводил его до опушки леса, где мы некоторое время гуляли. Он вступил в обсуждение некоторых важных тем.

Император вернулся к коляске, чтобы приказать привести ее в готовность, и мы продолжили нашу прогулку, пока она не догнала нас. По нашем возвращении император посетил палатку и сказал несколько слов, выражающих его удовлетворение офицеру и матросам, которые приложили к ней последние усилия.

КАМПАНИИ ИТАЛИИ И С.—ЭПОХА 1815 Г. И С.—ГУСТАВ III.—ГУСТАВ IV.— БЕРНАДОТТ.—ПАВЕЛ I.

7—е.-После завтрака в палатке императору захотелось просмотреть некоторые главы из кампаний в Италии: он послал за моим сыном, нога которого наконец зажила, а зрение стало намного лучше. Он закончил главы "Павии" и "Ливорно". После этого он направился к опушке леса, приказав экипажу следовать за ним. По дороге император сказал, что считает кампании в Италии и Египте полностью завершенными и находящимися в пригодном состоянии для показа публике, и это, без сомнения, отметил он, было бы очень приятным подарком французам и итальянцам; это свидетельство их славы и их прав. Однако он не считал, что ему следует подписывать это своим именем, и повторил, что разные эпохи его мемуаров увековечат эпохи его верных товарищей.

По прибытии коляски разговор продолжался на ту же тему, и его настойчиво просили закончить 1815 год; и его важность, интерес и результаты горячо обсуждались. "Очень хорошо!" - сказал он с улыбкой. "Я должен полностью посвятить себя этому; мне приятно, когда меня поощряют; но также необходимо приступать к работе с подходящим настроением. Мы пресыщены здесь отвращением и обманом; кажется, нам завидуют воздуху, которым мы дышим".

Он вернулся в свою квартиру, и я последовал за ним, когда состоялся чрезвычайно интересный и примечательный разговор. Это относилось к Густаву III, к Швеции, к России, к Густаву IV, к Бернадоту, к Павлу I и проч.

Я уже говорил, что в Экс-ла-Шапель жил Густав III. жил среди нас как частное лицо под именем графа де Хага. Он представлял собой обаяние общества благодаря живости своего остроумия и интересу, который он придавал беседе. Я слышал из его собственных уст о его знаменитой революции 1772 года, и я был в счастливейшем положении, получив исчерпывающие сведения об этой эпохе истории Швеции. В то же время я был очень хорошо знаком с бароном де Спренгпортенем, который, проявив большое рвение к Густаву, имел несчастье уехать в Россию и вернуться во главе иностранцев, чтобы сражаться против своей страны. Следствием этого стало то, что в Швеции ему был вынесен смертный приговор. В данный момент он также находился в Экс-ла-Шапель и удалился оттуда, по его словам, из вежливости по прибытии Густава. Однако он не удалялся дальше, чем на пол-лиги, так что все, что я слышал от короля вечером, было опровергнуто, изменено или подтверждено бароном на следующее утро за завтраком. Он пользовался весьма значительной долей доверия этого принца и сообщил самые многочисленные и мельчайшие подробности в качестве положительных фактов, касающихся романтики рождения Густава IV., который был представлен как совершенно не связанный кровными узами с Густавом III., согласно его полному знанию и его собственному желанию.

Император заметил, что этот самый Спренгпортен действительно был направлен к нему Павлом в качестве посланника во время его консульства. Что касается Густава IV, то он сказал, что этот принц, появившись в мире, объявил о себе как о герое, а закончил свою карьеру просто как безумец, и что в молодости он отличался некоторыми весьма примечательными чертами характера. Будучи еще мальчиком, он оскорбил Екатерину отказом ее внучки, даже в тот

момент, когда эта великая императрица, императрица, восседавшая на своем троне и окруженная своим Двором, ждала только его, чтобы отпраздновать церемонию бракосочетания.

В более поздний период он оскорбил Александра не менее заметным образом, отказавшись после катастрофы Павла допустить одного из офицеров нового императора в свои владения и ответив на официальные жалобы, адресованные ему по этому поводу, что Александр не должен быть недоволен тем, что он, Густав, который все еще оплакивал убийство своего отца, закрыл въезд в свои государства одному из тех, кого общественность обвиняет в том, что они принесли в жертву его (Александра).

“При моем вступлении на престол, - сказал император, - он объявил себя моим великим противником; можно было бы предположить, что ничто иное, как возобновление подвигов великого Густава Адольфа, не удовлетворило бы его. Он объехал всю Германию с целью настроить врагов против меня. Во время катастрофы с герцогом Энгиенским он поклялся лично отомстить за это; а позже он дерзко отослал черного орла обратно королю Пруссии, потому что последний принял мой орден почетного легиона.

Наконец настал его роковой момент; необычный заговор сверг его с трона и изгнал из его страны. Проявленное против него единодушие, без сомнения, является доказательством совершенных им ошибок. Я готов признать, что он был непростителен и даже безумен, но, несмотря на это, необычайно и беспрецедентно, что в тот кризис ни один меч не был обнажен в его защиту, будь то из привязанности, из благодарности, из добродетельных чувств или даже по глупости, если вам угодно; и действительно, это обстоятельство делает мало чести атмосфере королей”.

Этот принц, брошенный и обманутый англичанами, которые хотели сделать его своим орудием, и отвергнутый своими родственниками, казалось, решил отречься от мира, и, как будто он чувствовал, что его существование опозорено презрением к человечеству и отвращением ко всему, он добровольно затерялся в толпе.

Император сказал, что после битвы при Лейпциге Густав сообщил ему, что он, без сомнения, долгое время был его врагом; но что долгое время он (Наполеон) был тем государем, на которого ему меньше всего приходилось жаловаться, и что в течение долгого времени его единственными чувствами по отношению к нему были восхищение и симпатия; что его настоящие несчастья позволили ему выражать свои чувства без ограничений; что он предложил стать его адъютантом и попросил убежища во Франции.^[6] “Я был тронут, - заметил император, - но вскоре сообразил, что, если я приму его, мое достоинство будет обязано приложить усилия в его пользу. Кроме того, я больше не правил миром, и тогда обычные умы не преминули бы обнаружить в интересе, который я проявлял к нему, бессильную ненависть к Бернадотту; в конце концов, Густав был свергнут с престола голосом народа, и именно голос народа возвысил меня. Вступившись за его дело, я был бы виновен в непоследовательности в своем собственном поведении и действовал бы вразрез с принципами. Короче говоря, я боялся, как бы не усложнить ситуацию еще больше, чем она была, и заглушил свое великодушие. Я заставил его ответить, что ценю то, что он мне предлагает, и что я отношусь к этому разумно, но что политические интересы Франции не позволяют мне потакать своим личным чувствам и что это даже налагает на меня болезненную задачу отказаться на данный момент от убежища, о котором он просил; что он, однако, сильно обманул бы себя, если бы предположил, что я питаю

какие-либо другие чувства, кроме крайней доброй воли и искренних пожеланий его счастья, и т.д.

“Через некоторое время после изгнания Густава, когда наследование короны было вакантным, шведы, желая зарекомендовать себя передо мной и заручиться защитой Франции, попросили меня дать им короля. Мое внимание на мгновение переключилось на вице-короля; но для него было бы необходимо сменить религию, что я считал ниже своего достоинства и достоинства всех тех, кто принадлежал мне. Кроме того, я не считал политический результат достаточно важным, чтобы оправдывать действия, столь противоречащие нашим нравам. Однако я придавал слишком большое значение идее увидеть шведский трон во владении француза. В моей ситуации это было ребяческое чувство. Настоящим королем, согласно моей политической системе и истинным интересам Франции, был бы король Дании, потому что тогда я управлял бы Швецией благодаря моему простому контакту с датскими провинциями. Был избран Бернадотт, и своим возвышением он был обязан своей жене, свояченице моего брата Жозефа, который тогда правил в Мадриде.

“Бернадотт, изображая большую зависимость от меня, пришел просить моего одобрения, заявив со слишком заметным беспокойством, что он не примет корону, если это не будет угодно мне.мне.

“Я, избранный Монарх народа, должен был ответить, что я не могу противопоставлять себя выборам других наций. Именно это я и сказал Бернадотту, все поведение которого выдавало тревогу, вызванную ожиданием моего ответа. Я добавил, что ему нужно было только воспользоваться доброй волей, объектом которой он был; что я хотел, чтобы меня считали неважным при его избрании, но что это было с моего одобрения и с моими наилучшими пожеланиями. Однако я почувствовал, как бы это сказать, тайный инстинкт, который сделал это неприятным и болезненным. Бернадотт был, в сущности, змеей, которую я лелеял в своей груди; едва он покинул нас, как присоединился к системе наших врагов, и мы были вынуждены наблюдать за ним и бояться его. В более поздний период он был одной из главных действующих причин наших бедствий; именно он дал нашим врагам ключ к нашей политической системе и объяснил тактику наших армий; именно он указал им путь к священной земле! Напрасно он стал бы оправдываться, говоря, что, приняв корону Швеции, он отныне обязан был быть только шведом; жалкое оправдание, действительное только для тех черни и простонародья, которые честолюбивы! Беря жену, мужчина не отрекается от своей матери, и уж тем более он не обязан пронзать ее грудь и вырывать внутренности. Говорят, что впоследствии он раскаялся, то есть когда для этого уже не было времени и когда зло было совершено. Дело в том, что, снова оказавшись среди нас, он понял, что мнение о нем справедливо; он почувствовал, что сражен смертью. Затем пелена спала с его глаз, ибо неизвестно, к каким мечтам могли подтолкнуть его самонадеянность и тщеславие в его слепоте.”слепота”.

ВAt конце этого и многого другого я позволил себе заметить ему, как очень фантастическую и экстраординарную случайность, что Бернадотт, солдат, возведенный в корону, для которого протестантизм был необходимым условием, на самом деле родился протестантом, и что его сын, которому по этой причине суждено было править скандинавами, предстал среди них именно с национальным именем Оскар. “Мои дорогие Лас Кейсы, - ответил император, - это потому, что так часто упоминаемая случайность, из которой древние сделали божество, которая удивляет нас каждый день и поражает каждое мгновение, в конце концов, не кажется такой

необычной, такой капризной, такой экстраординарной, а является следствием нашего незнания тайных и совершенно естественных причин, которыми она вызвана; и все же одной этой комбинации достаточно, чтобы сотворить чудесное и породить тайны. Вот, например, что касается первого пункта, а именно того, что вы родились протестантом, пусть честь этого обстоятельства не возлагается на случайность; вычеркните это. Что касается второго, по имени Оскар; я был его крестным отцом, и, когда я дал ему это имя, я души не чаял в Оссиане; это представилось, конечно, очень естественно. Теперь вы видите, как просто то, что вас так сильно удивило”.

В конце этого разговора император вернулся к Павлу; он рассказал о припадках страсти, вызванных у него вероломством английского министерства. Ему была обещана Мальта в тот момент, когда она вступила во владение, и, соответственно, он очень спешил назначить себя великим магистром. Мальта была сокращена, английские министры отрицали, что они обещали ее ему. Уверенно утверждается, что, прочитав эту позорную ложь, Павел пришел в такое негодование, что, схватив депешу в полном Составе, проткнул ее мечом и приказал отослать обратно в таком виде в качестве ответа. “Если это безумие, - сказал император, - то следует признать, что это безумие благородной души; это негодование добродетели, которая до тех пор не могла заподозрить такой низости”.

В то же время английские министры, договариваясь с нами об обмене пленными, отказались включить в тот же список русских пленных, взятых в Голландии, которые находились на действительной службе и сражались исключительно за дело англичан. “Я догадался, ” сказал император, “ о наклонностях характера Павла. Я ухватил время за хвост; я собрал этих русских; я одел их и отправил обратно к нему без каких-либо затрат. С этого момента его великодушное сердце было всецело предано мне; и, поскольку я не был заинтересован в противостоянии России и никогда не должен был говорить или действовать иначе, как по справедливости, не было никаких сомнений, что в будущем я смогу иметь в своем распоряжении Кабинет министров Санкт-Петербурга. Наши враги осознавали опасность, и считалось, что эта доброжелательность Павла оказалась для него роковой. Возможно, так оно и было, потому что есть Кабинеты, для которых нет ничего святого”.

Уже упоминалось, что император жаловался на то, что принц Понте-Корво (Бернадотт) едва успел прибыть в Швецию, как у него появился повод не доверять его планам и противодействовать им. Следующее письмо является решающим доказательством этого утверждения, а также содержит важное изложение континентальной системы.

“Тюильри, 8 августа 1811 года.

“Месье, королевский принц Швеции, до меня дошла ваша частная переписка; я высоко ценю сообщения, которые вы делаете мне, как доказательство дружеских чувств, которые вы питаете ко мне, и как свидетельство верности вашего характера. Нет никаких политических причин, которые мешали бы мне ответить вам.

“Вы, без сомнения, понимаете мотивы моего указа от 21 ноября 1806 года. Он не предписывает Европе никаких законов. В нем просто прослеживаются шаги, которые необходимо предпринять, чтобы достичь той же цели; договоры, которые я подписал, составляют остальное. Право блокады, которое присвоила себе Англия, столь же вредно для торговли Швеции и столь же враждебно чести ее флага, сколь оно наносит ущерб торговле Французской империи и

достоинству ее могущества. Я даже утверждаю, что властные притязания Англии еще более оскорбительны по отношению к Швеции, поскольку ваша торговля носит скорее морской, чем континентальный характер; реальная сила королевства Швеция заключается в существовании его военно-морского флота в такой же степени, как и в существовании его армии.

“Развитие вооруженных сил Франции носит в целом континентальный характер. Благодаря импульсу, данному сельскому хозяйству и обрабатывающей промышленности, а также строгому запрету на иностранную продукцию, я смог создать в пределах своих государств внутреннюю торговлю, которая распространяет средства к существованию и деньги от окраин до центра империи. Положение вещей таково, что я не могу решить, много ли выиграет французская торговля от мира с Англией.

“Таким образом, я осмелюсь сказать, что сохранение, соблюдение или принятие берлинского декрета больше отвечает интересам Швеции и Европы, чем конкретным интересам Франции.

“Таковы причины, которые моя мнимая политика может противопоставить мнимой политике Англии. Тайные причины, влияющие на Англию, следующие: она не желает мира; она отвергла все предложения, которые я сделал ей; ее торговля и ее территория расширены войной; она опасается реституций; она не укрепит новую систему международным договором; она не желает, чтобы Франция была могущественной. Я желаю мира, я желаю его в его совершенном состоянии, потому что только мир может придать прочность новым интересам и государствам, созданным путем завоевания. Я думаю, что по этому вопросу вашему королевскому высочеству не следует расходиться во мнении с моим.

“У меня много кораблей; у меня нет моряков: я не могу продолжать борьбу с Англией с целью принудить ее к заключению мира; ничто, кроме континентальной системы, не может оказаться успешным. В этом отношении я не испытываю никаких препятствий со стороны России и Пруссии; их торговля может только выиграть от запретительной системы.

“Ваш кабинет состоит из просвещенных людей. В шведской нации есть достоинство и патриотизм. Влияние вашего королевского высочества в правительстве в целом одобряется: вы столкнетесь с небольшими препятствиями в выводе вашего народа из меркантильного подчинения иностранному государству. Не позволяйте себе попасться на слишком заманчивые приманки, которые может предложить вам Англия. Будущее докажет вам, что, какими бы ни были революции, которые должно произвести время, Правители Европы установят запретительные законы, которые оставят их хозяевами в их собственных владениях.

“Третья статья международного договора от 21 февраля 1802 года исправляет неполные положения Фредериксхемского мирного договора. Это должно строго соблюдаться во всем, что касается колониальных товаров. Вы говорите мне, что не можете обойтись без этих товаров и что из-за отсутствия их ввоза продукция вашей таможни сокращается. Я дам вам колониальных товаров на двадцать миллионов, которые есть у меня в Гамбурге; вы дадите мне железа на двадцать миллионов. У вас не будет денег для экспорта из Швеции. Отдайте эти изделия торговцам; они заплатят ввозные пошлины; вы избавитесь от своего железа; это будет соответствовать моей цели. Мне не хватает железа в Антверпене, и я не знаю, что делать с английскими товарами.

“Будьте верны договору от 24 февраля: прогоните английских контрабандистов с дорог Готтенбурга; прогоните их с побережий, где они ведут открытую торговлю: я даю вам слово, что

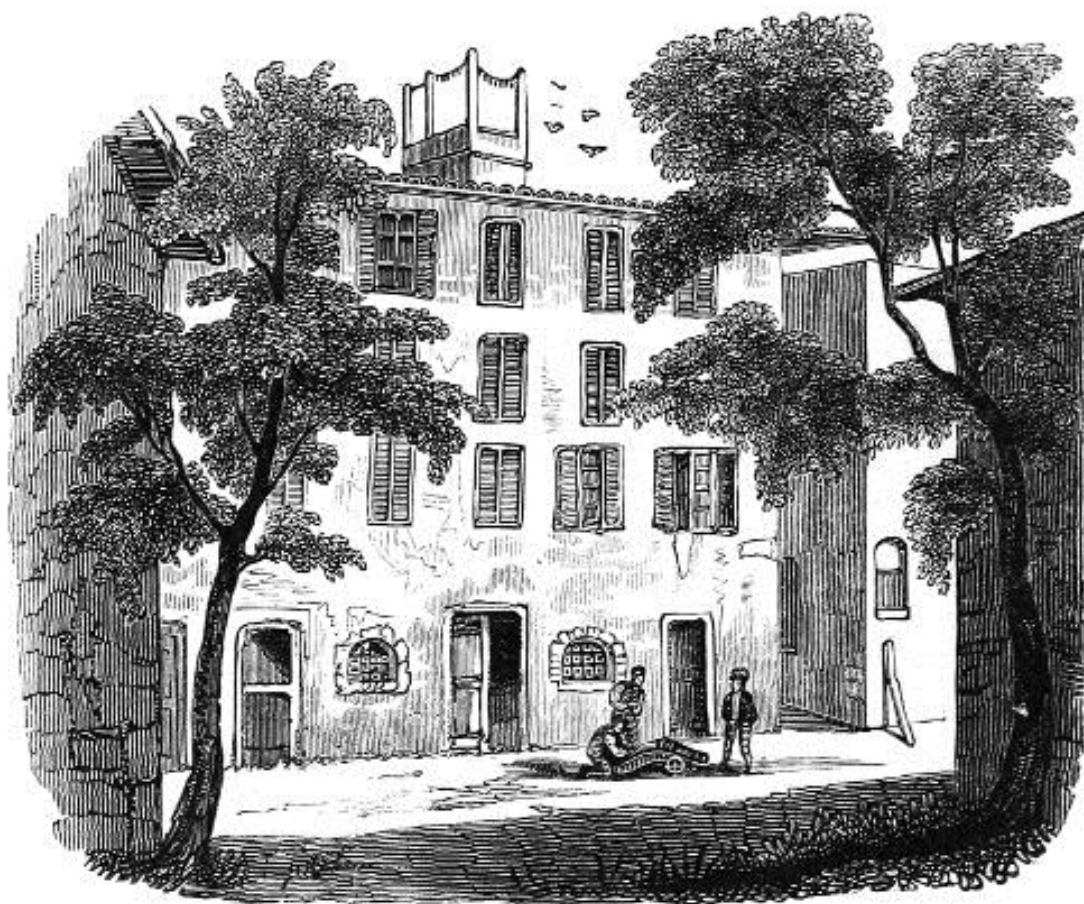
буду, со своей стороны, scrupulezno соблюдать условия этого договора. Я буду противодействовать попыткам ваших соседей присвоить себе ваши континентальные владения. Если вы не выполните свои обязательства, я буду считать себя освобожденным от своих.

“Я желаю всегда быть в дружеских отношениях с вашим королевским Высочеством; я с удовольствием выслушаю, как вы передадите этот ответ его шведскому величеству, чьи добрые намерения я всегда ценил.

“Мой министр иностранных дел даст официальный ответ на последнюю ноту, которую граф д'Эссен представил мне для ознакомления.

“У этого письма нет другого конца и т.д.

Наполеон”.

ДОМ, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ НАПОЛЕОН,

В АЯЧЧО, НА КОРСИКЕ.

Лондон: Опубликовано для Генри Колберна, февраль 1836г.

РОДОВОЙ ВИНОГРАДНИК НАПОЛЕОНА И Др. —ЕГО КОРМИЛИЦА—ЕГО ОТЧИЙ ДОМ.—СЛЕЗЫ ЖОЗЕФИНЫ ВО ВРЕМЯ СТЫЧЕК ВУРМСЕРА В ОКРЕСТНОСТЯХ МАНТУИ.

8—го. - Я отправился в апартаменты императора около одиннадцати часов. Он одевался и вместе со своим камердинером рассматривал несколько образцов парфюмерии и ароматов, полученных из Англии. Он расспросил обо всех них,

не знал ни одного из них и от души посмеялся над его вопиющим невежеством, как он это называл. Он пожелал позавтракать в палатке, и мы все собрались там.

Он пожаловался на плохое качество вина и обратился к своему метрдотелю Чиприани, корсиканцу, с просьбой спросить, нет ли у него в их стране вина получше. Он сказал, что получил в качестве части своего наследства лучший виноградник на острове, обширный и урожайный, под названием *Эспозата*, и он считает своим долгом, по его словам, не упоминать об этом, а с благодарностью. Именно этому винограднику он был обязан в юности своими поездками в Париж; именно он покрывал расходы на его отпуск. Мы спросили его, что с ней стало. Он сказал нам, что давным-давно отдал его своей сиделке, которой, он был уверен, он должен был отдать по меньшей мере сто двадцать тысяч франков в виде земель и домов на острове. Он даже решил, по его словам, подарить ей свой родовой дом; но, сочтя это слишком большим для ее положения, он подарил его семье Ромалино, своим ближайшим родственникам со стороны матери, с условием, что они передадут свое жилье его кормилице.^[7]

Короче говоря, он, по его словам, сделал из нее великую леди. Она приехала в Париж во время коронации и более полутора часов добивалась аудиенции у папы Римского. “Бедный папа, ” воскликнул император, - у него, должно быть, было много свободного времени! Она была,однако, чрезвычайно набожной. Ее муж был прибрежным торговцем на острове. Она доставила большое удовольствие в Тюильри и очаровала семью живостью своего языка и жестов. Императрица Жозефина подарила ей несколько бриллиантов”.

После завтрака император, придерживаясь своего вчерашнего решения, приступил к своей работе. Он дочитал главу из "Кастильоне", а затем отправился в лес, намереваясь дожидаться коляску. В продолжение разговора, начатого капитулом, он рассказал, что Жозефина покинула Брешию вместе с ним и, таким образом, начала кампанию против Вурмзера. Прибыв в Верону, она стала свидетельницей первых выстрелов. Когда она вернулась в Кастель-Нуово и увидела раненых, когда они проходили мимо, ей захотелось добраться до Брешии; но она обнаружила, что ее остановил враг, который уже был у Понте-Марко. В тревоге и волнении той минуты ее охватил страх, и она много плакала, расставаясь со своим мужем, который воскликнул, обнимая ее, с каким-то вдохновением: “Вурмзер дорого заплатит за те слезы, которые он тебе причинил!” Ей пришлось проехать в своей карете совсем рядом с укреплениями Мантуи. Оттуда по ней открыли огонь, и один из ее свиты был даже ранен. Она пересекла По, Болонью, Феррару и остановилась в Лукке, охваченная страхом и неблагоприятными слухами, которые обычно распространялись среди наших патриотических армий; но внутренне ее поддерживала чрезвычайная уверенность в удаче своего мужа.

Однако мнение Италии, заметил император, и чувства, внушенные французским генералом, были уже таковы, что, несмотря на кризис момента и все ложные слухи, которые сопровождали его, его жена была принята в Лукке сенатом и обращалась с ней с таким же уважением, как с

величайшей принцессой. Он пришел, чтобы сделать ей комплимент, и подарил ей знаки отличия. У него были основания аплодировать самому себе за такое поведение. Вскоре после этого курьеры принесли известие о выдающихся достижениях ее мужа и уничтожении Вурмсера.

Император вернулся в салон впервые после пожара. Постепенно его обставляют предметами, специально присланными из Лондона, что делает его немного более сносным. После обеда император начал с чтения Туркаре, к которому, по его словам, несмотря на все его остроумие, он испытывал отвращение из-за его вульгарности; но оно произвело, по его словам, впечатление *Le Sage*. Затем он взялся за *l'Avocat Patelin*, и его очень позабавил его неподдельный юмор.

9—е.-Император позавтракал в палатке и пересмотрел главу из "Бренты". В три часа он вышел проветриться в коляске. Губернатор позвонил во время нашей поездки. Было понятно, что он хотел поговорить с императором о праздновании дня рождения принца-регента, которое состоится в следующий понедельник, 12 сентября, и уведомить его о салютах и залпах, которые будут даны по этому случаю в лагере, расположенном так близко от нас. С другой стороны, говорят, что он отдал распоряжения относительно снабжения только императорского стола и что каждый из нас должен получать определенное пособие, поскольку он считает, что расходы намного превышают его возможности. Во всяком случае, посмотрим.

ЕКАТЕРИНА II.—ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ.—ПАВЕЛ I. И С. —ПРОЕКТЫ ПО ИНДИИ И С.

10—е.-Императору стало нехорошо, и он принял ванну. В три часа он вышел и вызвал экипаж. Он только что прочитал историю Екатерины. "Она была," сказал он, "властной женщиной; она была достойна того, чтобы отрастить бороду на подбородке. Катастрофы Петра и Павла были революциями в серале, делом рук янычар. Эти дворцовые солдаты ужасны и опасны в той мере, в какой Суверен абсолютен. Моя императорская гвардия также могла бы стать смертельной при любом другом командовании, кроме меня самого.

Император сказал, что они с Павлом были в наилучших отношениях. В момент его убийства, при котором общественность не пощадила ни его родственников, ни союзников, он в тот самый момент согласовал с ним план экспедиции в Индию и, несомненно, убедил бы его привести его в исполнение. Пол писал ему очень часто и очень подробно. Его первое сообщение было любопытным и оригинальным. "Гражданин первый консул, - написал он ему собственноручно, - я не обсуждаю достоинства прав человека; но когда нация ставит во главе себя человека выдающихся заслуг и достойного уважения, у нее появляется правительство, и отныне Франция в моих глазах имеет таковое".

Вернувшись, мы застали адмирала и его супругу; император посадил их в коляску и совершил еще одну экскурсию. После этого он некоторое время гулял с леди Малькольм, с которой вел себя в высшей степени любезно.

После обеда император перелистал два тома Французского театра, но не смог найти ничего, что могло бы привлечь его внимание.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ЕПИСКОП И другие.

11—е. - После нашего завтрака в палатке и нескольких прогулок по саду император в последний раз прочитал главу из "Арколя".

Во время нашей поездки в коляске кто-то заметил, что сегодня воскресенье. "Мы бы отслужили мессу, - сказал император, - если бы мы были в христианской стране, если бы у нас был священник; и это было бы для нас развлечением в течение дня. Мне всегда нравился звон колоколов в деревне. Нам следует, " добавил он веселым тоном, " выбрать среди нас священника, викария Святой Елены.— Но как, было сказано, рукоположить его без епископа?— "А разве я не один из них, - ответил император, - разве я не был помазан тем же елеем, освящен тем же способом? Разве Хлодвиг и его преемники не были помазаны в то время по формуле *Rex Christique sacerdos*? Разве они на самом деле не были настоящими епископами? Не было ли последующее подавление этой формулы вызвано ревностью и политикой епископов и пап?"

Я не ел за обедом, император пожелал узнать причину. У меня были сильные боли в животе, жалоба, которой, как я сказал, я очень подвержен. "Мне повезло больше, чем вам", - заметил он. "За всю мою жизнь у меня никогда не болела голова или ~~желудок~~" желудок" Император часто повторял то, что он сказал, и он произносил эти же слова, возможно, десять, двадцать или тридцать раз, среди нас в разные моменты.^[8]

КАМПАНИЯ 1809 ГОДА И позже

12. Утро император провел в ванной, читая журналы дебатов за март и апрель, полученные вчера через Кейп. Император был очень занят ими; они произвели большое возбуждение в его организме.

В общем, с тех пор как император стал получать книги, и в особенности "Монитор", он гораздо больше времени проводил дома; он почти не выезжал за границу; он больше не пользовался ни лошадью, ни даже коляской; он почти не выходил подышать воздухом в саду; лучше ему от этого не становилось, черты его лица и здоровье заметно изменились.

Сегодня я застал его за чтением "Круазад" Мишо, которое он оставил, чтобы просмотреть "Мемуары Безенваля". Он остановился на дуэли между графом д'Артуа и герцогом де Бурбоном. Подробности показались ему любопытными, но они казались очень далекими от нас. "Трудно, - заметил он, - примирить столь близкие нам времена со столь разными нравами".

В ходе сегодняшних бесед император случайно повторил то, о чем я упоминал в другом месте, что его лучший маневр был совершен в Экмюле, не уточнив, однако, этого дальше.

О ВОЙНЕ С РОССИЕЙ. —ЖЕРТВЫ И С. —М. ДЕ ТАЛЕЙРАН И С.—КОРИННА МАДАМ ДЕ СТАЛЬ.—М. НЕККЕР И С.

13-е число. Ранним утром я проводил императора далеко в лес; он беседовал более часа о положении Франции, а затем вернулся к людям, которые его предали, и многочисленным несчастьям, которые заставили его идти вперед; к вероломной безопасности, вызванной его браком с Австрией; к увлечению турок, которые заключили мир именно тогда, когда им

следовало начать войну; к увлечению Бернадотта, которым двигали его себялюбие и негодование, а не его истинное величие и стабильность; к сезону, когда он был в опасности. суров сверх всякой меры и даже до превосходства таланта, проявленного г-ном де Нарбоном, который, узнав о замыслах Австрии, вынудил ее принять активные меры. Наконец, он вернулся к успехам при Лютцене и Бауцене, которые, вернув короля Саксонии в Дрезден, поставили его, Наполеона, во владение враждебными подписями Австрии и лишили ее всяких дальнейших уловок. “Какое несчастливое совпадение!” - воскликнул он самым выразительным тоном. “и все же, ” продолжал он, “ на следующий день после битвы при Дрездене Франциск уже прислал человека для лечения. Было необходимо, чтобы катастрофа с Вандамом произошла в определенный момент, чтобы как бы подтвердить предначертание судьбы”.

Г-н де Талейран, на поведение которого часто ссылался император, с целью выяснить, по его словам, когда он действительно начал его предавать, настоятельно убеждал его заключить мир по возвращении из Лейпцига. “Я должен, ” заметил он, “ отдать ему должное. Он придрался к моей речи в Сенате, но горячо одобрил то, с чем я выступил перед Законодательным органом. Он неизменно утверждал, что я обманывался относительно энергии нации; что она не поддержит мою и что от меня требуется устраивать свои дела путем всевозможных жертв. Похоже, что тогда он был искренен. Исходя из собственного опыта, я никогда не находил Талейрана красноречивым или убедительным. Он много и подолгу размышлял над той же идеей. Возможно, кроме того, поскольку наше знакомство было давним, он вел себя со мной как-то по-особому. Однако он был настолько искусен в своих увертках и бреднях, что после бесед, длившихся несколько часов, он ушел, часто уклоняясь от объяснений и целей, которые я ожидал получить от него по его приезде”.

Что касается текущих событий и содержания последних газет, которые описывали Францию в состоянии постоянно растущего волнения, то результатом было то, что шансы на будущее казались неопределенными, умноженными и неисчерпаемыми для всей Европы, и что в тот момент существовал неопровержимый факт, сообщаемый нам со всех сторон, что никто в Европе не считал себя в постоянном положении. Казалось, каждый предчувствовал новые события.

Император пригласил меня позавтракать с ним в палатке. Затем он послал за "Коринной" мадам де Сталь и прочел несколько глав из нее. Он сказал, что не смог пройти через это. Мадам де Сталь изобразила в своей героине настолько полное сходство с собой, что ей удалось убедить его, что это она сама. “Я вижу ее, ” сказал он, “ я слышу ее, я чувствую ее, я хочу избежать встречи с ней и выбрасываю книгу. В моей памяти осталось лучшее впечатление от этой работы, чем то, что я чувствую сейчас. Возможно, это потому, что в то время я читал это большим пальцем, как остроумно говорит господин аббат де Прадт, и не без доли правды. Я, однако, буду упорствовать; я полон решимости довести это дело до конца; я все еще думаю, что оно не было лишено некоторого интереса. И все же я не могу простить мадам де Сталь за то, что она недооценила французов в своем романе. Семья мадам де Сталь, несомненно, очень необычна — ее отец, ее мать и она сама, все трое стоят на коленях, в постоянном обожании друг друга, угощая друг друга взаимными благовониями для большего назидания и мистификации публики. Мадам де Сталь, тем не менее, может ликовать оттого, что превзошла своих благородных родителей, когда осмелилась написать, что ее чувства к отцу были таковы, что она поймала себя на ревности к матери.

“Мадам де Сталь, ” продолжал он, “ была пылкой в своих страстях, неистовой и экстравагантной в выражениях. Это то, что было обнаружено полицией, пока она находилась под ее надзором. ‘Я далеко от тебя’ (вероятно, она писала своему мужу) ‘приезжай немедленно; я приказываю; я настаиваю на этом; Я на коленях; я умоляю тебя, приезжай.—Моя рука сжимает кинжал. Если ты будешь колебаться, я покончу с собой; и ты один будешь виновен в моемразрушении”[разрушении](#)”- Это была Коринн.

Она, по словам императора, объединила все свои усилия и все средства, чтобы произвести впечатление на генерала итальянской армии; ничего не зная о нем, она писала ему, когда была далеко; она мучила его, когда присутствовала. Если ей верить, союз гения с маленькой ничтожной креолкой, неспособной оценить или постичь его, был чудовищен. К сожалению, единственным ответом генерала было безразличие, которого женщины никогда не прощают и которое, как он заметил с улыбкой, вряд ли можно простить.

По прибытии в Париж за ним следили с тем же рвением, но он, со своей стороны, сохранял ту же сдержанность, то же молчание. Мадам де Сталь решила, однако, вытянуть из него несколько слов и сразиться с завоевателем Италии, напав на него лицом к лицу на грандиозном приеме, устроенном г-ном де Талейраном, министром иностранных дел, для победоносного генерала. Она бросила ему вызов посреди многочисленного круга, чтобы он сказал ей, кто была величайшей женщиной в мире, мертвой или живой. “Она, у которой было больше всего детей”, - ответил Наполеон с большой простотой. Мадам де Сталь поначалу была немного смущена и попыталась прийти в себя, заметив, что, по слухам, он не очень любил женщин. “Простите меня, мадам, - снова ответил Наполеон, - я очень люблю свою жену”.

Генерал итальянской армии, сказал император, без сомнения, мог бы возбудить энтузиазм женевианки Коринны до высшей степени; но он боялся ее политического вероломства и ее жажды славы; возможно, он был неправ. Героиня, однако, была слишком настойчива в своем стремлении и слишком часто впадала в уныние, чтобы не стать жестоким врагом. “Она подстрекала человека, который тогда находился под ее влиянием, и он, - заметил император, - не очень благородно взялся за это дело. При назначении трибуната он самым настоятельным образом обратился к Первому консулу с просьбой назначить его членом. В одиннадцать часов вечера он умолял изо всех сил; но в двенадцать, когда милость была оказана, он был уже выпрямлен и принял почти оскорбительную позу. Первое заседание "Трибюн" стало великолепным поводом для его нападок на меня. Ночью отель мадам де Сталь был освещен. Она короновала своего Бенджамина среди блестящего собрания и провозгласила его вторым Мирабо. За этим фарсом, который был достаточно нелеп, последовали более опасные планы. Во время Конкордата, против которого мадам де Сталь была в ярости, она сразу объединила против меня аристократов и республиканцев. ”У вас есть, - воскликнула она, -но"[но](#) осталось всего одно мгновение; завтра в распоряжении тирана будет сорок тысяч священников”.

“Мадам де Сталь, - сказал Наполеон, - в конце концов исчерпав мое терпение, была отправлена в изгнание. Ее отец серьезно обидел меня раньше, во время кампании при Маренго. Я хотел повидаться с ним по пути, а он показался мне всего лишь скучным надутым преподавателем из колледжа. Вскоре после этого, без сомнения, в надежде снова появиться с моей помощью в общественной жизни, он опубликовал[брошюруpamphlet](#), в которой доказывал, что Франция не может быть ни республикой, ни монархией. Что бы это могло быть, - заметил император, - не было достаточно очевидно. В этой работе он назвал первого консула[необходимым человеком](#)

т. Д. Лебрен ответил ему письмом на четырех страницах в своем замечательном стиле и со всем присущим ему сарказмом; он спросил его, не причинил ли он Франции достаточного вреда и не исчерпал ли его притязания снова управлять ею экспериментом с Учредительным собранием.

“Мадам де Сталь, находясь в немилости, одной рукой вела враждебные действия, а другой умоляла. Со стороны Первого консула ей сообщили, что он оставил ей вселенную для театра ее свершений; что он предоставил ей весь остальной мир и оставил за собой только Париж, куда запретил ей приближаться. Но Париж был именно объектом желаний мадам де Сталь. Неважно; консул был непреклонен. Мадам де Сталь, однако, время от времени возобновляла свои попытки. При империи она хотела быть придворной дамой. ”Да" или "нет", конечно, можно было бы произнести; но какими средствами можно было бы заставить мадам де Сталь молчать во дворце?" и т.д.

После обеда император читал Горация, и его часто прерывали наши взрывы восхищения. Никогда Корнель не казался нам более величественным, благородным, более нервным, чем на нашей скале.

ВЕЧЕРИНКА СО СТРЕЛЬБОЙ На ОСТРОВЕ СВЯТОЙ Елены И т.д. —КАНУН 15 АВГУСТА И далее.

14-го. Император ушел рано. Он послал за мной еще до девяти часов. Он намеревался сесть на лошадь и попытаться подстрелить несколько куропаток, которых мы видели каждый раз, когда ехали в карете, но которые никогда не подпускали к себе никого с охотничьим ружьем. Император пошел дальше, чтобы занять удобное положение, но куропаток больше не было видно. Вскоре он устал и сел верхом, заметив, что наша охотничья компания не совсем похожа на тех, что были в Рамбуйе и Фонтенбло. По возвращении мы позавтракали в палатке. Император усадил маленького Тристана, которого он увидел пересекающим луг, за стол и очень забавлялся с ним в течение всего застолья.

После завтрака император велел еще раз перечитать ему главу из "Риволи" и дочитал ее до конца. Мы прошли три четверти пути, когда объявили о прибытии Губернатора, мы поспешно ретировались из палатки, и каждый из нас укрылся в своей берлоге. Император был менее, чем кто-либо другой, склонен показываться на глаза: его беседы с губернатором были для него слишком неприятны и болезненны. “Я полон решимости, “ сказал он, - больше не иметь с ним дела. Я избегаю резких замечаний, которые затрагивают мой характер и мое достоинство; с моих уст не должно срывать ничего, кроме доброты и комплиментов”. Утренняя зарядка утомила его, и он принял ванну.

Около пяти часов он сел в коляску, погода была восхитительная.

Губернатор выразил искреннее желание увидеть императора; он хотел, по его словам, поговорить с ним по делу. Подозревают, что это было сделано для того, чтобы сообщить ему, что у него больше нет денег, что он все израсходовал и что он больше не знает, как действовать; вопрос совершенно безразличный для императора, который не преминул бы еще раз умолять оставить его в покое.

Перед обедом император играл в шахматы в салоне; он выпил немного пунша. Было уже поздно, когда я пришел; войдя, он велел мне выпить свою порцию пунша, но было замечено, что бокалов больше нет. “О да, - сказал он, протягивая мне свой, “ и я уверен, что он будет пить из

него”. Затем он добавил: “Это английская мода, не так ли? В нашей стране редко пьют после кого-либо, кроме своей любовницы.

За обедом было упомянуто, что это был канун 15 августа; затем император заметил: “Завтра в Европе за здоровье Святой Елены будут пить много чаю. Несомненно, есть какие-то чувства, какие-то желания, которые пересекут океан”. Утром, когда он ехал верхом, его посетила та же мысль, и он сказал мне то же самое.

После обеда Цинна; Корнель предстает перед нами божественным.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРА.

15—е.-В этот день, 15 августа, был день рождения императора. Мы решили всем скопом явиться к нему около одиннадцати часов. Он разочаровал нас, весело появившись у наших дверей в девять. Погода была мягкая; он пошел в сад, и мы все по очереди собрались там. К нам присоединился главный маршал со своей женой и детьми. Император, окруженный своими верными слугами, завтракал в большом и красивом шатре, что является поистине удачным приобретением. Температура была хорошей, а сам он веселым и разговорчивым. На несколько мгновений показалось, что он разделяет наши чувства и желания. По его словам, он хотел провести весь день среди нас. Соответственно, мы продолжали быть вместе и проводили время в беседах, за разными занятиями, на прогулках и в карете.

ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА ПОДАВЛЕНА И Т. Д. —НЕПРИСТОЙНОСТИ В АНГЛИЙСКИХ ЖУРНАЛАХ.—МАШИНА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ЛЬДА.

16—го. Мы с сыном очень рано отправились в палатку, где император продолжал работать над различными разделами Итальянской кампании до двух часов, когда объявили о назначении губернатора, и он удалился, пробормотав: “Этот негодяй, я полагаю, завидует воздуху, которым я дышу”.

Во время завтрака он попросил “Журнал дебатов”, в котором содержалась информация об организации академий; он хотел увидеть имена членов, исключенных из Института. Это побудило его вернуться к подавлению Политехнической школы, которая, как утверждалось, была бесполезной и опасной. Английский журнал, который мы получили, придерживался иного мнения. В нем утверждалось, что само по себе подавление было более ценным для врагов Франции, чем знаменательная победа, и что ничто не могло более убедительно доказать подлинные миролюбивые настроения и крайнюю умеренность династии, которая тогда правила Францией, и т.д. В нем также говорилось о нескольких других вещах.

Кто-то заметил по этому поводу, что английские газеты демонстрируют недоброжелательство к французскому правительству, доходящее до грубости и непристойностей.

Лорд или леди Холланд с особой тщательностью отправили в Лонгвуд для императорского пользования недавно изобретенную машину, приспособленную для образования льда. Оно было доставлено нам сегодня благодаря вмешательству адмирала Малкольма. Император вышел около пяти часов и пожелал присутствовать при эксперименте; адмирал присутствовал, но эксперимент оказался очень несовершенным.

Император через некоторое время отправился на прогулку в сопровождении адмирала, и разговор зашел о самых разных предметах; со стороны императора он велся в самой приветливой и дружеской манере.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕИ НАПОЛЕОНА.—ЕПИСКОП НАНТА (ДЕ ВУАЗЕН).—ПАПА РИМСКИЙ.—СВОБОДЫ ГАЛЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ.—АНЕКДОТЫ.—КОНКОРДАТ ФОНТЕНБЛО.

17—го.-Пока император завтракал в палатке, два человека рассказали о бесчинствах, свидетелями которых они были в армии и которые не были ему известны. Они заметили многочисленные нарушения его приказов, жестокие злоупотребления властью и другие безобразия. Император выслушал; но некоторые из них были настолько шокирующими, что он не мог, по его словам, отдать им должное и заметил: “Послушайте, джентльмены, это клевета”.

Ветер был очень сильным; разразилась буря с редкими ливнями. Сырость вынудила императора снова отправиться в путь.

После ужина были прочитаны "Заир" и прекрасные сцены "Эдипа", среди которых он особенно выделил "Открытие", которое он назвал самой прекрасной и законченной частью драмы.

Говоря о священниках и религии, беседа привела императора к словам: “Человек, вступая в жизнь, спрашивает себя: откуда я пришел? Что я такое? Куда мне идти? Это так много загадочных вопросов, которые толкают нас к религии. Мы охотно принимаем это; нас привлекают наши естественные склонности; но по мере того, как мы продвигаемся в знаниях, наш путь останавливается. Обучение и история - великие враги религии, искаженные человеческим несовершенством. Почему, спрашиваем мы себя, религия Парижа не похожа на религию Лондона или Берлина? Почему религия Петербурга отличается от религии Константинополя? Почему последняя отличается от религии Персии, народов Ганга и Китая? Почему религия древних времен отличается от религии наших дней? Тогда разум приходит в печальное замешательство; он восклицает: о религии, религии! дети человеческие!... Мы совершенно верно верим в Бога, потому что все вокруг нас провозглашает его, и в него верили самые просвещенные умы; не только Боссюэ, чьей профессией это было, но также Ньютон и Лейбниц, которые не имели к этому никакого отношения. Но мы не знаем, что думать одоктрине, которой нас учат, и оказываемся подобны часам, которые идут, не зная часовщика, который их сделал. И понаблюдайте немного за глупостью тех, кто нас воспитывает; они должны держать подальше от нас идею язычества и идолопоклонства; потому что их абсурдность возбуждает первое упражнение нашего разума и готовит нас к сопротивлению пассивной вере; и тем не менее они воспитывают нас среди греков и римлян с их мириадами божеств. Таков, со своей стороны, был буквально прогресс моего понимания. Я почувствовал необходимость верить; я действительно верил, но моя вера была потрясена и неопределенна в тот момент, когда я приобрел знания и начал рассуждать; и это случилось со мной в столь раннем возрасте, когда мне было тринадцать. Возможно, я снова буду безоговорочно верить; дай Бог, чтобы я мог! Я,

конечно, не буду сопротивляться и не прошу большего благословения; по моему мнению, это должно быть великим и настоящим счастьем.

Однако при сильном возбуждении и при случайных намеках на самую безнравственность отсутствие этой религиозной веры никогда, я утверждаю, ни в каком отношении не влияло на меня, и я никогда не сомневался в существовании Бога; ибо, если моего разума было недостаточно, чтобы понять это, мой разум был не менее расположен принять это. Мои нервы были в согласии с этим чувством.

“Когда я взялся за штурвал управления делами, у меня уже были определенные представления обо всех первичных элементах, скрепляющих общество; я взвесил всю важность религии; я был убежден и твердо решил восстановить ее. Но сопротивление, которое мне пришлось преодолеть при восстановлении католицизма, вряд ли заслуживает похвалы. За мной последовали бы с большей охотой, если бы я поднял знамя протестантизма. Это нежелание зашло так далеко, что в Государственном совете, где я столкнулся с большими трудностями при принятии Конкордата, некоторые уступили, только разработав план выхода из него. ‘Что ж!’ сказали они друг другу. - Давайте обратимся в протестантизм, и это нас не коснется”. Несомненно, что в том беспорядке, в котором я преуспел, в котором я оказался, я был волен выбирать между католицизмом и протестантизмом; и также можно с уверенностью сказать, что общее расположение в тот момент было вполне в пользу последнего; но, помимо моей действительной приверженности религии, в которой я родился, у меня были самые важные мотивы, повлиявшие на мое решение. Что я должен был получить, провозгласив протестантизм? Я должен был создать две великие партии, почти равные, во Франции, когда я вообще не желал их существования; я должен был возродить ярость религиозных споров, когда свет времени и мои собственные чувства требовали их полного уничтожения. Эти две партии своими взаимными отвлекающими маневрами разрушили бы Францию и сделали бы ее рабыней Европы, в то время как у меня было честолюбивое намерение сделать ее ее хозяйкой. С помощью католицизма я гораздо эффективнее достиг всех тех грандиозных результатов, которые имел в виду. Внутри страны меньшее число было поглощено большим, и я полагался на то, что буду относиться к первому с таким равенством, что вскоре не будет повода отмечать разницу. За границей папа был связан со мной католицизмом; и с моим влиянием и нашими силами в Италии я не отчаивался, рано или поздно, тем или иным способом добиться для себя руководства этого папы, и с того времени какое влияние! Какой рычаг влияния на остальной мир!” и т. Д. В заключение он сказал: “Франциск I действительно был в состоянии принять протестантизм при его зарождении и объявить себя его главой в Европе. Карл V, его соперник, был ревностным защитником Рима, потому что рассматривал эту меру как дополнительное средство помочь ему в его проекте порабощения Европы. Разве одного этого обстоятельства не было достаточно, чтобы указать Фрэнсису на необходимость заботиться о своей независимости; но он отказался от большего, чтобы погнаться за меньшим преимуществом? Он упорствовал в осуществлении своих неблагоразумных замыслов в отношении Италии и, намереваясь угодить папе римскому, сжег протестантов в Париже.

“Если бы Франциск I принял лютеранство, благоприятствующее королевскому верховенству, он уберег бы Францию от ужасных религиозных потрясений, вызванных в более поздние периоды кальвинистами, чьи усилия, в целом республиканские, были на грани свержения трона и распада нашей благородной монархии. К сожалению, Франциск I всего этого не знал, ибо он не мог сослаться на свои угрызения совести в качестве оправдания, он, который вступил в союз с

турками и привел их к нам. Это было именно потому, что он был неспособен так далеко распространить свои взгляды. Безумие того времени! Размах феодального интеллекта! В конце концов, Франциск I был всего лишь героем тильтов и турниров и кавалером в гостиной, одним из этих карликовых великих людей.

“Епископ Нанта (Де Вуазен), - сказал император, - сделал меня настоящим католиком благодаря действенности своих аргументов, совершенству своей морали и просвещенной терпимости. Мария Луиза, духовником которой он был, однажды посоветовалась с ним об обязательстве воздерживаться от мяса по пятницам. — ‘За каким столом вы обедаете?’ — спросил епископ. - ‘У императора’. ‘Вы отдаете там все приказы?’ — ‘Нет’. ‘Вы не можете, тогда внесите в это какие-нибудь изменения; стал бы он делать это сам?’ — “Я склонен думать, что нет”. ‘Тогда будь послушной и не провоцируй скандал. Ваш первый долг - повиноваться и добиться, чтобы его уважали; вы не будете испытывать недостатка в других средствах изменить свою жизнь и терпеть лишения в глазах Бога”.

“Он также вел себя таким же образом по отношению к публичному причастию, которое некоторые люди вбили Марии Луизе в голову отпраздновать в день Пасхи. Однако она не согласилась бы без совета своего благоразумного духовника, который отговаривал ее от этого подобными доводами. Какая разница, сказал император, если бы над ней поработал фанатик! Каких ссор, каких разногласий он не мог бы вызвать между нами! Какого зла он не мог бы натворить в тех обстоятельствах, в которые я попал!”

Император заметил нам, “что епископ Нантский жил с Дидро среди неверующих и неизменно вел себя последовательно; он был готов ответить каждому; и, прежде всего, у него хватило здравого смысла отказаться от всего, что не подлежало поддержанию, и лишиться религии всего, что он не был способен защитить.— Его спросили: “Разве у животного, которое движется, комбинируете ли вы думает, нет души?” “Почему бы и нет”, - был его ответ. ‘Но куда он ведет? Ибо он не равен нашему’. ‘Тебе-то что до этого? Возможно, он обитает в лимбо’. Он обычно отступал в пределах последних укреплений, даже внутри самой крепости, и там у него были отличные средства для самозащиты. Он спорил лучше, чем папа, которого он часто ставил в тупик. Среди наших епископов он был самой твердой опорой галликанских свобод. Он был моим оракулом, моим светилом; в вопросах религии я пользовался его безграничным доверием. Ибо в моих ссорах с папой римским моей первой заботой, что бы ни говорили интриганы в рясах, было не затрагивать никаких догматических вопросов: я был настолько тверд в этом поведении, что в тот момент, когда этот добрый и почтенный епископ Нантский сказал мне: “Берегись, ты сражаешься с догмой”, - я немедленно свернул с курса, которого придерживался, чтобы вернуться к нему другими путями, не отвлекаясь вступлением с ним в споры и не пытаюсь даже постичь его смысл; и, поскольку я был уверен, что это не так. если бы я не посвятил его в мою тайну, как бы он, должно быть, не был поражен теми обходами, которые я совершал! Какой причудливой, упрямой, капризной и непоследовательной я не должна была казаться ему! Это было потому, что у меня была цель, а он не был с ней знаком.

“Папы не могли простить нам вольностей галликанской церкви. Четыре знаменитых положения Боссюэ, в частности, вызвали их негодование. По их мнению, это был настоящий враждебный манифест, и они, соответственно, считали нас, по крайней мере, такими же вне церкви, как и протестантов. Они считали нас такими же виноватыми, как и они, возможно, даже в большей степени, и если они не поразили нас своими мнимыми ударами молнии, то только потому, что

боялись последствий — нашего расставания. Пример Англии был перед ними. Они не хотели отрубить себе правую руку собственной рукой, но они постоянно ждали благоприятной возможности; они полагались на время. Они, без сомнения, готовы поверить, что оно уже наступило. Однако они будут снова разочарованы светом эпохи и нравами того времени.

“Незадолго до моей коронации, ” сказал император, “ папа пожелал видеть меня и взял за правило посетить меня лично. Он пошел на многие уступки. Он приехал в Париж с целью короновать меня; он согласился не возлагать корону на мою голову сам; он обошелся без церемонии публичного причащения; следовательно, по его мнению, он мог ожидать взамен многих компенсаций. Соответственно, сначала он мечтал о Романье и Дипломатических миссиях и начал подозревать, что ему придется отказаться от всего этого. Затем он снизошел до очень пустяковой услуги, как он это называл, - моей подписи на древнем документе, поношенной тряпке, которая досталась ему от Людовика XIV. ‘Окажите мне эту услугу, - сказал он, - на самом деле это ничего не значит’. ”Бодро, святейший отец, и дело сделано, если это осуществимо”. “осуществимо”. Однако это была декларация, в которой Людовик XIV. в конце своей жизни, соблазненный мадам де Ментенон или уговоренный своими исповедниками, он выразил свое неодобрение знаменитым статьям 1682 года, основам свобод галликанской церкви. Император проникательно ответил, что у него, со своей стороны, нет никаких личных возражений, но что для него было необходимо, для проформы, поговорить об этом с епископами; на что папа неоднократно замечал, что в таком сообщении ни в коем случае нет необходимости и что это дело не заслуживает того, чтобы поднимать столько шума. “Я“”Я никогда не покажу свою подпись, - заметил он , - она будет храниться в такой же тайне, как подпись Людовика XIV’. ‘Но если она ничего не значит, - сказал наполеон, - какой смысл в моей подписи? И если из этого можно извлечь какой-либо смысл, я обязан из чувства приличия проконсультироваться со своими врачами”

Однако, чтобы избежать обвинения в постоянном отказе в любой просьбе, император хотел казаться склонным оказать эту милость. “Епископ Нантский и другие епископы, которые на самом деле были французами, поспешили ко мне. Они были в ярости и наблюдали за мной, - сказал император, - как наблюдали бы за Людовиком XIV. на смертном одре, чтобы помешать ему стать протестантом. Были вызваны сульпицианы; они были иезуитами *маленького роста*, они стремились выведать мои намерения и были готовы сделать все, что я пожелаю.” “пожелал”. В заключение император заметил: “Папа отказался от публичного причащения в мою пользу, и именно исходя из его решимости в этом отношении, я формирую свое мнение об искренности его религиозных убеждений. Он созвал собрание кардиналов с целью уладить церемониал. Большинство горячо настаивало на том, чтобы я принял причастие публично, утверждая огромное влияние этого примера на людей и необходимость его распространения. Папа, напротив, опасаясь, как бы я не выполнил этот долг так, как если бы я выполнял один из пунктов программы г-на де Сегюра, рассматривал это как святотатство и непреклонно выступал против него. ”Наполеон, - заметил он, - возможно, неверующий; без сомнения, придет время, когда его вера утвердится, а пока давайте не будем обременять его совесть или нашу собственную”.

В своем христианском милосердии, ибо он действительно достойный, мягкий и превосходный человек, он ни разу не отчаялся увидеть меня кающимся на своем суде; он часто позволял своим надеждам и мыслям на этот счет ускользать от него. Иногда мы беседовали об этом в приятной и дружеской манере. ‘Рано или поздно это случится с вами, ’ сказал он с невинной нежностью в выражении лица. ‘ Вы будете обращены мной или другими, и тогда вы

почувствуете, как велико удовлетворение вашего собственного сердца' и т. Д. Тем временем мое влияние на него было таково, что я вытянул из него, одной лишь силой моей беседы, знаменитый Конкордат в Фонтенбло, в котором он отказался от светской власти, акт, из-за которого он впоследствии показал, что боялся суда потомства или, скорее, порицания своих преемников. Не успел он подписать, как почувствовал укол раскаяния. На следующий день он должен был пообедать со мной на публике; но ночью он был болен или притворился больным. Правда в том, что сразу после того, как я покинул его, он снова попал в руки своих постоянных советников, которые нарисовали ужасную картину совершенной им ошибки. Если бы мы были предоставлены сами себе, я мог бы делать с ним все, что мне заблагорассудится; я управлял бы религиозным миром с той же легкостью, с какой управлял политическим миром. Он был, по правде говоря, агнцем, хорошим человеком во всех отношениях, по-настоящему ценным человеком, которого я очень уважаю и люблю и который, со своей стороны, я убежден, не совсем лишен интереса по отношению ко мне. Вы не увидите, чтобы он предъявлял ко мне какие-либо серьезные претензии или предпочитал, в частности, какие-либо прямые и личные обвинения против меня, не больше, чем другие монархи. Возможно, прозвучат какие-то туманные и вульгарные заявления против честолюбия и недобросовестности, но ничего положительного и прямого; потому что государственные деятели хорошо понимают, что, когда час клеветы пройдет, никому не будет позволено предпочесть публичное обвинение без подтверждающих доказательств, а у них нет ни одного из них, чтобы предъявить: такова будет область истории. С другой стороны, останется самое большее несколько жалких хроникеров, достаточно поверхностных, чтобы принять бредни клубов или интриги за подлинные факты, или несколько авторов мемуаров, которые, обманутые ошибками момента, будут мертвы прежде, чем смогут исправить свои ошибки.

“Когда истинные подробности моих споров с Папой будут обнародованы, мир будет удивлен степенью моего терпения, ибо известно, что я со многим не мог смириться. Когда он покидал меня после моей коронации, он испытывал тайную досаду из-за того, что не получил компенсации, которую, по его мнению, заслуживал. Но, каким бы благодарным я ни был в других отношениях, я, в конце концов, не мог торговать интересами империи, оплачивая свои собственные обязательства, и, кроме того, я был слишком горд, чтобы казаться купленным за его доброту. Едва его нога ступила на землю Италии, как интриганы и провокаторы, враги Франции, воспользовались его расположением, чтобы управлять его поведением, и с этого момента все стало враждебным с его стороны. Он больше не был тем мягким, миролюбивым Кьярамонти, тем достойным епископом Имоли, который в столь ранний период показал себя достойным просвещенного состояния того времени. С тех пор его подпись ставилась только под актами, которые больше характеризовали Григорию и Бонифацию, чем его самого. Рим стал центром всех заговоров, вынашиваемых против нас. Я тщетно пытался вернуть его к жизни силой разума, но обнаружил, что не могу разобраться в его чувствах. Обиды стали настолько серьезными, а оскорбления, нанесенные нам, настолько вопиющими, что я, в свою очередь, был вынужден действовать. Поэтому я захватил его крепости; я овладел некоторыми провинциями; и я закончил тем, что занял сам Рим, в то же время заявляя и строго соблюдая, что я почитаю его священным в его духовных способностях, которые были далеки от того, чтобы удовлетворять его. Однако назрел кризис; считалось, что фортуна покинула меня в Эсслинге, и были немедленно готовы меры для возбуждения населения этой великой столицы к восстанию. Офицер, командовавший там, думал, что сможет избежать опасности, только избавившись от папы римского, которого он отослал во Францию. Эта мера была введена в действие без моего

приказа и даже находилась в прямом противоречии с моими взглядами. Я немедленно отдал приказ задержать папу, где бы его ни встретили, и его держали в Савоне, где с ним обращались со всей возможной заботой и вниманием; ибо я хотел, чтобы меня боялись, но не обращались с ним дурно; склонить его к своим взглядам, а не унижить его; - у меня были совсем другие планы! Это удаление послужило лишь разжиганию духа негодования и интриг. До тех пор ссора носила всего лишь временный характер; советники папы, в надежде восстановить свои дела, вовлекли ее во всю эту духовную неразбериху. Затем я счел необходимым продолжить состязание с ним по этому вопросу; у меня был свой совет совести, свои церковные советы, и я наделил свои императорские суды полномочиями принимать решения по делам об обжаловании злоупотреблений; ибо мои солдаты больше не могли быть полезны во всем этом: я счел необходимым сражаться с папой его собственным оружием. По отношению к его эрудированным людям, к его софистам, его штатским и его писцам я был обязан противопоставить себя им.

Был составлен английский заговор с целью увезти его из Савоны; это сослужило мне службу, я распорядился перевезти его в Фонтенбло; но это должно было стать периодом его страданий и возрождения его великолепия. Все мои грандиозные замыслы были воплощены в маскировке и тайне. Я довел дело до такой степени, что сделал развитие событий безошибочным, без каких-либо усилий и в некотором смысле совершенно естественным. Соответственно, он был освящен папой римским в знаменитом Конкордате в Фонтенбло, несмотря даже на мои неудачи в Москве. Каким тогда был бы результат, если бы я вернулся победителем и триумфатором? Следовательно, я добился столь желаемого отделения духовного от мирского, которое так вредит его Святейшеству и смешение которого вносит беспорядок в общество, именем и руками того, кто сам должен быть центром гармонии; и с того времени я намеревался возвысить папу сверх всякой меры, окружить его величием и почестями. Мне удалось бы подавить все его опасения по поводу потери его мирской власти; я бы сделал из него кумира; он остался бы рядом со мной. Париж стал бы столицей христианского мира, и я управлял бы как религиозным, так и политическим миром. Это было дополнительное средство более тесной связи всех федеративных частей империи и сохранения спокойствия во всем, что находилось за ее пределами. У меня были бы как религиозные, так и законодательные заседания; мои советы представляли бы христианский мир, а папы были бы только президентами. Я должен был созвать и распустить эти собрания, одобрить и опубликовать их дискуссии, как это сделали Константин и Карл Великий; и если это превосходство ускользнуло от императоров, то только потому, что они допустили грубую ошибку, позволив духовным главам жить на расстоянии от них; а последние воспользовались слабостью монархов или критическими событиями, чтобы избавиться от их зависимости и, в свою очередь, поработить их.

“Но, - продолжал император, - для достижения этой цели мне потребовался маневр с большой ловкостью; прежде всего, чтобы скрыть свой истинный образ мыслей, дать направление, совершенно отличное от общего мнения, и накормить публику пошлыми пустяками с целью более эффективного сокрытия важности и глубины моего тайного замысла. Соответственно, я испытал своего рода удовлетворение, обнаружив, что меня обвиняют в варварстве по отношению к папе римскому и в тирании в религиозных вопросах. Иностранцы, в частности, способствовали моим пожеланиям в этом отношении, наполняя свои жалкие пасквилы оскорблениями в адрес моего жалкого честолюбия, которое, по их словам, заставило меня поглотить жалкое достояние Святого Петра. Но я прекрасно понимал, что общественное мнение снова выступит в мою пользу дома и что за границей не может быть никаких средств расстроить

мой план. Какие только меры не были бы приняты для его предотвращения, если бы его предвидели в соответствующий период; ибо насколько велико его будущее господство над всеми католическими странами и насколько велико его влияние даже на те, которые таковыми не являются, благодаря сотрудничеству приверженцев этой религии, которые распространены по всем этим странам!”

Император сказал, что это избавление от Римского двора, этот юридический союз, контроль над религией в руках суверена были в течение долгого времени постоянным объектом его размышлений и желаний. По его словам, им владеют Англия, Россия, северные короны и часть Германии. Венеции и Неаполю это понравилось. Ни одно правительство не может существовать без этого; в противном случае нация ежеминутно страдает от своего спокойствия, своего достоинства, своей независимости. Но задача, ” добавил он, “ была очень трудной; на каждом шагу я ощущал опасность. Я был склонен думать, что, однажды занявшись этим, я буду покинут нацией. Я не раз обращался к общественному мнению, но тщетно, и мне удалось убедить себя, что мне никогда не следовало прибегать к национальному сотрудничеству. И это объясняет вылазку, свидетелем которой я был”.

Император заметил, что на одной из тех грандиозных воскресных аудиенций, на которых присутствовало очень много людей, архиепископ Турский (де Барраль) обратился к нему в очень возвышенном тоне: “Ну! Месье л'Аршевек, как продвигаются наши дела с папой? — ‘Сир, депутация ваших епископов вот-вот отправится в Савону’. Очень хорошо! постарайтесь заставить папу прислушаться к голосу разума; убедите его вести себя благоразумно; в противном случае последствия будут неприятными. Скажите ему прямо, что он больше не живет во времена Грегори и что я не дебоннер. У него есть пример Генриха VIII, и, без его порочности, я обладаю большей силой и могуществом, чем он. Пусть он знает, что какую бы роль я ни принимал, у меня есть 600 000 французов с оружием в руках, которые при любых обстоятельствах будут маршировать со мной, за меня и как я сам. Крестьяне и механики рассчитывают только на меня и питают ко мне безграничное доверие. Благоразумная и просвещенная часть среднего класса, те, кто заботится о своих интересах и желает спокойствия, последуют за мной; единственным классом, благоприятствующим ему, будут назойливые и разговорчивые, которые забудут его по истечении десяти дней, чтобы поболтать на какую-нибудь новую тему”.

И когда архиепископ, лицо которого выдавало его смущение, собрался, заикаясь, произнести несколько слов, император добавил значительно смягченным тоном: “Вы вне всего этого; я разделяю ваши доктрины; я уважаю ваше благочестие; я уважаю ваш характер!”

Император, теперь я его прекрасно понимаю, без сомнения, просто отбросил эти наблюдения, чтобы мы могли применить их в других местах; но он обманулся относительно нашего расположения или, по крайней мере, расположения дворца. Некоторые, наименее рефлексировавшая часть, решительно и громко осуждали его поведение в этих случаях; другие, с наилучшими намерениями, были чрезвычайно осторожны, чтобы не проговорить ни слова, чтобы это не повредило ему в общественном мнении; ибо таково было, в общем, наше неправильное представление, наша странная манера понимать и объяснять значение Императора, что, хотя без какого-либо дурного умысла и исключительно по легкомыслию, непоследовательности или ради моды, вместо того, чтобы сделать его популярным, мы, возможно, были теми самими людьми, которые причинили ему наибольший вред. Я очень

хорошо помню, что в то утро, когда знаменитый конкордат Фонтенбло неожиданно появился в "Монитер", некоторые лица конфиденциально уверяли друг друга в салонах Сен-Клу, что нет ничего менее подлинного, чем этот документ, и что он является подлой фальсификацией. Другие шептались, что это, без сомнения, подлиннов основных моментах, но что это было вырвано у папы гневом и насилием императора. На это я бы не удивился, если бы пикантный драматический эпизод с Наполеоном в Фонтенбло, *волочащим отца верующих за его седые волосы*, не был в точности выдумкой политического прозаика, который его сочинил, но был услышан из уст придворных и даже самих слуг императора; и именно так пишется история!

ТЕПЛАЯ БЕСЕДА С ГУБЕРНАТОРОМ В ПРИСУТСТВИИ АДМИРАЛА.

18-го. Погода была ужаснейшей в течение всей ночи и дня. Около трех часов император воспользовался тем, что немного прояснилось, и вышел. Он пришел в мои апартаменты, и мы нанесли визит генералу Гурго, который почувствовал недомогание. Затем мы навестили мадам де Монтолон, которая проводила нас в сад. Император был в прекрасном расположении духа, что оживило беседу. Он взялся убедить мадам де Монтолон сделать общую исповедь, особенно настаивая на том, чтобы она призналась в своем первом грехе. "Ну же, - сказал он, - говори без опаски, не позволяй нашему соседу стеснять тебя; считай его просто своим духовником; мы забудем все это через четверть часа".

И я действительно верю, что ему удалось бы убедить ее, когда, к несчастью, Губернатор прервал столь приятную сцену; он появился, и император, чтобы избежать встречи с ним, поспешно укрылся в глубине леса. Через несколько минут к нам присоединился г-н де Монтолон, который сообщил императору, что губернатор и адмирал искренне просят чести говорить с ним. Он подумал, что с их стороны следует сделать какое-то сообщение, и вернулся в сад, где принял их.

Мы остались позади вместе с офицерами губернатора. Разговор вскоре стал оживленным со стороны императора, который, проходя между губернатором и адмиралом, почти всегда обращался к последнему, даже когда обращался к первому. Мы продолжали двигаться на слишком большом расстоянии, чтобы что-либо расслышать отчетливо; но позже я узнал, что он снова повторил, и, возможно, с большей энергией и теплотой, все, что сказал ему в предыдущих беседах.

В результате благоприятных объяснений, которые адмирал, выступавший в роли посредника, постарался дать относительно намерений губернатора, император заметил: "Недостатки м. Лоу проистекают из его образа жизни. Он никогда не командовал никем, кроме иностранных дезертиров, пьемонтцев, корсиканцев и сицилийцев, всех ренегатов и предателей своей страны; отбросов Европы. Если бы он командовал англичанами, если бы он сам был одним из них, он проявил бы уважение к тем, кто имеет право на почести". В другой раз император заявил, что существует моральное мужество, столь же необходимое, как мужество на поле битвы; что мистер Лоу не проявил его здесь по отношению к нам, мечтая только о нашем побеге, вместо того чтобы применить единственно реальное, благоразумное и разумно осуществимое средство для его предотвращения. Император также сказал ему, что, хотя его тело находилось в руках злонамеренных людей, его душа была такой же возвышенной и независимой, как тогда, когда он был во главе 400 000 человек или на троне, когда он распоряжался королевствами.

На статью о сокращении наших расходов и о деньгах, которые потребовались от императора, он ответил: "Все эти подробности очень тягостны для меня; они низки. Ты можешь поместить меня

на горящий костер Монтесумы или Гватимозина, не извлекая из меня золота, которого у меня нет. Кроме того, кто тебя о чем-то просит? Кто умоляет тебя накормить меня? Когда у вас прекратятся поставки провизии, те храбрые солдаты, которых вы видите там, - он указал рукой на лагерь 53-го полка, - сжальтесь надо мной; я сяду за стол гренадеров, и я уверен, они не прогонят первого, старейшего солдата Европы”.

Император упрекнул губернатора в том, что тот сохранил некоторые книги, адресованные ему, на что тот ответил, что сделал это вследствие того, что они были отправлены по адресу *императора*. “А кто, ” взволнованно ответил император, “ дал вам право оспаривать этот титул? Через несколько лет ваш лорд Каслри, ваш лорд Батерст и все остальные — вы, кто говорит со мной, — будут похоронены в пыли забвения, или, если ваши имена и будут помнить, то только из-за того унижения, с которым вы обошлись со мной, в то время как император Наполеон, несомненно, навсегда останется предметом, украшением истории и звездой цивилизованных наций. Ваши клеветы против меня бесполезны; вы потратили на них миллионы; что они дали? Истина проникает сквозь облака, она сияет, как солнце, и, подобно ему, нетленна”.

Император признал, что во время этого разговора он серьезно и неоднократно оскорблял сэра Хадсона Лоу; и он также отдал ему должное, признав, что сэр Хадсон Лоу ни в одном конкретном случае не проявил недостатка уважения; он довольствовался тем, что бормотал сквозь зубы фразы, которых не было слышно. Однажды он сказал, что добивался своего отзыва, и император заметил, что это было самое приятное слово, которое он только мог сказать. Он также сказал, что мы пытались очернить его репутацию в Европе, но что наше поведение в этом отношении было ему безразлично. Возможно, единственным проявлением неуважения, сказал Император, со стороны губернатора, которое было незначительным по сравнению с тем обращением, которому он подвергся, было резкое то, как он удалился, в то время как адмирал удалился медленно, отдав многочисленные салюты. “Адмирал был именно тогда, — заметил император веселым тоном, - тем, кем был маркиз де Галло во время моего разрыва с Пассериано”. - Намек на одну из глав “Кампании в Италии”, которую он мне продиктовал.

Император заметил, что, в конце концов, ему приходится упрекать себя за эту сцену. “Я не должен больше видеть этого офицера; он приводит меня в ярость; это ниже моего достоинства; у меня вырываются выражения, которые были бы непростительны в Тюильри; если их здесь вообще можно извинить, то это потому, что я в его руках и подчиняюсь его власти”.

После обеда император приказал зачитать письмо, в ответ губернатору, который официально прислал мирный договор от 2 августа, по которому союзные монархи предусматривали заключение Наполеона в тюрьму. Сэр Хадсон Лоу тем же транспортом попросил представить иностранных комиссаров Лонгвуду. Император в течение дня продиктовал письмо месье де Монтолону. Он хотел, чтобы каждый из нас высказал свои возражения и свое мнение. Нам это показалось образцом достоинства, энергии и здравых рассуждений.

РАЗГОВОР С ГУБЕРНАТОРОМ СНОВА ОБРАТИЛ НА СЕБЯ ВНИМАНИЕ И С.— ВЛИЯНИЕ КЛЕВЕТЫ НА НАПОЛЕОНА.—МИРНЫЙ ДОГОВОР В ФОНТЕНБЛО.— РАБОТА ГЕНЕРАЛА С.-Н.

19—го.-Погода оставалась такой ужасной, какой мы ее никогда не видели. В течение нескольких дней это было похоже на одну из наших равноденственных бурь в Европе. Император подвергся этому, придя в мои апартаменты около десяти часов; выходя, он ударился

ногой о гвоздь у двери; его чулок был порван до половины ноги; к счастью, кожа была только поцарапана. Он был вынужден вернуться, чтобы переодеться. “ Вы должны мне пару чулок, ” сказал он, пока его камердинер надевал другую пару. “ вежливый человек не подвергает своих посетителей таким опасностям в своих апартаментах. Вы устроились слишком по-моряцки; это правда, это не ваша вина. Я считал себя беспечным в этих вопросах, но на самом деле вы превосходите меня”. —“Сир”, “Сир”, - ответил я, - “моя заслуга невелика, у меня нет выбора. Должен признаться, я действительно как свинья в трясине, но, как говорит ваше величество, это не только моя вина.

Мы вышли в сад, когда на мгновение прояснилось. Император вернулся к разговору, который он имел вчера с губернатором в присутствии адмирала, и снова упрекнул себя в резкости своих выражений. “С моей стороны было бы более достойно, последовательнее и достойнее выразить все эти вещи с совершенным хладнокровием; кроме того, они произвели бы большее впечатление”. Он вспомнил, в частности, вырвавшееся у него имяприменительно к сэру Х. Лоу (*главному государственному писцу*), которое, должно быть, потрясло его, тем более что оно выражало правду, а это, как мы знаем, всегда оскорбительно. “Я сам, ” сказал император, “ испытал это чувство на острове Эльба. Когда я наткнулся на самые гнусные клеветнические измышления, они нисколько не трогали меня. Когда мне говорили или читали, что *язадущил, отравил, изнасиловал*; что я убил своих больных; что моя карета переехала моих раненых; я смеялся от сочувствия. Как часто я потом не говорила мадам: “Поторопись, мама, приди и посмотри *надикаря, на человека-тигра, пожирателя рода человеческого*; приди и полюбуйся своим ребенком!’ Но когда было небольшое приближение к истине, эффект был уже не тот; я чувствовал необходимость защищаться; я накапливал доводы для своего оправдания, и даже тогда никогда не случалось, чтобы я оставался без каких-либо следов тайных мучений. Моя дорогая Ласси, таков человек!”

Император перешел от этой темы к своему протесту против мирного договора от 2 августа, который был зачитан нам после обеда. Я осмелился спросить его, не забыл ли он, заметив очевидным образом признание его титула императора англичанами во время их переговоров в Париже и Шатийоне, о том, что они, должно быть, сделали по поводу мирного договора в Фонтенбло и что, как мне показалось, было опущено. “Это было сделано намеренно, ” быстро ответил он, “ я не имею никакого отношения к этому договору; я отрицаю его; я далек от того, чтобы хвастаться им, я скорее стыжусь этого. Это обсуждалось за меня. Меня предал Н., который принес это мне. Та эпоха принадлежит моей истории, но моей истории в большом масштабе. Если бы я тогда решил вести дела разумно, я бы получил королевство Италия, Тоскана или Корсика — все, чего я только мог пожелать. Мое решение было результатом недостатка, присущего моему характеру, каприза с моей стороны, настоящего конституционного избытка. Меня охватила неприязнь и презрение ко всему, что меня окружало; я был охвачен тем же чувством к фортуне, которому мне доставляло удовольствие бросать вызов. Я бросил взгляд на участок суши, где я мог бы чувствовать себя неуютно и воспользоваться возможными ошибками. Я остановился на острове Эльба. Это был поступок души из камня. Я, без сомнения, мой дорогой Лас Кейс, обладаю очень необычным характером, но мы не были бы экстраординарными, не будь у нас своеобразной формы; Я - кусок скалы, запущенный в космос! Возможно, вам будет нелегко поверить мне, но я не сожалею о своем величии, вы видите, что меня слегка трогает то, что я потерял”.

“ А почему, сир, - заметил я, - я не должен вам верить? О чем вам сожалеть?... Жизнь человека - всего лишь атом в истории, но что касается вашего величества, то она уже настолько насыщена, что вам едва ли следует проявлять какой-либо интерес, кроме другого; если ваше тело страдает здесь, ваша память обогащается во сто крат. Если бы вам выпало окончить свои дни в окружении непрерывного процветания, сколько грандиозных и поразительных обстоятельств остались бы неизвестными! Вы сами, сир, заверили меня в этом, и я по-прежнему впечатлен силой этой истины. На самом деле не проходит и дня, чтобы те, кто были вашими врагами, не повторяли вместе с нами, вашими верными слугами, что вы здесь, несомненно, более значимы, чем в Тюильри. И даже на этой скале, на которую ты был перенесен насилием и вероломством, разве ты все еще не командуешь? Ваши тюремщики, ваши хозяева у ваших ног; ваша душа пленяет каждого, кто приближается к вам; вы сами показываете, как история представляет Святого Людовика в сарацинских цепях, настоящего повелителя своих завоевателей. Ваше непреодолимое влияние сопутствует вам и здесь. Мы, все, кто находится рядом с вами, сир, придерживаемся такого же мнения о вас; русский комиссар выразил то же самое мнение, как нас заверили, на днях, и это чувствуют те, кто вас охраняет. О чем тебе есть, о чем сожалеть?”

По нашем возвращении император, несмотря на бурю, заказал завтрак в палатку и оставил меня при себе. Дождь не проникал внутрь; единственным неудобством была значительная влажность; но шквалы ветра и дождя кружились вокруг нас и вырывались далеко перед нами, ко дну долины; зрелище было не лишено красоты.

Император удалился около двух часов; некоторое время спустя он послал за мной в свой кабинет. “Я, - сказал он, откладывая книгу, - только что прочел генерала С.Н.; он безумец, безмозглый малый, он пишет бессмыслицу. Однако, в конце концов, он читабелен и забавен; он режет, препарирует, судит и выносит приговоры людям и вещам. В нескольких случаях он, не колеблясь, дает советы Веллингтону и утверждает, что ему следовало бы провести несколько кампаний под командованием Клебера и т.д. Клебер, без сомнения, был великим полководцем, но упоминание Сульта - не лучшая часть книги; он превосходный руководитель, хороший военный министр.

“Этот человек, ” продолжал он, “ дезертировал из лагеря в Булони, унося все мои секреты англичанам; это могло повлечь за собой серьезные последствия. С.Н. был генералом; его поведение было ужасным и непростительным. Но обратите внимание, как человек в момент революции может проявлять дурной характер, быть дерзким и бесстыдным. Я нашел его по возвращении с острова Эльба; он доверчиво ждал меня и написал длинное письмо, в котором пытался одурачить меня. Англичане, сказал он, жалкие создания; он долгое время прожил среди них; он знаком с их средствами и ресурсом и мог бы быть мне очень полезен. Он знал, что я был слишком великодушен, слишком велик, чтобы помнить обиды, которые я перенес от него. Я приказал арестовать его, и поскольку он уже был судим и осужден, я затрудняюсь понять, почему его не расстреляли. Либо не было времени привести приговор в исполнение, либо о нем забыли. Не может быть ни снисхождения, ни снисходительности к генералу, который имеет бесчестье заниматься проституцией перед иностранной державой”.

Вошел великий маршал; император, продолжив беседу еще некоторое время, увел его поиграть в шахматы. Он сильно страдал от плохой погоды.

После обеда он читал "Тартюфа", но так устал, что не смог дочитать. Он отложил книгу и, воздав должное Мольеру хвалебными речами, закончил так, как мы никак не ожидали. “Весь ”Тартюф”,

- заметил он, - бесспорно, закончен рукой мастера, это одно из лучших произведений неподражаемого писателя. Однако он отмечен таким характером, что я несколько не удивлен, что его появление должно было стать предметом интересных переговоров в Версале и больших колебаний со стороны Людовика XIV. Если у меня и есть право чему-то удивляться, так это тому, что он позволил это сделать. На мой взгляд, она демонстрирует благочестие в таких отвратительных тонах; определенная сцена представляет настолько решающую ситуацию, настолько совершенно неприличную, что, со своей стороны, я без колебаний заявляю, что, если бы комедия была написана в мое время, я бы не допустил ее представления ”.

БАРОНЕССА ДЕ С... И К.

20—го.-Около четырех часов я, согласно его приказу, явился к императору в бильярдную. Погода по-прежнему оставалась ужасной; она не позволяла ему выходить на улицу, и, тем не менее, по его словам, дым выгнал его из квартиры и салуна. По его словам, мой вид сказал ему, что я весьма взволнован; это было самое живое негодование, и он пожелал узнать причину этого.

“Два или три года назад, ” сказал я, - клерк военного министерства, очень достойный человек, насколько я знаю, приходил ко мне домой, чтобы давать моему сыну уроки письма и латыни. У него была дочь, которую он хотел сделать гувернанткой и просил нас порекомендовать ее, если представится случай. Мадам Лас Касес послала за ней; она была очаровательна и во всех отношениях чрезвычайно привлекательна. С этого момента мадам Лас Касес время от времени приглашала ее к себе домой с целью ввести ее в свет и завести для нее какие-нибудь знакомства, которые могли оказаться полезными. Но как странно! эта молодая особа, наша знакомая, наш обязанный друг, на самом деле в данный момент является баронессой де С., женой одного из уполномоченных союзных держав, который прибыл на остров почти месяц назад.

“Ваше величество может судить о моем удивлении и всей моей радости по поводу этого странного стечения обстоятельств. Тогда я получу, сказал я себе, позитивную, конкретную и даже секретную информацию обо всем, что меня интересует. Несколько дней прошло без каких-либо сообщений, но и без какого-либо беспокойства и даже с некоторым удовлетворением с моей стороны. Я подумал, что чем больше осторожности, тем большего я должен ожидать. Наконец, подгоняемый нетерпением, я послал три или четыре дня назад своего слугу к мадам де С ...; я описал ее очень точно, и, как жительницу острова, ему не составило труда получить доступ. Вскоре он вернулся с ответом от мадам де С., что она не знает человека, который его послал. При любых обстоятельствах я все еще мог бы склониться к мысли, что это было излишним благоразумием и что она не желала доверять человеку, ей незнакомому. Но в тот же день я получил уведомление от губернатора, чтобы он не пытался завязывать какие-либо тайные связи на острове; что я должен осознавать опасность, которой я себя подвергаю; и что попытка, в которой он меня упрекнул, не вызывала сомнений; ибо он получил ее от того самого человека, к которому я обратился сам. Теперь ваше величество знает, что привело меня в замешательство. Осознание того, что столь гнусное обвинение исходит из того места, где я имел право ожидать некоторого интереса к моим делам и даже благодарности, привело меня в неопишное раздражение; я уже не тот человек ”.

Император рассмеялся мне в лицо: “Как мало ты знаешь о человеческом сердце! Что? ее отец был наставником вашего сына или что-то в этом роде; она пользовалась покровительством

вашей жены, когда нуждалась в нем, и она стала немецкой баронессой! Но, мой дорогой Лас Кейс, вы - человек, которого она здесь боится больше всего, который больше всего стесняет ее; она будет утверждать, что никогда не видела вашу жену в Париже, и, кроме того, этот озорной сэр Хадсон Лоу, возможно, был рад придать делу отвратительный оборот; он такой коварный, такой злобный. И тогда он начал смеяться надо мной и моим гневом.

После обеда император возобновил чтение "Тартюфа", которое он не дочитал вчера, и на сегодня оставалось еще достаточно. Император был совершенно удручен; плохая погода оказала на него заметное влияние.

КОРВИЗАР.—АНЕКДОТЫ ПАРИЖСКИХ САЛУНОВ.

21—го.—Погода такая же ужасная, как и всегда.—Нас серьезно беспокоит сырость в наших квартирах; дождь проникает повсюду.

Секретарь губернатора привез мне письмо из Европы; оно подарило мне несколько мгновений настоящего счастья; в нем содержались воспоминания и добрые пожелания моих самых дорогих друзей. Я пошел и прочитал это императору.

Император серьезно страдал от плохой погоды. Около четырех часов он отправился в свой салон; ему показалось, что у него жар, и он почувствовал себя очень подавленным; он заказал пунша и сыграл несколько партий в шахматы с великим маршалом. Доктор приехал из города. Два судна только что прибыли с мыса; одно из них - "Подаргус", покинувший Европу через десять дней после "Грифона"; другое - небольшой фрегат, направлявшийся из Индии в Европу. Говорили, что было письмо для императора *Наполеона*, но оно не было доставлено, и мы не знали, от кого оно.

После обеда было сказано, что запасы медикаментов на острове истощились, и было отмечено, что императора нельзя обвинить в том, что он способствовал этому. Это заставило его заметить, что он не помнит, чтобы когда-либо принимал какие-либо лекарства. В Тюильри у него было сразу три волдыря, и даже тогда он не принял ни одного. Он получил серьезную рану в Тулоне; по его словам, она была похожа на рану Улисса, по которой его старая няня снова узнала его; он полностью выздоровел, не принимая лекарств. Один из нас взял на себя смелость сказать: "Если бы у вашего величества завтра была дизентерия, вы бы все равно отказались от любых лекарств?" Император ответил: "Теперь, когда я чувствую себя сносно, я отвечаю "да" без колебаний; но если бы я был очень болен, я, возможно, изменил бы свое мнение и тогда почувствовал бы то обращение, которое происходит с умирающим человеком из-за страха перед дьяволом". Он снова упомянул о своем недоверии к медицине, но, по его словам, он так не думал о хирургии. Он трижды начинал курс анатомии, но они всегда прерывались из-за дел и отвращения. "Однажды, в конце долгого обсуждения, Корвизар, желая поговорить со мной со своими доказательствами в руках, был настолько отвратительно грязен, что принес в Сен-Клу желудок, завернутый в его носовой платок, и я был немедленно вынужден при виде этого ужасного зрелища бросить все, что у меня было".

Император попытался после обеда прочесть комедию, но он так устал и так сильно страдал, что был вынужден остановиться и лечь спать около девяти часов. Он велел мне следовать за ним, и так как ему не хотелось спать, он сказал: "Пойдем, мои дорогие Лас Кейсы, посмотрим; расскажем историю о вашем Сен—Жерменском предместье и постараемся посмеяться над

ней, как будто мы слушаем "Тысячутысячу и одну ночь!" - "Очень хорошо, сир; раньше у одного из камергеров вашего Величества был двоюродный дед, который был очень стар, действительно очень стар ... и я помню, ваше Величество рассказывали нам историю о тяжеловесном немце. офицер, который, попав в плен в начале кампании в Италии, жаловался, что командовать против них был послан молодой тщеславный малый, который испортил профессию и сделал ее невыносимой. Что ж! среди нас было точное его подобие; это был старый двоюродный дед, который все еще был одет почти в костюм Людовика XIV. Он хвастался всякий раз, когда вы присылали отчеты о каких-либо выдающихся достижениях по ту сторону Рейна; ваши бюллетени из Ульма и Йены действовали на него подобно приступам желчи. Он был далек от того, чтобы восхищаться вами. По его мнению, вы также испортили профессию. Он часто говорил, что участвовал в кампаниях под командованием маршала де Сакса, которые действительно были выдающимися военными достижениями и не были должным образом оценены. 'Тогда война, без сомнения, была искусством, но сейчас!!!' - заметил он, пожимая плечами.... "В наше время мы вели войну с большим благопристойностью; у нас были наши мулы; за нами следовали наши столовые; у нас были наши палатки; мы жили хорошо; у нас даже были спектакли в штаб-квартире; армии приближались друг к другу; были заняты замечательные позиции; происходило сражение; иногда велась осада, а затем мы отправлялись на зимние квартиры, чтобы возобновить наши действия весной. Вот это, - воскликнул он с ликованием, - то, что можно назвать развязыванием войны! Но теперь целая армия гибнет раньше другой в одном сражении, и монархия свергнута; за десять дней пройдено сто лиг; что касается сна и еды, то о них не может быть и речи. Поистине, если вы называете его гением, я, со своей стороны, вынужден признать, что ничего об этом не знаю; и, соответственно, вы вызываете у меня жалость, когда я слышу, как вы называете его великим человеком".

Император разразился приступом смеха, особенно когда речь зашла о мулах и флягах. Затем он добавил: "Вы, конечно, привыкли говорить обо мне очень много глупостей". — "О да, сир, и в огромном изобилии". "Очень хорошо! Мы одни; никто не помешает; расскажите мне еще о них". "Прекрасный джентльмен, который раньше был капитаном кавалерии и, казалось, был вполне доволен своей персоной и достижениями, был представлен избранному обществу, где я присутствовал. 'Я пришел, - сказал он, - с Саблонской равнины. Я только что видел *наш остготский* маневр'. Это, сир, было ваше величество. "У него было два или три полка, которые он бросил в беспорядке друг на друга, и все они затерялись в каких-то кустах. Я бы взял его и всех его людей в плен только с пятьюдесятью мэтрами (бывшими солдатами). Поруганная репутация!' воскликнул он. Соответственно, Моро всегда придерживался мнения, что он потерпит неудачу в Германии. Говорят о войне с Германией; если она состоится, посмотрим, как он из нее выберется. Он добьется, чтобы с ним свершилось правосудие.

"Началась война, и ваше величество через несколько дней прислали нам ульмский и Аустерлицкий бюллетени; наш благородный джентльмен снова появился в той же компании, и на данный момент, несмотря на наше недоброжелательство, мы не могли удержаться, чтобы не воскликнуть все разом: 'И ваши пятьдесят мэтр!' 'О! поистине, - сказал он, - невозможно постичь этого; этот человек побеждает все препятствия: Фортуна ведет его за руку, и, кроме того, австрийцы такие неуклюжие, такие глупцы!'"...

Император от души рассмеялся и пожелал рассказать какой-нибудь анекдот еще более абсурдный. "Это действительно было бы очень трудно найти, сир. Однако я вспоминаю одну старую вдову, которая до самой своей смерти упрямо отказывалась приписывать какие-либо

ваши успехи в Германии. Когда в ее присутствии были упомянуты Ульм, Аустерлиц и ваше вступление в Вену: ‘Итак, вы верите во все это’, - сказала она, пожимая плечами. ‘Все это его выдумка. Он не осмелился бы ступить ногой в Германию; будьте уверены, он все еще за Рейном, где гибнет от страха и шлет нам эти глупые истории: со временем вы поймете, что я не позволяю себя обманывать”.

Когда эти истории закончились, император отослал меня, сказав: “Что они делают, что они должны сказать в настоящее время? Я, конечно, предоставляю им прекрасную возможность”.

22—е. - Для меня это был день настоящего траура: это был первый, с момента нашего отъезда из Франции, в который я не видел императора. В силу счастливых обстоятельств я был единственным, кто до сих пор наслаждался этим счастьем. Его страдания были велики, а уединение - полным. Он не просил о встрече ни с одним человеком.

ИМПЕРАТОР ПРОДОЛЖАЕТ БОЛЕТЬ. — ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ, АДРЕСОВАННЫЙ СЭРУ ХАДСОНУ ЛОУ.

23 дня.—Погода по-прежнему сырая и дождливая. Около половины четвертого император послал за мной в свои покои. Он одевался; ему было очень серьезно нехорошо, но, по его словам, благодаря его способу обращения с собой и герметическому уединению предыдущего дня, его жалобы прошли. Он снова был здоров.

Я осмелился выразить свое искреннее горе; я отметил, сказал я, несчастливый день в своем дневнике; мне следовало бы пометить его красными чернилами. И когда он узнал, что это было: “В самом деле, ” сказал он, “ неужели это единственный день с тех пор, как мы покинули Францию, когда вы меня не видели?...И ты - единственный!..” И после нескольких секунд молчания он добавил тоном, специально подобранным для того, чтобы загладить мою вину, если это было возможно: “Но, мой дорогой Лас Кейс, если вы придаете этому такое значение, если вы придаете этому такое значение, почему вы не пришли и не постучали в мою дверь? Я не недосыгаем для тебя”.

Нам представили Доктора; он заверил нас, что губернатор пообещал, что нога его больше никогда не ступит в Лонгвуд. Один из нас с иронией заметил, что он начал становиться сговорчивым.

Затем император отправился в свою библиотеку, где мой сын прочитал ему длинное письмо, которое я написал в Рим,^[9]. Его вывела из себя сырость, и по дороге в салон и бильярдную при виде ступенек у него возникло искушение немного пройтись. “Я знаю, - сказал он, “ я поступаю неразумно”. К счастью, сырая погода вынудила его вернуться почти сразу. Он сел в салоне, где горел хороший камин, заказал настой из листьев апельсина и сыграл несколько партий в шахматы.

После ужина император прочитал Рассказы Мармонтеля и остановился на рассказе самозваного философа. Он все еще сильно кашлял и снова потребовал немного того же напитка. Он пустился в длинный и интереснейший обзор Жан-Жака, его талантов, влияния, эксцентричности и личных пороков. Он ушел в десять часов. Я очень сожалею, что сейчас не могу вспомнить подробностей, относящихся ко всем этим предметам.

В течение дня г-н де Монтолон направил следующий официальный ответ губернатору, который прислал письмо, в котором выражал уважение уполномоченным союзных держав и затруднительному состоянию своих финансов. Это письмо, которое я уже заметил 18 числа этого месяца.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ.

“Генерал, я получил мирный договор от 2 августа 1815 года, заключенный между его Британским Величеством, императором Австрии, императором России и королем Пруссии, который был приложен к вашему письму от 23 июля.

“Император Наполеон протестует против смысла этого договора; он не является пленником Англии. Передав свое отречение от престола в руки представителей нации в интересах конституции, принятой французским народом, и в пользу своего сына, он добровольно и свободно отправился в Англию с целью проживания там в качестве частного лица, на пенсии, под защитой британских законов. Нарушение всех законов на самом деле не может являться правом. Личность императора Наполеона находится во власти Англии; но ни фактически, ни по праву она не находилась и в настоящее время не находится во власти Австрии, России и Пруссии; даже согласно законам и обычаям Англии, которая никогда не включала в свой обмен пленными русских, австрийцев, пруссаков, испанцев или португальцев, хотя и была связана с этими державами союзными договорами и вела с ними совместную войну. Конвенция от 2 августа, принятая через пятнадцать дней после прибытия императора Наполеона в Англию, с точки зрения права не может иметь никакого эффекта; она просто представляет собой зрелище коалиции четырех главных держав Европы для угнетения одного человека; коалиции, которую мнение всех наций отвергает, как и все принципы [здоровой](#) [sound](#) нравственности. Императоры Австрии и России, а также король Пруссии, не обладая ни фактически, ни по праву какой-либо властью над личностью императора Наполеона, были неспособны что-либо предпринять в отношении него. Если бы император Наполеон находился во власти императора Австрии, этот принц помнил бы об отношениях, сложившихся религией и природой между отцом и сыном, отношениях, которые никогда не нарушаются безнаказанно. Он бы вспомнил, что четыре раза Наполеон восстанавливал его на троне: при Леобене в 1797 году и при Люневиле в 1801 году, когда его армии были под стенами Вены; при Пресбурге в 1806 году и в Вене в 1809 году, когда его армии овладели столицей и тремя четвертями монархии. Этот принц помнил бы протесты, которые он сделал ему на бивуаке в Моравии в 1806 году и на собеседовании в Дрездене в 1812 году. Если бы личность императора Наполеона находилась во власти императора Александра, он вспомнил бы узы дружбы, завязанные в Тильзите, в Эрфурте и в течение двенадцати лет ежедневного общения; он вспомнил бы поведение императора Наполеона на следующий день после битвы при Аустерлице, когда, имея в своей власти взять его в плен с остатками своей армии, он удовлетворился своим словом и позволил ему осуществить свое отступление; он вспомнил бы опасности, которым император Наполеон лично подвергся, чтобы потушить пожар Москвы и сохранить эту столицу для будущих поколений. он: несомненно, этот принц не нарушил бы долг дружбы и благодарности по отношению к другу, попавшему в беду. Если бы

личность императора Наполеона находилась даже во власти короля Пруссии, этот государь не забыл бы, что императору было необязательно после битвы при Фридланде сажать другого принца на берлинский трон; он не забыл бы в присутствии обезоруженного врага заверений в привязанности и чувств, которые он высказал ему в 1812 году на собеседованиях в Дрездене. Соответственно, из 2-й и 5-й статей указанного договора очевидно, что, будучи неспособными оказать какое-либо влияние на судьбу и личность императора Наполеона, которые не находятся в их власти, эти князья полагаются в этом отношении на будущее поведение его Британского Величества, который обязуется выполнять все обязательства.

“Эти принцы упрекали императора Наполеона в том, что он предпочитает защиту английских законов их собственным. Ложные представления, которые питал император Наполеон о либеральности английских законов и о влиянии великого, великодушного и свободного народа на его правительство, побудили его предпочесть защиту этих законов защите своего тестя или своего старого друга. Император Наполеон всегда был бы в состоянии обеспечить безопасность того, что касалось лично его, будь то снова став во главе армии Луары или став во главе армии Жиронды под командованием генерала Клозеля; но, видя в будущем только отставку и защиту законов свободной нации, будь то английской или американской, все условия казались ему бесполезными. Он думал, что английский народ был бы более связан его откровенным поведением, благородным и полным доверия, чем это могло бы быть связано самыми торжественными договорами. Он ошибся, но эта ошибка навсегда вызовет негодование настоящих британцев, и длянынешнего, а также будущих поколений это будет доказательством вероломства английской администрации. Австрийский и русский комиссары прибыли на остров Святой Елены; если целью их миссии является выполнение части обязанностей, которые императоры Австрии и России взяли на себя по договору от 2 августа, и позаботиться о том, чтобы английские агенты в маленькой колонии посреди океана не пренебрегали вниманием, подобающим принцу, связанному с ними узами родства и столь многими отношениями, то характеристики этих двух государей будут признаны в этой мере. Но вы, сэр, утверждали, что эти уполномоченные не обладали ни правом, ни полномочиями высказывать какое-либо мнение о том, что может происходить на этой скале.

“Английское министерство распорядилось перевезти императора Наполеона на остров Святой Елены, в двух тысячах лье от Европы. Эта скала, расположенная под тропиком на расстоянии пятисот лье от любого континента, на этой широте подвержена изнуряющей жаре; три четверти года она покрыта облаками и туманами; это одновременно самая сухая и влажная страна в мире. Это самый неблагоприятный климат для здоровья императора. Именно ненависть продиктовала выбор этой резиденции, а также инструкции, данные английским министерством офицерам, командующим в этой стране; им было приказано называть императора Наполеоном, генералом, желая заставить его признать, что он никогда не правил во Франции, что решило ему не принимать титул инкогнито, поскольку он решил покинуть Францию. Первый пожизненный магистрат в звании первого консула, он заключил предварительные лондонские соглашения и Амьенский мирный договор с королем Великобритании. Он принимал в качестве послов лорда Корнуоллиса, мистера Мерри и лорда Уитворта, которые в этом качестве проживали при его дворе. Он послал к королю Англии графа Отто и генерала Андреосси, которые проживали в качестве послов при Виндзорском дворе. Когда после обмена письмами между министрами иностранных дел двух монархий лорд Лодердейл прибыл в Париж, наделенный всеми полномочиями от короля Англии, он вел переговоры с полномочными представителями, наделенными всеми полномочиями от императора Наполеона, и прожил несколько месяцев

при дворе Тюильри. Когда впоследствии в Шатийоне лорд Каслри подписал ультиматум, который союзные державы предъявили полномочным представителям императора Наполеона, он тем самым признал четвертую династию. Этот ультиматум был более выгоден, чем Парижский мирный договор; но от Франции требовалось отказаться от Бельгии и левого берега Рейна, что противоречило предложениям Франкфурта и заявлениям союзных держав; а также противоречило клятве, которой император при посвящении в сан поклялся в целостности империи. Император тогда считал, что эти национальные ограничения необходимы для безопасности Франции, а также для равновесия в Европе; он считал, что французская нация в тех обстоятельствах, в которых она оказалась, должна скорее рискнуть всеми шансами на войну, чем отказаться от них. Франция обрела бы эту целостность и вместе с ней сохранила бы свою честь, если бы измена не способствовала успеху союзников. Мирный договор от 2 августа и законопроект британского парламента присваивают императору титул Наполеона Бонапарта и присваивают ему только звание генерала. Титул *генерала Бонапарта*, без сомнения, в высшей степени славен; император носил его при Лоди, Кастильоне, ата Риволи, Арколе, Леобене, Пирамидах, Абукире; но в течение семнадцати лет он носил титулы Первого консула и императора; это было бы признанием того, что он не был ни первым магистратом республики, ни сувереном четвертой династии. Те, кто думает, что нации - это стаи, которые по божественному праву принадлежат некоторым семьям, не соответствуют ни нынешнему веку, ни духу английского законодательного собрания, которое несколько раз меняло порядок наследования своих династий, потому что большие изменения, вызванные мнениями, в которых не участвовали правящие принцы, сделали их врагами счастья подавляющего большинства этой нации. Ибо короли - всего лишь наследственные правители, которые существуют только для счастья народов, а не народы для удовлетворения королей. Это тот же самый дух ненависти, который предписывал императору Наполеону не писать и не получать никаких писем без того, чтобы их не вскрыли и не прочитали английские министры и офицеры острова Святой Елены. Согласно этому постановлению, ему была запрещена возможность получать разведданные от своей матери, своей жены, своего сына, своих братьев; и когда, желая избежать неудобств, связанных с прочтением его писем младшими офицерами, он пожелал отправить запечатанные письма принцу-регенту, ему сказали, что только открытые письма могут быть приняты на хранение и переданы, и что таковы инструкции министерства. Эта мера не нуждается в комментариях; она наводит на странные мысли о духе администрации, которой она была продиктована; ее отвергли бы даже в Алжире! Были получены письма для генеральских офицеров из свиты императора; они были вскрыты и доставлены вам; вы сохранили их, потому что они не были переданы через английское министерство; было сочтено необходимым заставить их проделать еще четыре тысячи лье, и эти офицеры имели несчастье узнать, что тамтам, на этой скале были новости от их жен, их матерей и их детей, и что они не могли получить их в свое распоряжение менее чем за шесть месяцев!!!—Сердце бунтует.

“Разрешение“На подписку на "Морнинг Кроникл", "Морнинг пост" или некоторые французские журналы получить разрешение не удалось: в Лонгвуд время от времени присылали несколько испорченных номеров "Таймс". Вследствие просьбы, высказанной на борту "Нортумберленда", были отправлены некоторые книги, но все те, которые относятся к сделкам последних лет, были тщательно спрятаны. С тех пор предполагалось завязать переписку с лондонским книготорговцем с целью получения прямых поставок книг, которые могли понадобиться, и тех, которые имели отношение к событиям того дня; это намерение было сорвано. Английский писатель, опубликовавший в Лондоне отчет о своих путешествиях по

Франции, взял на себя труд послать его в подарок императору, но вы не сочли себя уполномоченным вручить его ему, потому что оно не дошло до вас по каналам вашего правительства. Говорят также, что другие книги, присланные их авторами, не были доставлены, потому что адрес одних был — императору Наполеону, а других — Наполеону Великому. Английское министерство не уполномочено отдавать приказы о каких-либо из этих неприятностей. Закон, каким бы несправедливым он ни был, считает императора Наполеона военнопленным; но военнопленным никогда не запрещалось подписываться на журналы или получать печатные книги; такой запрет действует только в застенках инквизиции.

“Остров Святой Елены имеет десять лье в окружности; он повсюду неприступен; побережье охраняется бригами; на берегу расставлены посты в пределах видимости друг от друга; и всякое сообщение с морем становится невозможным. Есть только один маленький городок, Джеймс-Таун, где суда бросают якорь и откуда они отплывают. Чтобы предотвратить побег человека, достаточно охранять побережье на суше и на море. Запрещая въезд вглубь острова, можно иметь в виду только одну цель - воспрепятствовать поездке в восемь или десять миль, которую можно было бы совершить верхом и лишение которой, согласно советам врачей, сокращает дни императора.

“Император был помещен в Лонгвуд, открытый всем ветрам; бесплодное место, необитаемое, без воды и непригодное для какой-либо обработки. Пространство содержитоколо 1200 необработанных морских сажений. На расстоянии 11 или 1200 морских сажений на небольшом возвышении был разбит лагерь; другой с тех пор был размещен почти на том же расстоянии в противоположном направлении, так что в сильную тропическую жару, куда бы ни повернулся глаз, не видно ничего, кроме лагерей. Адмирал Малькольм, понимая, как полезна была бы палатка императору в такой ситуации, приказал своим матросам разбить ее на расстоянии двадцати шагов от дома; это единственное место, где можно найти тень. Однако у императора есть все основания быть довольным духом, который одушевляет офицеров и солдат доблестного 53-го дивизиона, как это было с экипажем "Нортумберленда". Лонгвуд-хаус был построен как сарай на ферме компании; впоследствии заместитель губернатора острова обустроил в нем несколько квартир; он использовал его как загородный дом; но он никоим образом не был приспособлен для проживания. В течение года, что он был заселен, в нем всегда работали люди, и император постоянно сталкивался с неудобствами и нездоровостью дома, в котором заняты рабочие. Его спальня слишком мала, чтобы вместить кровать обычного размера, но любое здание в Лонгвуде увеличило бы неудобства, связанные с рабочими. Однако на этом несчастном острове есть несколько прекрасных мест с прекрасными деревьями, садами и сносно хорошими домами, среди которых Дом на плантации; но позитивные инструкции министерства не позволяют вам предоставить этот дом, что позволило бы сэкономить значительные средства, потраченные на строительство в Лонгвуде хижин, обтянутых гофрированной бумагой, которые больше не приносят никакой пользы. Вы запретили любые сношения между нами и жителями острова; вы фактически превратили Лонгвуд-хаус в секретную тюрьму; вы даже затруднили наше общение с офицерами гарнизона. Казалось бы, была предпринята самая тщательная забота о том, чтобы лишить нас тех немногих ресурсов, которые предоставляет эта несчастная страна, и нам здесь не лучше, чем следовало бы быть на Скале Вознесения. За те четыре месяца, что вы пробыли на острове Святой Елены, вы, сэр, ухудшили состояние императора. Граф Бертран заметил вам, что вы нарушили закон вашего законодательного органа, что вы попрали привилегии генералов, военнопленных. Вы ответили,

что не знаете ничего, кроме буквы ваших инструкций, и что они были еще хуже, чем нам представлялось ваше поведение.

Имею честь и т.д.

(Подпись) Граф де Монтолон.

“P.S. Я подписал это письмо, сэр, когда получил ваше от 17—го числа, к которому вы прилагаете смету годовой суммы в 20 000 *фунтов* стерлингов, которую вы считаете необходимой для покрытия расходов по основанию Лонгвуда, после всех сокращений, которые вы сочли возможными. Рассмотрение этой сметы ни в коем случае не может нас касаться; стол императора едва ли обеспечен всем необходимым; вся провизия плохого качества и в четыре раза дороже, чем в Париже. Вы требуете от императора фонд в размере двенадцати тысяч фунтов стерлингов, поскольку ваше правительство выделяет вам только восемь тысяч фунтов стерлингов на все эти расходы. Я имел честь сообщить вам, что у императора не было средств; что в течение года не было получено и не написано ни одного письма; и что он был совершенно не осведомлен о том, что происходит или что могло произойти в Европе. Насильственно перенесенный на эту скалу, на расстояние двух тысяч лиг, не имея возможности получить или написать какое-либо письмо, он теперь оказывается во власти английских агентов. Император неизменно желал и по-прежнему желает обеспечивать себя всеми своими расходами любого рода, и он сделает это так быстро, как только вы предоставите средствами, сняв запрет, наложенный на торговцев острова, вести его корреспонденцию и освободив ее от всякого рода проверок с вашей стороны или со стороны любого из ваших агентов. В тот момент, когда о желаниях императора станет известно в Европе, лица, представляющие для него интерес, переведут необходимые средства для его снабжения.

“Письмо лорда Батерста, которое вы мне передали, наводит на странные мысли! Могут ли тогда ваши министры быть настолько невежественны, чтобы не знать, что зрелище великого человека, борющегося с невзгодами, является самым возвышенным из зрелищ? Могут ли они не знать, что Наполеон на острове Святой Елены, среди всевозможных преследований, против которых его единственным щитом является его спокойствие, более велик, более священен, более почитаем, чем на первом троне мира, где он так долго был вершителем судеб королей? Те, кто who не уважает Наполеона, находясь в таком положении, просто унижают свой собственный характер и нацию, которую они представляют!”

МОЯ АНГЛИЙСКАЯ СЕМЬЯ. —ПРОСТО ДОЛГ БЛАГОДАРНОСТИ АНГЛИЧАНАМ СО СТОРОНЫ ЭМИГРАНТОВ И Т. Д.—ГЕНЕРАЛ ЖУБЕР.—ПЕТЕРБУРГ.—МОСКВА; ПОЖАР.—ПРОЕКТЫ НАПОЛЕОНА, ЕСЛИ БЫ ОН ВЕРНУЛСЯ С ПОБЕДОЙ.

24—го.- В два часа я отправился к императору в его апартаменты. Утром он прислал за моим атласом. Я застал его за изучением карты России и той части Америки, которая примыкает к российским владениям.

Ночью он страдал и сильно кашлял. Погода, однако, стала мягче. Одеваясь перед выходом, он часто размышлял о счастливой идее создания Атласа, достоинствах его оформления и необъятности его содержания. В заключение он, как обычно, сказал: “Какая коллекция! какие детали! Насколько целостны все ее части!”

Император вышел в сад. Я сказал ему, что утром написал в Англию и ответил на письмо, которое прочел ему два или три дня назад. “Ваша английская семья, ” заметил он затем, - кажется, очень хорошие люди; они очень любят вас, и вы, кажется, очень привязаны к ним”. Я ответил: “Сир, я заботился о них во Франции, во время их десятилетнего плена, а они заботились обо мне в Англии, во время моей десятилетней эмиграции. Мы проявляем друг к другу гостеприимство древних. Я полагаюсь на них во всех отношениях, и они вольны распоряжаться всем, чем я владею ”. “Это, — сказал он, —”“ очень счастливая связь. Как вы получили это? Чем вы обязаны этому?” Затем я рассказал ему, как я познакомился с этой семьей.

“Никогда доска, с помощью которой несчастный человек после кораблекрушения сохранил свою жизнь, не была ему дороже, чем эта семья для меня. Нет, сир, ни милостей, ни сокровищ, которые могли бы компенсировать доброту, которую я получил от нее, и счастье, которым она меня одарила.

“Когда ужасные эксцессы нашей революции вынудили нас найти убежище в Англии, наша эмиграция произвела самую оживленную сенсацию в этой стране; прибытие стольких прославленных изгнанников, их прошлое благополучие и их тогдашнее жалкое положение запечатлелись в каждом уме и наполнили каждое сердце. Они стали предметом обсуждения на политических собраниях, в местах богослужения, в светских кругах и в частных семьях. Эта катастрофа взволновала все классы и возбудила всеобщее сочувствие. Нас окружала щедрая и чувствующая публика. Мы были объектами самого деликатного внимания и самых существенных милостей. Таково, следует признать, было трогательное зрелище, которому подверглась значительная часть английского общества, даже несмотря на разницу во мнениях. Это свидетельство нашей благодарности за правдивость истории.

“Я тогда была в Лондоне с моей кузиной, чье положение при Версальском дворе позволило ей быть полезной самым выдающимся особам Европы, где она была фрейлиной принцессы Ламбаль, которая сама была заместителем интенданта королевского двора. Это оказалось счастливым обстоятельством для нашей семьи. Мой двоюродный брат столкнулся с доказательствами величайшей благожелательности; множество людей были готовы предложить свои услуги, и, среди прочих, некая молодая пара. Жена была очаровательна и отличалась элегантностью и достоинством манер; муж отличался легким нравом, мягким и благородным характером. Их дом почти сразу же открылся для моей кузины и всех ее родственников, у которых были все основания чувствовать себя там так же непринужденно, как если бы они были в своих собственных семьях.

Эта достойная пара пользовалась любым случаем, чтобы услужить нашим беженцам и быть полезной им. Их дом часто посещали самые выдающиеся эмигранты. У многих из нас там возник долг благодарности, который, несмотря на все его масштабы, я бы не отчаялся выплатить, если бы мне одному оставалось его исполнять. Я оставляю это в наследство своим детям, которые, если они будут похожи на меня, будут считать это священным и сочтут себя счастливыми, выполнив свой долг.

“Возвышенность души и эмоции французского сердца характеризовали поведение леди Когда принц Конде (прибывший в Лондон) искал загородную резиденцию, она послала меня предложить ему великолепный особняк, которым она владела, в графстве Дарем. Принц, выслушав подробности и заметив, что это, без сомнения, обойдется ему в королевский выкуп, был приятно удивлен, узнав, что это было подарено ему француженкой, которая, по ее словам,

сочла бы, что получила неоценимую цену, если бы конде снизошел до того, чтобы поселиться в нем. Он немедленно отправился выразить свою признательность лично.

“Эта семья посетила Париж после заключения Амьенского мира, и именно в ее объятиях и под ее защитой я на несколько дней раньше смог подышать воздухом своей страны. Благодаря этому я был освобожден от утомительных и болезненных формальностей, которых требовал от меня акт об амнистии на границе, и я счел своим долгом обеспечить их размещение в Париже с гораздо большей легкостью и меньшими неудобствами, чем они могли бы сделать сами. Я также имел счастье, когда мера по задержанию английских резидентов была введена в действие, и эта семья была включена в число таких, что, в свою очередь, облегчило их положение и стало их защитой.

В конце концов время и обстоятельства разделили нас; но они ничего не потеряли в моей памяти; и стрелка менее постоянна относительно полюса и менее верна в своем указании, чем мои мысли и моя благодарность по отношению к этим добрым и ценным друзьям. Так, сир, вашему величеству угодно называть мою английскую семью.

Однако во время моих отношений мы ходили на конюшню и вызывали коляску. Император приказал, чтобы он доставил нас наверх, в лес. Мы долго ждали его, потому что мадам де Монтолон внезапно почувствовала недомогание. Ее муж пришел извиниться за задержку, и император заставил его сесть.

Во время нашей поездки разговор зашел о генерале Жубере, шурином и адъютантом которого был местье де Монтолон.

“Жубер, ” сказал император, “ питал ко мне глубокое уважение; он сожалел о моем отсутствии при каждой неудаче, с которой столкнулась Республика во время экспедиции в Египет. В то время он был во главе итальянской армии; он взял меня за образец, стремился подражать моим планам и пытался осуществить не что иное, как то, что я впоследствии осуществил в Брюмере; однако ему помогали якобинцы. Меры и интриги этой партии, направленные на то, чтобы предоставить в его распоряжение средства осуществления этого великого предприятия, привели его к командованию в Италии после неудач Шерера; того Шерера, который был невежественным казнокрадом и заслуживал всяческого порицания. Но Жубер был убит в Нови, во время своей первой встречи с Суворовом; любая его попытка в Париже потерпела бы неудачу; он еще не приобрел достаточной степени славы, последовательности и зрелости. По своей природе он был рассчитан на все эти достижения, но в тот момент он не был должным образом сформирован; он был еще слишком молод, и это предприятие было тогда ему не по силам”.

Император не мог выдержать больше одного раунда; он слишком устал и был далек от выздоровления.

В половине девятого император приказал позвать меня. Он сказал мне, что был вынужден принять ванну и подумал, что у него небольшой жар. Он почувствовал, что внезапно простудился, но кашлять перестал с тех пор, как побывал в ванне. Он еще долго оставался в воде. Он обедал в нем, и для меня рядом был накрыт маленький столик. Император вернулся к истории России. “Поступил ли Петр Великий мудро, - спросил он, - основав столицу в Петербурге за столь огромные деньги? Разве результаты не были бы больше, если бы он потратил все свои деньги в Москве?” Какова была его цель? Достиг ли он этого?” Я ответил: “Если бы Петр остался в Москве, его народ остался бы московским, народом, полностью

азиатским; было необходимо, чтобы его вытеснили для его реформирования и переделки. Поэтому он выбрал позицию на самых границах, отвоевал у врага и, основав свою столицу и собрав все свои силы, сделал ее неуязвимой; он связал себя с европейским обществом; он установил свою власть на Балтийском море, с помощью чего он мог с легкостью помешать своим естественным врагам, полякам и шведам, при случае заключать союзы с нациями, расположенными в их тылу.”тыл.”

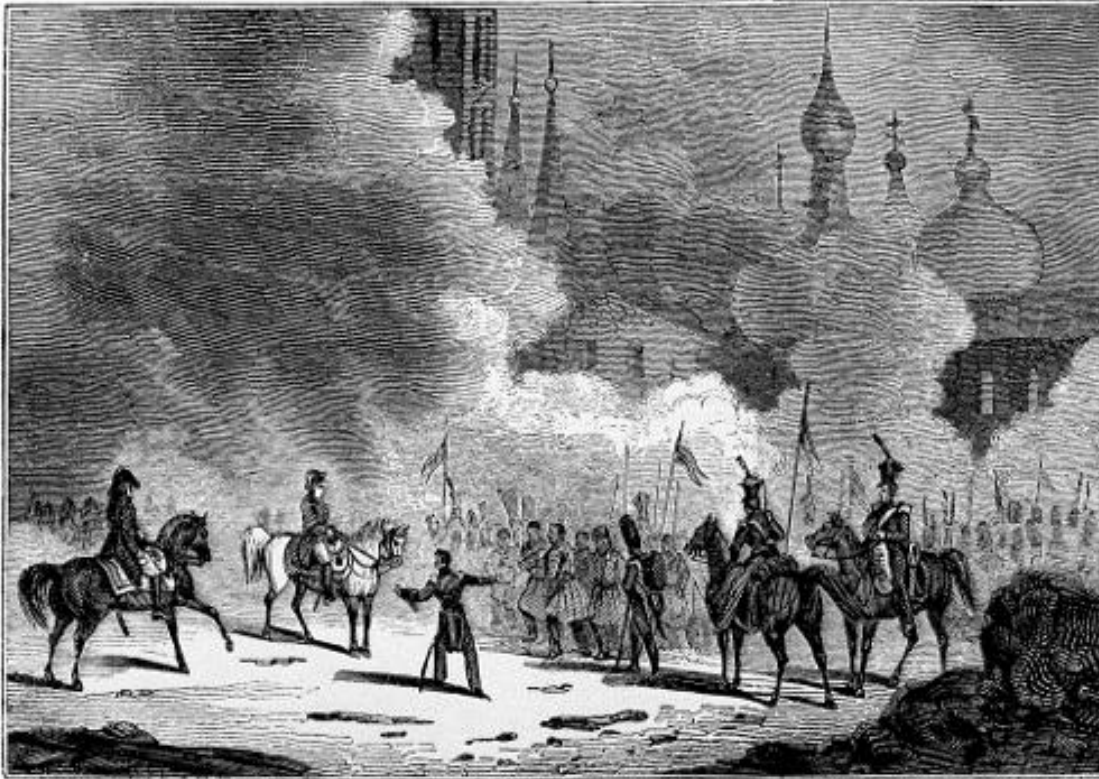
Император сказал, что “он не совсем удовлетворен этими причинами. Как бы то ни было, ” заметил он, “ Москва исчезла, и кто может подсчитать, какие богатства были там поглощены? Давайте взглянем на Париж, на накопление зданий и промышленности, на дело веков. Если бы его капитал за 1400 лет его существования увеличивался всего на миллион в год, что за сумма! Давайте свяжем с этим склады, мебель, союз наук и искусств, целые учреждения торговли и тому подобное, и вот картина Москвы; и все это исчезло в одно мгновение! Какая катастрофа! Разве сама мысль об этом не заставляет содрогнуться?... Я не думаю, что это можно было бы заменить ценой двух тысяч миллионов”.

Он пространно рассказывал обо всех этих событиях, и у него вырвалось одно слово, которое было слишком характерным, чтобы я не записал его специально. Когда было произнесено имя Ростопчина, я осмелился заметить, что окраска, которую в то время придавали его патриотическим действиям, меня очень удивила, ибо он заинтересовал меня, вместо того чтобы вызвать мое негодование: более того, я ему позавидовал!... Император ответил с необычайной живостью и как бы сжавшись, что выдавало досаду: “Если бы многие в Париже были способны прочесть и прочувствовать это таким образом, поверьте мне, я бы заплодировал этому! Но у меня не было выбора”. Возвращаясь к теме Москвы, он сказал: “Никогда, при всей силе поэзии, вымысел о сожжении Троине соответствовал реальности Москвы. Город был деревянным, дул сильный ветер; все насосы были выведены из строя. Это был буквально океан огня. От него ничего не удалось спасти; наш марш был таким быстрым, наше появление таким внезапным. Мы нашли даже бриллианты на женских туалетах, так опрометчиво они сбежали. Вскоре после этого они написали нам, что пытались спастись от первых бесчинств опасной солдатни; что они вверили свое имущество великодушию победителей и не преминут вновь появиться в течение нескольких дней, чтобы просить их о доброте и засвидетельствовать свою благодарность.

“Население было далеко от того, чтобы замышлять это злодеяние. Даже они сами доставили нам триста или четыреста преступников, бежавших из тюрьмы, и казнили их”, — “Но, государь, могу ли я осмелиться спросить, если бы Москва не была сожжена, разве ваше величество не намеревались разместить там свои квартиры?” — “Конечно, - ответил император, - и я бы тогда представил странное зрелище армии, зимующей посреди враждебной нации, заседающей на нее со всех сторон; это был бы корабль, затянутый льдами. Вы были бы во Франции, не получая от меня никаких известий в течение нескольких месяцев; но вы бы хранили спокойствие, вы действовали бы мудро. Камбасерес, как обычно, вел бы дела от моего имени, и все было бы так же упорядоченно, как если бы я присутствовал. Зима в России тяжело сказалась бы на каждом; оцепенение было бы всеобщим. Весна также вернулась бы для всего мира. Все сразу были бы на ногах, а хорошо известно, что французы такие же проворные, как и все остальные.

“При первом же появлении хорошей погоды я должен был выступить против врага; я должен был разбить их; я должен был стать хозяином их империи. Александр, будьте уверены, не позволил бы мне зайти так далеко. Он согласился бы на все условия, которые я мог бы продиктовать, и

Франция тогда начала бы пользоваться всеми своими преимуществами. И, поистине, мой успех зависел от сущего пустяка. Ибо я предпринял экспедицию, чтобы сражаться с вооруженными людьми, а нес природой в буйстве ее гнева. Я побеждал армии, но я не мог победить пламя, мороз, оцепенение и смерть!... Я был вынужден покориться судьбе. И, в конце концов, как неудачно для Франции!— действительно, для всей Европы!

СОЖЖЕНИЕ МОСКВЫ.

Лондон: Опубликовано для Генри Колберна, март 1836г.

“Мир, заключенный в Москве, завершил бы мои враждебные экспедиции. По отношению к великому делу это был бы срок потерь и начало безопасности. Открылись бы новые горизонты, новые начинания, адаптированные во всех отношениях к всеобщему благополучию. Фундамент европейской системы был бы заложен, и моей единственной оставшейся задачей была бы ее организация.

“Удовлетворенный по этим важным вопросам, и повсюду в мире, я также должен был иметь свой Конгресс и свой Священный союз. Это планы, которые у меня украли. На этом собрании всех монархов мы должны были обсудить наши интересы по-семейному и свести счета с народом, как клерк со своим хозяином.

“Дело эпохи победило, революция свершилась; единственный вопрос, о котором шла речь, состоял в том, чтобы примирить ее с тем, что она не разрушила. Но эта задача принадлежала мне; я долгое время готовился к ней, возможно, в ущерб своей популярности. Неважно. Я стал ковчегом ветхого и нового завета, естественным посредником между старым и новым порядком вещей. Я придерживался принципов и обладал доверием первого; я отождествил себя с другим.

Я принадлежал им обоим; я должен был добросовестно действовать в пользу каждого из них. Моя слава заключалась бы в моем равенстве”.

И, перечислив то, что он предложил бы в отношениях между сувереном и повелительницей, а также между суверенами и их народом, он продолжил: “Какими бы могущественными мы ни были, все, на что мы могли бы пойти, показалось бы грандиозным. Это принесло бы нам благодарность народа. В настоящее время то, что они могут вымогать, никогда не покажется им достаточным, и они будут неизменно недоверчивы и недовольны”.

Затем он провел обзор того, что бы он предложил для процветания, в интересах, доставления удовольствия и благополучия Европейской конфедерации. Он хотел установить везде одни и те же принципы, одну и ту же систему — европейский кодекс; европейский апелляционный суд, обладающий полными полномочиями по исправлению всех неправильных решений, как у нас дома исправляют решения наших судов; деньги одинаковой ценности, но в разных монетах; тот же вес, те же меры, те же законы.

“Таким образом, Европа, - сказал он, - вскоре действительно сформировалась бы, но с одним и тем же народом, и каждый, кто путешествовал, везде оказывался бы в одной общей стране”.

Он потребовал бы, чтобы все реки были судоходны вместе; чтобы моря были открыты; чтобы в будущем огромные постоянные армии были сведены к простой охране суверена.

Короче говоря, от него исходило множество идей, большая часть которых была новой; некоторые были простейшего свойства, другие совершенно возвышенные, относящиеся к различным политическим, гражданским и законодательным ветвям власти; к религии, искусству и коммерции: они охватывали любой предмет.

Он заключил: “По возвращении во Францию, в лоно моей страны, одновременно великой, могущественной, величественной, мирной и блистательной, я бы провозгласил неизменность границ; все будущие войны - как *чистооборонительные*; все новое усиление - как *антинациональное*. Я бы объединил своего сына со мной в империи; моя диктатура закончилась бы, и началось его конституционное правление.

“Париж стал бы столицей мира, а французы - предметом зависти народов!...[Моймой](#) отдых и моя старость была бы посвящена, в компании с Императрицей, и, во время королевских обучения моего сына, для посещения медленно и с нашей собственной лошади, как обычная пара страна, каждый уголок империи; в прием жалоб, устранение ошибок, основания памятников, и делать добро на всяком месте и всеми средствами!... Это тоже, мои дорогие Лас Кейсы, были среди моих мечтаний!!!”

Император много беседовал о внутренних районах России, о процветании которых, по его словам, мы и понятия не имели. Он долго останавливался на Москве, которая со всех точек зрения сильно удивила его и могла бы выдержать сравнение с любой из европейских столиц, большинство из которых она превосходила. Здесь, к сожалению, я могу найти лишь голые наброски в своих заметках, которые я не могу сейчас дополнить.

Его особенно поразили позолоченные шпили Москвы, и именно это побудило его по возвращении отремонтировать купол дома инвалидов; он намеревался украсить таким же образом многие другие здания в Париже.^[10]

Поскольку город Москва, по-видимому, сильно отличался от того представления, которое мы обычно имеем о нем в нашем западном мире, я склонен думать, что описание этого места, сделанное очевидцем, выдающимся человеком, прикомандированным к экспедиции, не окажется неприятным. Оно написано бароном Ларреем, главным хирургом великой армии. Я беру это из работы этого знаменитого персонажа ("Воспоминания о военной хирургии"), не имевшей большого тиража, возможно, из-за ее исключительно научного характера.

Связь начинается в тот момент, когда французская армия направлялась к Москве, после битвы при Мозайске или под Москвой.

“Едва мы отъехали на несколько миль от Мозайска, как все были удивлены, обнаружив, что находимся, несмотря на близость этого места к одной из величайших столиц мира, на песчаной, засушливой и совершенно пустынной равнине. Печальный вид этого уединения, обескураживавший солдат, казался предзнаменованием полного оставления Москвы и несчастий, которые ожидали нас в этом городе, благодаря богатству которого мы обещали себе такие преимущества.

Армия с трудом преодолела этот тракт.тракт. Лошади были измучены голодом и жаждой, поскольку вода была такой же редкостью, как и фураж. Людям тоже пришлось немало пострадать. На самом деле они были подавлены усталостью и нуждались во всяких средствах к существованию. Войска долгое время не получали никаких пайков, и небольшого количества провизии, найденного в Мозайске, хватало только для молодой и старой гвардии. Значительное число бывших военнослужащих корпуса стали жертвами своего жестокого обращения с духом страны. Было замечено, что они отставали от своих товарищей на несколько шагов, шатались, кружились, а затем непроизвольно падали на колени или садились; они оставались неподвижными в этой позе и вскоре после этого испускали дух, не издав ни единой жалобы. Эти молодые люди были предрасположены к пагубному воздействию этого напитка из-за вялости, лишений и чрезмерной усталости.

“Однако вечером 14 сентября мы прибыли в один из пригородов Москвы; там мы узнали, что русская армия, проходя через город, увела всех горожан и государственных чиновников, остались только некоторые представители низших классов и слуги; так что, проходя по главным улицам этого большого города, в который мы вошли следующим утром, мы почти никого не встретили; все дома были полностью заброшены. Но что нас очень удивило, так это то, что огонь вспыхнул в нескольких отдаленных кварталах, где еще не бывал никто из наших войск, и особенно на базаре Кремля, огромном здании с портиками, которые имеют некоторое сходство с портиками Пале-Рояля в Париже.

“После того, чему мы были свидетелями во время нашего путешествия по Малороссии, мы были поражены обширностью Москвы, огромным количеством церквей и дворцов, которые в ней находились, прекрасной архитектурой этих зданий, удобным расположением главных домов и всеми предметами роскоши, которые были найдены в большей части из них. Улицы в целом были просторными, правильными и хорошо спланированными. Во всем этом городе не было ничего, что могло бы вызвать диссонанс. Все говорило о его богатстве и огромной торговле, которую оновело с товарами четырех сторон света.

“Разнообразие, проявленное в строительстве дворцов, жилых домов и церквей, было бесконечным дополнением к красоте города. Были места, которые по своеобразному виду

архитектуры различных зданий указывали на народы, обычно населявшие их; так, легко было отличить резиденцию франков, китайцев, индийцев и немцев. Кремль можно рассматривать как цитадель Москвы; он находится в центре города, расположен на достаточно возвышенном месте, окружен стеной с бастиянами, а по бокам, на равном расстоянии, расположены башни, на которых установлены пушки. Базар, на который мы уже обратили внимание, обычно заполненный индийскими товарами и ценными мехами, стал жертвой пламени, и уцелели только те предметы, которые были спрятаны в подвалах, куда проникли солдаты, после пожара, уничтожившего всю внешность этого прекрасного здания. Остальную часть Кремля занимают дворец императоров, дворец сената, архивы, арсенал и две очень древние церкви. Эти различные здания с богатым архитектурным стилем создают великолепный вид на парад. Можно представить, что ты перенесся в общественное место древних Афин, где Ареопаг и храм Минервы, с одной стороны, и академия и арсенал - с другой, были объектами восхищения. Между двумя церквями возвышается цилиндрическая башня в виде колонны, известная под названием башня Ивана; это скорее египетский минарет, внутри которого подвешено несколько колоколов разного размера. У подножия этой башни виден колокол огромной величины, на который обратили внимание все историки. С вершин башен виден весь город и его окрестности; он похож на звезду с четырьмя раздвоенными лучами. Город имеет самый живописный вид из-за разноцветья крыш домов, а также из-за золота и серебра, покрывающих купола и верхушки шпилей, которых здесь довольно много. Ничто не может сравниться по богатству с одной из церквей Кремля (она была усыпальницей императоров); ее стены покрыты серебряными пластинами с позолотой толщиной в пять или шесть строк, на которых рельефно представлена история Ветхого и Нового Завета; люстры и канделябры из массивного серебра особенно примечательны своими необычайными размерами.

“Больницы, на которые было обращено мое особое внимание, достойны самой цивилизованной нации в мире; я делю их на военные и гражданские. Большой военный госпиталь разделен на три части, образующие в целом параллелограмм. Основная часть была построена на обочине большой дороги, напротив огромной казармы, которую можно сравнить с военной школой в Париже. Два боковых здания, пересекающих первое под прямым углом, окружают двор, который сообщается с прекрасным и обширным садом, предназначенным для больных. Фасад этого двухэтажного здания образует портик с колоннами композитного ордера. У входа находится просторный вестибюль с соответствующими дверями в палаты на первом этаже и большая и великолепная лестница, ведущая на верхние этажи. Палаты занимают всю длину здания, а окна с каждой стороны доходят от потолка до пола; они сделаны с двойными створками, как это принято во всей России, и зимой полностью закрываются; печи размещены внутри на соответствующем расстоянии. Палаты состоят из четырех рядов одинаковых кроватей, разделенных необходимым для удобства пространством: каждый ряд состоит из пятидесяти коек, а общее количество может быть оценено более чем в три тысячи; в больнице насчитывается четырнадцать основных палат почти одинаковой площади. Кабинеты, амбулатория, кухня и другие принадлежности расположены очень удобно, в отдельных местах, на удобном расстоянии от палат.

Гражданские больницы в равной степени имеют право на уведомление. Четыре основные - это больницы Череметова, Голицына, Александера и подкидышей.

“Первый, замечательный своей формой, строением и внутренним устройством, использовался для приема больных и раненых, принадлежащих гвардии.

“Эта больница высотой в три этажа построена в форме полумесяца; необходимые отделения расположены в задней части. Красивый портик, выступающий из центра полумесяца, образует вход в часовню, занимающую середину здания; эта часовня, увенчанная куполом, является центральной точкой всех палат и содержит мавзолей принца, основавшего больницу: он украшен лепными колоннами, статуями и прекрасными картинами. Аптека - одна из лучших и лучше всего обеспеченных, которые я знаю.

“Больница для подкидышей, расположенная на берегу Москвы-реки и защищенная кремлевскими пушками, бесспорно, является крупнейшим и благороднейшим учреждением подобного рода в Европе. Он состоит из двух массивов зданий; первый, где расположен вход, отведен под резиденцию губернатора, который избирается из числа старых генералов армии, членов правления, офицеров-медиков и всех тех, кто занят на службе в больнице. Второй образует идеальный квадрат. В центре двора, который очень просторный, находится резервуар, который снабжает все заведение establishment в целом водой из реки. Каждая из сторон состоит из четырех этажей, вокруг которых проходит правильный коридор, не очень широкий, но достаточно просторный для поступления воздуха и размещения проходящих по нему людей. Палаты занимают оставшуюся часть ширины и всю длину каждого крыла здания. В каждой палате стоят два ряда кроватей с занавесками, их размер соответствует размеру детских: мальчики содержатся отдельно от девочек, соблюдается наибольшая чистота и регулярность.

“Едва мы овладели городом и преуспели в тушении пожара, разожженного русскими в самых красивых кварталах, как вследствие двух основных причин пламя снова вспыхнуло самым яростным образом, быстро перекинулось с одной улицы на другую и превратило все место в одну общую развалину. Первой из этих причин, как справедливо сообщается, была отчаянная решимость определенного класса русских, которые, как говорили, были заключены в тюрьмы, двери которых были распахнуты при отходе армии; эти негодяи, подстрекаемые ли вышестоящими властями, или своими собственными чувствами, с целью, без сомнения, грабежа, открыто перебежали из дворца во дворец и из дома в дом, поджигая все, что попадалось им на пути. Французские патрули, хотя их было много и они были начеку, не смогли им помешать. Я видел, как нескольких из этих негодяев взяли с поличным; у них были обнаружены зажженные спички и горючие материалы. Смертная боль, причиненная тем, кого застали за фактическим совершением злодеяния, не произвела впечатления на остальных, и пожар бушевал три дня и три ночи без перерыва; напрасно наши солдаты сносили дома, пламя быстро охватило освободившееся пространство, и здания, изолированные таким образом, были подожжены в мгновение ока. Вторую причину следует отнести к буйству равноденственных ветров, которые всегда очень сильны в этих краях и благодаря которым пожар усилился и распространил свои разрушительные действия с необычайной активностью.

“Трудно было бы при любых обстоятельствах представить себе картину более ужасную, чем та, которая предстала нашим глазам. Особенно ночью, между 18 и 19 сентября, в период, когда пожар был в самом разгаре, его последствия представляли собой потрясающее зрелище: погода была хорошей и сухой, ветер продолжал дуть с востока на север или с северо-востока. В ту ночь, ужасный образ которой никогда не изгладится из моей памяти, весь город был объят пламенем. Большие столбы пламени различных цветов взметнулись со всех сторон, полностью закрыли горизонт и распространяли ослепительный свет и палящий жар на значительное расстояние. Эти огненные массы, гонимые яростными ветрами во всех направлениях, сопровождались в своем подъеме и быстром перемещении ужасным свистом и

оглушительными взрывами в результате сгорания пороха, селитры, масла, смолы и бренди, которыми была заполнена большая часть домов и лавок. Лакированные железные пластины, которыми были покрыты здания, быстро расшатались от жара и разлетелись далеко в стороны; большие куски горящих балок и еловых стропил были отнесены на большое расстояние и способствовали распространению огня на дома, которые считались вне опасности из-за их удаленности. Все были поражены ужасом и оцепенением. Гвардия с главным командованием и штабом армии покинула Кремль и город и разбила лагерь в Петровском, особняке, принадлежавшем Петру Великому, по дороге в Петербург. Я остался с очень небольшим числом моих товарищей в отдельно стоявшем каменном доме, расположенном на вершине квартала франков, недалеко от Кремля. Я был там и имел возможность наблюдать все явления этого огромного пожара. Мы отправили наше снаряжение в лагерь и постоянно были начеку, чтобы быть готовыми к опасности или предотвратить ее.

“Низшие классы, оставшиеся в Москве, гонимые огнем из дома в дом, издавали самые жалобные крики; чрезвычайно стремясь сохранить то, что было для них самым ценным, они нагружали себя свертками, которые с трудом могли выдержать и которые часто бросали, спасаясь от огня. Женщины, движимые вполне естественным чувством человечности, несли одного или двух детей на плечах, а остальных тащили за руку; и, чтобы избежать смерти, которая угрожала им со всех сторон, они бежали, подоткнув юбки, чтобы укрыться на углах улиц и площадей; но вскоре из-за невыносимой жары они были вынуждены покинуть эти места и опрометью бросаться бежать любым доступным им путем, иногда не имея возможности выбраться из этого своеобразного лабиринта, где многие из них встречались с чудовищной опасностью. жалкий конец. Я видел стариков, чьи длинные бороды были охвачены пламенем, которых тащили на маленьких тележках их собственные дети, которые пытались спасти их из этого настоящего Тартара.

“Что касается наших солдат, измученных голодом и жаждой, они подвергали себя всевозможным опасностям, чтобы добыть в горящих погребках и лавках съестные припасы, вина, ликеры или любой другой мало-мальски полезный предмет. Их видели бегущими по улицам вперемешку с убитыми горем жителями, уносящими все, что они могли урвать от разрушений этого ужасного пожара. Наконец, в течение восьми или десяти дней этот огромный и великолепный город превратился в пепел, за исключением Кремлевского дворца, нескольких больших домов и всех церквей: эти здания построены из камня.

“Это бедствие повергло армию в великий ужас и стало для нас предзнаменованием более серьезных несчастий. Мы все думали, что больше не найдем ни средств к существованию, ни одежды, ни чего-либо другого, необходимого для снаряжения войск, в чем мы испытывали самую острую нужду. Могла ли более мрачная идея прийти нашему воображению? Однако после пожара в Кремле были вновь созданы штаб-квартиры, а в некоторые дома [Franks'Franks'](#), который сохранился, была направлена стража. Каждый вернулся к исполнению своих обязанностей.

Благодаря настойчивости были обнаружены склады с мукой, шротом, соленой рыбой, маслом, вином и ликерами. Кое-что было роздано войскам, но было слишком велико желание сберечь эти предметы, и эта чрезмерная предосторожность, которая иногда является простым предлогом, побудила нас в конце концов сжечь или оставить после себя всякого рода провизию, из которой мы могли бы извлечь наибольшую пользу и которой хватило бы даже на

нужды армии более чем на шесть месяцев, если бы мы остались в Москве. То же самое было сделано в отношении тканей и мехов, которые следовало немедленно заготовить с целью снабжения наших войск всей одеждой, способной защитить их, насколько это возможно, от приближающегося холода. Солдаты, которые никогда не думают о будущем, были далеки от того, чтобы устранить, со своей стороны и для собственной выгоды, недостаток предосторожности, они были заняты исключительно поиском вин, ликеров и золотых и серебряных изделий и пренебрегали всеми другими соображениями.

“Это неожиданное изобилие, возникшее благодаря неутомимым исследованиям войск, сопровождалось плохими последствиями для их дисциплины и здоровья тех, кто был неводержан. Один этот мотив должен был заставить нас ускорить наш отъезд в Польшу. Москва стала новой Капуей для нашей армии. Вражеские генералы льстили нашим надеждами на мир; предварительные соглашения должны были быть подписаны со дня на день. Тем временем тучи казаков покрывали наши расквартирования и каждый день уносили большое количество наших фуражиров. Генерал Кутузов собирал остатки своей армии и укреплялся рекрутами, которые присоединялись к нему со всех сторон. Незаметно и под различными предложениями умиротворения его передовые посты приблизились к нашим. Наконец, наступил период переговоров, и именно в тот момент, когда французский посол должен был принять первое решение, армейский корпус принца Иоахима был окружен. Нашему генералу, послу, с трудом удалось преодолеть препятствия, которые препятствовали его возвращению в Москву. Несколько отрядов наших войск и несколько орудийных орудий были уже увезены. Различные корпуса этого передового охранения, которые сначала были рассеяны, тем не менее сплотились, разбили окружавшую их русскую колонну, заняли выгодную позицию и последовательно атаковали многочисленную кавалерию противника, которую они энергично отбили, вернув часть артиллерии и часть солдат, взятых в плен в первой атаке. Наконец, прибытие генерала Лористона и раненых стало для нас в штаб-квартире подтверждением того, что военные действия будут возобновлены. Немедленно был отдан приказ о внезапном отходе армии; барабан ударил к оружию, и все корпуса приготовились выполнить это поспешное движение. Были спешно собраны некоторые запасы провизии, и марш начался 19 октября”.

О КОРОНАЦИИ И Т. Д. —УКАЗЫ БЕРЛИНА И МИЛАНА.—ВЕЛИКАЯ ПРИЧИНА НЕНАВИСТИ К АНГЛИЧАНАМ.

25-го.—Погода стала прекрасной во всех отношениях. Император позавтракал в палатке и послал за всеми нами. Разговор зашел о церемониях коронации. Он поинтересовался подробностями у одного из нас, который присутствовал, но не смог его удовлетворить. Он расспросил о том же другого, но тот этого не видел. “Где вы были в то время?” - спросил император.— “В Париже, сир”.— “Как же так?” вы не видели коронации!” — “Нет, сир”. Император, бросив на него косой взгляд и взяв его за ухо, сказал: “Неужели вы были настолько глупы, что довели свою аристократию до этого?” — “Но, сир, мой час еще не пробил”. — “Но, по крайней мере, вы видели свиту?” — “Ах! Сир, если бы мое любопытство взяло верх, я бы поспешил стать свидетелем того, что было наиболее достойно и интересно увидеть. Однако у меня был входной билет, и я предпочел вручить его английской леди, о которой я недавно упоминал вашему величеству и которая, в скобках, простудилась там, что чуть не убило ее. Что касается меня, то я спокойно сидел дома”. — “Ах, сэтим я не могу смириться, - сказал император, - подлый аристократ! Как? И вы действительно были виновны в таком абсурде?”—

“Увы! Я был виновен, - ответил обвиняемый, - и все же я здесь, рядом с вами, и на острове Святой Елены”. Император улыбнулся и отпустил ухо.

После завтрака ко мне зашел капитан английской артиллерии, который шесть лет проработал на острове Франция. На следующий день он должен был отплыть в Европу. Он тысячу способов умолял меня доставить ему счастье увидеть императора. Он сказал, что отдал бы все, что у него есть в мире, за такую услугу; его благодарность была бы безгранична и т.д.

Мы долго беседовали; император совершал обход в коляске. По его возвращении мне посчастливилось выполнить пожелание английского офицера. Император принимал его более четверти часа; его радость была безмерной, так как он сознавал, что эта милость с каждым днем становится все более редкой. Он заявил, что все в императоре поразило его самым необычным образом: его черты, его приветливость, звук его голоса, выражения его лица, вопросы, которые он задавал; он был, воскликнул он, героем, богом!..

Погода была восхитительная. Император продолжал прогуливаться по саду среди нас. Он рассказал о провале переговоров, предпринятых одним из нас; дело, которое император считал очень легким, но которое оказалось чрезвычайно деликатным для человека, которому оно было поручено. Целью этого было убедить некоторых английских офицеров опубликовать определенную газету в Англии.

Император выразил свое неодобрение неудаче в своем обычном способе рассуждения, с умом и точкой зрения, которые ему знакомы: он был, однако, очень разочарован этим: его наблюдения были довольно убедительными; он довел их до такой степени дурного настроения, что человек, к которому он придирался, возможно, никогда раньше не получал никаких доказательств. Наконец, он закончил словами: “В конце концов, сэр, разве вы сами не приняли бы то, что предлагали другим, будь вы на их месте?” — “Нет, сир”. — “Почему бы и нет?” Что ж, тогда, ” добавил он с упреком, “ вам не следует быть моим министром полиции”. “И ваше величество были бы правы”, - быстро ответил тот, который, в свою очередь, почувствовал досаду. “Я не чувствую никакой склонности к такой должности”. Император, увидев его входящим в гостиную незадолго до обеда, сказал: “А! вот и наш маленький полицейский! Подойди, подойди, мой маленький полицейский”, - и ущипнул его за ухо. Хотя с тех пор, как состоялся этот теплый разговор, прошло несколько часов, император помнил его; он знал, что человек, который был его предметом, был полон чувствительности, и было очевидно, что он хотел стереть впечатление, которое это произвело на него. Это характерные оттенки, и те, которые возникают по самым незначительным причинам, являются самыми естественными и наиболее заметными.

После обеда оборот, который приняла беседа, побудил императора вернуться к особому предмету его морской ссоры с Англией. “Ее претензии на блокаду на бумаге, ” заметил он, - привели к моему знаменитому берлинскому декрету. Британский совет в приступе негодования издал свои приказы; они устанавливали право взимания пошлин на морях. Я немедленно отреагировал знаменитыми миланскими декретами, которые денационализировали каждый флаг, подчинявшийся английским законам; и именно тогда война стала в Англии по-настоящему личной. Все, кто был связан с торговлей, были взбешены против меня. Англия была раздражена борьбой и энергией, примера которых у нее не было. Она неизменно находила тех, кто был до меня, более покладистыми”.

Позже император объяснил, с помощью каких средств он вынудил американцев начать войну против англичан. По его словам, он нашел способ увязать их интересы со своими правами, поскольку, как он заметил, люди гораздо охотнее борются за первые, чем за вторые.

В настоящее время император ожидает, по его словам, какой-либо приближающейся попытки со стороны англичан посягнуть на владычество на морях, установить право всеобщей пошлины и т. Д. “Это, - сказал он, - одно из главных средств, оставшихся им для погашения долгов, для того, чтобы выбраться из пропасти, в которую они ввергнуты; одним словом, для того, чтобы избавиться от своих затруднений. Если среди них есть предприимчивый гений, человек с сильным интеллектом, они непременно предпримут что-нибудь в этом роде. Никто не достаточно силен, чтобы противостоять этому, и они обосновывают свои претензии своего рода справедливостью. В свое оправдание они могут сослаться на то, что именно ради безопасности Европы они ввязались в трудности; что им это удалось и что они имеют право на некоторую компенсацию. И потом, единственные военные корабли в Европе принадлежат им. Фактически, в настоящее время они господствуют на морях. Существование публичных прав прекращается, когда нарушается баланс, и т.д., и т.п.

“Англичане могут теперь стать всемогущими, если только они захотят ограничиться своим военно-морским флотом. Но они поставят под угрозу свое превосходство, усложнят свои дела и незаметно утратят свое значение, если будут упорствовать в удержании солдат на континенте”.

ОТЧЕТ О КАМПАНИИ При ВАТЕРЛОО, ПРОДИКТОВАННЫЙ НАПОЛЕОНОМ.

26—го. Император вышел рано утром, еще до семи часов; он не хотел беспокоить никого из нас. Он начал работать в одиночестве в саду подтентом, куда послал за всеми нами позавтракать. Он продолжал там до двух часов.

За ужином он много говорил о нашем положении на острове. Он сказал, что не собирается покидать Лонгвуд; ему не нравятся никакие гости; но он хотел бы, чтобы мы немного отвлеклись и нашли какие-нибудь способы развлечься. По его словам, ему было бы приятно видеть, как мы чаще переезжаем и бываем за границей.

Повествование о битве при Ватерлоо, которое император продиктовал генералу Гурго, было прочитано по его желанию. Что за история! Больно думать об этом. Судьбы Франции висят на таком тонком волоске!

Это произведение было опубликовано в Европе в 1820 году. Меры, предпринятые для его тайной передачи со острова Святой Елены, оказались успешными, несмотря на всяческую бдительность. В тот момент, когда появилось это повествование, все были единодушны в выборе его автора. Со всех сторон раздались восклицания, которые только Наполеон был способен описать таким образом, и с уверенностью утверждает, что генералиссимус, его антагонист, выражался точно так же. Какие благородные главы! Было бы невозможно попытаться проанализировать их или претендовать на то, чтобы передать их превосходство в терминах, адекватных их достоинствам. Однако в этом месте мы дословно приводим последние страницы, содержащие в форме краткого изложения девять замечаний Наполеона о недостатках, в которых его упрекали в этой кампании.

Эти положения станут классическими, и мы считаем, что наши читатели не будут разочарованы, вновь обнаружив здесь темы, которые при каждом удобном случае становятся темами для серьезного обсуждения.

Мы предварим эти наблюдения описанием, также под диктовку Наполеона, ресурсов, которыми Франция все еще обладала после проигранного сражения.

“Положение Франции после битвы при Ватерлоо было критическим, но не отчаянным. Были приняты все подготовительные меры, исходя из предположения о провале нападения на Бельгию. 27-го между Парижем и Лаоном было собрано семьдесят тысяч человек; от 25 до 30 000, включая склады гвардии, были в походе из Парижа и складов; генерал Рапп с 25 000 человек, отборными войсками, ожидался на Марне в начале июля; все потери, понесенные в *материальной части* артиллерии, были восстановлены. Только в Париже находилось 500 единиц полевой артиллерии, и только 170 были потеряны. Таким образом, армия в 120 000 человек, равная той, что перешла Самбр 15-го числа, с обозом артиллерии, состоящим из 350 орудий, охватила бы Париж к 1 июля. Эта столица располагала, независимо от этих средств, для своей обороны 36 000 человек Национальной гвардии, 30 000 стрелков, 6000 артиллеристов, 600 ударных пушек, мощными укреплениями на правом берегу Сены, и через несколько дней укрепления на левом берегу были бы полностью достроены. Англо-голландская и прусско-саксонская армии, уменьшенные, однако, более чем на 80 000 человек и больше не превышающие 140 000, не могли переправиться через Сомму более чем с 90 000 человек; им пришлось бы ждать там взаимодействия австрийской и русской армий, которые не могли быть на Марне раньше 15 июля. Следовательно, у Парижа было двадцать пять дней, чтобы подготовиться к своей обороне, завершить вооружение своих жителей, свои укрепления, свои запасы провизии и стянуть войска со всех концов Франции. Даже к 15 июля на Рейн могло прибыть не более 30, или 40 000 человек. Основная масса русской и австрийской армий не могла выступить в бой раньше более позднего периода. В столице не было недостатка ни в оружии, ни в боеприпасах, ни в офицерах; число снайперов можно было легко увеличить до 80 000, а полевую артиллерию - до 600 орудий.

“Маршал Сюше совместно с генералом Лекурбом одновременно имел бы перед Лионом свыше 30 000 человек, независимо от гарнизона этого города, который был бы хорошо вооружен, хорошо снабжен провизией и хорошо защищен укреплениями. Защита всех укрепленных пунктов была обеспечена; ими командовали отборные офицеры, а гарнизоны составляли верные войска. Все можно было починить, но были необходимы решение, энергия и твердость со стороны должностных лиц, правительства, Палат и всей нации. Требовалось, чтобы Франция была воодушевлена чувством чести, славы, национальной независимости; чтобы она обратила свой взор на Рим после битвы при Каннах, а не на Карфаген после битвы при Заме!!! Если бы Франция поднялась на такую высоту, она была бы непобедима. В ее народе было больше военных элементов, чем в любом другом народе мира. *Техника* войны существовала в изобилии и удовлетворяла любые потребности.

“21 июня маршал Блюхер и герцог Веллингтон вступили на территорию Франции во главе двух колонн. 22-го загорелся пороховой склад в Авенне, и город сдался. 24-го пруссаки вошли в Гиз, а герцог Веллингтон был в Камбре. 26-го он был в Перонне. В течение всего этого времени были взяты крепости на первой, второй и третьей линии во Фландрии. Однако 25-го оба генерала узнали об отречении императора, которое произошло 22-го, о восстании Палат, об унынии,

вызванном этими обстоятельствами в армии, и о надеждах, возбужденных среди наших внутренних врагов. С этого момента они думали только о походе на столицу, под стены которой они прибыли в конце июня с менее чем 90 000 человек; предприятие, которое оказалось бы для них роковым и привело бы к их полному разорению, если бы они отважились на него в присутствии Наполеона; но этот принц отрекся от престола!!! Линейные войска в Париже, более 6000 человек из гвардейских частей, стрелки Национальной гвардии, отобранные из числа жителей этой великой столицы, были преданы ему; в их силах было уничтожить внутреннего врага!!! Но для того, чтобы объяснить мотивы, руководившие его поведением в тот важный кризис, который привел к таким фатальным результатам как для него, так и для Франции, повествование должно вернуться к более раннему периоду.

Первое наблюдение. Императора упрекали, во—первых, в том, что он сложил с себя диктатуру в тот момент, когда Франция больше всего нуждалась в диктаторе; во-вторых, в том, что он изменил конституции империи в тот момент, когда нужно было думать только о том, чтобы уберечь ее от вторжения; в-третьих, в том, что он позволил встревожить вандейцев, которые сначала отказались поднять оружие против императорского правительства; в-четвертых, в том, что он собрал Палаты, когда ему следовало собрать армию; в-пятых, в том, что он отрекся от престола и оставил Францию на милость разделенного и враждебного государства. неопытное собрание; ибо, в конце концов, если верно, что для принца было невозможно спасти страну без доверия нации, то не менее верно и то, что нация не смогла бы в этих критических обстоятельствах сохранить ни свое счастье, ни свою независимость без Наполеона.

Второе наблюдение. “Искусство, с которым передвижения различных частей армии были скрыты от сведения противника в начале кампании, не может быть слишком внимательно отмечено. Маршал Блюхер и герцог Веллингтон были удивлены; они ничего не видели, ничего не знали об операциях, которые велись вблизи их передовых постов.

“Чтобы атаковать две враждебные армии, французы могли обойти их с правого или левого фланга или проникнуть в их центр. В первом случае они могли продвинуться по дороге Лайл и столкнуться с англо-голландской армией; во втором случае они могли продвинуться вперед через Гиве и Шарлемон и столкнуться с пруссо-саксонской армией. Эти две армии остались бы объединенными, поскольку они должны были быть прижаты одна к другой справа налево и слева направо. Император принял план прикрытия своих передвижений Самброй и прорыва линии двух армий у Шарлеруа, точки их соединения, выполняя свои маневры быстро и умело. Таким образом, он открыл в секретах искусства способы обеспечить место для 100 000 человек, в которых он нуждался. План был выполнен смело и осмотрительно.

Третье наблюдение.—“События 1814 года повлияли на характер нескольких генералов; они несколько утратили тот дух, ту решимость и ту уверенность, благодаря которым они снискали столько славы и внесли такой вклад в успех прежних кампаний.

“1. — 15 июня третий корпус должен был выступить в три часа утра и прибыть в Шарлеруа в десять часов; он прибыл только в три часа дня.

“2. наконец.—В тот же день атака на лес перед Флерюсом, которая была назначена на четыре часа пополудни, состоялась только в семь. Наступила ночь, прежде чем войска смогли войти во Флерюс, где главнокомандующий намеревался в тот же день разместить свою штаб-квартиру. Потеря семи часов была очень досадной в начале кампании.

“в общем. Ней получил приказ наступать 16-го с 43 000 человек, которые составляли левый фланг под его командованием, перед Катр-Бра, занять там позицию на рассвете и даже окопаться; он колебался и потерял восемь часов. Принц Оранский, имея всего 9000 человек, удерживал 16-го до трех часов дня эту важную позицию. Когда, наконец, в двенадцать часов пополудни маршал получил приказ Флерюса и увидел, что император собирается атаковать пруссаков, он двинулся на Катр-Бра, но только с половиной своих сил, оставив другую половину прикрывать его отступление на расстоянии двух лье в тылу; он забыл об этом до шести часов вечера, когда почувствовал, что это необходимо для его собственной защиты. В других кампаниях этот генерал овладел бы позицией перед Катр-Бра в шесть часов утра; он разгромил бы и захватил в плен всю бельгийскую дивизию и либо обратил бы прусскую армию вспять, послав отряд по дороге на Намюр, чтобы ударить в тыл их линии фронта; или, быстро продвигаясь по дороге на Геннапес, он застал бы врасплох и уничтожил брауншвейгскую дивизию на марше и пятую английскую дивизию, когда она продвигалась из Брюсселя. Впоследствии он должен был выступить навстречу третьей и четвертой английским дивизиям, которые наступали через Нивель и были лишены кавалерии и артиллерии и подавлены усталостью. Ней, который всегда был первым в пылу сражения, забыл о войсках, которые не участвовали непосредственно в сражении. Храбрость, которую должен проявлять главнокомандующий, отличается от храбрости дивизионного генерала, как храбрость последнего должна отличаться от храбрости капитана гренадер.

“в-четвертых. Передовой отряд французской армии прибыл 16-го числа к Ватерлоо только в шесть часов вечера; он прибыл бы в три, если бы не некоторые досадные колебания. Император был очень огорчен задержкой и, указывая на солнце, воскликнул: “Что бы я сейчас отдал, чтобы обладать силой Иисуса Навина и остановить его продвижение на два часа!”

Четвертое наблюдение. — “Французский солдат никогда не проявлял большей храбрости, жизнерадостности и энтузиазма; он был одушевлен чувством своего превосходства над всеми солдатами Европы. Его доверие к императору ничуть не ослабело; возможно, оно даже возросло, но он был подозрителен и недоверчив к другим своим командирам. Измены 1814 года всегда были в его мыслях, и ему было не по себе от каждого движения, которого он не понимал; он думал, что его предали. В тот момент, когда раздались первые пушечные выстрелы близ Сент-Амана, старый капрал подошел к императору и сказал: “Сир, остерегайтесь генерала Сульта; будьте уверены, что он предатель”. — “Ничего не бойтесь, - ответил император, - я могу отвечать за него, как за себя”. В разгар сражения офицер сообщил маршалу Сульту, что генерал Вандамм перешел на сторону противника и что его солдаты громкими криками потребовали, чтобы император был ознакомлен с этим. В конце сражения драгун с окровавленной саблей подскочил к нему галопом, крича: “Сир, немедленно приезжайте в дивизию. Генерал Денин убеждает драгун перейти на сторону врага”. — “Вы слышали его?” — “Нет, сир, но офицер, который ищет вас, видел его и приказал мне сообщить вашему величеству”. В это время доблестный генерал Денин получил пушечный выстрел, который оторвал ему одну ногу, после того как он отразил атаку противника.

“14-го вечером генерал-лейтенант Б..., полковник С... и V..., офицер штаба, дезертировали и перешли на сторону противника. Их имена будут предаваться проклятию до тех пор, пока

французы будут составлять нацию. Это дезертирство значительно усугубило тревожные чувства солдат. Представляется почти несомненным, что крик "*Sauve qui peut*" прозвучал среди солдат четвертой дивизии первого корпуса вечером битвы при Ватерлоо, когда маршал Блюхер атаковал деревню Ла-Хэй. Эта деревня не была защищена так, как следовало бы.^[11] Столь же вероятно, что несколько офицеров, которым было поручено передавать приказы, исчезли. Но, если некоторые офицеры дезертировали, ни один рядовой не был виновен в этом преступлении. Несколько человек покончили с собой на поле боя, где лежали раненые, когда узнали о поражении армии.

Пятое наблюдение.— “В битве 17-го числа французская армия была разделена на три отряда; 69 000 человек под командованием императора двинулись на Брюссель через Шарлеруа; 34 000 человек под командованием маршала Груши направили свои действия против этой столицы через Вавр, преследуя пруссаков; 7 или 8000 человек остались на поле битвы при Линьи, из которых 3000 человек, принадлежащих дивизии Жирара, были заняты оказанием помощи раненым и формированием резерва на случай непредвиденных потерь при Катр-Бра; и 4 или 5000 продолжили наступление на Брюссель. заповедник во Флерюсе и в Шарлеруа. 34 000 человек под командованием маршала Груши при 108 орудиях было достаточно, чтобы выбить прусский арьергард с любой позиции, которую он мог занять, оказать давление на отступление побежденной армии и держать ее в узде. Это был славный результат победы при Линьи - получить, таким образом, возможность противопоставить 34 000 человек армии, которая состояла из 120 000 человек. 69 000 человек под командованием императора было достаточно, чтобы разбить англо-голландскую армию, состоявшую из 90 000 человек. Диспропорция, существовавшая 15-го числа между двумя воюющими массами в соотношении один к двум, была существенно изменена, и она больше не превышала трех к четырем. Если бы англо-голландская армия разгромила противостоявших ей 69 000 человек, Наполеона можно было бы упрекнуть в том, что он плохо рассчитал свои меры; но нельзя отрицать, даже по признанию противника, что, если бы не прибыл генерал Блюхер, англо-голландская армия была бы выбита с поля боя между восемью и девятью часами вечера. Если бы маршал Блюхер не прибыл в восемь часов со своими первым и вторым корпусами, марш на Брюссель двумя колоннами во время сражения 17-го числа имел бы несколько преимуществ. Левый фронт должен был бы давить на англо-голландскую армию и сдерживать ее; правый, под командованием маршала Груши, преследовал бы и сдерживал действия пруссо-саксонской армии; и вечером вся французская армия соединилась бы на линии менее чем в пяти лье от Мон-Сен-Жан до Вавра, разместив свои передовые посты на опушке леса. Но ошибка, совершенная маршалом Груши, остановившимся 17-го числа в Жамблу, пройдя за день едва ли две лиги, вместо того чтобы продвинуться еще на три лиги перед Вавром, усугубилась и стала непоправимой из-за того, что он совершил на следующий день, 18-го, потеряв двенадцать часов и прибыв к Вавру в четыре часа пополудни, когда он должен был быть там в шесть утра.

“1—И Граучи, которому было поручено преследование маршала Блюхера, потерял его из виду на двадцать четыре часа, с четырех часов пополудни 17-го до четверти первого пополудни 18-го.

“2 в общем, передвижение кавалерии по равнине, когда атака генерала Бюлова еще не была отбита, оказалось печальной случайностью. Главнокомандующий намеревался отдать приказ об этом движении, но не раньше, чем через час, и тогда оно должно было

поддерживаться шестнадцатью батальонами пехоты, принадлежащими гвардии, с сотней орудий.

“3. Конные гренадеры и гвардейские драгуны под командованием генерала Гийо вступили в бой без приказа. Таким образом, в пять часов пополудни армия оказалась без кавалерийского резерва. Если бы в половине девятого этот резерв существовал, буря, сметавшая все перед собой на поле боя, была бы рассеяна, кавалерийские атаки противника отброшены назад, и обе армии остались бы спать на поле боя, несмотря на последовательные прибытия генерала Бюлова и маршала Блюхера: преимущество также было бы в пользу французской армии, поскольку 34 000 человек маршала Груши при 108 орудиях были свежими войсками и расположились бивуаком на поле боя. Две армии противника расположились бы ночью под прикрытием Суаньского леса. Постоянной практикой в каждом сражении было, чтобы конные гренадеры и гвардейские драгуны никогда не теряли императора из виду и никогда не предпринимали атак, кроме как в соответствии с устным приказом, отданным этим принцем генералу, который ими командовал.

Маршал Мортье, который был главнокомандующим гвардией, отказался от командования 15-го числа в Бомоне, как раз в тот момент, когда должны были начаться военные действия, и никто не был назначен на его место, что привело к нескольким неприятным результатам.

Шестое наблюдение. — “1-го числа французская армия атаковала справа от Самбры, 13-го и 14-го. В ночь с 14-го на 15-е она расположилась лагерем в полулиге от передовых постов пруссии; и все же маршал Блюхер не знал об этом, и когда утром 15-го он узнал в своей штаб-квартире в Намюре, что император вступил в Шарлеруа, пруссо-саксонская армия все еще стояла лагерем на протяжении тридцати лье; ему потребовалось два дня, чтобы осуществить соединение своих войск. С 15 мая его обязанностью было продвинуть свою штаб-квартиру к Флерюсу, сосредоточить расквартирование своей армии в радиусе восьми лье с передовыми постами на Маасе и Самбре. Таким образом, его армия могла быть собрана в Линьи 15-го в полдень, чтобы ожидать на этой позиции атаки французской армии или выступить против нее вечером 15-го с целью загнать ее в Самбр.

“2. Тем не менее, несмотря на это удивление маршала Блюхера, он настаивал на осуществлении проекта сбора своих войск на высотах Линьи, за Флерюсом, подвергая себя опасности подвергнуться нападению до прибытия своей армии. Утром 16-го он собрал всего два корпуса, и французская армия уже была во Флерюсе. Третий корпус присоединился в течение дня, но четвертый, которым командовал генерал Бюлов, не смог вовремя выступить к сражению. Маршал Блюхер, как только он узнал о прибытии французов в Шарлеруа, то есть вечером 15-го, должен был назначить в качестве пункта соединения своих войск не Флерюс и не Линьи, которые находились под огнем вражеских пушек, а Вавр, до которого французы могли добраться только 17-го. У него также было бы все 16-е число и ночь с 16-го на 17-е, чтобы осуществить полное соединение своей армии.

“3. Проиграв битву при Линьи, прусский генерал, вместо того чтобы отступать к Вавру, должен был нанести удар по армии герцога Веллингтона, будь то при Катр-Бра, где последний удержался, или при Ватерлоо. Все отступление маршала Блюхера утром 17-го противоречило здравому смыслу, поскольку две армии, которые вечером 16-го находились чуть более чем в трех милях друг от друга и имели прекрасную дорогу в качестве пункта сообщения, вследствие чего их соединение можно было считать состоявшимся, вечером 17-го оказались

разделенными расстоянием почти в двенадцать миль, а также ущельями и непроходимыми дорогами.

“Прусский генерал нарушил три главных правила войны: во-первых, расположил свои пункты расквартирования недалеко друг от друга; во-вторых, назначил в качестве точки соединения место, где все его войска могут собраться раньше войск противника; в-третьих, отступил со своим подкреплением.

Седьмое наблюдение.— “Во-первых, герцог Веллингтон был застигнут врасплох в своих лагерях; ему следовало сосредоточить их 15 мая в восьми лье от Брюсселя и держать передовые отряды на дорогах, ведущих из Фландрии. Французская армия в течение трех дней маневрировала вблизи его передовых постов; она начала боевые действия двадцать четыре часа назад, и ее штаб-квартира двенадцать часов находилась в Шарлеруа, и все же английский генерал находился в Брюсселе, не зная о происходящем, и все расквартирования его армии все еще находились в полной безопасности, растянувшись более чем на двадцать лье.

“2дл. Принц Саксен-Веймарский, служивший в англо-голландской армии, был 16-го в четыре часа пополудни на позиции перед Фрэсном и знал, что французская армия находится у Шарлеруа. Если бы он немедленно отправил адъютанта в Брюссель, тот прибыл бы туда в шесть часов вечера; и все же герцогу Веллингтону сообщили, что французская армия находится в Шарлеруа, только в одиннадцать вечера. Таким образом, он потерял пять часов в критической ситуации и против человека, что делало потерю одного часа чрезвычайно важной.

“3дл. Пехота, кавалерия и артиллерия этой армии находились в местах расквартирования, настолько удаленных друг от друга, что пехота участвовала в битве при Ватерлоо без кавалерии и артиллерии, что привело к значительным потерям, поскольку ей пришлось выстраиваться в сомкнутые колонны, чтобы противостоять атакам кирасир, под огнем пятидесяти орудий. Эти храбрецы были убиты без кавалерии для защиты или артиллерии, чтобы отомстить за них. Поскольку три рода войск ни на мгновение не могут обойтись без помощи друг друга, они всегда должны быть расквартированы и размещены таким образом, чтобы иметь возможность помогать друг другу.

“4. Английский генерал, хотя и был удивлен, назначил Катр—Бра, который в течение последних двадцати четырех часов находился во владении французов, в качестве пункта сбора своей армии. Он подвергал свои войска частичным поражениям по мере их постепенного приближения; опасность, которой они подвергались, была еще более значительной, поскольку они наступали без артиллерии и без кавалерии; он сдал свою пехоту врагу по частям и был лишен помощи двух других родов войск. Ему следовало бы выбрать Ватерлоо в качестве пункта соединения; тогда у него был бы день 16-го и ночь с 16-го на 17-е - промежуток, вполне достаточный, чтобы собрать всю свою армию, пехоту, кавалерию и артиллерию. Французы не могли прибыть раньше 17-го и обнаружили бы все свои войска на позициях.

Восьмое наблюдение.— “Во-первых, английский генерал дал сражение при Ватерлоо 18-го; эта мера противоречила интересам его нации, общей системе ведения войны, принятой союзниками, и всем правилам ведения войны. Не в интересах Англии, которая хочет, чтобы так много людей набирало ее армии в Индии, в ее американских колониях и в ее обширных учреждениях, с великодушной живостью ввязывалась в кровопролитное сражение, в котором она могла потерять единственную армию, которая у нее была, и израсходовать, по меньшей

мере, свои лучшие силы. План союзников состоял в том, чтобы действовать массово и избегать любых частичных действий. Ничто так не противоречило их интересам и их плану, как выставлять напоказ успех их дела в сомнительной битве с почти равными силами, в которой все шансы были против них. Если бы англо-голландская армия была уничтожена при Ватерлоо, какая польза была бы союзникам от огромного количества армий, которые готовились перейти Рейн, Альпы и Пиренеи?

“несомненно.Английский генерал, соглашаясь на битву при Ватерлоо, полагался на сотрудничество пруссаков, но это сотрудничество не могло быть осуществлено до полудня; поэтому он продолжал действовать в одиночку с четырех часов утра до пяти часов пополудни, то есть в течение тринадцати часов; ни одно сражение обычно не длится более шести часов; следовательно, это сотрудничество было иллюзией.

“Но, если он полагался на сотрудничество пруссаков, он должен был предположить, что вся французская армия была против него, и, следовательно, он должен был предпринять защиту своего поля битвы в течение тринадцати часов с 90 000 человек разных наций против армии из 104 000 французов.Этот расчет, очевидно, был ошибочным; он не смог бы продержаться три часа; исход сражения был бы решен к восьми часам утра, и пруссаки прибыли бы только для того, чтобы быть обойденными с фланга. Обе армии были бы уничтожены в одном сражении. Если бы он подсчитал, что часть французской армии, согласно правилам войны, преследовала прусскую армию, он должен был бы в этом случае быть убежден, что он не мог получить от нее никакой помощи и что пруссаки, разбитые при Линьи, потерявшие на поле боя от 25 до 30 000 человек, имея 20 000 рассеянных по стране и преследуемые от 35 до 40 000 победоносных французов, не рискнули бы предпринять какую-либо новую операцию и сочли бы себя едва достаточными для поддержания оборонительной позиции. В этом случае одной только англо-голландской армии пришлось бы выдерживать удар 69 000 французов в течение всего 18-го августа, и нет ни одного англичанина, который не признал бы, что результат этой борьбы не мог быть сомнительным, и что их армия не была так устроена, чтобы быть способной выдерживать атаку императорской армии в течение четырех часов.

“В течение всей ночи с 17-го на 18-е погода была ужасной, а дороги непроходимыми до девяти часов утра. Эта потеря шести часов с рассвета была всецело в пользу противника; но мог ли английский генерал поставить судьбу такого сражения на непогоду, которая случилась ночью с 17-го на 18-е? Маршал Груши с 34 000 человек и 180 орудиями раскрыл секрет, который, как можно было бы предположить, не должен был быть раскрыт, того, что 18-го полка не было в бою ни на поле битвы при Мон-Сен-Жан, ни при Вавре. Но неужели этот маршал поклялся английскому генералу, что его таким странным образом введут в заблуждение? Поведение маршала Груши было столь же неожиданным, как и то, что его армия на марше была поглощена землетрясением. Давайте резюмируем. Если бы маршал Груши находился на поле битвы при Мон-Сен-Жан, как предполагали английский и прусский генералы, в течение всей ночи с17-го на 18-е и всего утра 18-го, и погода позволила бы французской армии выстроиться в боевой порядок в четыре часа утра, англо-голландская армия была бы рассеяна и разрезана на части до семи; ее разгром был бы полным, и если бы погода не позволила французской армии выстроиться в боевой порядокдо десяти, судьба французской армии была бы решена. Решение об англо-голландской армии было бы принято до часа дня; ее остатки были бы оттеснены либо за лес, либо в направлении Халя, и во второй половине дня было бы вполне достаточно времени, чтобы пойти и встретиться с маршалом Блюхером и поступить с ним аналогичным

образом. Если бы маршал Груши разбил лагерь перед Вавром в ночь с 17-го на 18-е, пруссаки не послали бы никакого отряда, чтобы спасти английскую армию, которая, должно быть, была полностью разбита противостоявшими ей 69 000 французов.

“3.—Позиция Мон-Сен-Жан была выбрана неудачно. Первое требование к полю битвы - отсутствие ущелий в тылу. Английский генерал не получил никакого преимущества во время сражения от своей многочисленной кавалерии; он не думал, что его следует атаковать и что он будет атакован слева; он полагал, что атака будет предпринята справа от него. Несмотря на отвлекающий маневр, осуществленный в его пользу 30 000 пруссаков генерала Бюлова, он дважды осуществил бы свое отступление во время сражения, если бы такая мера была возможна. Таким образом, на самом деле, насколько странны и капризны человеческие события! неудачный выбор поля битвы, исключавший всякую возможность отступления, был причиной его успеха!!!

Девятое наблюдение. “Можно спросить, каким же тогда должно было быть поведение английского генерала после битвы при Линьи и сражения при Катр-Бра? По этому поводу у потомков не будет двух мнений: ему следовало в ночь с 17 на 18-е пересечь Суанский лес по дороге на Шарлеруа; прусской армии также следовало пересечь его по дороге на Вавр; армии соединились бы на рассвете в Брюсселе; оставили бы свои арьергарды для защиты леса, выиграли несколько дней, чтобы дать время пруссакам, рассеянным после битвы при Линьи, присоединиться к своей армии; подкрепились четырнадцатью английскими полками, находившимися в Брюсселе. гарнизон в крепостях Бельгии или только что высадились в Остенде по возвращении из Америки, и пусть император Франции распоряжается, как ему заблагорассудится.

“Неужели он с армией в 100 000 человек пересек бы Суанский лес, чтобы атаковать на открытой местности две объединенные армии, состоящие более чем из 200 000 человек, и находящиеся на позиции? Это, безусловно, было бы самым выгодным событием, которое могло произойти с союзниками. Был бы он доволен, заняв позицию сам? Он не мог долго оставаться в бездействии, поскольку 300 000 русских, австрийцев, баварцев и т. Д. Были на марше к Рейну; через несколько недель они были бы на Марне, что вынудило бы его поспешить на помощь своей столице. Именно тогда англо-прусская армия должна была выступить и соединиться с союзниками под стенами Парижа. Она не подвергла бы себя никакому риску, не понесла бы потерь и действовала бы в соответствии с интересами английской нации и общим планом ведения войны, принятым союзниками и санкционированным правилами военного искусства. С 15-го по 18-е герцог Веллингтон неизменно маневрировал так, как желал его враг; он не выполнил ничего из того, чего тот ожидал от него. Английская пехота была стойкой; кавалерия могла бы вести себя лучше: англо-голландская армия дважды в течение дня была спасена пруссаками — в первый раз около трех часов дня прибытием генерала Бюлова с 30 000 человек, а во второй раз прибытием маршала Блюхера с 31 000 человек. В том сражении 69 000 французов разбили 120 000 человек; победу у них вырвали от восьми до девяти человек 150 000 человек.

“Давайте представим себе чувства жителей Лондона, если бы им было суждено услышать об уничтожении их армии и расточительной трате их лучшей крови в поддержку дела королей против деланаций, привилегий против равенства, олигархов против либералов и принципов Священного союза против суверенитета народа!!!”

ПЛАН ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ НАПОЛЕОНА; НАБРОСАН ИМ САМИМ.

Вторник, 27 августа. — Около четырех часов я присоединился к императору в саду: все утро он был занят диктовкой. Дул очень сильный ветер, и император отказался выезжать верхом в коляске; поэтому он довольно долго прогуливался по большой аллее через лес в сопровождении всех лиц своей свиты. Он в шутку поддразнил одного из участников вечеринки, заметив, что тот угрюм, и обвинил его в том, что он очень часто бывает недовольным и в дурном настроении, и т.д.

Император, встав из-за обеденного стола, упомянул о своем недавнем протесте против мирного договора от 2 августа. Он с жаром рассуждал на эту тему и, быстро расхаживая по квартире, заметил, что намерен выразить еще один протест, более масштабный и важный, против законопроекта, который был принят британским парламентом. Он сказал, что докажет, что Законопроект был не законом, а нарушением всех существующих законов. Наполеона объявили вне закона, а не судили по нему. Английский парламент сделал не то, что было справедливо, а то, что считалось целесообразным; он подражал Фемистоклу, не выслушав Аристиды. Затем император предстал перед всеми нациями Европы и доказал, что каждая из них последовательно оправдывает его. Он проанализировал различные деяния своего правления и оправдал их все.

“Французы и итальянцы, - сказал он, “ оплакивают мое отсутствие; я несу с собой благодарность поляков и даже запоздалые горькие сожаления испанцев. Европа скоро пожалеет об утрате равновесия, для поддержания которого моя французская империя была абсолютно необходима. Континент сейчас находится в самом опасном положении, постоянно подвергаясь риску быть захваченным казаками и татарами. И англичане, ” сказал он в заключение, “ англичане будут сожалеть о своей победе при Ватерлоо! Дело дойдет до того, что потомки вместе с каждым хорошо информированным и благожелательно настроенным человеком среди наших современников будут сожалеть о том, что я не преуспел во всех своих начинаниях”.

В ходе своих выступлений император время от времени поднимался на высоту возвышенности. Я не буду вдаваться во все подробности. Он пообещал продиктовать сделанные им замечания и сказал, что уже набросал план своей политической защиты из четырнадцати пунктов.

КАТИНА, ТЮРЕНН, КОНДЕ. — ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ВЕЛИЧАЙШЕГО СРАЖЕНИЯ, В КОТОРОМ УЧАСТВОВАЛ ИМПЕРАТОР; ЛУЧШИХ ВОЙСК И т.д.

28-го. Император не выходил до четырех часов; он провел в ванне три часа. Погода была очень неприятная, и в результате он всего лишь несколько раз прогулялся по саду. Он только что написал губернатору, что отныне не будет принимать посторонних, если только они не будут допущены в Лонгвуд по пропускам от главного маршала, как во времена адмирала Кокберна.

Император предложил сыграть партию в шахматы, но, прежде чем сесть за стол, он взял том Фенелона. Это было Руководство совести короля. Он прочел нам несколько статей, критикуя их с большим воодушевлением и весельем. Наконец он отложил книгу, сказав, что имя автора никогда не влияло на его мнение о своих произведениях; что он всегда судил о произведениях в соответствии с чувствами, которые они ему внушали; всегда с одинаковой готовностью как похвалить, так и порицать. Он добавил, что, несмотря на имя Фенелона, он без колебаний

заявил, что произведение, которое он только что просмотрел, было всего лишь чередой рапсодий; и действительно, было бы трудно опровергнуть это утверждение.

После обеда император завел разговор о старом морском истеблишменте и упомянул г-на де Грасса и его поражение 12 апреля. Он пожелал узнать некоторые подробности по этому предмету; и он попросил Словарь осад и сражений. Он просмотрел его, и это дало ему материал для множества наблюдений. Катинат попал в поле его зрения, и замечания, которые он сделал в адрес этого командира, бесконечно понизили его в нашей оценке. Наполеон сказал, что считает его очень неполноценным по сравнению с той репутацией, которой он пользовался, после просмотра сцен его операций в Италии и прочтения его переписки с Лувуа. “Поднявшись из *высшего* сословия, - сказал он, - и получив юридическое образование, отличаясь вежливостью манер и моральной непорочностью, отстаивая принцип равенства, проживая в Сен-Гратьене, у ворот Парижа, Катина стал любимцем *литераторов* столицы и философов того времени, которые превозносили его сверх его реальных заслуг. Он ни в коей мере не шел ни в какое сравнение с Вандомом”.

Император сказал, что он пытался таким же образом изучить характеры Тюренна и Конде, подозревая, что они также были объектами преувеличенных восхвалений; но что он убежден, что эти два человека полностью заслуживают всех похвал, которые были им возданы. Что касается Тюренна, то он заметил, что его бесстрашие возрастало по мере того, как он приобретал опыт; с возрастом он проявлял больше мужества, чем, казалось, обладал в молодости. Противоположное наблюдалось у Конде, который проявил столько бесстрашия в начале своей карьеры.

Теперь, когда я намекаю на Тюренна, Конде и других выдающихся людей, я могу упомянуть в качестве любопытного факта, что я ни разу, ни при каких обстоятельствах, не слышал, чтобы Наполеон произносил имя Фридриха Великого. Однако многие обстоятельства доказывают, что Фридрих занимал высокое положение в глазах Наполеона. Большие серебряные часы, которыми пользовался этот принц и которые висят у камина в апартаментах императора на острове Святой Елены; - рвение, с которым Наполеон при въезде в Потсдам схватил шпагу прусского героя, воскликнув: “Пусть те, кто хочет другой добычи, ценят это дороже миллионов!” — наконец, его долгое и молчаливое созерцание могилы Фридриха — в достаточной степени свидетельствуют о глубоком интересе, который Наполеон проявлял ко всему, что было связано с этим государем.^[12]

В Словаре осад и сражений, который император просматривал сегодня, он обнаружил, что его имя упоминается на каждой странице, но связано с анекдотами, либо полностью ложными, либо, по крайней мере, искаженными. Это побудило его возразить против целого полчища низкопробных писателей и их недостойного обращения с пером. “Литература, - сказал он, - стала пищей вульгарных людей, в то время как ее следовало приберегать исключительно для людей с утонченным вкусом.

“Например, - сказал император, - утверждается, что однажды ночью в Арколе я заступил на пост часового, который заснул. Эта идея, несомненно, возникла у гражданина, возможно, у юриста, но уж точно не у солдата. Автор, очевидно, хочет представить меня с благоприятной точки зрения; и он, конечно, вообразил, что ничто не может сделать мне большего чести, чем придуманная им история. Он, конечно, написал это с целью оказать мне честь; но он не знал,

что я был совершенно неспособен на то, что он описывает. Я был слишком утомлен для чего-либо подобного; и весьма вероятно, что я сам заснул бы раньше часового”.

Затем мы перечислили около пятидесяти или шестидесяти великих сражений, в которых участвовал император. Кто-то из присутствующих спросил, какая из битв была величайшей, император ответил, что трудно ответить на этот вопрос, поскольку сначала необходимо выяснить, что подразумевается под величайшей битвой. “О моих, - продолжал он, - нельзя судить отдельно. У них не было единства места, действия или замысла. Они составляли лишь часть обширных планов. Поэтому о них можно судить только по их результатам. Битва при Маренго, исход которой так долго не решался, обеспечила нам господство над всей Италией; Ульм уничтожил целую армию; Йена отдала в наши руки всю прусскую монархию; Фридланд открыл нам русскую империю; и Эмюль решил судьбу войны. Битва под Москвой была битвой, в которой проявился величайший талант и было получено наименьшее количество результатов. Ватерлоо, при котором все потерпело неудачу, спасло бы Францию и восстановило Европу, если бы все удалось”.

Мадам де Монтолон спросила, какие войска можно считать лучшими: “Те, кто одерживает победы, мадам”, - ответил император. “Но, ” добавил он, “ солдаты капризны и непостоянны, как и вы, леди. Лучшими войсками были карфагеняне под командованием Ганнибала; римляне под командованием Сципиона; македонцы под командованием Александра; и пруссаки под командованием Фридриха.” Однако он полагал, что может с уверенностью утверждать, что французские войска были из всех остальных теми, кого легче всего было бы сделать лучшими и сохранить таким образом.

“С моей полной гвардией в 40 или 50 000 человек я бы поклялся пройти маршем через всю Европу. Возможно, удастся создать войска, столь же хорошие, как те, что составляли мою армию в Италии и при Аустерлице; но, конечно, ничто и никогда не сможет превзойти их”.

Император, который долгое время размышлял на эту столь интересующую его тему, внезапно опомнившись, спросил, который час. Ему сообщили, что уже одиннадцать. “Что ж, ” сказал он, вставая, - по крайней мере, у нас есть преимущество в том, что мы провели наш вечер без помощи трагедии или комедии”.

"МАТИЛЬДА" МАДАМ ДЕ КОТТЕН И Др. — ВСЕ ФРАНЦУЗЫ, ИНТЕРЕСУЮЩИЕСЯ НАПОЛЕОНОМ.—ДЕЗЭ И НАПОЛЕОН При МАРЕНГО.—СЭР СИДНИ СМИТ.— ПРИЧИНА ВОЗВРАЩЕНИЯ ГЕНЕРАЛА БОНАПАРТА ВО ФРАНЦИЮ.—ОТЧЕТ О ЕГО ПУТЕШЕСТВИИ.—ПРИМЕРЫ КАПРИЗА ФОРТУНЫ.

29-го. Около двух часов император пожелал, чтобы я посетил его в его покоях, и отдал мне несколько частных приказаний. В четыре я присоединился к нему. Я нашел его сидящим под тентом, окруженным всей своей свитой; он раскачивался взад и вперед на своем стуле, смеялся, разговаривал и прилагал все усилия, чтобы быть веселым, в то время как в то же время постоянно повторял, что чувствует себя вялым. Он встал и поехал в коляске.

После ужина разговор зашел о написании любовных романов. Кто-то упомянул "Матильду" мадам Коттен, действие которой происходит в Сирии. Император спросил человека, который упомянул об этой работе, видел ли он когда-нибудь мадам Коттен, нравился ли он ей (Наполеон), нравилась ли ему ее работа и т.д., Но поскольку он не получил готового ответа, он

продолжил: “Но все любили меня и ненавидели меня: каждый был за меня и против меня по очереди. Я могу с уверенностью сказать, что нет ни одного француза, у которого я не вызвал бы интереса. Все должно быть, любит меня, с Колло д’отводит Колло центральное (будь он жив) к принцу Конде; только не все в то же же время, но в различные интервалы и периоды. Я был подобен солнцу, которое пересекает экватор, чтобы пройти по эклиптике. В зависимости от того, как мое влияние ощущалось в каждом отдельном климате, все надежды расширялись, и я был благословлен и обожаем; но когда я уехал, когда меня больше не понимали, возникли неблагоприятные настроения”.

Следующим предметом разговора стал Египет, и император снова обрисовал характеры Клебера и Дезэ. Последний присоединился к Первому консулу накануне битвы при Маренго. Наполеон спросил его, как он мог подумать о подписании капитуляции Египта, поскольку армия была достаточно многочисленной, чтобы удержать его. “Мы не должны были терять Египет”, - заметил он. “Это совершенно верно, — ответил Дезэ, - “и армия, безусловно, была достаточно многочисленной, чтобы позволить нам сохранить контроль над страной. Но главнокомандующий покинул нас; а на таком расстоянии от дома главнокомандующий - это не отдельный человек в армии; он составляет половину, три четверти, пять шестых ее состава. У меня не было другого выхода, кроме как отказаться от владения страной. Я сомневаюсь, что мне удалось бы добиться успеха, если бы я действовал иначе; кроме того, было бы преступлением предпринимать такую попытку, поскольку в таком случае долг солдата - повиноваться, и я это сделал”.

Дезэ сразу же после прибытия в Маренго получил командование резервом. Ближе к концу сражения, среди величайшего явного беспорядка, к нему подошел Наполеон: “Что ж, ” сказал Дезэ, “ дела идут очень плохо, битва проиграна. Я могу только обеспечить отступление. Не так ли?” — “Совсем наоборот, - сказал Первый консул. - Для меня исход сражения ни на минуту не был сомнительным. Те массы, которые вы видите в беспорядке справа и слева, маршируют, чтобы сформироваться у вас в тылу. Битва выиграна. Прикажите своей колонне продвигаться вперед: вам остается только пожинать плоды победы”.

Впоследствии император говорил о сэре Сиднее Смите, он, по его словам, только что прочитал в "Монитер" документы, относящиеся к Эль-Аришской конвенции, в которых он отметил, что сэр Сидней проявил большую долю интеллекта и честности. Император сказал, что он сбил Клебера с толку историями, в которые заставил его поверить. Но когда сэр Сидни получил известие об отказе английского правительства ратифицировать мирный договор, он был очень недоволен и повел себя очень достойно по отношению к французской армии. “В конце концов, ” сказал император, “ сэр Сидней Смит неплохой человек. Теперь я лучшего мнения о нем, чем раньше, особенно после того, что я ежедневно наблюдаю в поведении его сообщников”.

Именно сэр Сидней Смит, передав европейские журналы Наполеону, вызвал уход главнокомандующего и, следовательно, развязку Брюмера. Французы, вернувшись из Сен-Жан-д'Акра, находились в полном неведении обо всем, что происходило в Европе в течение нескольких месяцев. Наполеон, желая получить разведданные, поднял флаг перемирия на борт турецкого адмиральского корабля под предлогом обращения за выкупом пленных, которых он захватил в Абукире, не сомневаясь, что посланник будет остановлен сэром Сидни Смитом, который тщательно препятствовал всякому прямому общению между французами и турками. Соответственно, французский флаг перемирия получил указание от сэра Сиднея подняться на

борт своего корабля. С ним обошлись самым любезным образом; и английский командующий, убедившись, среди прочего, что бедствия Италии были совершенно неизвестны Наполеону, позволил себе злорадное удовольствие прислать ему подшивку газет.

Наполеон провел всю ночь в своей палатке, просматривая бумаги; и он пришел к решению немедленно отправиться в Европу, чтобы исправить бедствия Франции и, если возможно, спасти ее от гибели.

Адмирал Гантом, который привез Наполеона из Египта на фрегате "Ле Мюрион", часто рассказывал мне подробности своего путешествия. Адмирал остался в штаб-квартире после уничтожения флота в Абукире. Вскоре после возвращения из Сирии и сразу же после сообщения с английской эскадрой главнокомандующий послал за ним и приказал ему немедленно отправиться в Александрию, тайно и со всей возможной скоростью снарядить один из венецианских фрегатов, стоявших у этого порта, и сообщить ему, когда судно будет готово к отплытию.

Эти приказы были выполнены. Главнокомандующий, совершавший инспекционную поездку, проследовал в малолюдную часть побережья с группой своих проводников. Шлюпки были готовы принять их, и они были доставлены на фрегат, минуя Александрию.

В тот же вечер фрегат снялся с якоря, чтобы до рассвета скрыться из виду английских крейсеров и флота, стоявшего на якоре в Абукире. К сожалению, наступил штиль, когда судно все еще находилось в пределах видимости берега, и с верхушек мачт все еще были видны английские корабли в Абукире.

На борту фрегата царила крайняя тревога. Предлагалось вернуться в Александрию, но Наполеон воспротивился этому предложению. Жребий был брошен, и, к счастью, вскоре они оказались вне досягаемости наблюдения.

Путешествие было очень долгим и крайне неблагоприятным. Мысль о том, что англичане могут нас настигнуть, часто вызвала тревогу. Хотя никто не знал намерений генерала, у каждого были свои догадки, и царила крайняя тревога. Один Наполеон был спокоен и невозмутим. Большую часть дня он обычно запирался в своей каюте, где, как сообщил мне Гантом, занимался чтением то Библии, то Корана. Всякий раз, когда он появлялся на палубе, он проявлял предельную жизнерадостность и непринужденность и беседовал на самые безразличные темы.

Генерал Мену был последним человеком, с которым Наполеон разговаривал на берегу. Он сказал ему: "Мой дорогой генерал, вы должны позаботиться о себе здесь. Если мне посчастливится добраться до Франции, царствованию разглагольствований придет конец".

При ознакомлении с документами, представленными сэром Сиднеем Смитом, у Наполеона сложилось такое представление о бедствиях Франции, что он пришел к выводу, что враг перешел Альпы и уже овладел несколькими нашими южными департаментами. Поэтому, когда фрегат приблизился к берегам Европы, Наполеон приказал адмиралу направиться в Коллиур и Порт-Вандр, расположенные на оконечности Лионского залива. Порывистый ветер пригнал их к побережью Корсики. Затем они вошли в Аяччо, где получили разведданные о состоянии дел во Франции.

Гантом сообщил мне, что видел в Аяччо дом, который занимала семья Наполеона, родовую обитель. Прибытие их знаменитого соотечественника немедленно привело в движение всех жителей острова. Толпа кузенов пришла поприветствовать его, и улицы были запружены людьми.

Наполеон снова поднял паруса, и теперь фрегат держал курс на Марсель и Тулон. Однако как раз в тот момент, когда они были на пороге места своего назначения, возник новый источник тревоги. На закате, по левому борту фрегата, точно в лучах солнца, они заметили тридцать парусов, плывущих к ним с попутным ветром за кормой. Гантом предложил укомплектовать баркас фрегата лучшими матросами, а генералу подняться на борт и под покровом ночи попытаться добраться до берега. Но Наполеон отклонил это предложение, заметив, что для такого способа побега всегда будет достаточно времени; и он приказал капитану продолжать свой путь, как будто ничего не произошло. Между тем наступила ночь, и на расстоянии прямо за кормой были слышны сигнальные орудия противника: таким образом, казалось, что фрегат не был замечен. На следующий день они бросили якорь во Фрежюсе. Остальное хорошо известно.

Император завершил вечернюю беседу рассказом о трех любопытных примерах каприза фортуны, имевших место в одной и той же части света и примерно в одно и то же время.

Капрал, дезертировавший из одного из полков египетской армии, присоединился к мамлюкам и был произведен в беи. После своего возвышения он написал письмо своему бывшему генералу.

Жена толстого маркитанта, последовавшая за французской армией, стала фавориткой иерусалимского паши. Она не могла писать, но отправила посыльного со своими поздравлениями своим старым друзьям, заверив их, что никогда не забудет свою страну, но всегда будет защищать французов и христиан. “Она была, - сказал император, - Заир того времени”.

Молодая крестьянка с мыса Корсо, захваченная корсарами в рыбацкой лодке, была доставлена в Берберию и впоследствии стала правящей фавориткой короля Марокко. Император, после некоторых дипломатических переговоров, приказал перевезти брата этой молодой девушки с Корсики в Париж и, снабдив его соответствующим снаряжением, отправил к своей сестре; но впоследствии он никогда о них не слышал.

Было уже поздно, когда император удалился отдыхать; он провел в беседе более трех часов.

30—го.- Я был у императора в четыре часа. Он диктовал под тентом. Губернатор ответил на письма, которые г-н де Монтолон адресовал ему по приказу императора.

На первое сообщение, содержащее протест против мирного договора от 2 августа и различные другие жалобы, ответа получено не было, за исключением того, что губернатор пожелал быть проинформированным, какое письмо он утаил. Этого мы не могли ему сказать, так как не видели писем. Мы задали ему этот вопрос, и он был единственным человеком, способным ответить на него.

На второе письмо, в котором говорилось, что император не будет принимать незнакомцев в Лонгвуде, если они не будут допущены по пропускам великого маршала, как это было обычно во времена адмирала Кокберна, губернатор ответил, что ему жаль видеть генерала Бонапарта обеспокоенным назойливыми посетителями в Лонгвуде, и что он хотел бы предотвратить

подобную назойливость в будущем. Это была самая отвратительная ирония, учитывая ситуацию, в которую был поставлен император, и содержание письма месье де Монтолона.

После обеда император удалился в гостиную и пожелал, чтобы мы все расселись вокруг стола, образовав, как он сказал, академическое заседание. Он начал диктовать нам некоторые темы, но когда ему зачитали написанные отрывки, он решил отменить их. Затем беседа возобновилась и продолжалась довольно долго, отчасти серьезно, отчасти оживленно. Было около часа дня, когда император удалился. В последнее время мы засиживаемся позже, чем обычно. Это хороший знак: император чувствует себя лучше, и он более весел и разговорчив, чем был в последнее время.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОМНЕНИЯ.—РЕГЕНТСТВО ГЕРЦОГА ОРЛЕАНСКОГО.—МАДАМ ДЕ МЕНТЕНОН.—ЕЕ БРАК С ЛЮДОВИКОМ XIV.

31—го. Император встал очень рано и в одиночестве прогулялся по парку. По возвращении, не желая, чтобы кого-нибудь беспокоили, он попросил моего сына, который уже встал, сесть под палатку и писать под его диктовку; таким образом он занимался в течение двух часов. Мы все позавтракали с ним.

Мы вышли проветриться в коляске. Разговор зашел о сомнениях, которые были связаны с различными моментами истории. Император высказал несколько весьма любопытных замечаний по этому поводу и закончил обстоятельством, относящимся к регенту. “Если,” сказал он, “Людовик XV. если бы он умер в детстве, и ничего более не было возможно, кто бы сомневался, что герцог Орлеанский отравил всю королевскую семью? Кто бы осмелился защитить его? Если бы не выжил ни один ребенок, этот принц не добился бы справедливости”. Затем император упомянул о характере герцога Орлеанского и, в частности, о его ошибках в деле законных принцев. “Там он унизил себя”, - сказал Наполеон, - “не сказать, однако, что их дело было благим. Людовик XIV. узурпировал право выдвижения их кандидатур на престолонаследие. После исчезновения Королевского дома выбор Суверена, несомненно, является прерогативой нации. Акт Людовика XIV. несомненно, это была ошибка, в которую этот монарх был предан своим собственным величием. Он считал, что все, исходящее от него, обязательно должно быть великим. Тем не менее, он, казалось, подозревал, что мир, возможно, не совсем разделяет его мнение; поскольку он принял меры предосторожности, чтобы укрепить свою работу, выдав своих внебрачных детей замуж за законных принцев и принцесс королевской семьи. Что касается регентства, то совершенно очевидно, что оно перешло по праву к герцогу Орлеанскому. Завещание Людовика XIV было откровенным абсурдом: это было нарушением наших основных законов. Франция была монархией, а он дал нам республику для Регентства”.

Затем император упомянул мадам де Ментенон, чья карьера, по его словам, была в высшей степени экстраординарной. Он заметил, что она была Бьянкой Капелло^[13] своего возраста; но менее романтической и не такой забавной. Преследуя свои исторические сомнения, он много говорил о браке мадам де Ментенон с Людовиком XIV. Он заявил, что иногда был склонен рассматривать это обстоятельство как весьма проблематичное, несмотря на все, что говорилось об этом в Мемуарах того времени.

“ Дело в том, ” заметил он, “ что нет и никогда не существовало никаких официальных и достоверных доказательств этого брака. Какую цель мог преследовать Людовик XIV, держа эту

меру в столь строгом секрете как от своих современников, так и от потомков? и как случилось, что семья Ноай, с которой мадам де Ментенон состояла в родстве, не допустила, чтобы об этом ничего стало известно? Это было тем более странно, что мадам де Ментенон пережила Людовика XIV”.

Император, чувствуя некоторую усталость этим вечером, рано отправился отдыхать. Он казался нездоровым и подавленным.

ФРАНЦУЗСКИЕ МИНИСТРЫ И Др. —АНЕКДОТ М. ДАРУ.—УВЯДШИЕ НАРЯДЫ НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ.

Воскресенье, 1 сентября. — Император вышел около трех часов: он сказал, что весь день чувствовал слабость, вялость и уныние. Мы все чувствовали недомогание одинаково: это было из-за погоды. Пока готовили коляску, мы вышли на большую тропу в лесу, но не успели мы дойти до конца тропинки, как хлынул ливень. Он был так тяжел, что императору пришлось укрыться у подножия камедного дерева, скудная листва которого, однако, давала мало укрытия. Вскоре прибыла коляска, чтобы забрать нас; и мы со всей скоростью возвращались домой, когда заметили на некотором расстоянии Губернатора, направлявшегося к нам. Император немедленно приказал кучеру повернуть, заметив, что из двух зол он выберет меньшее; и мы отправились домой круглым путем, несмотря на ветер и дождь. Однако мы ускользнули от сэра Хадсона Лоу : в этом было преимущество.

Перед обедом император в своих покоях произвел смотр лицам, которые были прикреплены к его Двору, Государственному совету и различным министерским ведомствам. Упомянув г-на Дару, он заметил, что тот был человеком, отличавшимся честностью и неутомимым прилежанием к бизнесу. При отступлении из Москвы твердость и присутствие духа г-на Дару были замечательны, и император часто впоследствии говорил, что он трудился как бык, в то время как сам проявлял храбрость льва.

Бизнес, казалось, был стихией мсье Дару; он был постоянно занят. Вскоре после того, как он был назначен государственным секретарем, один из его друзей выразил опасение, что огромный бизнес, которым он отныне будет поглощен, может оказаться для него непосильным. “Напротив, ” ответил Дару, - уверяю вас, что с тех пор, как я приступил к своим новым обязанностям, мне, кажется, абсолютно нечего делать”. Только в одном случае его энергия ослабла. Император вызвал его после полуночи, чтобы писать под его диктовку: г-н Дару был настолько подавлен усталостью, что едва понимал, что пишет; наконец он больше не мог сдерживаться и заснул над своей бумагой. Насладившись крепким сном, он проснулся и, к своему удивлению, увидел рядом с собой императора, спокойно занятого письмом. Тусклый свет свечей подсказал ему, что его сон был довольно продолжительным. Пока он несколько мгновений сидел в замешательстве, его глаза встретились с глазами императора, который сказал ему: “Что ж, сэр, вы видите, что я выполнял вашу работу, поскольку вы не стали бы делать ее сами. Я полагаю, вы плотно поужинали и приятно провели вечер; но нельзя пренебрегать делами”. — “Я приятно провожу вечер, сир!” - сказал г-н Дару. “Я провел несколько ночей без сна и был плотно занят. Теперь ваше величество видит последствия этого, и я чрезвычайно сожалею об этом”. — “Почему вы не сообщили мне об этом?” - сказал император. - “Я не хочу убивать вас. Идите спать. Спокойной ночи, мсье Дару ”. Это, безусловно, была характерная черта, и она была хорошо рассчитана, чтобы развеять ложные представления, которые обычно

поддерживались относительно резкости характера Наполеона. Но я не знаю, по какой роковой причине факты такого рода были скрыты от нашего внимания, в то время как всякие нелепые выдумки, неблагоприятные императору, так активно распространялись. Было ли это потому, что придворные приберегали свою лесть для внутренних помещений дворца и стремились создать своего рода противовес, напуская на себя в других местах вид оппозиции и независимости? Как бы то ни было, если бы в парижских салонах были какие-либо индивидуальные черты, связанные с вышеупомянутыми, ему, вероятно, сказали бы, что он их изобрел, или на него посмотрели бы как на дурака за то, что он им поверил.

Главный маршал и его супруга приехали обедать в Лонгвуд, что они привыкли делать каждое воскресенье.

Во время ужина император в шутку упомянул увядшие наряды дам. Он сказал, что их платья скоро будут напоминать веселые атрибуты тех старых скряг, которые покупают свои гардеробные у торговцев подержанной одеждой; они больше не демонстрировали свежести и элегантности, которые характеризовали модистки Леруа, Деспо, Эрбо и других. Дамы жаждали похвал на острове Святой Елены, а их мужья напоминали императору о его щепетильности в отношении женской одежды в Тюильри, которая, как было замечено, привела к разорению некоторых семей. На это император рассмеялся и сказал, что представление о его скрупулезном вкусе в одежде было всего лишь выдумкой придворных дам, которые сделали это предлогом для своей экстравагантности. Затем разговор зашел о нашем великолепии на острове Святой Елены. Император сказал, что он сказал Маршану, что будет каждый день носить охотничью куртку, которая была на нем тогда, пока она полностью не износится: она уже была очень изношена.

До и после обеда император сыграл несколько партий в шахматы: он чувствовал себя подавленным и нервным и рано лег спать.

САКСОНСКАЯ КАМПАНИЯ 1813 ГОДА.—РАЗМЫШЛЕНИЯ.—АНАЛИЗ.—СРАЖЕНИЯ При ЛЮТЦЕНЕ И ВЮРЦЕНЕ.—ПЕРЕГОВОРЫ.—СРАЖЕНИЯ При ДРЕЗДЕНЕ, ЛЕЙПЦИГЕ, ХАНАУ и др.

Сентябрь. 2.—Сегодня в лагере были скачки, на которых присутствовал один из приближенных императора.

Император не выходил из дому допоздна и направился к коляске пешком. Дул очень сильный ветер, и он отказался от своего намерения прокатиться. Он сел под тентом, но, обнаружив, что без дверей здесь не очень приятно, удалился в свою библиотеку, где взял письма мадам де Шатору, просмотрел "Экспедицию в Богемию" и проанализировал жизнь маршала де Бель-Иль. Он снова вышел прогуляться по саду, но почти сразу же вернулся и велел мне следовать за ним.

Он взял книгу, касающуюся наших последних кампаний, и, некоторое время ее изучая, отбросил, сказав: "Это настоящая рапсодия — просто сплетение противоречий и абсурда". Он довольно долго беседовал о двух знаменитых кампаниях в Саксонии; его наблюдения были в основном моральными и почти не касались военных; я записал следующее как наиболее примечательное: "Эта достопамятная кампания, " сказал он, - будет рассматриваться как триумф мужества молодежи Франции; интриг и коварства английской дипломатии; интеллекта со стороны русских; и бесстыдства австрийского кабинета. Это ознаменует период

дезорганизации политических обществ, значительного отделения подданных от их Суверенов; наконец, упадок первых военных добродетелей — верности, преданности и чести. Напрасно люди пишут и комментируют, выдумывают ложь и предположения; к этому одиозному и унижительному результату мы все должны в конце концов прийти: время покажет и его истину, и ее последствия.

“Но примечательным обстоятельством в данном случае является то, что всякая дискредитация в равной степени снята с государей, солдат и народа. Это была полностью работа нескольких военных интриганов и безрассудных политиков, которые под благовидным предлогом сбросить иностранное иго и восстановить национальную независимость намеренно продавали своих собственных правителей завистливым соперничающим кабинетам министров. Результаты вскоре стали очевидны: король Саксонии потерял половину своих владений, а король Баварии был вынужден произвести существенные реституции. Какое дело предателям до этого? Они наслаждались своими наградами и богатством, а тех, кто проявил себя наиболее честными и невиновными, постигло самое суровое наказание. Король Саксонии, честнейший человек, когда-либо державший в руках скипетр, был лишен половины своих владений; а король Дании, столь верный всем своим обязательствам, был лишен короны! Это, однако, утверждалось как восстановление и торжество морали!... Такова распределительная справедливость этого мира!...

“К чести человеческой природы и даже к чести королей я должен еще раз заявить, что никогда еще не проявлялось столько добродетели, как среди низости, которой был отмечен этот период. У меня ни на минуту не было повода жаловаться индивидуально на принцев, наших союзников. Добрый король Саксонии оставался верен до последнего; король Баварии преданно признался мне, что он больше не является сам себе хозяином; великодушие короля Вюртембурга было особенно замечательным; принц Баденский уступил только силе, и то в самой последней крайности. Все, я должен отдать им справедливость, должным образом предупредили меня о надвигающейся буре, чтобы я мог принять необходимые меры предосторожности. Но, с другой стороны, насколько отвратительным было поведение младших агентов! Военная история никогда не изгладит позора саксов, которые вернулись в наши ряды с целью уничтожить нас! Их предательство вошло в поговорку среди солдат, которые до сих пор используют термин *саксонец* для обозначения поступка солдата, убивающего другого. В довершение всего, это был француз, человек, для которого французская кровь приобрела корону, отпрыск Франции, который нанес завершающий удар нашим бедствиям! Милостивый Боже!

“Но в той ситуации, в которую я попал, обстоятельством, усугублявшим меру моего горя, было то, что я видел, как постепенно приближается решающий час. Звезда побледнела; я почувствовал, как поводья выскользывают у меня из рук, и все же я ничего не мог поделать. Только внезапный поворот судьбы мог спасти нас: вести переговоры, заключить какой-либо договор означало бы глупо уступать врагу. Я был убежден в этом, и события в достаточной степени доказали, что я не ошибался. Следовательно, у нас не было другого выхода, кроме как сражаться; и с каждым днем, по той или иной случайности, наши шансы уменьшались. Измена начала проникать в наши ряды. Большое количество наших войск пало под воздействием усталости и уныния. Мои лейтенанты впали в уныние и, следовательно, стали несчастными. Это были уже не те люди, которые фигурировали в начале Революции или которые отличились в блестящие моменты моего успеха. Мне сообщили, что некоторые осмеливались утверждать в

свою защиту, что сначала они сражались за Республику и за свою страну, в то время как впоследствии они сражались только за одного человека, за его личные интересы и честолюбие.

“Низменная уловка! Спросите молодых и храбрых солдат и офицеров среднего звена французской армии, приходил ли им когда-нибудь в голову подобный расчет; видели ли они когда—нибудь перед собой что-либо, кроме врага, или за своей спиной что-либо, кроме чести, славы и триумфа Франции! Эти люди никогда не сражались лучше, чем в тот период, о котором идет речь. Зачем лукавить? Почему бы не сделать откровенное признание? Истина заключается в том, что, вообще говоря, офицеры высокого ранга достигли всего, к чему стремились. Они были пресыщены богатством и почестями. Они испили чашу наслаждения и отныне желали покоя, который купили бы любой ценой. Священный огонь был потушен; они были готовы опуститься до уровня маршалов Людовика XV”.

Если процитированные выше слова требуют какого—либо комментария - если смысл здесь или в других подобных отрывках моего дневника будет признан неполным, я не несу ответственности. Я дословно записал то, что произнес Наполеон, и больше ни за что не отвечаю. Я уже несколько раз упоминал, что, когда говорил император, я никогда не осмеливался прерывать его вопросами или замечаниями. Что касается знаменитой кампании 1813 года, я могу упомянуть, что из различных отдельных бесед Наполеона, которые я не записывал в то время, когда они происходили, он был далек от заблуждения относительно кризиса, угрожавшего Франции, и он правильно оценил всю степень опасности, которой он был окружен в начале кампании. По его словам, с момента своего возвращения из Москвы он видел опасность и пытался ее предотвратить. С этого момента он решил пойти на величайшие жертвы; но выбор подходящего момента для провозглашения этих жертв был трудным вопросом, и именно он главным образом занимал его размышления. Если влияние материальной власти велико, сказал он, то сила мнения еще больше; оно волшебным по своему воздействию. Его целью было сохранить ее; и один неверный шаг, неосторожно произнесенное слово могли навсегда разрушить эту иллюзию. Он считал необходимым проявлять величайшую осмотрительность и проявлять предельную уверенность в своих силах. Прежде всего, необходимо было смотреть в будущее.

Его большая ошибка, его фундаментальная ошибка заключалась в предположении, что его противники всегда обладали таким же здравым смыслом и знанием своих собственных интересов, каким обладал он сам. С самого начала, сказал он, он подозревал, что Австрия воспользуется трудностями, в которые он был поставлен, чтобы обеспечить себе большие преимущества; но он никогда бы не поверил, что монарх был настолько слеп, а его советники настолько вероломны, чтобы желать добиться его (Наполеона) падения и таким образом оставить свою собственную страну отныне на милость неконтролируемой мощи России. Император придерживался того же хода рассуждений в отношении Рейнской конфедерации, которая, как он допускал, могла, возможно, иметь основания быть им недовольна; но которая, заключал он, должна была еще больше страшиться мысли о попадании под власть Австрии и Пруссии. Наполеон полагал, что те же аргументы не были неприменимы к Пруссии; которая, как он предполагал, не могла желать полностью разрушить противовес, необходимый для ее независимости и самого ее существования. Наполеон полностью учитывал ненависть своих врагов и неудовлетворенность и недоброжелательность, которые, возможно, существовали среди его союзников; но он не мог предположить, что кто-либо из них желал его уничтожения, поскольку он чувствовал себя таким необходимым для всех; и он действовал соответственно.

Такова была господствующая идея Наполеона на протяжении всего этого важного периода. Это было ключом ко всему его поведению до самого последнего часа и даже до момента его падения. Это следует тщательно запомнить, поскольку это объясняет многое, возможно, все; — его враждебное отношение, его надменный язык, его отказ лечить, его решимость бороться и т.д.

Он думал, что в случае успеха сможет принести почетные жертвы и установить славный мир, в то время как иллюзия его превосходства останется неизменной. Если, напротив, он столкнется с трудностями, у него все равно будет достаточно времени, чтобы пойти на уступки; и он пришел к выводу, что интересы австрийцев и всех истинных немцев должны обеспечить ему поддержку их оружия или их дипломатии; поскольку он предполагал, что они, как и он сам, были убеждены, что его власть отныне стала необходимой для устройства, покоя, безопасности и существования Европы. Но то, в чем у него были основания сомневаться, оказалось наиболее удачным: победа по-прежнему оставалась за ним; его первые успехи были достойны восхищения и почти невероятны. С другой стороны, именно то, что он считал непогрешимым, и подвело его: его естественные союзники предали его и ускорили его падение.

В подтверждение того, что я только что утверждал, и с целью пролить свет на процитированные выше замечания императора, я приведу здесь краткий обзор событий той роковой кампании. Во Франции в то время мы были ознакомлены только с его результатами; бюллетени давали нам очень мало информации, и мы не получали никаких иностранных публикаций. Кроме того, тот период уже далеко позади, и с тех пор произошло так много важных событий, привлечших внимание общественности, что эти подробности могут быть частично забыты теми, кто когда-то их знал. Здесь они расположены в хронологическом порядке.

Я извлекаю это краткое изложение из работы, написанной М. де Монвераном, которая была опубликована в 1820 году. Автор с большой тщательностью отнесся к сбору официальных и подлинных документов; и он воспользовался информацией, предоставленной предыдущими авторами. Поэтому я придерживаюсь мнения, что эта работа, несомненно, лучшее, что было написано на эту тему. Г-н де Монверан далек от благосклонности к Наполеону; однако справедливо признать, что он сохраняет беспристрастный тон, который делает честь его характеру и в то же время повышает достоинства его работы.

“2 мая Наполеон открыл кампанию в Саксонии победой при Лютцене, самым удивительным событием, которое навлекло бессмертную славу на победителей. Вновь созданная армия, без кавалерии, выступила навстречу отрядам ветеранов России и Пруссии; но гений Вождя и доблесть молодых войск, которыми он командовал, искупили вину за все. У французов не было кавалерии, но отряды пехоты продвигались каре, окруженные с флангов огромной массой артиллерии, создавая впечатление множества движущихся крепостей. Восемьдесят четыре тысячи пехотинцев, состоящих из французских войск или войск Конфедерации, всего с 4000 кавалеристов, разбили 107 000 русских или пруссаков [Prussians](#), с более чем 20 000 кавалеристов. Александр и король Пруссии лично были свидетелями конфликта. Их прославленные гвардейцы не смогли выстоять против наших молодых призывников. Враг потерял 18 000 человек; наши потери составили 12 000, а недостаток кавалерии помешал нам пожать обычные плоды наших завоеваний. Однако моральный результат победы был огромен. Энтузиазм наших войск вновь возрос, и император полностью восстановил влияние

общественного мнения. Союзники отступили перед ним, не рискуя ввязываться в еще одно сражение.^[14]

“9-го числа Наполеон вступил в Дрезден как победитель, провожая обратно в свою столицу короля Саксонии, который из сознания своих собственных интересов, а также желания оставаться верным своим обязательствам, отступил при приближении союзников, предложения которых он постоянно отвергал.

“21 и 22 числа Наполеон снова одержал победу при Вюрцене и Баутцене. Союзники выбрали свою территорию, которую блестящие кампании Фридриха сделали классической. Они укрепились в траншеях и считали свою позицию неприступной, но все уступало грандиозным планам французского генерала, который в самом начале конфликта заявил, что уверен в победе.

Союзники потеряли 18 000 или 20 000 человек. Они не смогли удержать свои позиции и в беспорядке отступили. Император преследовал их. Он уже прошел Лужицу, пересек Силезию и достиг Одера, когда союзники потребовали перемирия для заключения мира; и Наполеон, решив, что наступил благоприятный момент, согласился на это.

“4 июня было заключено Плейсвицкое перемирие. Это событие оказало самое решающее влияние на наши несчастья; оно стало роковым узлом, с которым были связаны все шансы и судьбы кампании.

“ Должен ли был император согласиться на это перемирие или воспользоваться своими преимуществами? На данный момент это была проблема, которую время и события, оказавшиеся для нас столь фатальными, решили, когда было уже слишком поздно. Император, увенчанный победой, остановился перед своими поверженными врагами, которым он теперь мог идти на уступки без ущерба для своего достоинства; его жертвы можно было рассматривать только как умеренность. Австрия, до сих пор не определившаяся с тем, какой курс ей следует избрать, пораженная нашим успехом, присоединилась к нам. Теперь Наполеон разумно надеялся увидеть ратификацию мира, которого он желал, и он не упустил бы столь благоприятной возможности, чтобы подвергнуться риску сдерживания, которое могло привести к потере всех, и которое было тем более вероятным, что его армия продвигалась вперед в спешке и в крайнем беспорядке, а его тыл был оголен и потревожен врагом. Он полагал, что перемирие, во всяком случае, давало ему возможность сконцентрировать и организовать свои силы и открыть сообщение с Францией, что позволило бы ему получить огромные подкрепления и создать кавалерийский корпус”.

К сожалению, вопреки всем расчетам императора, это роковое перемирие оказалось выгодным только нашим врагам: оно сохранялось почти три месяца и привело только к их триумфу и нашему уничтожению. Австрия, которая все еще была нашим союзником, путем обмана, который история справедливо охарактеризует, воспользовалась этим титулом, чтобы противостоять нам с большим преимуществом. Потребовалась отсрочка, и она добилась этого. Русские, ожидавшие подкреплений, получили их; пруссаки удвоили свою численность; прибыли английские субсидии, и шведская армия воссоединилась. Были приведены в действие тайные объединения; было возбуждено всеобщее восстание всего немецкого населения; в то же время были осуществлены дезертирство кабинетов Рейнской конфедерации и подкуп союзных офицеров. Измена также начала проникать в высшие чины. Генерал

Жомини, начальник штаба одного из наших армейских корпусов, перешел на сторону противника со всей информацией, которую ему удалось собрать относительно планов кампании, и т.д.^[15]

Результат в достаточной мере доказал императору все ошибки перемирия и убедил его, что он добился бы большего успеха, если бы продолжал продвигаться вперед; ибо, если бы он продолжал преуспевать, союзники, встревоженные тем, что оказались лишенными помощи Австрии, с которой они больше не могли поддерживать разведку, отрезанные от принца Шведского, который остался бы позади, видя, что блокада крепостей на Одере поднята, а война перенесена обратно в Польшу, к воротам Данцига, среди народа, готового массово восстать, — союзники, я говорю, были бы лишены поддержки Австрии. безошибочно бы вылечили. Если бы, с другой стороны, мы потерпели неудачу, последствия не могли бы быть более фатальными, чем те, которые были пережиты на самом деле. Разумные расчеты императора погубили его: то, что казалось неосмотрительностью и безрассудством, вероятно, спасло бы его.

ПРАЖСКИЙ КОНГРЕСС 29 ИЮЛЯ.—

“После двух месяцев трудностей и препон Конгресс открылся при посредничестве Австрии; если, конечно, термин "Конгресс" можно надлежащим образом применить к собранию, на котором не проводилось никаких обсуждений и где одна из сторон заранее решила, что никаких обсуждений проводиться не должно.

“Посредник и противники были в равной степени нашими врагами; все они были единомышленны в своей враждебности по отношению к нам, и они уже приняли решение о войне. Почему же тогда они ждали? Потому что Австрия все еще обладала оттенком скромности, и она хотела в ходе дебатов получить предлог для объявления нам войны. Пруссия и Россия, со своей стороны, сочли необходимым сохранить свой авторитет в Европе этим ложным проявлением своего желания и своих усилий по сохранению мира. Все они просто ставили печать на свою макиавеллистскую систему.

“Для них настоящим Конгрессом была не ассамблея в Праге; она уже состоялась двумя месяцами ранее. С тех пор время предоставило в наши руки подлинные записи об интригах, махинациях и даже договорах, в которых они участвовали в тот промежуток времени. Теперь очевидно, что к перемирию прибегли мнимые друзья и явные враги только ради искусного укрепления союза, который должен был привести к свержению Наполеона, и создания триумvirата, предназначенного для угнетения Европы, в то время как он делал вид, что освобождает ее.

“Австрия из корыстных побуждений надолго отложила открытие Пражского конгресса. Решив возместить свои потери любой ценой, она без колебаний пожертвовала своей честью, чтобы лучше обеспечить свой успех. Она скрывала свое вероломство под маской дружбы. Объявляя себя нашим союзником и горячо поздравляя нас с каждым новым триумфом, она с видом глубочайшего интереса настаивала на том, чтобы стать нашей посредницей, хотя она уже заключила соглашение о создании общего дела с нашими врагами. Ее предложения были приняты. Но она хотела выиграть время для своих приготовлений; и поэтому каждый день

возникали новые препятствия, в то время как при их разрешении проявлялась крайняя медлительность.

Сначала Австрия предложила свои услуги в качестве посредницы; но, меняя тон по мере продвижения своих военных приготовлений, вскоре она выразила желание стать арбитром, в то же время намекнув, что ожидает больших преимуществ в обмен на услуги, которые она может оказать. Наконец, после двухмесячного перемирия, когда Австрия считала себя вполне подготовленной и когда все было согласовано между объединившимися державами, они открыли Конгресс не для того, чтобы вести переговоры о мире и устанавливать дружеские отношения, а для того, чтобы проявить свои истинные чувства и откровенно оскорбить нас. Русские, в частности, вели себя с необычной недоброжелательностью. Это были уже не те русские, которые с тревогой добивались перемирия после разгромов Лютцена, Вюрцена и Баутцена. Теперь они смотрели на себя как на диктаторов Европы, которыми с тех пор действительно стали, благодаря духу своей дипломатии, слепоте своих союзников, своему географическому положению и, наконец, силе вещей. Но кого Александр избрал своим министром на этом Конгрессе? Именно тот, кто в силу личных обстоятельств, согласно законам Франции, не подходил для такой должности; — тот, кто был французом по рождению. Конечно, было бы трудно нанести более личное и прямое оскорбление. Наполеон чувствовал это, но он скрыл свое негодование.

“При таких обстоятельствах многого нельзя было ожидать от Конгресса: в течение нескольких дней его заседания наши враги просто составили серию более или менее язвительных замечаний, в то время как поведение Австрии было отмечено самой одиозной пристрастностью.

10 августа, всего через два дня после первой встречи участников переговоров, русские и пруссаки высокомерно удалились; а 12-го Австрия, этот верный союзник, этот подобострастный и преданный друг, которая проявила такое стремление стать нашей посредницей и арбитром, внезапно отказалась от своих титулов, чтобы объявить нам войну, не допустив никакого перерыва, кроме того, который требовался для подписания манифеста, который она в течение двух месяцев тайно согласовывала со своими новыми союзниками и который навсегда останется свидетельством ее позора и унижения, поскольку в нем признается самопожертвование эрцгерцогини ради необходимости пресмыкаться перед ненавистным союзником. История вынесет решение по этим поступкам. Однако, к чести трона и нравственности, есть основания полагать, что большая часть этих сделок, и в частности реальный ход дел, были неизвестны императору Франциску, который слывет самым мягким, честным, нравственным и благочестивым из государей. Было подтверждено, что многие из этих действий были совершены без его ведома, а другие были представлены ему в совершенно ложном свете. Все эти позорные действия следует приписать британскому золоту, коварству русской дипломатии и страстям австрийской аристократии, возбужденным английской фракцией, которая в то время правила Европой.

“Конгресс разошелся со взаимным чувством раздражения. Затем император выразил свои чувства в официальных и публичных документах самым убедительным языком и тоном высочайшего превосходства. Но это он сделал с целью произвести благоприятное впечатление на общественное мнение; ибо он оставался настолько владыкой собой, что, хотя и поспешил взяться за оружие, тем не менее потребовал возобновления переговоров, которые были

возобновлены в Праге. Он счел целесообразным не терять преимуществ постоянного сообщения: Австрия была бы легко отделена, если бы мы получили преимущества, и ее было бы легко убедить, если бы мы потерпели неудачу. Таков был Пражский конгресс.

Возможно, возникнет вопрос, был ли Наполеон одурачен этим Конгрессом и вытекающими из него обстоятельствами. Ответ заключается в том, что он не был одурачен, или, по крайней мере, не полностью. Если он и не был осведомлен обо всех фактах, то ни на минуту не ошибался относительно намерений и чувств, которые действительно проявлялись.

“Наполеон с момента своей первой победы при Лютцене действительно предлагал созвать всеобщий конгресс. Это, по его мнению, было единственным средством достижения всеобщего мира, обеспечения ~~independence~~[independence](#) Франции и гарантии функционирования современной системы. Любой другой способ переговоров казался ему просто приманкой; и если он, казалось, отступал от этого принципа, принимая посредничество Австрии и соглашаясь на конференции в Праге, то это было потому, что с течением времени дела становились все сложнее. Поражение при Виттории, эвакуация Испании и упавший дух французского народа значительно подорвали его благосостояние. Он предвидел результат переговоров, но, в свою очередь, хотел выиграть время и дожидаться развития событий. Он не был обманут относительно роли, которую сыграет Австрия; и, не зная точно, как далеко она зайдет в своем обмане, он мог хорошо понять по ее таинственному поведению и задержкам, какова, вероятно, будет ее решимость. В Дрездене у него даже были личные беседы с первым представителем на переговорах австрийского правительства, который в достаточной степени обозначил линию поведения, которой он намеревался придерживаться. Император заметил, что у него, в конце концов, есть восемьсот тысяч человек, чтобы противостоять врагу, и переговорщик нетерпеливо добавил: ‘Ваше величество может сказать тысячу двести тысяч; вы можете, если вам угодно, присоединить наши силы к своим’. Но какой должна была быть цена этого преимущества? Не что иное, как возвращение Иллирии, уступка герцогства Варшавского, границы Инн и т. Д. ‘И в конце концов, - сказал император, - что бы я этим выиграл? Если бы мы пошли на все эти уступки, разве мы не должны были бы напрасно унижать себя и предоставлять Австрии средства для предъявления дальнейших требований, а затем противостоять нам с большим преимуществом?’ Он никогда не отказывался от мысли, что истинные интересы Австрии тесно связаны с нашей опасностью, и мы должны быть более уверены в том, что вернем ее себе нашими несчастьями, чем в том, что обеспечим ее нашими уступками. Поэтому Наполеон был глух ко всем требованиям; но он так мало сомневался в обязательствах, которые Австрия уже заключила с нашими врагами, что описывается, как он сказал австрийскому переговорщику наполовину добродушно, наполовину возмущенно: ”Ну же, признавайся: скажи мне, сколько они заплатили тебе за это”.

Как жестоко пострадал Наполеон по этому поводу! Каким только испытаниям терпения он не подвергался! И все же в то время его обвиняли в нежелании мира! “Как я был озадачен, - сказал он, - когда рассуждал на эту тему, обнаружив, что я единственный, кто может судить о степени нашей опасности и принимать меры для ее предотвращения. Я был измучен, с одной стороны, объединенными Силами, которые угрожали самому нашему существованию, а с другой - духом моих собственных подданных, которые в своей слепоте, казалось, действовали заодно с ними; нашими врагами, которые стремились к моему уничтожению, и назойливостью моего народа и даже моих министров, которые убеждали меня сдаться на милость иностранцев. И я был вынужден сохранять смелый вид в этой затруднительной ситуации: высокомерно отвечать

одним и резко давать отпор другим, которые создавали трудности в моем тылу, поощряли ошибочный ход общественного мнения, вместо того чтобы стремиться придать ему надлежащее направление, и позволяли мучить меня требованиями мира, когда они должны были доказать, что единственное средство добиться его - это подтолкнуть меня якобы к войне.

Однако моя решимость была непоколебима. Я ожидал исхода событий, твердо решив не идти ни на какие уступки или договоры, которые могли бы представлять собой лишь временное возмещение ущерба и неизбежно повлекли бы за собой фатальные последствия. Любой промежуточный курс должен был быть опасным; не было никакой безопасности, кроме победы, которая сохранила бы мою власть, или какой-нибудь катастрофы, которая вернула бы моих союзников”.

Я позволю себе привлечь внимание читателя к этой последней идее, на которую я уже обращал внимание в предыдущем случае. Возможно, кто-то подумает, что я придаю этому большое значение; но это потому, что я чувствую необходимость сделать это понятным. Хотя сейчас я полностью вникаю в это, все же прошло много времени, прежде чем я понял это, и это показалось мне парадоксальным и тонким.

“В какое положение я был поставлен!” - продолжал император. “Я видел, что Франция, ее судьбы, ее принципы зависели только от меня!” — “Сир!” Я осмелился заметить: “Такого мнения придерживались все; и все же некоторые стороны упрекали вас за это, с горечью восклицая: “Почему он все связывает лично с собой?”“ Это было вульгарное обвинение, ” горячо возразил император. “Моя ситуация возникла не по моему собственному выбору и не по какой-либо моей вине; она была полностью вызвана природой и силой обстоятельств — конфликтом двух противоположных порядков вещей. Предпочли бы люди, придерживающиеся этого языка, если бы они действительно были искренни, вернуться к периоду, предшествовавшему Брюмеру, когда наш внутренний распад был полным, иностранное вторжение неизбежным и разрушение Франции неизбежным? С того момента, как мы решились на концентрацию власти, которая одна могла спасти нас; когда мы определились с единством доктрин и ресурсов, которые сделали нас могущественной нацией, судьбы Франции зависели исключительно от характера, мер и принципов того, кого она облекла этой случайной диктатурой: с этого момента общественным благом, *государством, был я*. Эти слова, которые я адресовал людям, способным их понять, были сильно осуждены узколобыми и недоброжелательными людьми; но враг почувствовал всю их силу, и поэтому его первой целью было осуществить мое свержение. Такой же протест был поднят и против других слов, которые я произнес от всего сердца: когда я сказал, что *Франция больше нуждается во мне, чем я в ней*. Эта глубокая истина была объявлена просто избытком тщеславия. Но, мои дорогие Лас Касес, теперь вы видите, что я могу отказаться от всего; а что касается того, что я выношу здесь, то мои страдания не могут быть долгими. Моя жизнь ограничена; но существование Франции ...!” Затем, возвращаясь к своей прежней мысли, он сказал: “Обстоятельства, в которые мы попали, были экстраординарными и беспрецедентными; было бы тщетно искать им какую-либо параллель. Я сам был краеугольным камнем совершенно нового здания, возведенного на хрупком фундаменте! Его устойчивость зависела от каждой из моих битв! Если бы я был побежден при Маренго, Франция столкнулась бы со всеми бедствиями 1814 и 1815 годов, без тех чудес славы, которые увенчались успехом и которые будут бессмертны. То же самое было при Аустерлице и Йене, и снова при Эйлау и в других местах. Вульгарные люди не смогли не обвинить мои амбиции как причину всех этих войн. Но они были не по моему выбору; они были вызваны

природой и силой событий; они возникли из того конфликта между прошлым и будущим — из той постоянной коалиции наших врагов, которая вынуждала нас подчиняться под страхом быть покоренными”.

Но вернемся к переговорам 1813 года. Обращаясь к документам и манифестам, опубликованным в то время двумя партиями, то ли потому, что теперь мы можем ознакомиться с ними с большей беспристрастностью, то ли потому, что у нас открылись глаза на поведение тех, кто одержал победу, невозможно не удивиться двойной ошибке, которая побудила немцев так яростно восстать против того, от чьего ига они якобы освободились, и в пользу тех, кого они ожидали увидеть своими возрожденцами!

Возобновление военных действий — Битва при Дрездене — 26 и 27 августа. — “Враждебные державы снова выступили на поле боя. Французы с 300 000 человек, из которых 40 000 были кавалеристами, заняли сердце Саксонии, на левом берегу Эльбы; а союзники с 500 000 человек, из которых 100 000 были кавалеристами, угрожали им в трех разных направлениях, из Берлина, Силезии и Богемии, на Дрезден. Эта чудовищная диспропорция в численности не произвела никакого эффекта на Наполеона: он сосредоточил свои силы и смело перешел в наступление. Укрепив линию Эльбы, которая теперь стала его *мысом Аппуи*, и, защищая свой крайний правый фланг горами Богемии, он направил одну из своих групп на Берлин против Бернадотта, который командовал армией пруссаков и шведов, в то время как другая двинулась на Силезию, против Блюхера, который командовал корпусом, составленным из пруссаков и русских, а третья была размещена в Дрездене, как ключевом пункте позиции, для наблюдения за большой австрийской и русской армиями в Богемии. Наконец, четвертое соединение было размещено в Циттау в качестве резерва с тройственной целью: 1. проникнуть в Богемию на случай, если мы получим преимущество над Блюхером; 2. удерживать большую часть сил союзников в Богемии, опасаясь нападения им в тыл, если они попытаются выйти из окружения на берегах Эльбы; 3. при необходимости оказать помощь в нападении на Блюхера или в обороне Дрездена; в случае, если этот город будет атакован.

“Император, который уже предпринял быстрое движение против Блюхера, держал его в действии перед собой, когда его внезапно отозвали для защиты Дрездена, где 65 000 французских солдат оказались против 180 000 союзных войск. Принц Шварценберг, главнокомандующий, 26-го предпринял слабую атаку на Дрезден, вместо того чтобы предпринять стремительный и решительный штурм; как утверждалось, таково было намерение дезертира Жомини, который так хорошо понимал реальное положение вещей. Наполеон появился с быстротой молнии и объединил силы в 100 000 французских солдат, чтобы противостоять 180 000 союзникам. Это дело ни на минуту не вызывало сомнений, и весь успех следует приписать его проницательности и проницательности. Враг был разбит: он потерял 40 000 человек и в течение некоторого времени находился под угрозой полного уничтожения. Император Александр присутствовал при битве, и Моро был убит одной из первых пуль, выпущенных нашей императорской гвардией, вскоре после того, как он поговорил с русским императором.^[16]

Счастливым случаем, которого с таким нетерпением ожидал Наполеон, который, как ожидалось, восстановит наши дела, обеспечит мир и спасет Францию, наконец представился. Соответственно, на следующий день Австрия направила к императору агента с дружественными предложениями. Но такова неопределенность человеческой судьбы! С этого

момента из-за беспрецедентной гибели людей Наполеону пришлось столкнуться с цепью катастроф. На каждом этапе, за исключением того, при котором присутствовал он сам, мы терпели неудачи. Наша армия в Силезии потеряла 25 000 человек в противостоянии Блюхеру; силы, атаковавшие Берлин, были разбиты принцем Шведским с большими потерями; и, наконец, почти весь корпус Вандама, который после победы при Дрездене был отправлен в Богемию с целью нападения на тыл противника и завершения его уничтожения, будучи предоставлен самому себе и безрассудству своего командира, был разбит вдребезги той частью союзной армии, которая поспешно отступала. Эта роковая катастрофа и безопасность австрийцев были вызваны внезапным недомоганием Наполеона, который в тот момент считался отравленным. Его присутствие больше не возбуждало энтузиазма в различных корпусах продолжать преследование; последовали нерешительность и уныние; силы Вандама были уничтожены, и все плоды блестящей победы при Дрездене были потеряны!

После этих неоднократных проверок чары рассеялись; дух французских войск стал подавленным, в то время как дух союзников был более возбужденным. Враждебные силы теперь можно было оценивать только по их численному значению; и казалось, что катастрофа близка. Наполеон в отчаянии предпринимал тщетные усилия; он спешил ко всем угрожаемым пунктам и немедленно был отозван каким-нибудь новым бедствием. Где бы он ни появлялся, союзники отступали перед ним; и они снова наступали, как только он поворачивался спиной. Тем временем все массы противника постоянно набирали высоту; они установили связь друг с другом и теперь образовали полукруг, который постепенно смыкался вокруг французов, отброшенных назад к Эльбе, и угрожал полностью окружить их. С другой стороны, наш неприкрытый тыл подвергся нападению отдельных отрядов. Вестфальское королевство было охвачено открытым восстанием; наши конвои были перехвачены, и мы больше не могли поддерживать свободное сообщение с Францией.

Именно при таком положении вещей пражские переговорщики представили императору результаты своих новых совещаний. В дополнение к многочисленным реституциям, требуемым от Наполеона и его союзников, были выдвинуты два предложения: 1-е - об отказе от всего влияния и приобретений Франции в Италии; 2-е - об отказе от французского влияния и приобретений в Германии. Наполеону предстояло выбрать одно из этих двух разделений власти; но другое должно было быть предоставлено союзникам, находиться полностью в их распоряжении, без какого-либо вмешательства с его стороны. Ни друзья, ни враги не сомневались, что Наполеон охотно примет эти предложения. “Ибо, - говорили те, кто был рядом с ним, “ если вы выберете Италию, вы останетесь у ворот Вены, и союзники скоро начнут спорить между собой о разделе Германии. Если, напротив, вы предпочтете капитуляцию Италии, вы тем самым обеспечите дружбу Австрии, на долю которой она выпадет, и вы останетесь в сердце Германии. В любом случае ты скоро вновь появишься в роли посредника или правителя”. Наполеон, однако, не придерживался такого мнения: он отверг эти предложения и упорно следовал своим собственным идеям.

Конечно, сказал он себе, такие предложения сами по себе и при естественном ходе вещей наиболее приемлемы; но где гарантия их искренности? Он ясно видел, что союзники лишь пытались заманить его в ловушку. С тех пор они решили не подчиняться ни вере, ни закону. Они не считали себя связанными каким-либо международным правом или каким-либо правилом честности в своем поведении по отношению к нам. В противовес предложениям своих советников Наполеон сказал: “Если я откажусь от Германии, Австрия будет сопротивляться еще

упорнее, пока не получит Италию. С другой стороны, если я уступлю ей Италию, она, чтобы закрепить за собой владение ею, попытается изгнать меня из Германии. Таким образом, одна предоставленная уступка послужит лишь стимулом для поиска или навязывания новых. Как только будет удален первый камень из здания, неизбежно последует падение всего. Меня будут принуждать к одной уступке за другой, пока я не буду изгнан обратно в Тюильри, откуда французский народ, разгневанный моей слабостью и обвиняющий меня в своих бедствиях, несомненно, изгонит меня, и, возможно, справедливо, хотя они сами могут немедленно стать добычей иностранцев”.

Не следует ли рассматривать это как буквальное предсказание событий, последовавших за коварной франкфуртской декларацией, предложениями Шатийона и т. Д.?

“Было бы в тысячу раз лучше погибнуть в битве среди ярости торжества врага, - продолжал император, - ибо даже поражения оставляют после себя уважение, подобающее невзгодам, когда они сопровождаются великодушным упорством. Поэтому я предпочитаю дать бой; ибо, если я буду побежден, мы по-прежнему сохраняем за собой истинные политические интересы большинства наших врагов. Но, если я одержу победу, я могу спасти всех. У меня все еще есть шансы в мою пользу — я далек от отчаяния”.

Предполагаемое наступление на Берлин. — “При таком положении вещей король Баварии, глава Рейнской конфедерации, написал императору, конфиденциально заверив его, что он сохранит свой союз еще на шесть недель. “Этого было достаточно, - сказал Наполеон, - чтобы сделать весьма вероятным, что он больше не сочтет нужным покидать нас”. Он немедленно решил предпринять большое движение, которое он давно обдумывал и которое ясно указывает на ресурсы его предприимчивого ума. Прижатый к Эльбе, правый берег которой уже был окружен огромной массой союзных войск, и почти вышедший ему в тыл, он задумал смелую идею меняться позициями с противником, с места на место; проникнуть в линию противника, образовать у него тыл и вынудить его, в свою очередь, перейти со всеми своими силами на левый берег реки. Если бы в этой ситуации он отказался от своих коммуникаций с Францией, он имел бы в своем тылу территорию противника, участок страны, еще не опустошенный войной и способный содержать его войска, Берлин, Бранденбург и Мекленбург, он вернул бы себе свои крепости с их огромными гарнизонами, отделение и потеря которых были бы большой ошибкой после поворота судьбы и рассматривались бы как гениальные ресурсы в случае победы. Теперь Наполеон предвкушал новые комбинации и новую перспективу будущего успеха: он видел перед собой только ошибки, изумление и оцепенение своих врагов и блеск своего собственного предприятия и своих надежд.

Битвы при Лейпциге, (16, 18 и 19 октября) — “Поначалу удача, казалось, улыбнулась императору. Но вскоре пришло письмо от короля Вюртемберга, извещавшее его, что баварская армия, соблазненная интригами и преобладающим духом момента, присоединилась к австрийцам, против которых она намеревалась выступить; что она направляется к Рейну, чтобы отрезать сообщение с Францией; и что король Вюртембурга сам вынужден уступить обстоятельствам. Это неожиданное событие вынудило Наполеона приостановить свои приготовления и отступить, чтобы обезопасить свое отступление. Это усложнение ложных движений оказалось полезным для союзников, которые заседали и окружали нас: крупное сражение казалось неизбежным. Наполеон собрал свои силы на равнинах Лейпцига. Его армия состояла из 157 000 человек и шестисот артиллерийских орудий; но союзники располагали

1000 артиллерийскими орудиями и 350 000 человек. В течение первого дня боевые действия велись яростно: французы продолжали торжествовать, и победа была бы решающей, если бы в сражении принял участие один из корпусов, дислоцированных в Дрездене, как на это надеялся император. Генерал Мерфельд был взят в плен, но освобожден условно-досрочно с намеком на то, что император наконец готов отречься от Германии. Но союзники, ободренные прибытием огромного подкрепления, возобновили сражение на следующий день; и теперь их было так много, что, когда их войска истощались, им регулярно на смену приходили свежие корпуса, как на параде. Самая немыслимая гибель сочеталась теперь с численным неравенством; в наших рядах неожиданно вспыхнуло самое гнусное предательство; саксонцы, наши союзники, покинули нас, перешли на сторону врага и обратили против нас свою артиллерию. Тем не менее, присутствие духа, энергия и мастерство французского генерала вкупе с мужеством наших войск возместили всем ущерб, и мы снова остались хозяевами поля боя.

“Эти два ужасных сражения, которые история запишет как битвы гигантов, стоили врагу 150 000 его лучших солдат, 50 000 из которых погибли мертвыми на поле боя. Наши потери составили всего 50 000 человек. Таким образом, разница между нашими силами значительно уменьшилась, и завязалось третье сражение, с гораздо более благоприятными изменениями. Но наши боеприпасы были исчерпаны; в наших парках имелось не более 16 000 зарядов; за два предыдущих дня мы выпустили 220 000. Мы были вынуждены принять меры к нашему отступлению, которое началось ночью на Лейпциг. На рассвете союзники атаковали нас; они вошли в Лейпциг вместе с нами, и на улицах города завязалось сражение. Наш арьергард доблестно оборонялся, не понеся больших потерь, когда роковое происшествие разрушило все: единственный мост через Эльстер, по которому можно было осуществить наше отступление, был, по какой-то случайности или недоразумению, взорван. Таким образом, все наши силы на Лейпцигском берегу реки были потеряны, и все силы на противоположном берегу в спешке и беспорядке двинулись на Менц. В Ханау мы были вынуждены прорваться через 50 000 баварских солдат. Только остатки нашей армии вернулись во Францию; и, чтобы довершить несчастье, они принесли с собой заразу”.

Такова была роковая кампания в Саксонии, наше последнее национальное усилие, могила нашей гигантской державы. Вопреки объединенным усилиям всех сил Европы и несмотря на все шансы, которые были накоплены против нас, гений одного человека в ходе этой кампании четыре раза был близок к тому, чтобы восстановить наше господство и закрепить его миром: после побед при Лютцене и Бауцене, после битвы при Дрездене, во время последнего наступления на Берлин и, наконец, на равнинах Лейпцига.

Наполеон потерпел неудачу только благодаря череде жертв и вероломства, примеров которых история не дает. Я здесь записываю только те, которые приходят мне в голову при ретроспективном взгляде на события этого периода.

СМЕРТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.

- (А.) Внезапное недомогание Наполеона.
- (В.) Неожиданное переполнение Бака.
- (С.) Конфиденциальное письмо от короля Баварии.
- D.) приказы, которые не дошли до корпуса в Дрездене.

Е. Нехватка боеприпасов после двух сражений под Лейпцигом.

(F.) Взрыв моста через Эльстер.

БЕРОЛОМСТВО.

(G.) Махинации и недобросовестность Австрии - первая и истинная причина наших бедствий.

(H.) Нарушение Плейсвицкого перемирия относительно наших блокированных крепостей.

I. Дезертирство начальника штаба 3-го корпуса.

(K.) Дезертирство баварского правительства.

(L.) Предательство саксов.

(M.) Нарушение капитуляции Дрездена и т.д.

Ниже приведены несколько строк объяснения:—

(A.) После победы при Дрездене кто-то похвалил Наполеона за его великий успех. “О! это еще ничего, - заметил он, и лицо его просияло от удовлетворения. “Вандамм у них в тылу, именно там мы должны ожидать великого результата. Император лично приступил к осуществлению этой решающей операции, когда, к несчастью, после одного из приемов пищи у него началась настолько сильная рвота, что его предположили отравленным, и было сочтено необходимым доставить его обратно в Дрезден. Таким образом, операции были прерваны. Фатальные последствия, которые последовали за этим, хорошо известны. Насколько тривиальной была причина и насколько катастрофическими были результаты!

(B.) Внезапный разлив реки Бобер в Силезии был главной причиной неудач маршала Макдональда. Его корпус, находясь в полном боевом порядке, был застигнут наводнением, которое затруднило их операции и привело к ужасным потерям, которые были описаны выше.

(C.) Примерно в конце сентября король Баварии направил Наполеону конфиденциальное письмо, в котором заявлял, что сохранит свой союз с ним еще на шесть недель или два месяца; и что в течение этого промежутка времени он будет упрямо отказываться от любых преимуществ, которые могли бы быть ему предоставлены. Император, оказавшийся в крайне критическом положении и который, если бы не это обстоятельство, возможно, прислушался бы к сделанным ему предложениям, теперь больше не колебался, а немедленно решился на смелое наступление на Берлин, которое он обдумывал. Он полагал, что шести недель будет достаточно, чтобы изменить положение дел и рассеять опасения его союзников. К сожалению, военные интриги оказались сильнее желаний короля Баварии. Наполеон был вынужден приостановить свое движение и дать сражение при Лейпциге с невыгодным преимуществом. Последствия уже были видны.

(D.) Наполеон, делая свои приготовления к сражениям под Лейпцигом, рассчитывал на отвлечение тех корпусов армии, которые он оставил в Дрездене. Их сотрудничество могло бы сделать победу решающей и придать новый оборот делу. Но, к сожалению, силы противника были так многочисленны, а мы были так полностью окружены, что приказ императора не мог быть передан в Дрезден.

(F.) После двух ужасных сражений под Лейпцигом французы осуществляли свое отступление через Эльстер по единственному мосту. Офицеру, который был поставлен охранять его, было приказано взорвать его, если противник бросится в погоню за нашим арьергардом. К несчастью, этому офицеру по какой-то ошибке сообщили, что он нужен императору. Он немедленно подчинился вызову, и в его отсутствие капрал саперов, при первом же появлении какого-то отдельного русского корпуса, обстрелял поезд и взорвал мост, обрекая таким образом на гибель ту часть наших войск, которая все еще оставалась на лейпцигском берегу реки. Весь наш арьергард и обоз, двести артиллерийских орудий и тридцать тысяч пленных (отставших, раненых и больных) попали в руки врага.

В связи с публикацией бюллетеней, содержащих эти разведданные, недовольная партия в Париже подняла всеобщий протест. Утверждалось, что все это было сфабриковано и что сам император приказал взорвать мост с целью обеспечить свою собственную безопасность за счет остальной армии. Было напрасно ссылаться на заявление офицера, который подтвердил этот факт, в то время как он пытался оправдаться. Это было объявлено очередной выдумкой или проявлением покладистости со стороны офицера. Таков был язык того времени.^[17]

(G.) двуличие и недобросовестность Австрии, многочисленные противоречия между ее действиями и ее профессиями уже упоминались. Не обращая внимания на великодушие, проявленное к ней после сражений при Леобене, Аустерлице и Ваграме, она исполнила свой долг благодарности в соответствии с правилами политики, охотно ухватившись за возможность возместить свои потери любой ценой.

Она погубила нас, заставив согласиться на Плейсвицкое перемирие; и ее поведение было тем более отвратительным, что она была полна решимости развязать против нас войну; и несколько дней спустя, хотя она по-прежнему была нашим другом и союзником и предлагала себя в качестве посредницы, она вступила во враждебные нам действия. Теперь хорошо известно о ее участии в съездах в Рехембахе примерно в середине июня и в конференциях в Трахенберге в начале июля. Необходимость соблюдения определенной видимости приличия привела к тому, что эти вопросы держались в секрете примерно месяц после начала военных действий. Сначала они были предложены Франциску просто в качестве возможных мер предосторожности; и поставить под ними свою подпись его побудили только представления его министров, которые называли Наполеона бичом человечества и приписывали ему задержки с открытием Конгресса, которые на самом деле были вызваны сами по себе. (Монверан, том vi. стр. 262.)

Но, несмотря на поведение Австрии, Наполеон все еще лелеял надежду увидеть, как она возобновит свой союз с ним; не потому, что он мог рассчитывать на какое-либо недопонимание между ней и другими объединенными [coalesced](#), а потому, что он полагал, что она достаточно дальновидна в отношении своих собственных интересов. Эта идея никогда не покидала его до момента подписания своего отречения.^[18]

(H.) Крепости, занятые французскими войсками в тех местах, которые находились во владении союзных войск, должны были иметь четкий контур протяженностью в одну лигу и получать запасы провизии каждые пять дней; но этот пункт не был честно выполнен.

Когда перемирие было продлено, французские комиссары потребовали, чтобы офицеры их армии были направлены к комендантам крепостей; но русский главнокомандующий возражал

против этого, и обстоятельства сложились так, что мы были вынуждены отказаться от этого пункта. (Монверан, том vi. стр. 270.)

(I.) Начальник штаба 3-го корпуса, швейцарец по происхождению, но получивший образование в наших рядах, перешел на сторону противника за несколько дней до возобновления боевых действий, захватив с собой всю информацию, которую смог собрать. За эту службу российский император наградил его особой милостью и сделал одним из своих адъютантов. Было сказано, что этот офицер, обладавший большим талантом, имел основания жаловаться на некоторую несправедливость; но может ли что-нибудь смягчить такой поступок или устранить сопутствующий ему позор?

(K.) Частью плана кампании Наполеона было то, что баварская армия, расквартированная на Дунае, должна действовать согласованно с итальянской армией, расквартированной в Иллирии, и что их совместные усилия должны быть направлены на Вену. Нетрудно представить, какое важное влияние эти меры должны были оказать на судьбу Кампании. Но главнокомандующий баварской армией, под тем или иным предлогом, а на самом деле потому, что он заключил соглашение с врагом, постоянно бездействовал и таким образом парализовал усилия вице-короля, которому приходилось противостоять огромной массе австрийских войск. Уже говорилось, что открытое дезертирство баварцев в самый критический момент кампании в основном способствовало нашим бедствиям.

(L.) Но ничто не могло сравниться с позорным предательством саксов, которые, хотя они тогда служили в наших рядах и были нашими товарищами в опасности и славе, внезапно повернулись против нас. Какими бы фатальными ни были последствия их дезертирства, позор, навлекаемый на них самих, больше, чем все зло, которое они причинили нам.

Поведение Наполеона в этот период, когда его называли чудовищем обмана и недобросовестности, представляет, напротив, пример исключительного великодушия.

Он добавил корпус саксонцев к своей императорской гвардии; но, после дезертирства их соотечественников, он расположил их вокруг их Государя, которого оставил в Лейпциге,^[19] освободив его от всех обязательств. В его армии также было несколько баварцев, и он написал их командующему, сообщив ему, что, поскольку Бавария нелояльно объявила ему войну, это обстоятельство позволит ему разоружить и взять в плен всех баварцев, находящихся у него на службе; но что такая мера разрушит доверие, которое Наполеон желал, чтобы войска, находящиеся под его командованием, питали к нему. Поэтому он приказал снабдить их провизией и отпустил.^[20]

(M.) Передо мной заметки выдающегося офицера о капитуляции Дрездена. Оценивая численность войск, которые мы оставили позади себя в крепостях, от которых мы были отделены, он приходит к выводу, что в общей сложности их должно было быть 177 000 человек. У императора в Лейпциге было всего 157 000 человек. Насколько иной, следовательно, могла бы быть наша судьба, если бы эти массы или хотя бы часть их были в его распоряжении в этом решающем событии. Но это прискорбное рассеяние было вызвано чрезвычайными обстоятельствами и не было результатом какой-либо регулярной системы. Следующие подробности, касающиеся нарушения условий капитуляции Дрездена, дословно цитируются из упомянутых выше примечаний:

“Прежде всего, необходимо понять, что в плане коалиции против Франции, заслугой которой был принц Шварценберг, было определено, что в соответствии с предложениями о капитуляции каждого из наших многочисленных гарнизонов условия должны быть честно выполнены, но без какого-либо намерения их выполнять. Поскольку этот момент установлен, причина отказа от капитуляции, подписанной в Дрездене маршалом Сен-Сиром и генералами Толстым и Кленау, заключалась в том, что князь Шварценберг не мог ратифицировать ее, потому что граф де Лобау, адъютант Наполеона, который был заперт в Дрездене вместе с маршалом, протестовал против капитуляции. Некоторое время спустя капитуляция Данцика перед генералом Раппом была отклонена под отвратительно ложным предлогом, что дрезденский гарнизон, несмотря на условия своей капитуляции, вступил в строй сразу по прибытии в Страсбург, и что, следовательно, капитуляция Данцика не могла быть одобрена без риска возникновения аналогичных неудобств.

“Нижеследующее является дополнительным доказательством недобросовестности союзников. Гарнизон Дрездена, состоявший из двух *армейских корпусов* общей численностью 45 000 человек, капитулировал 11 ноября.^[21]

“Согласно условиям капитуляции, французы должны были покинуть крепость шестью колоннами в течение шести дней подряд и вернуться в Страсбург.

“Эта капитуляция была выполнена, по крайней мере, в том, что касалось нашей эвакуации из крепости и ее занятия противником; но наша шестая колонна едва успела сделать дневной переход от города, когда было объявлено, что капитуляция отклонена главнокомандующим принцем Шварценбергом приказом от 19 ноября.

Когда маршал Сен-Сир выразил протест против такого поведения, было предложено в качестве компенсации за несправедливость разрешить ему вернуться в Дрезден со своими войсками и снова передать в распоряжение все средства обороны, которые у него были до капитуляции: это была просто ирония судьбы.

Напрасно маршал добивался буквального выполнения статей, согласованных графом Кленау, который имел для этого все полномочия; несчастный гарнизон, разбитый и рассеянный, был вынужден вернуться в различные пункты расквартирования, которые были ему отведены в Богемии, вместо того чтобы продолжать свой марш к Рейну.

Маршал, возмущенный этим вопиющим нарушением веры, отправил вышестоящего офицера сообщить об этом обстоятельстве Наполеону; но союзники задержали его продвижение под различными предлогами, и он достиг Парижа только 18 декабря. Последующие события к этому времени сделали зло безнадежным”.

После ряда обманов и вероломства, которые я здесь раскрыл и которые союзники установили как систему, неудивительно, что Наполеон не полагался на знаменитую Франкфуртскую декларацию и что он был возмущен слепотой нашего Законодательного органа, комитет которого, руководствуясь либо злыми намерениями, либо ошибочными взглядами, довершил крах дел. Наполеон заверил меня, что он несколько раз собирался вызвать к себе членов этого комитета, чтобы конфиденциально и искренне проконсультироваться с ними о реальном положении вещей и неминуемой опасности, которая нам угрожала. Иногда он думал, что, несомненно, должен вернуть их к правильному пониманию своего долга; иногда, наоборот, он опасался, что упорство во мнениях или злонамеренные намерения могли привести к

разногласиям, которые, учитывая дух момента, ослабили бы наши ресурсы и ускорили наш распад.

Император часто обращался к этому критическому моменту в судьбах Франции, но я до сих пор воздерживался от подробностей предмета, который не представляет ничего ни приятного, ни утешительного.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ИМПЕРАТОРА.—ЕГО ВИЗИТ В АМСТЕРДАМ.— НАБЛЮДЕНИЯ Над ГОЛЛАНДЦАМИ И Т. Д.—МАССОВЫЕ УБИЙСТВА ТРЕТЬЕГО СЕНТЯБРЯ.—ЗАМЕЧАНИЯ О РЕВОЛЮЦИЯХ В ЦЕЛОМ.—НЕСЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА ЛЮДОВИКА XVI.

3. Около трех часов император послал за мной, чтобы я присутствовал при нем в его покоях. Он только что закончил одеваться и, поскольку в это время шел дождь, прошел в гостиную, где сообщил мне некоторые весьма любопытные подробности, которые, как можно предположить, касались его и в которых я сыграл заметную роль.

Некоторое время спустя император прогулялся по лужайке, примыкающей к его библиотеке; но, обнаружив, что ветер очень сильный, он вскоре вернулся в дом и сыграл на бильярде, о чем ему очень редко приходило в голову.

В течение дня император рассказал, что однажды, путешествуя с императрицей, он остановился позавтракать на одном из островов на Рейне. По соседству был небольшой фермерский дом, и, пока он завтракал, он послал за крестьянином, которому он принадлежал, и пожелал, чтобы тот смело просил о том, что, по его мнению, сделает его счастливым; и, чтобы внушить ему еще большее доверие, император заставил его выпить несколько бокалов вина. Крестьянин, который был более благоразумен и менее ограничен в своем выборе, чем человек, описанный в истории о трех желаниях, без колебаний указал объект, которым он жаждал обладать. Император приказал префекту округа немедленно снабдить его тем, что он выбрал, и расходы, связанные с удовлетворением его желания, не превышали 6 или 7000 франков.

Наполеон добавил, что в другой раз, когда он плавал на яхте в Голландии, он вступил в разговор с рулевым и спросил его, сколько стоит его судно. “Мое судно!” сказал человек. “оно не мое; я был бы слишком счастлив, если бы это было так, оно принесло бы мне состояние”. “Что ж, тогда, - сказал император, - я делаю вам это в подарок”; услуга, за которую человек, казалось, был не особенно благодарен. Его безразличие приписывали флегматичному темпераменту, естественному для его соотечественников, но это было не так. “Какую пользу он мне принес?” - сказал он одному из своих товарищей, который поздравлял его. “Он поговорил со мной, и это все; он дал мне то, что ему не принадлежало, — поистине прекрасный подарок!” Тем временем Дюрок купил судно владельца, и расписка была передана в руки рулевого, который, больше не сомневаясь в реальности своей удачи, предавался самым экстравагантным проявлениям радости. Стоимость этой покупки была примерно такой же, как стоимость подарка, сделанного соотечественнику. “Таким образом, - сказал император, - очевидно, что человеческие желания не так неумеренны, как их обычно предполагают, и что не так уж трудно сделать людей счастливыми! Эти двое мужчин, несомненно, почувствовали себя совершенно счастливыми”.

Когда император посетил Амстердам, жители, по его словам, были настроены к нему очень враждебно; но вскоре он полностью завоевал расположение общественности. Он отказался от

сопровождения какой-либо другой охраны, кроме почетного караула, принадлежащего городу; и этот знак доверия немедленно завоевал ему уважение голландцев. Он постоянно появлялся среди граждан всех классов. Однажды он обратился к толпе людей в следующей резкой манере: “Говорят, что вы недовольны — но почему? Франция не завоевала, а усыновила вас: вы не лишены никаких льгот, которыми пользуются французы; вы являетесь частью той же семьи и пользуетесь всеми ее преимуществами. Подумайте теперь: я выбрал своих префектов, камергеров и государственных советников из вашей среды в справедливой пропорции к численности вашего населения, и я усилил свою охрану вашей голландской гвардией. Вы жалуетесь на бедственное положение, но в этом отношении у Франции есть еще больше оснований для недовольства. Мы все страдаем, и мы должны продолжать делать это до тех пор, пока общий враг, морской тиран, вампир вашего ремесла, не образумится. Вы жалуетесь на принесенные вами жертвы; но приезжайте во Францию и посмотрите на все, чем вы все еще обладаете сверх того, что делаем мы, и тогда, возможно, вы сочтете себя менее несчастными. Почему бы вам не поздравить себя с обстоятельствами, которые привели к вашему союзу с Францией. В нынешнем состоянии Европы, кем бы вы были, если бы были предоставлены самим себе?— Рабами всего мира. Вместо этого, отождествляя себя с Францией, вы однажды будете владеть всей торговлей великой Империи”. Затем, приняв веселый тон, он сказал: “Я сделал все, что было в моих силах, чтобы доставить вам удовольствие. Разве я не послал вам губернатором именно того человека, который вам подходит, — доброго и миролюбивого Лебрена. Вы соболезнуете ему, он соболезнует вам: вы вместе оплакиваете свои невзгоды. Что еще я мог для вас сделать? При этих словах собрание разразилось громким приступом смеха. Император заручился благосклонностью толпы. “Однако, ” сказал он, - будем надеяться, что нынешнее положение вещей продлится недолго. Поверьте мне, я стремлюсь к переменам не меньше, чем вы. Каждый здравомыслящий человек среди вас должен осознавать, что ни в моем желании, ни в моих интересах, чтобы дела оставались такими, какие они есть сейчас”.

Император оставил жителей Амстердама полными энтузиазма по отношению к нему; и он, со своей стороны, произвел впечатление явно в их пользу. Перед своим путешествием он часто жаловался, что всякий, кого он отправлял в Голландию, немедленно становился голландцем. После его возвращения это обстоятельство вспомнилось ему в Государственном совете, и он сказал, что сам стал голландцем. Однажды, когда один из членов Совета пренебрежительно отозвался о голландцах, император сказал: “Джентльмены, возможно, вы более приятны, чем они; но я не могу пожелать вам ничего лучшего, чем обладать их моральными качествами”.

После обеда кто-то случайно упомянул дату этого дня, 3 сентября; по поводу чего император сделал несколько весьма примечательных замечаний; среди которых были следующие: “Это, - сказал он, ” годовщина ужасных казней, повторения в миниатюре Варфоломеевского дня: менее позорного, конечно, потому, что было принесено меньше жертв, и потому, что зверства были совершены не с санкции правительства, которое, напротив, приложило все усилия для наказания за преступление. Это было совершено парижской чернью; необузданной силой, которая соперничала с Законодательной властью и даже контролировала ее.

“Зверства 3 сентября были результатом фанатизма, а не абсолютной жестокости: организаторы массовых убийств казнили члена своей партии за совершение кражи во время казней. Это ужасное событие, ” продолжал император, “ произошло в силу обстоятельств и духа момента. Ни одно политическое изменение никогда не происходит без народного гнева; люди никогда не

подвергаются опасности, не совершая беспорядков и не принося жертв. Пруссак вступили на территорию Франции, и народ, прежде чем двинуться им навстречу, решил отомстить своим приверженцам в Париже. Вероятно, это обстоятельство не обошлось без влияния на безопасность Франции. Кто может сомневаться в том, что если бы во время недавних событий дружка захватчиков стали жертвами подобных ужасов, Франция попала бы под иго иностранцев? Но этого не могло произойти, поскольку мы стали легитимными.

Продолжительность власти, наши победы, наши договоры, восстановление наших старых нравов сделали наше правительство регулярным. Мы не могли погрузиться в те же ужасы, которые были совершены толпой; со своей стороны, я не мог и не хотел быть Королем толпы.

“Ни одна социальная революция никогда не совершается без насилия. Каждая революция такого рода поначалу является просто восстанием. Только время и успех могут возвысить и сделать это законным; но все же это никогда не может быть осуществлено без возмущения. Если от людей, пользующихся властью и состоянием, требуется отказаться от этих преимуществ, они, конечно, сопротивляются: тогда прибегают к силе; они вынуждены уступить. Во Франции этого добились фонарем и публичными казнями. Царство террора началось 4 августа с отмены дворянских титулов, десятины и феодальных прав, обломки которых были разбросаны среди множества людей, которые тогда впервые поняли Революцию и почувствовали настоящий интерес к ней. До этого периода в народе было так много зависимости и религиозного духа, что многие сомневались, созреет ли урожай как обычно без царя и десятины.

“Революция, - заключил император, “ это одно из величайших зол, которое может обрушиться на человечество. Это бич поколения, которое его породило; и все преимущества, которые оно дает, не могут загладить страданий, которыми оно наполняет жизнь тех, кто в нем участвует. Это обогащает бедных, которые все еще остаются неудовлетворенными; и это обедняет богатых, которые не могут забыть своего падения. Она ниспровергает все; и в самом начале приносит несчастье всем и счастье никому.

“Вне всякого сомнения, истинное социальное счастье заключается в гармонии и мирном обладании относительными удовольствиями каждого класса людей. В обычные и спокойные времена каждый человек получает свою долю счастья: сапожник в своем ларьке так же доволен, как король на своем троне; солдат не менее счастлив, чем генерал. Наиболее обоснованные революции с самого начала несут за собой всеобщее разрушение; преимущества, которые они могут принести, приберегаются для будущего века. Наша судьба, по-видимому, была непреодолимой: это было моральное извержение, которое можно было предотвратить не больше, чем физическое извержение. Когда химические сочетания, необходимые для производства последней, завершены, она прорывается наружу: во Франции моральные сочетания, которые производят революцию, достигли зрелости, и, соответственно, произошел взрыв”.

Мы спросили императора, считает ли он, что было бы возможно подавить Революцию в самом ее зарождении; и он ответил, что если и не невозможно, то попытка была бы, по крайней мере, трудной. “Возможно, - сказал он, “ бурю можно было бы остановить каким-нибудь великим актом Макиавелли; нанеся удар одной рукой по главным зачинщикам, а другой пойдя на уступки нации, добровольно предоставив реформу, требуемую эпохой, часть которой уже упоминалась на знаменитом королевском заседании. И все же, в конце концов, - заметил он, -

это было бы всего лишь руководством к действию для Революции”. Он подумал, что какой-нибудь другой план того же рода, возможно, удался бы 10 августа, если бы король остался триумфатором. “Эти два периода, - сказал он, - были единственными, которые давали хоть какой-то шанс, каким бы отчаянным он ни был; ибо во время Версальского сражения народ еще не полностью отказался от своей лояльности, и 10 августа он уже начал уставать от беспорядков. Но те, кто был главным образом заинтересован в подавлении революционного духа, оказались неспособны справиться с трудностями момента”.

Затем император быстро перечислил ряд ошибок, совершенных в этот период.

“Проводившаяся тогда линия поведения, “ сказал он, - была поистине плачевной. Louis XVI. у него должен был быть премьер-министр и господин Неккер в подчинении в финансовом департаменте. Премьер-министры, по-видимому, были изобретены для последних правлений французской монархии; и все же преобладающие ложные представления и тщеславие того времени заставили обойтись без них”.

Много говорилось о двусмысленном поведении нескольких выдающихся личностей в этот критический период, и император сказал: “Мы осуждаем Людовика XVI; но, независимо от его слабости, он оказался в особых обстоятельствах. Он был первым монархом, на котором был опробован эксперимент с современными принципами. Его образование, его врожденные идеи привели его к искренней вере в то, что все, что он защищал, открыто или тайно, принадлежало ему по праву. Возможно, даже в его неверии была своего рода честность, если я могу так выразиться. В более поздний период такое же поведение было бы непростительным и даже предосудительным. Добавьте ко всему этому, что Людовик XVI. все были против него, и можно составить представление о неисчислимых трудностях, которые судьба обрушила на этого несчастного принца. Несчастья Стюартов, вызвавшие такой глубокий интерес, не были более серьезными”.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КОРОЛЯ ФРАНЦИИ.-ДЕЗЕРТИР ИЗ СВИТЫ ИМПЕРАТОРА.

4. Император послал за мной после того, как позавтракал. Он растянулся на диване, вокруг него было разбросано несколько книг. На нем был ночной колпак, и он выглядел бледным. “ Лас Кейс, ” сказал он, “ я нездоров. Я просмотрел великое множество книг, но не могу найти ничего, что могло бы меня заинтересовать. Я чувствую усталость. Он пристально посмотрел на меня; этот глаз, от природы такой живой, теперь был тусклым, и его выражение сказала мне больше, чем выражал его взгляд. “Садитесь, ” сказал он, указывая на стоявший рядом с ним стул, заваленный книгами, - и давайте поболтаем”. Он рассказал об острове Эльба, о жизни, которую он там вел, о некоторых посещениях, которые ему довелось получить, и т. Д. Затем он задал мне несколько вопросов, касающихся Парижа и французского двора в соответствующий период. Разговор привел к упоминанию телохранителя короля, и кто-то из присутствующих отметил в качестве любопытного обстоятельства, что в свите Наполеона на острове Святой Елены был дезертир из гвардии. “Каким образом? объяснитесь, ” сказал император. — Сир, - продолжал человек, который только что заговорил, - во время реставрации один из капитанов гвардии, к которому я питал большую дружбу и который, несмотря на разницу наших мнений, всегда выказывал ко мне высокое уважение, предложил взять моего сына к себе, заверив меня, что будет обращаться с ним как со своим собственным. Я ответил, что он слишком молод и что это назначение может замедлить прогресс его образования; но мой друг отмахнулся все мои возражения. Однако я попросил немного времени, чтобы обдумать этот вопрос; и когда я

упомянул об этом некоторым моим знакомым, они были удивлены, что я отклонил столь выгодное предложение, и заверили меня, что за короткое время мой сын мог бы добиться больших успехов без каких-либо перерывов в своем образовании. Затем я нанес визит капитану стражи и признал, что не выказал достаточной признательности за его предложение; и он ответил, что ему полностью известно, что я не понимал масштабов преимущества, которое он мне предлагал. Однако, по тем или иным обстоятельствам, ваше величество вернулись до того, как мой сын имел честь быть представленным своему полковнику, и поскольку я забрал его из Лицея перед нашим отъездом на остров Святой Елены, он явно и воистину дезертир”. Император от души рассмеялся и сказал: “Это еще один результат революций! Какие новые интересы, связи и мнения они создают! Это счастье, когда они не разобщают семьи и не натравливают лучших друзей друг на друга”. Затем он начал расспрашивать меня о моей семье и в заключение сказал: “Я видел в работе Альфонса де Бошана ваше имя среди лиц, которые 30 марта пытались вызвать демонстрации в пользу королевской семьи на площади Людовика XV. Я знаю, что это были не вы; я думаю, вы когда-то объясняли мне суть дела, но я забыл подробности”. — “Сир, “ сказал я, “ это был мой двоюродный брат с тем же именем. Это обстоятельство в то время сильно меня раздосадовало; я вставлял противоречия в дневники; и было довольно забавно, что мой кузен, со своей стороны, адресовал письма в типографии, желая, чтобы его особо указали как личность, о которой идет речь. Я полагаю, что общий способ, которым это имя было введено в работе Альфонса де Бошана, был добрым намерением со стороны автора, который хотел таким образом предоставить мне возможность снискать расположение правящей партии, если у меня возникнет такое желание. Я должен отдать справедливость моему кузену и сказать, что, когда я получил назначение к особе вашего величества, я несколько раз предлагал ему занять должность в вашем доме или где-либо еще; но он постоянно отказывался. Я желаю, чтобы теперь он мог насладиться наградой за свою верность”. Император снова повторил, что все частные интересы были ниспровергнуты революциями. “И именно эти личные раны, - сказал он, - вызывают всеобщее брожение и делают потрясения такими острыми и жестокими”.

Весь день погода была такой плохой, что выйти на улицу было невозможно. Император отпустил меня и послал за генералом Гурго, которому он продиктовал в своей библиотеке с двух до шести часов почти всю кампанию Моро во время консульства. После обеда он прочел нам знаменитое роскошное письмо мадам де Ментенон своему брату, в котором она определяет свои расходы на хозяйство в размере шести тысяч франков в год. Императору принесли несколько томов "Великих людей", и, просмотрев несколько статей, он развлекся, рассматривая наброски портретов в конце каждого тома.

УПРЕКИ НАПОЛЕОНА И др. ГУБЕРНАТОР ТОРГУЕТСЯ ЗА НАШЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

5.— Сегодня, в ходе моей утренней беседы с императором, я случайно упомянул некоторые акты угнетения и несправедливости, которые вызвали недовольство в общественном сознании и сделали его непопулярным, потому что они были совершены от его имени и, как предполагали многие, исходили от него. “Но как?” - спросил он. “Неужели среди толпы, окружавшей меня, не было никого из моих камергеров, у кого хватило бы духа и независимости пожаловаться и довести эти дела до моего ведома? Я бы свершил правосудие везде, где бы в нем ни было отказано”. — “Сир, мало кто осмелился бы привлечь ваше внимание к этим вещам”. — “Вы действительно испытывали передо мной такой трепет? Я полагаю, вы опасались моих резких отпоров, но вам следовало бы знать, что я всегда готов выслушать каждого и что я никогда не

отказывался вершить правосудие. Вам следовало бы уравновесить вознаграждение за хороший поступок с опасностью выговора. В конце концов, я признаю, что мои упреки были в большинстве случаев результатом расчета. Часто они были единственным средством, которым я располагал, чтобы изучить характер человека, незаметно обнаружить различные оттенки его характера. У меня было мало времени на расспросы, и выговор был одним из моих экспериментов. Например, недавно я дал вам отпор, и это позволило мне обнаружить, что вы несколько своевольны, чрезвычайно восприимчивы, достаточно откровенны, но угрюмы; и, могу сказать, слишком чувствительны, ” добавил он, ущипнув меня за ухо. “Я был вынужден, ” продолжал он, “ окружить себя, так сказать, ореолом страха; в противном случае, поднявшись так, как я, из толпы, многие не стеснялись бы есть у меня из рук или хлопать меня по плечу. Мы от природы склонны к фамильярности”.

Погода по-прежнему была очень плохой, и император провел большую часть дня за писанием, как и вчера.

Губернатор возобновил свои придирки по поводу наших припасов, опустившись до мелких деталей вроде нескольких бутылок вина или нескольких фунтов мяса. Вместо восьми тысяч фунтов стерлингов, суммы, установленной правительством, он теперь просил о пособии в двенадцать тысяч, которое он сам объявил необходимым; но он настаивал на том, чтобы излишки были переданы в его собственные руки или подвергнуть нас большому сокращению. Он выторговал наше существование. Когда об этом сообщили императору, он ответил, что губернатор может поступать, как ему заблагорассудится; но он хотел бы, во всяком случае, чтобы его не беспокоили по этому поводу.

Вечером разговор снова зашел о мадам де Ментенон, и император сделал много замечаний о ее письмах, ее характере, ее влиянии на дела ее времени и т. Д. Он попросил Исторический словарь, чтобы почитать статьи о семье Ноай, и в одиннадцать часов отправился отдыхать.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР.—ПИСЬМА МАДАМ ДЕ МЕНТЕНОН И СЕВИНЬЕ.

6—е число.—Погода оказалась такой же плохой, как и накануне. Закончив свой туалет, император удалился в свою библиотеку в сопровождении одного из своих приближенных, с которым у него состоялась долгая конфиденциальная беседа на тему, глубоко касающуюся нас.

“Вот уже больше года, - сказал он, - мы находимся на острове Святой Елены, и в некоторых отношениях мы остаемся такими же, какими были в первый день нашего прибытия. Должен признаться, что до сих пор я сам не пришел к какому-либо решению по этим вопросам. Это очень на меня не похоже; но со сколькими унижениями мне предстоит столкнуться! Жертва преследований Судьбы и человека, я подвергаюсь нападкам повсюду и со всех сторон. Даже вы, мои верные друзья и утешители, помогаете беречь рану. Я раздосадован и огорчен вашей ревностью и разногласиями”. — “Сир, - ответил человек, к которому он обращался, “ эти вещи должны оставаться незамеченными вашим величеством. Во всем, что касается вас, наша ревность - это просто соперничество; и все наши разногласия прекращаются при выражении малейшего вашего желания. Мы живем только для вас и всегда будем готовы повиноваться вам. Для нас ты *Горный старец*; ты можешь командовать нами во всем, кроме преступлений”. — “Хорошо, - сказал император, - я серьезно подумаю над предметом, о котором я только что упомянул, и у каждого будет своя особая задача”. Он продиктовал несколько заметок, а затем

спустился в сад, где некоторое время гулял в одиночестве, а затем удалился в свои апартаменты.

Император не покидал своих покоев до того момента, как было объявлено об обеде. Он возобновил свои замечания о мадам де Ментенон, письма которой он читал. “Я очарован, - сказал он, - ее стилем, ее изяществом и чистотой ее языка. Если меня сильно оскорбляет то, что плохо, я в то же время остро воспринимаю то, что хорошо. Я думаю, что предпочитаю письма мадам де Ментенон письмам мадам де Севинье: они рассказывают больше. Мадам де Севинье, безусловно, всегда останется истинным образцом эпистолярного стиля; она обладает тысячей обаяний и граций, но в ее произведениях есть один недостаток, заключающийся в том, что человек может читать большую их часть, не сохраняя никакого впечатления от прочитанного. Они подобны пустякам, которые человек может есть до изнеможения, не перегружая свой желудок”.

Затем император высказал несколько замечаний по грамматике. Он попросил дать ему грамматику Домайрона, который был нашим профессором в военной школе в Париже. Он просмотрел его с явным удовольствием. “Таково влияние юношеских впечатлений, - сказал он. - Я подозреваю, что грамматика Домайрона не самая лучшая из грамматик, но для меня она всегда будет самой приятной. Я никогда не открою его, не испытав определенного удовольствия”.

ОШИБКИ АНГЛИЙСКИХ МИНИСТРОВ.—СРЕДСТВА, КОТОРЫМИ АНГЛИЯ МОГЛА БЫ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ДЛЯ ПОГАШЕНИЯ СВОЕГО ДОЛГА.—СОКРАЩЕНИЯ, ПРОИЗВЕДЕННЫЕ ГУБЕРНАТОРОМ.

7—го. - Император оставался за дверями весь день. Губернатор появился на территории в сопровождении многочисленной свиты; но мы убежали при его приближении. В море было замечено несколько судов.

Меня вызвали к императору, и я застал его за чтением работы о состоянии Англии. Это стало предметом разговора; император много говорил об огромном национальном долге Англии, о невыгодном мире, который она заключила, и о различных средствах, с помощью которых она могла бы выпутаться из своих затруднений.

Наполеон в выдающейся степени обладает инстинктом порядка и гармонии. Я когда-то знал человека, который, будучи сильно занят арифметическими вычислениями, признался, что не мог войти в гостиную без того, чтобы его не потянуло пересчитать находившихся в ней людей; и что, когда он садился за стол, он не мог удержаться от подсчета количества тарелок, бокалов и т. Д. Наполеон, хотя и занимал более возвышенное положение, также обладал собственной непреодолимой привычкой, которая заключается в том, чтобы развивать величие и красоту во всем, что попадает в поле его внимания. Если ему случается заговорить о городе, он немедленно предлагает улучшения и приукрашивания; если объектом его рассмотрения является нация, он подробно излагает средства содействия ее славе, процветанию, полезным институтам и т.д. Многие из его наблюдений, которые уже были записаны, должны были сделать этот факт очевидным для читателя.

Либо содержание журналов и других публикаций того времени, либо характер нашей ситуации здесь заставляли императора постоянно обращать внимание на состояние Англии. Он часто

обращался к тому, что она должна была сделать, а также к тому, что ей еще предстояло сделать и что могло бы сделать ее будущее положение более благополучным. Я привожу здесь несколько замечаний по этому поводу, которые в разное время ускользали от него:

“Колониальной системе, ” сказал он однажды, “ пришел конец для всех; для Англии, которая владеет всеми колониями, и для других держав, которые не обладают ни одной. Морская империя теперь бесспорно принадлежит Англии; и почему она в новой ситуации должна желать продолжать старую рутину? Почему она не принимает планы, которые были бы для нее более выгодны? Она должна надеяться на своего рода освобождение своих колоний. Со временем многие, несомненно, выйдут из-под ее власти, и поэтому ей следует воспользоваться настоящим моментом, чтобы получить новые гарантии и более выгодные связи. Почему она не предлагает, чтобы большинство ее колоний купили свое освобождение, взяв на себя часть общего долга, который, таким образом, перешел бы непосредственно к ним? Метрополия таким образом освободилась бы от своего бремени и, тем не менее, сохранила бы все свои преимущества. В качестве залогов она сохранила бы веру в договоры, взаимные интересы, сходство языка и силу обычаев; более того, она могла бы зарезервировать в качестве гарантии единый укрепленный пункт, гавань для кораблей по образцу фабрик на побережье Африки. Что она потеряет? Ничего; и она избавит себя от хлопот и расходов на администрацию, которая слишком часто служит только для того, чтобы сделать ее одиозной. У ее министров, это правда, было бы меньше мест для раздачи, но нация, безусловно, не осталась бы в проигрыше.

“Я не сомневаюсь, ” добавил он, “ что при доскональном знании предмета из идей, которые я только что высказал, можно было бы извлечь какой-нибудь полезный результат, какими бы ошибочными они ни были в своей первой поспешной концепции. Даже в отношении Индии внедрение новых систем могло бы дать большие преимущества. Присутствующие здесь англичане уверяют меня, что Англия ничего не получает от Индии в своем торговом балансе; расходы поглощают прибыль или даже превышают ее. Таким образом, это всего лишь источник личной выгоды и нескольких частных состояний колоссальной величины; но это такая обильная пища для министерского покровительства, и поэтому принимаются все меры, чтобы не вмешиваться в их дела. Эти набобы, как их называют, по возвращении в Англию становятся полезными рекрутами для аристократии. Это не означает, что они несут позор нажитого состояния путем грабежа или что они оказывают пагубное влияние на общественную мораль, возбуждая в других желание приобрести такое же богатство теми же средствами; нынешние министры не настолько щепетильны, чтобы задумываться над подобными вопросами. Эти люди отдают им свои голоса; и чем более они коррумпированы, тем легче ими управлять. При таком положении вещей, где надежда на реформы? Таким образом, какой шум поднимается при малейшем предложении о поправке! Английская аристократия ежедневно делает шаг вперед; но как только появляется какое-либо предложение об отступлении, хотя бы на дюйм, происходит всеобщий взрыв. Если коснуться мельчайших деталей, все здание начинает шататься. Это очень естественно. Если вы попытаетесь лишить обжору его аппетита, он будет защищаться как герой”.

В другой раз император сказал: “После двадцатилетней войны, после крови и сокровищ, которые были расточены во имя общего дела, после триумфа, превзошедшего все надежды, какой мир заключила Англия? В распоряжении лорда Каслри был весь Континент, и все же какую выгоду, какую контрибуцию он обеспечил своей собственной стране? Он подписал именно такой мир, который подписал бы, будь он побежден. Я не стал бы требовать от него

больших жертв, если бы одержал победу. Но, возможно, Англия считала себя достаточно счастливой, добившись моего свержения; в таком случае ненависть отомстила за меня! Во время нашего состязания Англия была движима двумя сильными чувствами — ее национальными интересами и ее ненавистью ко мне. В момент триумфа жестокость одного заставила ее потерять из виду другого. Она дорого заплатила за этот момент страсти! Он развил свою идею, взглянув на различные меры, которые продемонстрировали промахи Каслри и многие преимущества, которыми он пренебрег. “Пройдут тысячи лет, ” сказал он, “ прежде чем представится такая возможность обеспечить благосостояние и настоящую славу Англии. Было ли это невежеством или продажностью со стороны Каслри? Он щедро распределил добычу, как, по-видимому, думал, между монархами Континента и ничего не оставил для своей собственной страны; но, поступая так, разве он не боялся упрека в том, что его будут считать агентом, а не партнером Священных Союзников? Он отдал огромные территории; Россия, Пруссия и Австрия приобрели миллионы жителей. Где эквивалент Англии? Она, которая была душой всего этого успеха и которая так дорого заплатила за него, теперь пожинает плоды *благодарности* Континента, а также ошибок или предательства своего переговорщика. Моя континентальная система сохраняется, и продукция ее мануфактур исключается. Почему бы не окружить Континент свободными и независимыми приморскими городами, такими, например, как Данциг, Гамбург, Антверпен, Дюнкерк, Генуя и т. Д., Которые по необходимости стали бы основой ее мануфактур и рассеяли бы их по Европе, несмотря на все пошлины в мире. Англия имела на это право, и ее обстоятельства требовали этого: ее решения были бы справедливыми, и кто бы выступил против них в момент освобождения? Почему она создала себе трудности, а со временем и естественного врага, объединив Бельгию с Голландией, вместо того чтобы обеспечить два огромных ресурса для своей торговли, разделив их? Голландия, не имеющая собственных мануфактур, была бы естественным хранилищем английских товаров; а Бельгия, которая могла бы стать английской колонией, управляемой английским принцем, была бы каналом для распространения этих товаров по Франции и Германии. Почему бы не связать Испанию и Португалию долгосрочным торговым договором, который окупил бы все расходы, понесенные для их освобождения, и который можно было бы получить под страхом предоставления избирательных прав их колониям, торговлей с которыми в любом случае распоряжалась бы Англия? Почему бы не предусмотреть некоторые преимущества на Балтике и не уравновесить государства Италии? Это были бы всего лишь обычные привилегии, связанные с владычеством на морях. После столь долгой борьбы в поддержку этого права, как случилось, что его преимуществами пренебрегли в тот момент, когда оно было действительно обеспечено? Боялась ли Англия, санкционируя узурпацию в других странах, что ей будет оказано противодействие? и кем оно могло быть оказано? Вероятно, Англия раскаивается сейчас, когда уже слишком поздно; возможность не может быть упущена; она воспользовалась благоприятным моментом, чтобы ускользнуть от нее!... Сколько *почему* и *почему* я не мог бы умножить!... Никто, кроме лорда Каслри, не поступил бы так: он сделал себя человеком Священного Союза, и со временем он станет объектом проклятия. Лодердейлы, Гренвиллы и Уэллсли пошли бы совсем другим путем; они, по крайней мере, вели бы себя как англичане”.

В другой раз император сказал: “Национальный долг - это язвенный червь, который терзает Англию; это цепь всех ее трудностей. Это приводит к огромным налогам, а это, в свою очередь,

повышает цены на провизию. Отсюда бедственное положение людей, высокие цены на рабочую силу и промышленные товары, которые не доставляются с равной выгодой на континентальные рынки. Тогда Англия должна во что бы то ни стало бороться с этим всепожирающим чудовищем; она должна напасть на него со всех сторон и одновременно подчинить его *отрицательно* и *положительно*, то есть путем сокращения своих расходов и увеличения своего капитала.

“Не может ли она уменьшить проценты по своему долгу, высокое жалованье, синекуры и различные расходы, связанные с созданием ее армии, и отказаться от последнего, чтобы ограничиться своим военно-морским флотом? Короче говоря, можно было бы сделать многое, в чем я сейчас не могу разобраться. Что касается увеличения ее капитала, не может ли она обогатиться церковным имуществом, которое огромно и которое она приобрела бы путем благотворной реформы и упразднения титульных званий, которые никого не оскорбили бы? Но стоит произнести хоть слово по этому поводу, как вся аристократия берется за оружие и преуспевает в подавлении оппозиции; ибо в Англии правит именно аристократия, и от имени нее действует правительство. Они повторяют любимую пословицу о том, что если коснуться малейшего камня в старом фундаменте, все полотно рухнет на землю. Этому благоговейно вторит толпа; следовательно, реформа прекращается, и злоупотребления становятся все более и более жестокими.

“Всего лишь справедливо признать, что, несмотря на совокупность одиозных, устаревших и неблагородных деталей, английская конституция представляет собой исключительный феномен счастливого и грандиозного результата; и вытекающие из нее преимущества обеспечивают привязанность толпы, которая боится потерять какие-либо из благ, которыми они пользуются. Но следует ли приписывать этот результат нежелательному характеру деталей? Напротив, она засияла бы еще ярче, если бы величественная и прекрасная машина была освобождена от своих вредных придатков.

“Англия, - продолжал император, “ представляет собой пример опасного воздействия системы заимствований. Я бы никогда не стал прислушиваться к каким-либо намекам на внедрение этой системы во Францию; я всегда был решительным противником этого. В то время говорили, что я не брал ссуд из-за нехватки кредита и потому, что не мог найти никого, кто был бы готов дать займы; но это было ложью. Те, кто хоть что-нибудь знает о человечестве и духе биржевой спекуляции, будут убеждены, что ссуды всегда можно получить, используя возможность наживы и привлекательность спекуляций. Но это не входило в мою систему, и специальным законом я установил размер государственного долга на уровне, который, как обычно предполагалось, способствовал всеобщему процветанию, а именно на уровне восьмидесяти миллионов процентов для моей Франции в ее максимальных размерах и после объединения с Голландией, что само по себе привело к увеличению на двадцать миллионов. Эта сумма была разумной и правильной; большая повлекла бы за собой пагубные последствия. Каков был результат этой системы? Какие ресурсы я оставил после себя? Франция, после стольких гигантских усилий и ужасных бедствий, сейчас процветает как никогда! Разве ее финансы не являются первыми в Европе? Кому и в чем следует приписать эти преимущества? Я был так далек от желания поглотить будущее, что решил оставить после себя сокровище. Я даже основал банк, средства которого ссужал различным банковским домам, неблагополучным семьям и лицам, занимавшим должности рядом со мной.

“Я должен был не только тщательно сохранить амортизационный фонд, но и рассчитывал, что со временем у меня будут средства, которые постоянно увеличивались бы и которые можно было бы активно использовать для продолжения общественных работ и благоустройства. У меня был бы фонд Империи для общих работ; фонд департаментов для местных работ; фонд коммун для муниципальных работ и т. Д.”

В ходе другого разговора император заметил: “Говорят, что Англия торгует всем: почему же тогда она не продает свободу, за которую могла бы получить высокую цену, и при этом нисколько не опасаясь истощения своих собственных запасов; ведь современная свобода по своей сути моральна и не нарушает своих обязательств. Например, чего бы только не отдали бедные испанцы, чтобы освободить их от ига, которому они снова подверглись? Я уверен, что они охотно заплатили бы любую цену, чтобы вернуть себе свободу. Именно я внушил им это чувство; и ошибка, в которую я впал, могла бы, по крайней мере, быть исправлена другим правительством. Что касается итальянцев, то я вложил в их сердца принципы, которые невозможно искоренить. Что может сделать Англия лучше, чем поощрять благородные импульсы современного возрождения и помогать им? Рано или поздно это возрождение должно быть завершено. Монархи и старые аристократические институты могут прилагать усилия, чтобы противостоять этому, но тщетно. Они обрекают себя на Сизифово наказание; но рано или поздно некоторые части устанут сопротивляться, и при первой же неудаче все пойдет прахом. Не лучше ли было бы уступить по доброй воле? — таково было мое намерение. Почему Англия отказывается воспользоваться славой и преимуществами, которые она могла бы извлечь из такого хода событий? Все проходит в Англии так же, как и в других местах. Администрация Каслри уйдет в отставку, и то, что может прийти ей на смену и что обречено унаследовать плоды стольких ошибок, может стать великим, если только отказаться от системы, которой придерживались до сих пор. Тот, кто может оказаться во главе английского кабинета министров, должен просто позволить событиям идти своим чередом и повиноваться ветрам, которые дуют. Став лидером либеральных принципов, вместо того чтобы стремиться к абсолютной власти, как Каслри, он станет объектом всеобщего благословения, и Англия забудет свои обиды. Фокс был способен на такое поведение, а Питт - нет; причина в том, что у Фокса сердце согревало гения, в то время как у Питта гений иссушал сердце. Но можно спросить, почему я, каким бы всемогущим я ни был, не пошел тем курсом, который я здесь наметил? — как, если я могу так хорошо говорить, я мог поступить так плохо? Я искренне отвечаю тем, кто задает этот вопрос, что нет никакого сравнения между моим положением и положением английского правительства. Англия может работать на почве, которая простирается до самых недр земли, в то время как я мог бы работать только на песчаной поверхности. В Англии царит установленный порядок вещей; в то время как мне пришлось взять на себя огромную ответственность, огромную трудность консолидации и утверждения. Я очистил революцию, несмотря на враждебные группировки. Я объединил все разрозненные блага, которые можно было сохранить; но я был вынужден защищать их нервной рукой от нападков всех сторон; и в этой ситуации действительно можно сказать, что общественным интересом, *государством, был я сам.*

“Наши принципы подверглись нападкам извне; и во имя этих самых принципов дома я подвергся нападкам в противоположном смысле. Если бы я хоть немного расслабился, мы вскоре вернулись бы во времена Директории; я стал бы объектом, а Франция - непогрешимой жертвой *контрбрюмера*. Мы по своей природе такие беспокойные, такие занятые, такие болтливые! Если бы произошло двадцать революций, у нас было бы двадцать конституций. Это

одна из тем, которые изучаются больше всего, а наблюдаются меньше всего. Нам очень нужно взростеть на этом справедливом и славном пути; ибо здесь все наши великие люди показали себя всего лишь детьми. Пусть нынешнее поколение воспользуется ошибками, которые были совершены до сих пор, и проявит такую же мудрость, сколь и энтузиазм!”

Сегодня губернатор начал свои грандиозные сокращения, и было сочтено уместным лишить нас восьми слуг-англичан, которые ранее были нам предоставлены. Для слуг это было предметом глубокого сожаления, и нам самим было приятно наблюдать, что мы завоевали уважение всех, кому было позволено приблизиться к нам. Сейчас мы испытываем острую нужду в предметах первой необходимости, для снабжения которыми император предлагает пожертвовать своей посудой; это его единственный ресурс.

После обеда император прочитал Керкли немедленно удалился, хотя был еще очень ранний вечер. Он был нездоров и не мог уснуть. Он послал за мной около полуночи. По случайности, я не ушел отдыхать и беседовал с ним два часа.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР В ТЮИЛЬРИ.—ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДАМ.—О ВОЗРАСТЕ ЖЕНЩИН.—РУКОПИСЬ ОСТРОВА ЭЛЬБА.

8—го.-Император послал за мной очень рано: он как раз заканчивал свой туалет. Он не спал всю ночь и казался очень усталым. Погода стала несколько сносной, и он пожелал позавтракать под тентом. Пока все готовилось, он несколько раз прошелся по саду и возобновил разговор, который имел со мной накануне вечером.

Он пригласил мадам де Монтолон позавтракать, а потом мы отправились кататься в коляске, которой император уже довольно давно не пользовался. Он почти не дышал свежим воздухом в течение нескольких дней.

Разговор снова зашел о дворе императора в Тюильри, о множестве лиц, составляющих его, о духе и манере держаться, с которыми Наполеон прошел церемонию представления, и т. Д. Я опускаю многие из сделанных наблюдений, чтобы избежать повторения.

“Гораздо труднее, чем принято считать, - сказал император, - разговаривать с каждым в многочисленном собрании и при этом никому ничего не говорить; делать вид, что знаешь множество людей, девять десятых из которых совершенно незнакомы одному”.

Опять же, упоминая период, когда он был в расцвете своей власти, он заметил, что к нему было одновременно легко и трудно приблизиться, общаться с ним и быть оцененным им по достоинству; и что от мельчайшей случайности в мире зависело, сколотят или упустят свое состояние его придворные. “Теперь, когда обо мне самом не может быть и речи, - сказал он, - теперь, когда я всего лишь частное лицо и могу философски размышлять о том времени, когда я был призван исполнять замыслы Провидения, не переставая, однако, быть человеком, я вижу, насколько судьба тех, кем я управлял, действительно зависела от случая; и как часто благосклонность и кредит были чисто случайными. Интрига так искусна, а заслуги часто так неуклюжи, и эти крайности так близко подходят друг к другу, что, руководствуясь самыми благими намерениями в мире, я обнаружил, что мои выгоды были распределены, как призы в лотерее. И все же мог ли я поступить лучше? “Был ли я ошибочен в своих намерениях или неосмотрителен в своих усилиях? Поступали ли другие монархи лучше, чем я? Только так можно судить обо мне. Вина заключалась в природе моей ситуации и в силе обстоятельств”.

Затем мы поговорили о представлении дам при дворе, их смущении и планах, взглядах и надеждах, которые были сформированы некоторыми из них. Мадам де Монтолон раскрыла секреты нескольких своих знакомых, из чего следовало, что если в парижских салонах одни возмущались грубостью манер императора, резкостью выражений и уродством личности, то другие, более располагающие к себе, более информированные и иначе настроенные, превозносили сладость его голоса, изящество его манер, нежность его улыбки и, прежде всего, его знаменитую руку, о которой говорили, что она до смешного красива.

Было замечено, что эти преимущества в сочетании с огромной властью и еще большей славой, естественно, были рассчитаны на то, чтобы возбуждать определенные романтические истории. Так, в Тюильрисколько людей старались угодить государю! Сколько людей стремились внушить чувство, которое, вероятно, они сами действительно испытывали!

Император улыбнулся нашим замечаниям и догадкам; и он признался, что, несмотря на массу дел и облако лести, которым он был окутан, он не раз замечал чувства, на которые мы ссылались. По его словам, несколько наименее робких из его поклонников даже просили и получили интервью. Теперь мы, в свою очередь, рассмеялись и сказали, что в то время эти истории были предметом большого веселья. Но император серьезно запротестовал, заявив, что они лишены основания. В более приватной беседе в Бриарсе, во время одной из наших прогулок при лунном свете, император, как я уже отмечал в предыдущей части моего Дневника, сделал то же самое утверждение и опроверг все сообщения подобного рода, кроме одного.

Следующей темой нашего разговора было нежелание женщин афишировать свой возраст. Император сделал несколько очень живых и занимательных замечаний. Был упомянут случай с женщиной, которая предпочла проиграть важный судебный процесс признанию своего возраста. Дело было бы решено в ее пользу, если бы она предъявила метрическую книгу о своем крещении, но уговорить ее сделать это не удалось.

Был упомянут еще один анекдот того же рода. Некая леди была очень привязана к джентльмену и была убеждена, что союз с ним сделает ее счастливой; но она не могла выйти замуж, не подтвердив дату своего рождения, и предпочла остаться незамужней.

Император сообщил нам, что одна знатная дама во время своего замужества обманула своего мужа и выдавала себя на пять или шесть лет моложе, чем была на самом деле, предъявив метрическую книгу о крещении своей младшей сестры, которая некоторое время назад умерла.

“Однако, ” сказал император, “ поступая таким образом, бедная Жозефина подвергла себя некоторому риску. Это могло бы действительно доказать недействительность брака”. Эти слова дали нам ключ к некоторым датам, которые в Тюильри были предметом шуток и насмешек и которые мы тогда полностью приписывали галантности и чрезвычайной услужливости Имперского календаря.

Около четырех часов император совершил короткую прогулку. Я не сопровождал его. По возвращении он сообщил нам, что посетил сад Компании, где познакомился с несколькими очень хорошенькими женщинами. “Но со мной не было переводчика”, - добавил он, указывая на меня. “Негодяй бросил меня, и ничто не могло быть более обидным, потому что я никогда не испытывал большего желания воспользоваться его помощью”. Эта небольшая прогулка, однако, не принесла императору пользы, так как вскоре у него сильно разболелись зубы.

Судно, пришедшее с мыса некоторое время назад, в этот день отплыло в Европу. Нескольким английским военным офицерам, которые были пассажирами на этом корабле, не разрешили прислуживать императору, несмотря на их неоднократные просьбы. Это был новый пример злобы губернатора. Эти офицеры были выдающимися людьми, и их отчеты по возвращении домой могли оказать некоторое влияние. Губернатор, вопреки всей правде, сообщил им, что Наполеон решил никого не принимать.

Некоторое время назад император проанализировал нам тему, которую, по его словам, он намеревался изложить в четырнадцати главах и которая поразила меня своей правдивостью, силой, справедливыми рассуждениями и достоинством. Я часто упоминал об этом, когда мне случалось [happened](#) оставаться с ним наедине; и он не раз смеялся над моей настойчивостью, которая, по его словам, была мне несвойственна. Сегодня он сообщил мне, что наконец-то написал кое-что, хотя и не в четырнадцати главах и не на обещанную тему; но что я должен быть доволен этим. Я прочитал его, и это, безусловно, очень замечательный фрагмент. Я не верю, что Революция оказала более всеобъемлющее и энергичное воздействие на правительства Франции за последние двадцать пять лет, а именно на Республику, Консульство и Империю.

Изложение и развитие десяти глав, составляющих эту работу, можно рассматривать как идеальное изложение предмета. Стиль удивительно прост и нервен. Каждая глава полна и убедительна, а все произведение, состоящее из пятидесяти страниц, зачеркнуто и дописано виртуозной рукой. Я понял, что суть этих идей должна была лечь в основу манифеста императора во время его высадки с Эльбы.

После моего возвращения в Европу эта небольшая работа была опубликована под названием "Рукопись об Эльбе"; хотя у меня есть основания полагать, что сначала для нее предназначалось другое название. Как бы то ни было, поскольку эта работа малоизвестна, и поскольку те, кто ее читал, могут не знать о ее реальном происхождении, я здесь почти дословно переписываю несколько глав, которые послужат доказательством ее источника и подлинности.

Глава I. В шестнадцатом веке папа римский, Испания и

Шестнадцатилетний, тщетно пытающийся возвести на трон Франции четвертую династию. Генрих IV. преемник Генриха III. без междуцарствия: он побеждает Лигу; но обнаруживает, что единственный способ закрепиться на троне - это искренне присоединиться к партии, которая составляет большинство нации.

"Генрих IV. был провозглашен королем в Сен-Клу, в день смерти Генриха III. . Его суверенитет был признан всеми протестантскими церквями и частью католической знати. Священная лига, [которая which](#) была создана против Генриха III из ненависти к протестантам и чтобы отомстить за смерть герцога Гиза, была хозяйном Парижа и владела пятью шестыми территории королевства. Члены Лиги отказались признать Генриха IV., но они не провозгласили никакого другого суверена. Герцог Майенский, глава Лиги, осуществлял власть в звании генерал-лейтенанта королевства. Восшествие на престол Генриха IV. формы, принятые Лигой для осуществления своей власти, не изменились; каждым городом управляли, как в смутные и мятежные времена, местные или военные власти. Ни в какой период, даже в день, последовавший за его вступлением в Париж, Генрих IV. признавал действия Лиги, и последняя никогда не выдвигала никаких претензий на то, что он должен это делать. Лига не издавала

никаких законов, никаких постановлений. Парламент Парижа был разделен на две партии: одна за членов Лиги, которая заседала в Париже, а другая за Генриха IV., который собрался в Туре. Но эти парламенты, парламенты составлен и зарегистрирован никто, кроме судебных актов. Провинции сохранили свои организации и привилегии, а руководствуются своими собственными общими законами. Уже отмечалось, что Лига не провозглашала никакого другого монарха, но на мгновение признала королем кардинала де Бурбона, дядю Генриха. Кардинал, однако, не соглашался поддерживать замыслы врагов своего дома. Кроме того, Генрих захватил его лично; от него не исходило никаких действий, и Лига продолжала подчиняться власти генерал-лейтенанта герцога Майенского. Следовательно, междуцарствия между Hen. III. и Hen. IV. Не было

“Лига была разделена на несколько партий. Сорбонна решила, что право рождения не может давать права на корону принцу, который был врагом Церкви. Папа объявил, что Генрих IV. впав в рецидив, он навсегда утратил свои права; и что он не может восстановить их, даже если ему придется вернуться в лоно Церкви. Генрих IV, король Наварры, родился протестантом; но после Варфоломеевской резни он был вынужден жениться на Маргарите де Валуа и отречься от реформатской религии. Однако, как только он удалился от Двора и оказался среди протестантов на левом берегу Луары, он объявил, что его отречение было полностью вынужденным, и снова принял протестантскую веру. Этот шаг привел к тому, что его охарактеризовали как упрямого ренегата; но большинство Лиги придерживалось мнения, что было бы уместно призвать Генриха вернуться в лоно Католической, Апостольской и Римско-католической церкви; и признать его сувереном, как только он отречется от протестантизма и получит отпущение грехов от епископов.

“Члены лиги созвали генеральные штаты королевства в Париже. Испанские послы разоблачили замыслы своего монарха и настоятельно призвали государства возвести на трон Франции четвертую династию на том основании, что Генрих и Конде своим вероотступничеством утратили свои права на корону, мужская линия Капетингов пресеклась. Соответственно, они излагали претензии инфанты Испании, дочери Генриха II Французского, которая была первой по женской линии. Даже предполагая, что из-за исчезновения мужской линии происхождения нация обладала правом распоряжаться короной, они все равно настаивали на том, что ее выбор должен был пасть на Инфанту по двум причинам: во-первых, потому что невозможно было выбрать принцессу из более знатной семьи; и, во-вторых, потому что Франция была в долгу перед Филиппом II. за его усилия по поддержке дела Лиги. Инфанта должна была выйти замуж за французского принца, и упоминался даже герцог де Гиз, сын герцога, убитого в Блуа. В Париже уже находился отряд испанских войск под командованием герцога Майенского; и было предложено, чтобы Мадридский двор содержал в Париже армию в 50 000 испанцев, которая направила бы всю свою власть и ресурсы на обеспечение триумфа этой четвертой династии. Шестнадцать человек поддержали эти предложения, которые были одобрены Римским двором и подкреплены максимальными усилиями легата. Но все было напрасно; общественный дух был возбужден мыслью о том, что иностранная нация распоряжается троном Франции. Та часть парламента, которая заседала в Париже, обратилась с протестами к герцогу Майенскому, генерал-лейтенанту королевства, и настоятельно призвала его обеспечить соблюдение основных законов монархии, и в частности салического закона. Если бы замыслы испанской фракции увенчались успехом; если бы генеральные штаты объявили корону утраченной потомками Хьюга Капета; если бы на трон взошла четвертая династия, принятая нацией и

санкционированная религией, признанной среди европейских держав, права третьей династии были бы утрачены.

Генрих победил Лигу при Арке и на равнинах Иври, а затем осадил Париж. Однако он был убежден в невозможности царствовать во Франции, если не вступит в национальную партию. Он победил с армией, состоящей исключительно из французских войск: если у него под командованием был небольшой английский корпус, то у членов Лиги было еще более значительное количество испанцев и итальянцев. Таким образом, с обеих сторон борьба велась французами против французов; иностранцы были всего лишь вспомогательными силами; национальная честь и независимость не могли быть поставлены под угрозу, какая бы сторона ни была объявлена победительницей. *Венгр Сен-гру! Paris vaut bien une messe!* это были восклицания, с помощью которых Генрих выражал мнение гугенотов; и когда на Совете в Бове он собрал главных лидеров протестантской партии для обсуждения решения, которое было наиболее целесообразно принять, большинство, и в особенности самые умные люди среди них, посоветовали королю отречься от своей веры и присоединиться к национальной партии. Генрих объявил о своем отречении в Сен-Дени и получил отпущение грехов от епископов; ворота Парижа были распахнуты перед ним, и его власть была признана всем королевством. Теперь он откровенно поддерживал национальную партию. Почти все государственные посты были заняты членами Лиги. Протестанты, те, кто постоянно служил королю и кому он был обязан своими победами, часто жаловались на него и обвиняли в неблагодарности. Тем не менее, несмотря на всю осмотрительность, которая была соблюдена, нация еще долго продолжала не доверять тайным намерениям Генриха. Было замечено, что *то, что выращивается в костях, никогда не выйдет из плоти.*

Глава II. Республика, утвержденная волей народа, посредством

религия, благодаря победе и всем Державам Европы.

Хьюг Капет вззошел на трон по выбору парламента, состоящего из лордов и епископов, которые в то время составляли нацию. Французская монархия никогда не была абсолютной; вмешательство Генеральных штатов всегда было необходимо для санкционирования основных актов Законодательной власти и для взимания новых налогов. Впоследствии французские парламенты под предлогом того, что они являются Генеральными штатами небольшого масштаба, при поддержке Суда узурпировали права нации. В 1788 году парламенты были первыми, кто признал их. Louis XVI. в 1789 году были созваны Генеральные штаты, и нация осуществила часть своего суверенитета. Учредительное собрание разработало новую конституцию для государства, которая была одобрена всем французским народом и которую Людовик XVI. принял и поклялся соблюдать. Законодательное собрание отстранило короля от должности. Конвент, состоявший из депутатов всех первичных собраний Королевства и наделенный особыми полномочиями, провозгласил отмену монархии и установление Республики. Приверженцы королевской партии бежали из Франции и обратились за помощью к иностранному оружию. Австрия и Пруссия подписали Пильницкую конвенцию; и австрийская и прусская армии, к которым присоединились силы французских роялистов, начали войну первой коалиции за подчинение французского народа. Вся нация взялась за оружие, и австрийцы и пруссаки были побеждены. Вторая коалиция была впоследствии сформирована Австрией, Англией и Россией; но она была разрушена, как и первая, и все державы Европы признали Французскую Республику.

- 1—е - Чрезвычайное посольство Генуэзской Республики 15 июня 1792 года.
- 2.Порта в заявлении от 27 марта 1793 г.
- 3.Тоскана, по мирному договору от 9 февраля 1795 г.
4. — Голландия, по договору от 16 мая 1795 г.
5. Венецианская Республика через чрезвычайное посольство 30 декабря 1795 г.
- 6.Король Пруссии по договору, подписанному в Беле 5 апреля 1795 года.
- 7.Король Испании по договору, подписанному в Бале 22 июля 1795 года.
8. — Гессен-Кассель, по мирному договору от 28 июля 1795 года.
- 9—е - Швейцария, по договору от 19 августа 1795 года.
- 10—е - Дания, сделавшая заявление 18 августа 1795 г.
- 11—е - Швеция, через посольство, 23 апреля 1795 г.
12. — Сардиния, по Парижскому мирному договору, 28 апреля 1796 года.
- 13—е - Америка, чрезвычайным посольством, 30 декабря 1796 г.
- 14—е - Неаполь, по мирному договору от 10 октября 1796 г.
- 15—е - Парма, по мирному договору от 5 ноября 1796 года.
- 16—е - Вюртембургское по мирному договору от 7 августа 1796 года.
- 17—го. - Баден, по мирному договору от 22 августа 1796 г.
- 18—е - Бавария, по договору от 24 июля 1797 года.
- 19—е - Португалия, по договору от 19 августа 1797 года.
- 20-е.—Папа Римский по договору, подписанному в Толентино 19 февраля 1797 года.
- 21—й. -Император Германии, по КампоКампо-Формио, 7 октября 1797 года.
- 22 г. —Император России по договору, подписанному 8 октября 1801 г.
- 23 г. —Король Англии по договору, подписанному в Амьене 27 марта 1802 г.

“Правительство Республики направило послов ко всем державам Европы и получило в ответ послов от этих держав. Трехцветный флаг был признан во всех морях и во всем мире. В Толентино папа обращался с Республикой как со светским сувереном; но он признал ее и обращался с ней как с главой католической религии согласно Конкордату, который был подписан в Париже 18 апреля 1802 года. Большинство епископов, которые последовали за роялистской партией за границей, теперь подчинились республиканскому правительству, а те, кто отказался, лишились своих кафедр. Короче говоря, Французская Республика, получившая одобрение граждан и победоносную для своих армий, была признана каждым сувереном, каждой державой и каждой религией в мире, и в частности Католической церковью.

“Республика не только была признана всеми державами мира после смерти Людовика XVI, но ни одна из этих держав никогда не признавала его преемника. Таким образом, в 1800 году третья династия прекратила свое существование так же полностью, как первая и вторая. Права и титулы Меровингов были аннулированы правами и титулами карловингов; права и титулы карловингов были аннулированы правами и титулами Капетингов; и права Капетингов были аналогичным образом аннулированы Республикой. Каждое законное правительство заменяет права и легитимность правительств, которые ему предшествовали. Республика была правительством фактически и по праву, ставшим легитимным по воле нации, санкционированным Церковью и объединением всего мира.

Глава. III.—Революция превратила Францию в новую нацию: —это

освободил галлов от тирании франков: это создало новые интересы и новый порядок вещей, соответствующий благосостоянию и правам народа, справедливости и знаниям того времени.

“Французская революция не была вызвана столкновением интересов двух семей, оспаривавших владение тронem; это было всеобщее восстание народных масс против привилегированных классов. Французское дворянство, как и дворянство любой страны Европы, ведет свое происхождение от нашествия варваров, которые разделили между собой Римскую империю. Во Франции дворяне представляли франков, бургундов и остальную нацию - галлов. Введенная феодальная система установила принцип, согласно которому вся земля должна иметь своего господина. Всеми политическими привилегиями пользовались священники и знать; крестьяне были рабами и частично принадлежали к элите. Прогресс цивилизации и знаний освободил людей. Это новое положение вещей способствовало развитию промышленности и торговли. В восемнадцатом веке основная часть земли, богатств и информации принадлежала народу. Дворяне, однако, по-прежнему оставались привилегированным классом: они были уполномочены вершить правосудие и обладали феодальными правами в различных наименованиях и формах; они пользовались привилегией быть освобожденными от всех государственных тягот и занимать исключительно самые почетные должности. Эти злоупотребления вызвали возмущение граждан. Главной целью революции было уничтожить все привилегии; упразднить синьориальную юрисдикцию, поскольку правосудие было неотъемлемым атрибутом суверенной власти; подавить феодальные права как пережиток старого рабства народа; в равной степени подчинить всех граждан и всю собственность бремени государства. Короче говоря, Революция провозгласила равенство прав. Гражданин может получить любую государственную должность в соответствии со своим талантом и шансами на удачу. Королевство состояло из провинций, которые были присоединены к короне в разные периоды: они не имели естественных границ и были по-разному разделены, неравные по протяженности и численности населения. У них было много собственных законов, как гражданских, так и уголовных: они были более или менее привилегированными и облагались очень неравными налогами как в отношении суммы, так и характера взносов, что делало необходимым отделять их друг от друга с помощью ряда таможен. Франция была не государством, а комбинацией нескольких государств, соединенных воедино без объединения. Все было определено случайно и событиями прошлых эпох. Революция, руководствуясь принципом равенства как по отношению к гражданам, так и к различным частям территории, уничтожила все эти маленькие нации: больше не было Бретани, Нормандии, Бургундии, Шампани [Champagne](#), Прованса или Лотарингии; но в целом образовалась Франция. Разделение однородной территории, предписанное местными

обстоятельствами, раздвигало границы всех провинций. Они обладали одинаковой судебной и административной организацией, одинаковыми гражданскими и уголовными законами и одинаковой системой налогообложения. Мечты честных людей всех возрастов были воплощены в жизнь. Оппозиция, которую Двор, духовенство и дворянство подняли против революции и войны с иностранными державами, привела к принятию закона об эмиграции и конфискации имущества эмигрантов, которое впоследствии было признано необходимым продать, чтобы покрыть военные расходы. Значительная часть французской знати записалась под знамена принцев из рода Бурбонов и сформировала армию, которая выступала совместно с австрийскими, прусскими и английскими войсками. Джентльмены, воспитанные в наслаждении знатью, служили рядовыми; многие были убиты усталостью и мечом; другие погибли от нужды в чужих странах; а вандейские и шуанские войны и революционные трибуналы унесли жизни тысяч людей. Таким образом, было уничтожено три четверти французского дворянства, и все должности, гражданские, судебные или военные, были заполнены гражданами, вышедшими из общей массы народа. Перемена, произведенная в людях и собственности событиями Революции, была не менее замечательной, чем та, которая была произведена принципами Революции. Была создана новая церковь; епархии Вены, Нарбонны, Фрежюса, Систерона, Реймса и др. были заменены шестьюдесятью новыми епархиями, границы которых были очерчены в Конкордате новыми Буллами, применимыми к нынешнему состоянию французской территории. Были санкционированы подавление религиозных орденов, продажа монастырей и всего церковного имущества, а духовенство получило пенсию от государства. Все, что было результатом событий, произошедших со времен Хлодвиги, перестало существовать. Все эти изменения были настолько выгодны народу, что были осуществлены с предельной легкостью, и в 1800 году больше не осталось никаких воспоминаний о старых привилегиях и суверенах провинций, о старых парламентах и бейливиках, или о старых епархиях; и чтобы проследить происхождение всего, что существовало, было достаточно сослаться на новый закон, которым это было установлено. Половина земли сменила собственников; крестьянство и горожане обогатились. Развитие сельского хозяйства и мануфактур превзошло самые радужные надежды. Франция представляла собой впечатляющее зрелище: более тридцати миллионов жителей были ограничены своими естественными пределами и составляли лишь один класс граждан, управляемых одним законом, одним правилом и одним порядком. Все эти изменения соответствовали благосостоянию и правам нации, а также справедливости и интеллекту того времени.

Глава IV. Французский народ устанавливает императорский трон, чтобы

консолидировать новые интересы нации. Четвертая династия не сразу сменила третью; она пришла на смену Республике. Наполеон коронован папой Римским и признан державами Европы. Он создает королей, и армии всех Континентальных держав маршируют под его командованием.

Пять членов Директории разделились. Враги Республики проникли в советы; и таким образом люди, враждебные правам народа, оказались связанными с правительством. Такое положение вещей держало страну в состоянии брожения, и великие интересы, которые французский народ приобрел в результате революции, постоянно подвергались риску. Один единодушный голос, раздавшийся с равнин Франции, из ее городов и лагерей, требовал сохранения всех принципов Республики или установления наследственной системы правления, которая поставила бы принципы и интересы Революции вне досягаемости фракций и влияния иностранцев. В

соответствии с конституцией VIII года. первый консул Республики становился консулом на десять лет, а впоследствии нация продлила его должность пожизненно: впоследствии народ возвел его на трон, который стал наследственным в его семье. Теперь были установлены принципы суверенитета народа, свободы и равенства, уничтожения феодальной системы, безотзывности продажи национальных владений и свободы религиозного отправления культа. Правительство Франции при четвертой династии было основано на тех же принципах, что и Республика. Это была умеренная и конституционная монархия. Между правительством Франции при четвертой династии и третьей была такая же разница, как между последней и Республикой. Четвертая династия пришла на смену Республике, или, точнее говоря, это была всего лишь ее модификация.

Ни один принц никогда не восходил на трон с более законными правами, чем у Наполеона. Корона не была вручена ему несколькими епископами и знатью; но он был возведен на императорский трон единодушным согласием граждан, трижды торжественно подтвержденным. Папа Пий VII. глава католической религии, религии большинства французского народа, пересек Альпы, чтобы собственными руками помазать императора в присутствии епископов Франции, кардиналов Римской церкви и депутатов от всех округов Империи. Государи Европы охотно признали Наполеона: все с удовольствием наблюдали за преобразованием Республики, которое поставило Францию на почву гармонии с остальной Европой и которое сразу же утвердило конституцию и счастье этой великой нации. Поздравить императора прибыли послы Австрии, России, Пруссии, Испании, Португалии, Турции и Америки, словом, всех европейских держав. Одна Англия не прислала посла: она нарушила Амьенский мирный договор и, следовательно, снова объявила войну Франции; но даже Англия одобрила эту перемену. Лорд Уитворт в ходе секретных переговоров, которые велись через посредство графа Малуз и которые предшествовали разрыву Амьенского мира, предложил со стороны английского правительства признать Наполеона королем Франции при условии его согласия на уступку Мальты. Первый консул ответил, что если когда-либо благополучие Франции потребует, чтобы он взошел на трон, то это произойдет только по свободной и спонтанной воле французского народа. В 1806 году, когда лорд Лодердейл прибыл в Париж для переговоров о мире между королем Англии и императором, он обменялся своими полномочиями, как это подтверждается протоколом переговоров, и обратился к полномочному представителю императора. Смерть Фокса прервала переговоры лорда Лодердейла. Английский министр имел возможность предотвратить прусскую кампанию,^[22] предотвратить битву при Йене. Когда в 1814 году союзники предъявили ультиматум в Шомоне, лорд Каслри, подписав этот ультиматум, снова признал существование Империи в лице и семье Наполеона. Если последний не принял предложений Шатийонского конгресса, то это произошло потому, что он не считал себя вправе уступить часть империи, целостность которой он поклялся поддерживать при своей коронации.

Курфюрсты Баварии, Вюртемберга и Саксонии были провозглашены королями Наполеоном.

Армии Саксонии, Баварии, Вюртемберга, Бадена и Гессена сражались совместно с французскими армиями; а русские и французские войска сражались вместе в 1809 году в войне против Австрии. В 1812 году австрийский император заключил в Париже союз с Наполеоном, и принц Шварценбург по его приказу командовал австрийским контингентом в Русской кампании, в ходе которой он получил звание фельдмаршала по ходатайству французского императора.

Аналогичный союзный договор был заключен в Берлине, и прусская армия также сражалась с французами в кампании в России.

Император залечил раны, нанесенные революцией: эмигранты вернулись, и список запрещенных был уничтожен. Наполеон наслаждался славой, наиболее приятной монарху, отозвав и восстановив в своих домах свыше 20 000 семей: им было возвращено их непроданное имущество; и, когда завеса забвения была брошена на прошлое, люди всех классов, какой бы линии поведения они ни придерживались ранее, были допущены ко всем государственным должностям. Семьи, отличившиеся услугами, которые они оказали бурбонам, те, кто проявил себя наиболее преданными королевской семье, занимали места при Дворе и в министерстве, а также занимали должности в армии. Все партийные наименования были забыты: об аристократах и якобинцах больше не говорили; а учреждение ордена Почетного легиона, который был одновременно наградой за военные, гражданские и судебные заслуги, поставило на единую почву солдата, человека науки, художника, прелата и магистрата; он стал знаком согласия между всеми классами и всеми партиями.

Глава V.—Кровь императорской династии смешалась с этой

всех монархических домов Европы; с домами России, Пруссии, Англии и Австрии.

Императорский дом Франции заключил союзы со всеми суверенными семьями Европы. Принц Евгений Наполеон, приемный сын императора, женился на старшей дочери короля Баварии, принцессе, известной своей красотой и добродетелями. Этот союз, заключенный в Мюнхене 14 января 1806 года, доставил величайшее удовлетворение баварской нации. Наследственный принц Баденский, шурин российского императора, просил руки принцессы Стефании, приемной дочери императора Наполеона: этот брак был отпразднован в Париже 7 апреля 1806 года. 22 августа 1807 года принц Жером Наполеон женился на старшей дочери короля Вюртембургского, двоюродной сестре российского императора, короля Англии и короля Пруссии. Другие союзы подобного рода были заключены с суверенными принцами Германии из Дома Гогенцоллернов. Эти браки оказались счастливыми, и во всех родились принцы и принцессы, которые передадут будущим поколениям память об императорском правительстве Франции.

“Когда интересы Франции и Империи побудили императора и императрицу Жозефину разорвать узы, которые были одинаково дороги им обоим, величайшие монархи Европы заключили союз с Наполеоном. Если бы не религиозные угрызения совести и задержки, вызванные расстоянием, вполне вероятно, что трон Франции заняла бы русская принцесса. Эрцгерцогиня Мария Луиза, которая была выдана замуж за императора по сватовству, выданному принцу Чарльзу, в Вене 11 марта 1810 года и в Париже 2 апреля следующего года, взошла на трон Франции. Как только австрийский император узнал, что брак Наполеона находится в напряжении, он выразил свое удивление по поводу того, что о союзе с Австрийским домом не было и речи. Выбор до сих пор был разделен между русской и саксонской принцессой: Франциск объяснил свои чувства по этому поводу графу де Нарбонну, губернатору Триеста, который в то время находился в Вене; и, как следствие, инструкции были переданы принцу Шварценбергу, австрийскому послу в Париже. В феврале 1810 года в Тюильри был созван Тайный совет: министр иностранных дел представил Совету депеши герцога Виченцкого, французского посла при российском дворе. Эти сообщения свидетельствовали о том, что император Александр был очень расположен выдать свою сестру, великую княгиню

Анну, замуж за Наполеона; но он, по-видимому, придавал большое значение тому, чтобы принцессе было разрешено публично отправлять религиозные обряды и чтобы часовня соответствовала греческим обрядам. Депеши из Вены развивали инсинуации и пожелания австрийского двора. Во Французском совете мнения разделились: русский, саксонский и австрийский союз - все нашли сторонников; но большинство проголосовало за выбор эрцгерцогини Австрийской. Поскольку принц Евгений был первым, кто предложил австрийский союз, император, прервав заседание в два часа ночи, уполномочил его начать переговоры с принцем Шварценбергом. В то же время он уполномочил министра иностранных дел подписать в течение дня брачный контракт с австрийским послом; и, чтобы устранить все трудности, связанные с деталями, он приказал ему подписать, слово в слово, тот же контракт, что был составлен для заключения брака Людовика XVI. и эрцгерцогиня Мария-Антуанетта. Утром принц Евгений имел беседу с принцем Шварценбергом: контракт был подписан в тот же день, и курьер, передавший разведданные в Австрию, приятно удивил императора Франциска. Особые обстоятельства, сопровождавшие подписание этого брачного контракта, заставили императора Александра заподозрить, что с ним сыграли шутку и что двор Тюильри вел сразу две переговоры. Но это было ошибкой: переговоры с Веной были начаты и завершены в один день.^[23]

“Никогда рождение какого-либо принца не вызывало такого большого энтузиазма в народе и не производило такой мощной сенсации по всей Европе, как рождение римского короля. При первом пушечном выстреле, возвестившем о рождении императрицы, все население Парижа пребывало в самом тревожном ожидании. На улицах, прогулках, в местах общественных увеселений и внутри домов все были увлечены подсчетом количества ружей. Двадцать второе событие взбудоражило всеобщее внимание: по случаю рождения принцессы обычно стреляли из двадцати одного орудия, а по случаю рождения принца - из ста одного. Все европейские державы направили самых выдающихся дворян своих Дворов, чтобы передать свои поздравления императору. Российский император прислал своего министра внутренних дел, а австрийский император прислал графа Клари, одного из высших офицеров своей короны, который привез в подарок молодому королю украшенные бриллиантами нагрудные знаки всех орденов австрийской монархии. Крещение римского короля было отпраздновано с величайшей помпой в присутствии французских епископов и депутатов со всех концов империи. Император Австрии был поручителем молодого короля по доверенности; его представлял его брат, эрцгерцог Фердинанд, великий герцог Тосканы.

Глава VI.—Содержит некоторый отчет о кампании в Саксонии,^[24]

и показывая, что лига 1813 года по своей цели была чужда Реставрации.

“Победы при Лютцене и Вюрцене 2 и 22 мая 1813 года восстановили репутацию французского оружия. Король Саксонии с триумфом вернулся в свою столицу; враг был изгнан из Гамбурга; один из корпусов великой армии был у ворот Берлина, а императорская штаб-квартира разместилась в Бреслау. У русской и прусской армий, обескураженных своими поражениями, не было другого выбора, кроме как снова форсировать Вислу, когда вмешалась Австрия и посоветовала Франции подписать перемирие. Наполеон вернулся в Дрезден, император Австрии покинул Вену и отправился в Богемию, а император России и король Пруссии обосновались в Швейднице. Между различными державами осуществлялась связь. Граф Меттерних предложил провести Пражский конгресс, который был согласован; но это была всего

лишь тень Конгресса. Венский двор уже вступил в боевые действия с Россией и Пруссией и намеревался заявить о себе в мае месяце, когда неожиданный успех французской армии сделал необходимой большую осмотрительность. Несмотря на все усилия, которые приложила Австрия, ее армия все еще была незначительной по численности, плохо организованной и плохо подготовленной к началу кампании. Граф Меттерних потребовал от Австрии сдачи Иллирийских провинций, половины Итальянского королевства (то есть Венеции до Минчо) и Польши. Более того, требовалось, чтобы Наполеон отказался от протектората Германии и департаментов тридцать второго военного округа. Эти экстравагантные предложения выдвигались только для того, чтобы их можно было отвергнуть. Герцог Виченцкий отправился на Пражский конгресс. Выбор барона д'Анштеттена в качестве российского полномочного представителя показал, что Россия не желала мира, а просто стремилась дать Австрии время для завершения ее военных приготовлений. Неблагоприятное предзнаменование, вызванное выбором барона д'Анштеттена в качестве переговорщика, подтвердилось: он отказался участвовать в каких-либо переговорах. Австрия, которая претендовала на роль посредницы, заявила, когда ее армия была готова, что она присоединяется к коалиции, хотя она даже не требовала открытия ни одного заседания или составления ни одного протокола. Эта система недобросовестности и постоянных противоречий между словами и действиями неустанно применялась в тот период Венским двором. Война возобновилась. За блестящей победой, одержанной императором при Дрездене 27 августа 1813 года над армией, которой командовали три монарха, немедленно последовали бедствия, которые Макдональд своими плохо согласованными маневрами навлек на себя в Силезии, и разгром войск Вандама в Богемии. Однако превосходство по-прежнему было на стороне французской армии, которая опиралась на три пункта, а именно: Торгау, Виттенберг и Магдебург. Дания заключила союзный договор, наступательный и оборонительный, и ее контингент пополнил армию Гамбурга.

“В октябре император покинул Дрезден, чтобы проследовать в Магдебург по левому берегу Эльбы, чтобы обмануть врага. Его намерение состояло в том, чтобы переправиться через Эльбу у Виттенбурга и двинуться на Берлин. Несколько корпусов армии уже прибыли в Виттенбург, а мосты противника в Дессау были разрушены, когда в письме от короля Вюртембургского императору было сообщено, что король Баварии внезапно перешел на сторону врага; и что без какого-либо объявления войны или каких-либо предварительных указаний австрийские и баварские войска, расквартированные на берегах Инн, объединились в один лагерь; что эти силы, численностью до 80 000 человек, под командованием генерала Вреде, двинулись к Рейну; что он (король Вюртемберга) внезапно перешел на сторону врага. , видя невозможность противостоять этим объединенным силам, был вынужден добавить к ним свой контингент. Далее в письме добавлялось, что 100 000 человек вскоре окружат Менц, поскольку баварцы объединились с Австрией. Получив это неожиданное известие, император оказался вынужденным изменить план кампании, который он наметил двумя месяцами ранее и для которого подготовил крепости и склады. Целью этого плана было загнать союзников между Эльбой и Заале; и, под защитой крепостей и складов Торгау, Виттемберга, Магдебурга и Гамбурга, установить военный плацдарм между Эльбой и Одером (французская армия в то время владела крепостями Глогау, Кюстрин и Штеттин), и, в зависимости от обстоятельств, усилить блокаду крепостей на Висле, Данцике, Торне и Модлине. Предполагалось, что успех этого грандиозного плана стал бы средством распада коалиции и что, как следствие, все немецкие князья были бы подтверждены в своей верности и союзе с Францией. Была надежда,

что "Бавария" задержится на две недели, чтобы перейти на другую сторону, и тогда было ясно, что она вообще не изменилась бы.

“Армии встретились на равнинах Лейпцига 16 октября. Французы одержали победу; австрийцы были разбиты и изгнаны со всех своих позиций; а граф Меерфельд, командовавший одним из австрийских корпусов, попал в плен. 18-го, несмотря на сопротивление, оказанное герцогу Рагузскому 16-го, победа все еще была на стороне французов, когда вся саксонская армия с батареей из шестидесяти орудий, занимавшей одну из важнейших позиций на линии фронта, перешла на сторону противника и направила свою артиллерию на ряды французов. Такое неожиданное предательство не могло не привести к уничтожению французской армии и передаче всей славы того дня союзникам. Император поскакал вперед с половиной своей гвардии, дал отпор шведам и саксонцам и вытеснил их с занимаемых позиций. Этот день (18-го) был уже окончен: неприятель предпринял отступление по всей своей линии и расположился бивуаком в тылу поля сражения, которое оставалось во владении французов. Ночью французская армия предприняла движение, чтобы занять свою позицию за Эльстером и таким образом иметь прямое сообщение с Эрфуртом, откуда ожидалось конвои с боеприпасами, в которых так нуждались. В боях 16-го и 18-го августа французская армия произвела более 150 000 пушечных выстрелов. Вероломство нескольких немецких корпусов Конфедерации, которые были соблазнены примером саксонцев накануне, и разрушение лейпцигского моста, который был взорван по ошибке, привели к тому, что французская армия, хотя и одержала победу, понесла потери, которые обычно являются результатом самых катастрофических сражений. Французы вновь переправились через Заале по мосту Вайсенфельд: они намеревались сплотить свои силы и дождаться прибытия боеприпасов из Эрфурта, которых было в избытке.

“ Теперь были получены сведения об австро-баварской армии, которая форсированным маршем достигла Мэна. Поэтому было необходимо направиться туда, чтобы встретиться с баварцами; и 30 октября французы сошлись с ними, выстроившись в боевой порядок перед Ханау и перехватив дороги на Франкфурт. Баварские войска, хотя и многочисленные и занимавшие прекрасные позиции, были полностью разбиты и отброшены за Ханау, который находился во владении графа Бертрана. Генерал Вреде был ранен. Французские войска продолжили свое движение с целью отступления за Рейн, и 2 ноября они вновь форсировали реку. Последовали переговоры: барон де Сент—Эньян отправился во Франкфурт, где у него были совещания с графами Меттернихом, Нессельроде и лордом Абердином, и он прибыл в Париж с предложениями о мире на следующих основаниях: - Чтобы император Наполеон отказался от протектората Рейнской конфедерации, Польши и департаментов Эльбы; но чтобы Франция сохранила свои границы по Альпам и Рейну вместе с владением Голландией, и чтобы была определена пограничная линия в Италии, отделяющая Францию от государств ~~Дома~~[Австрия](#) [.Австрия](#). Император согласился на эти условия; но Франкфуртский конгресс, как и Пражский, был всего лишь уловкой, использованной в надежде, что Франция отвергнет предложенные условия. Было желательно иметь новую тему для манифеста, который воздействовал бы на общественное мнение, ибо в тот момент, когда были сделаны эти примирительные предложения, армия союзников нарушала нейтралитет кантонов и вступала в Швейцарию. Однако союзники, наконец, осуществили свои истинные намерения; они назвали Шатийон-сюр-Сен в Бургундии местом проведения Конгресса. В битвах при Шам-Обере, Монмирайле и Монтеро были разгромлены армии Блюхера и Витгенштейна. Никаких переговоров в Шатийоне не велось; но объединившиеся державы предъявили *ультиматум*, условия которого были следующими:

1-е, что Франция должна уступить всю Италию, Бельгию, Голландию и рейнские департаменты; 2-е, что Франция должна вернуться в свои пределы, как они существовали ранее, до 1792 года. Император отклонил этот ультиматум. Он согласился принести Голландию и Италию в жертву обстоятельствам, в которых тогда оказалась Франция; но он отказался отказаться от границ Альп и Рейна или сдать Бельгию и особенно Антверпен. Измена обеспечила триумф союзников, несмотря на победы при Арси и Сен-Дизье. До сих пор союзники не намекали на намерение вмешиваться во внутренние дела Франции; это подтверждается ультиматумом Шатийона, подписанным Англией, Австрией, Россией и Пруссией. В конце концов, однако, некоторые из вернувшихся эмигрантов, взволнованные присутствием австрийской, русской и прусской армий, в рядах которых они долгое время носили оружие, вообразили, что настал момент, когда их мечты должны были осуществиться: одни надели белую кокарду, а другие - крест Святого Людовика. Такое поведение было неодобрительно встречено союзными монархами; и оно подверглось порицанию даже со стороны Веллингтона в Бурдо, хотя на самом деле он втайне благоволил всем, кто пытался возвысить знамена Дома Бурбонов. В сделках, которые разорвали союз Пруссии с Францией и связали ее с Россией Калишским мирным договором; в договоре, который объединил Австрию с коалицией; в дипломатических разбирательствах, публичных и частных, которые имели место вплоть до Шатийонского мирного договора; и даже в том, который был заключен во Франции в 1814 году, союзники никогда не упоминали бурбонов”.

В VI, III и IX главах показано, что Бурбонам после их возвращения следовало основать пятую династию, а не пытаться продолжить третью. Первый курс сделал бы все легким, второй же сопряжен с трудностями.

X Глава заканчивается несколькими строками, убедительно описывающими магический эффект возвращения императора 20 марта. Эти последние главы написаны наиболее нервно и энергично, но приложения носят прямой и действительно часто личный характер. Я умолчал о деталях, потому что не хочу, чтобы были какие-либо основания для того, чтобы меня обвинили во враждебном высказывании. Время, которое изменяет все, сделает эту работу просто историческим документом, и это единственный свет, в котором я хочу, чтобы ее рассматривали здесь, как, впрочем, и все работы подобного характера, которые я, возможно, сочту необходимым процитировать. Я писал во Франции и других странах, при других законах и обстоятельствах, и я всегда считал, что для меня существует свобода прессы.

Я надеюсь ощутить его влияние в данном случае, хотя моя тема носит самый деликатный характер. Теперь я с нетерпением жду скорейшего завершения моего путешествия; порт уже в пределах видимости, и я надеюсь благополучно добраться до него, несмотря на все мели, с которыми я могу столкнуться.

МОИ ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА.—ВЗГЛЯДЫ ИМПЕРАТОРА В ЕГО ЩЕДРОСТИ.

9-10—е. Император провел тяжелую ночь. Он пожелал, чтобы меня вызвали рано утром. Когда я пришел к нему, он сказал мне, что был полумертв, что у него не было отдыха и его лихорадило. Последние два дня ему было очень плохо, и он почти постоянно полулежал на кушетке, которую по вечерам придвигают к камину. Он не мог есть и не пил ничего, кроме теплого лимонада. Я постоянно ухаживал за ним в течение этих двух дней; время от времени он наслаждался небольшим сном, а остальное время проводил в беседах со мной на различные темы. Он заговорил о дороговизне званых вечеров в Париже и, перейдя от этой темы к моим домашним

делам, выразил желание, чтобы я ознакомил его с мельчайшими подробностями по этому вопросу.

Я сказал ему, что мой доход составлял всего 20 000 франков в год, 15 000 из которых приходились на мое собственное имущество, а 5000 - на мое жалование члена государственного совета. Услышав это, он воскликнул: “Вы, должно быть, сошли с ума! Как вы могли отважиться приблизиться к Тюильри с таким ограниченным доходом? Расходы на посещение Двора были огромными!” — “Сир, ” ответил я, “ я сумел сохранить свое достоинство так же, как и все остальные, и все же я никогда ничего не просил у вашего величества”. Император заметил: “Я не утверждаю, что вы это сделали; но вы, должно быть, разорились менее чем за четыре или пять лет”. — “Нет, сир, ” возразил я, “ большую часть своей жизни я был эмигрантом; я жил среди лишений и, за некоторыми исключениями, все еще подвергался им. Это правда, что, несмотря на всю мою экономность, я ежегодно тратил 7 или 8000 франков своего капитала. Но я рассчитал так: было хорошо известно, что каждый человек в вашем окружении рано или поздно должен своим усердием и вниманием к своим обязанностям привлечь ваше внимание, и что тот, кто однажды завоевал ваше расположение, может считать, что его состояние нажито. У меня оставалось еще четыре или пять лет, чтобы испытать этот шанс; по истечении которых, если удача не улыбнется мне, я был полон решимости отказаться от мирских иллюзий и удалиться из столицы с доходом в десять или двенадцать тысяч ливров; конечно, достаточно бедный, но, тем не менее, более богатый, чем когда-либо был в Париже”. — “Что ж, ” сказал император, “ ваш план был неплох, и только что настал момент, когда вам возместили бы все ваши убытки. Я как раз собирался кое-что сделать для тебя, и это была полностью твоя собственная вина в том, что ты не сколотил более быстрое и блестящее состояние. По-моему, я уже говорил вам раньше, что вы не знали, как воспользоваться благоприятными возможностями для обеспечения собственного продвижения ”.

Этот разговор привел нас к разговору об огромных суммах, которые император расточал окружающим его людям, и, постепенно оживляясь, он сказал: “Было бы трудно оценить все, что я расточал таким образом. Меня могли бы не раз обвинить в расточительстве, и я с прискорбием вижу, что от этого было мало пользы ни в каком отношении. Несомненно, с моей стороны была какая-то роковая случайность или какая-то существенная ошибка в людях, которым я благоволил. В какое затруднительное положение я был поставлен! Невозможно поверить, что моя расточительность была вызвана личным тщеславием. Играть роль азиатского монарха было не в моем вкусе. Мною не руководили ни тщеславие, ни каприз; для меня все было делом расчета. Хотя некоторые люди могли быть моими любимцами, все же я не расточал на них свою щедрость только потому, что они мне нравились: я хотел основать с их помощью великие семьи, которые могли бы стать опорой в великих национальных кризисах. Высшие должностные лица моего Двора, а также все мои министры, независимо от их огромного жалованья, часто получали от меня щедрые чаевые — иногда полную сервировку стола и т. Д. Какова была моя цель в этом изобилии? Я требовал, чтобы они содержали элегантные заведения, давали грандиозные обеды и блестящие балы!— И почему я этого пожелал? Для того, чтобы объединить партии, сформировать новые союзы, сгладить старые разногласия и придать характер французскому обществу и манерам. Если у меня и возникали хорошие идеи, то они терпели неудачу при исполнении: например, ни один из моих главных придворных никогда не содержал подходящего заведения. Если они и давали обеды, то приглашали только своих друзей по вечеринке; а когда я посещал их дорогие балы, кого я там находил? Весь двор Тюильри: ни одного нового лица; ни одного из тех, кто был оскорблен новой системой — этих угрюмых

недовольных, которых немного меда вернуло бы обратно в улей. Они не могли согласиться с моими взглядами или не хотели этого делать. Напрасно я выражал неудовольствие, уговаривал и командовал: все продолжалось по-прежнему. Я не мог быть везде одновременно, и они это знали; и все же утверждалось, что я правлю железным жезлом. Как же тогда должны обстоять дела при кротких властителях?”

ВЫНОС ПОСТЕЛИ ИМПЕРАТОРА.—АНЕКДОТ ГАСКОНСКОГО СОЛДАТА.— ГВАРДЕЙЦЫ ОРЛА.

11—го. -Императору по-прежнему нездоровилось. Я нашел его очень подавленным. Он приказал изменить положение своей кровати — эта кровать, так долго бывшая постоянным спутником его побед, теперь превратилась в ложе болезни. Он жаловался, что она слишком мала для него, что он с трудом может в ней повернуться; но в его комнате не хватило бы места для более длинной. Он приказал перенести раскладушку в его кабинет и поставить рядом с кушеткой, так что вместе они образовали кровать сносных размеров. До каких пределов он доведен! Император растянулся на своем диване и вступил в беседу, которая немного оживила его. Говоря о своем вступлении в должность консула и об ужасных беспорядках, которые, по его мнению, существовали во всех отраслях государственной службы, он сказал, что был вынужден принять многочисленные меры по реформированию, которые вызвали большой резонанс, но которые в немалой степени способствовали укреплению связей общества. Эти меры распространились на армию, на офицеров и даже на генералов, которые, по его словам, стали таковыми Бог знает каким образом. Здесь я взял на себя смелость рассказать анекдот, который одно время очень забавлял круг, в котором я вращался. Один из моих друзей (который был так же недоволен существовавшим тогда правительством, как и я сам), путешествуя в одном из маленьких версалеиских версальских прилежаний с солдатом гвардии, злонамеренно подстрекал его высказать свое мнение. Мужчина жаловался, что все идет наперекосяк, потому что требовалось, чтобы солдат умел читать и писать, прежде чем его можно будет повысить в звании. “Итак, вы видите, - воскликнул он, - *тик снова вернулся*”.^[25] Эта фраза понравилась нам и часто повторялась среди нас. “Ну, ” заметил император, - что бы сказал ваш солдат, когда бы я создал Гвардию Орла? Эта мера, несомненно, восстановила бы меня в его добром мнении. Я назначил двух младших офицеров в качестве особой охраны Орла в каждом полку, по одному из которых было поставлено по обе стороны штандарта; и, чтобы их пыл в разгар сражения не заставил их упустить из виду единственную цель, которую они должны были иметь в виду, а именно сохранение Орла, им было запрещено пользоваться саблей или шпагой: их единственным оружием были несколько пистолетов; их единственной обязанностью было хладнокровно вышибать мозги врагу, который мог попытаться наложить руку на Орла. Но прежде чем человек мог получить этот пост, от него требовалось доказать, что он не умеет ни читать, ни писать, и вы, конечно, догадываетесь, почему. “Нет, сир”. “Ну и простак! Каждый человек, получивший образование, обязательно повысится в армии, но солдат, у которого нет этих преимуществ, никогда не добьется продвижения по службе, кроме как благодаря храбрости и экстраординарным обстоятельствам”.

Поскольку у меня было настроение посплетничать, я рассказал другой анекдот, который также вызвал веселье в парижских салонах. Рассказывали, что, когда полк потерял своего Орла, Наполеон обратился к солдатам с речью по этому поводу и выразил глубокое возмущение тем бесчестьем, которое они навлекли на себя, позволив забрать своего Орла. “Но мы обманули врага, - воскликнул гасконский солдат, - у них есть только посох, потому что вот *куш* у меня в

кармане”, - и он достал Орла. Император рассмеялся и сказал: “Ну, я не осмелился бы утверждать, что этого обстоятельства или чего-то очень похожего на него на самом деле не было. Мои солдаты чувствовали себя непринужденно и вели себя очень свободно со мной, часто фамильярно обращаясь ко мне через местоимение *ты*.”

Я упомянул, что слышал, будто накануне битвы при Йене или какого-то другого крупного сражения, когда Наполеон проезжал определенную станцию в сопровождении очень небольшого эскорта, солдат отказался пропустить его и, рассердившись, когда император настоял на продвижении, поклялся, что он не должен проезжать, даже если он сам был *Маленьким капралом*. Когда солдат убедился, что это действительно был Маленький капрал, он нисколько не смутился. Император заметил: “Это произошло потому, что он был убежден в том, что выполнил свой долг; и действительно, факт в том, что я слыл ужасным тираном в салонах и даже среди офицеров армии, но не среди солдат: они обладали инстинктом правды и сочувствия, они знали, что я их защитник и, в случае необходимости, мститель”.

ИМПЕРАТОРУ ПО—ПРЕЖНЕМУ НЕЗДОРОВИТСЯ. УЖАСНАЯ ПРОВИЗИЯ, ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ ВИНО И Т. Д.

12. Сегодня император, хотя и чувствовал себя не лучше, чем несколько прошедших дней, решил, как он сказал, больше не ухаживать за собой. Он оделся и направился в гостиную, где в течение двух или трех часов диктовал кому-то из своей свиты. Он ничего не ел в течение трех дней: кризис, которого он ожидал и который обычно вызывается особой диетой, которую он себе прописывает, еще не принес ему облегчения. Он продолжал пить теплый лимонад. Это обстоятельство побудило его задуматься, как долго человек может прожить без еды и в какой степени напитки могут заменить твердую пищу. Он послал за Британской энциклопедией, в которой познакомился с некоторыми очень любопытными фактами: например, он обнаружил, что женщина пятьдесят дней обходилась без твердой пищи и пила только дважды. Был упомянут другой случай с человеком, который прожил двадцать дней на одной воде.

Кто-то заметил в связи с этим, что Карл XII из чистого противоречия мнениям тех, кто его окружал, воздерживался от еды в течение пяти или шести дней, по истечении которых, однако, он съел индейку и баранью ногу, рискуя лопнуть. Наполеон рассмеялся над этим анекдотом и заверил нас, что у него нет желания впадать в такие крайности, какой бы привлекательной ни была модель в других отношениях.

Император сыграл партию в пикет с мадам де Монтолон. Когда вошел великий маршал, он перестал играть и спросил его, как, по его мнению, тот выглядит. Бертран ответил: “Только довольно желтоватый”, что действительно было так. Император добродушно поднялся и погнался за Бертраном в гостиную, чтобы схватить его за ухо, воскликнув: “Действительно, довольно бледный! Вы хотите оскорбить меня? Великий маршал? Вы хотите сказать, что я желчный, угрюмый, неуравновешенный, страстный, несправедливый, деспотичный! Позволь мне схватить тебя за ухо, и я отомщу.”

Наступил час обеда, и император некоторое время колебался, сесть ли ему за стол с нами или поужинать одному в своей комнате. Он остановился на последнем плане, чтобы, как он сказал,

не поддаваться искушению подражать Карлу XII. если бы он сидел за большим столом: но ему было бы трудно это сделать. Он вернулся, когда мы ужинали, и, судя по тому, как скудно был сервирован наш стол, сказал, что ему действительно жаль нас, потому что на самом деле у нас почти ничего не было из еды. Это обстоятельство побудило императора прибегнуть к болезненной крайности: он немедленно отдал приказ продавать часть своей тарелки каждый месяц, чтобы обеспечить наш стол всем необходимым. Самым худшим, что было связано с нашим скверным обедом, было вино, которое в течение нескольких дней было отвратительным и из-за которого нам всем стало нехорошо. Нам пришлось послать за водой в лагерь в надежде, что то, чем нас снабдили, будет заменено, поскольку мы не могли ее пить.

В ходе беседы, которая состоялась относительно вина, император заявил, что он получил множество инструкций от химиков и врачей, все из которых сошлись во мнении, что вино и кофе - это две вещи, в отношении которых ему наиболее необходимо быть настороже. Каждый профессионал предупреждал его отказаться и от вина, и от кофе, если он обнаружит в них какой-либо неприятный привкус. В частности, ему посоветовали воздержаться от вина, если он найдет что-то *необычное* во вкусе этого напитка. У него всегда была привычка покупать вино у Шамбертена, и поэтому он редко имел возможность придаться к нему; но сейчас дело обстоит иначе: если он отказывался от вина всякий раз, когда находил в нем что-то *необычное*, то, должно быть, воздерживался от него уже довольно долгое время.

КРИТИКА ПОЭМЫ ПРИНЦА ЛЮСЬЕНА О КАРЛЕ ВЕЛИКОМ.—ГОМЕР.

13—го. -Погода очень плохая; и так продолжается уже три недели или месяц. Император послал за мной около часа дня: он был в своей кают-компании; наш Амфитрион нанес мне визит, и я отвел его к императору, который поговорил с ним о делах частного характера.

Внешность Наполеона сильно изменилась.—Сегодня он хотел приступить к работе. Я послал за сыном, и он просмотрел главы, касающиеся папы Римского и Тальяменто. Он продолжал заниматься этим до пяти часов. Он был очень подавлен и, казалось, сильно страдал; он удалился, сказав, что постарается немного поесть.

В пределах видимости появились два корабля, один из которых, как предполагалось, был "Эвридикой", которая с минуты на минуту должна была прибыть из Европы, причалив к мысу: однако это оказались одно из судов Компании и другое судно, случайно проходившее мимо острова.

Император подошел к нам, когда мы обедали; он сказал, что съел достаточно для четырех человек и что это совершенно восстановило его силы.

Ему захотелось что-нибудь почитать, и он просмотрел "Поэму о Карле Великом" своего брата Люсьена. Он проанализировал первую песнь, а затем просмотрел несколько других: затем он изучил тему и план произведения и т.д. "Сколько труда, изобретательности и времени, - заметил он, - было потрачено на эту книгу! какие крушения суждений и вкуса! Вот двадцать тысяч стихов, некоторые из которых, насколько я знаю, могут быть хороши; но они лишены интереса, замысла или эффекта. Это можно было бы рассматривать как обязательное задание, если бы оно было написано известным автором. Почему Люсьен, при всем его здравомыслии, не подумал, что Вольтер, мастер французского языка и искусства поэзии, потерпел неудачу в подобной попытке, хотя эта попытка была предпринята в Париже, посреди святилища? Как Люсьен мог

предположить, что возможно написать французское стихотворение, живя вдали от французской столицы? Как он мог притворяться, что вводит новый метр? Он написал историю в стихах, а не эпическую поэму. Эпическая поэма должна быть историей не человека, а страсти или события. И потом, какую тему выбрал Люсьен! Какие варварские названия он ввел! Неужели он думает, что ему удалось возвысить религию, которую он считал падшей? Задумано ли его стихотворение как произведение воздействия? На нем определенно лежит печать почвы, на которой оно было написано: оно полно молитв, священников, мирской власти пап и так далее. Как мог он подумать о том, чтобы посвятить двадцать тысяч строк нелепостям, не принадлежащим современному веку, предрассудкам, с которыми он не мог примириться, и мнениям, которых он не мог придерживаться! Какое неправильное применение таланта! Он, несомненно, мог бы создать что-нибудь более достойное для себя; ибо он обладает здравым смыслом, легкостью и трудолюбием. Он был в Риме среди богатейших материалов и располагал средствами для проведения самых глубоких исследований. Он понимает итальянский язык: и, поскольку у нас нет хорошей истории Италии, он мог бы написать ее. Его таланты, его положение, его знание дел, его ранг могли бы позволить ему создать превосходное классическое произведение. Это было бы ценным приобретением для литературного мира и оказало бы честь его автору. Но что такое Карл Великий? Какую репутацию он приобретет? Она будет похоронена в библиотечной пыли, а ее автор получит самое большее несколько скудных и, возможно, смешных упоминаний в биографических словарях. Если Люсьен не мог устоять перед искушением писать стихи, ему следовало подготовить великолепную рукопись, украшенную изящными рисунками и в превосходном переплете, которой он мог бы время от времени радовать взоры дам, время от времени позволяя нескольким цитатам из нее просочиться в прессу; и, наконец, он должен был оставить ее своим наследникам, строго запретив передавать ее в печать. Тогда можно было бы понять его вкус”.

Он отложил работу в сторону и сказал: “Давайте обратимся к ”Илиаде“”. Мой сын сходил за ним, а император прочел несколько песен, останавливаясь на разных отрывках, чтобы, как он сказал, непринужденно ими восхищаться. Его наблюдения были обильными и замечательными. Он был так глубоко заинтересован прочитанным, что только в половине первого отправился отдыхать.

НЕХВАТКА ПРОВИЗИИ.—СМЕХОТВОРНАЯ НОРМА ВИНА.—ВОЗВРАЩЕНИЕ НАПОЛЕОНА С ЭЛЬБЫ.

14—го.—Ужасная погода все еще продолжалась и приковала нас к нашим жалким хижинам. Мы все нездоровы.

Император диктовал часть дня и почувствовал себя намного лучше.

За ужином мы буквально ничего не ели. Губернатор продолжил свои последовательные сокращения. Император приказал закупить некоторые дополнительные продукты и оплатить их из продуктов, вырученных от продажи его тарелки.

Губернатор намекнул, что норма вина должна оставаться фиксированной на уровне одной бутылки для каждого человека, включая императора. Будет ли она засчитана? *Одна бутылка для матери и ее детей!* именно эти слова использовались в записке.

Император удалился в свои апартаменты и послал за мной, чтобы я сопровождал его. “Мне не хочется спать, ” сказал он, - и я послал за вами, чтобы вы помогли мне нести вахту; давайте немного побеседуем”. Поворот беседы привел нас к разговору об острове Эльба, о занятиях, ощущениях и мнениях императора, пока он оставался там; наконец, о его возвращении во Францию и о блестящем успехе, который сопутствовал ему и в котором, по его словам, он ни на минуту не сомневался. Было повторено много наблюдений, которые я уже записывал в разное время. В какой-то момент он сказал: “Они могут объяснять это как им заблагорассудится, но я уверяю вас, я никогда не питал никакой прямой или личной ненависти к тем, чью власть я ниспровергал. Для меня это было просто политическое состязание: я сам был удивлен, обнаружив, что мое сердце свободно от враждебности и, могу добавить, движимо доброй волей по отношению к моим врагам. Вы видели, как я освободил герцога Ангулемского; и я сделал бы то же самое по приказу короля и даже предоставил бы ему убежище по его собственному выбору. Триумф дела никоим образом не зависел от его личности, и я уважал его возраст и его несчастья. Возможно, я также чувствовал благодарность за определенную степень внимания, которую он, в частности, проявлял ко мне. Это правда, что в тот момент, на который я сейчас намекаю, он, я полагаю, объявил меня вне закона и назначил награду за мою голову; но я рассматривал все это как относящееся к *стилю манифеста*. Такого же рода доносы были также направлены австрийским правительством, что, однако, не вызвало у меня особого беспокойства, хотя я должна признаться, что мой дорогой тесть был чересчур строг с мужем своей любимой дочери”.

Поскольку у меня еще раз была возможность упомянуть о возвращении императора с острова Эльба, здесь, пожалуй, самое подходящее место для выполнения данного мною обещания рассказать об обстоятельствах, связанных с этим экстраординарным событием. Я здесь объединяю воедино заявления, которые исходили от него в разное время.

Наполеон проживал на острове Эльба на основании международных договоров, когда узнал, что на Венском конгрессе обсуждалась идея вывезти его из Европы. Ни одна из статей мирного договора в Фонтенбло не была выполнена. Государственные газеты информировали его о настроениях во Франции, и он соответственно сформировал свое решение. Он хранил тайну до последнего момента;^[26] и, под тем или иным предлогом, были найдены средства для проведения необходимых приготовлений. Только когда все они были на борту, у солдат впервые возникло подозрение о намерениях императора: тысяча или тысяча двести человек отправились в плавание, чтобы вернуть себе империю с тридцатимиллионным населением!

На борту брига, на который сел Наполеон, находилось около пятисот или шестисот человек; по его словам, экипаж состоял из семидесяти четырех человек. Они поравнялись с французским военным бригом, о котором говорили. Утверждали, что капитан французского брига узнал их и на прощание трижды прокричал: “Счастливого вам плавания!” Во всяком случае, офицер, командовавший императорским кораблем, предложил преследовать и захватить бриг. Император отверг эту идею как абсурдную; такой поступок мог быть простителен, только если бы этого потребовала необходимость. “Почему, ” сказал он, - я должен включать этот новый инцидент в свой план? Какую выгоду я должен извлечь из его успеха? Какому риску подвергнет меня его провал!”

После проверки, которую они испытали при высадке, захватив в плен двадцать человек, посланных вызвать Антиб, были высказаны различные мнения, которые поддерживались с

некоторой теплотой. Некоторые предлагали немедленно предпринять атаку и овладеть Антибом, чтобы избежать пагубных последствий, которые могли последовать из-за сопротивления этого места и заключения в тюрьму двадцати человек. Император ответил, что взятие Антиба не будет шагом к завоеванию Франции; что в течение короткого промежутка времени, который будет затрачен на осуществление этого проекта, по всей стране будет поднята общая тревога; и что им будут чинить препятствия на том единственном пути, который им целесообразно избрать. Он добавил, что время дорого и что пагубных последствий дела при Антибе можно было бы эффективно избежать, если бы продвигаться вперед с достаточной скоростью, чтобы предвосхитить новостные. Офицер гвардии косвенно намекнул, что было бы неправильно таким образом бросать двадцать человек, попавших в плен; но император просто заметил, что у него сложилось плохое представление о масштабах предприятия; что, если бы половина его сторонников оказалась в таком же положении, он не постеснялся бы бросить их таким же образом; и что если бы все они были взяты в плен, он выступил бы вперед один.^[27]

За несколько часов до наступления темноты он высадился в заливе Жуан, где разбил лагерь. Вскоре после этого к нему подвели фореятора в великолепной ливрее. Оказалось, что этот человек раньше служил в императорском доме. Он был слугой императрицы Жозефины, а теперь состоял на службе у принца Монако, который сам был конюшим императрицы. Почтальон, отвечая на вопрос императора, сообщил ему, выразив свое великое удивление по поводу того, что нашел его здесь, что он только что приехал из Парижа и что он уверен, что везде его будут радостно встречать. Он утверждал, что на всем пути до [Авиньона](#) [Avignon](#), он не слышал ничего, кроме сожаления об отсутствии императора; что его имя было у всех на устах и что, проезжая по Провансу, он обнаружит, что все население готово сплотиться вокруг него. Мужчина добавил, что его великолепная ливрея часто делала его объектом одиозности и оскорблений. Это было свидетельство представителя простого класса общества: оно было очень приятно императору и полностью соответствовало его ожиданиям. Сам принц Монако, будучи представленным Наполеону, был менее откровенен. Наполеон воздержался от расспросов о политических вопросах: там присутствовали люди, и он не хотел подвергаться риску выяснения каких-либо подробностей, которые могли бы произвести неблагоприятное впечатление на окружающих. Таким образом, беседа приняла оживленный характер и полностью перешла к дамам императорского двора в Тюильри, о которых Наполеон наводил самые подробные справки.

Как только взошла луна, а это было около часа или двух ночи, бивуак распался, и Наполеон отдал приказ двигаться к Грассу. Там он ожидал найти дорогу, которую он заказал во времена Империи. Однако проект не был выполнен, и он был вынужден проезжать по узким ущельям, заполненным снегом. Поэтому он оставил на попечение муниципалитета Грасса свой лафет и две пушки, которые были доставлены на берег: в бюллетенях того времени это было названо захватом.

Муниципалитет Грасса был предан партии роялистов, но внезапное появление императора не оставило времени для колебаний, и они пришли, чтобы выразить ему свою покорность. Император, пройдя через город, остановился на небольшом возвышении на некотором расстоянии от него, где позавтракал. Вскоре его окружило все население города, и он прошел сквозь эту толпу так, словно находился в окружении своего Придворного круга в Тюильри. Он слышал те же чувства и те же молитвы, что и до того, как покинул Францию. Один жаловался на то, что не получал пенсию, другой требовал прибавки к своему содержанию, третий утверждал,

что у него отобрали крест почетного легиона, четвертый молился о повышении и т.д. Уже было составлено несколько петиций, которые были представлены ему, как будто он приехал из Парижа и совершал экскурсию по департаментам.

Несколько восторженных патриотов, хорошо знакомых с положением дел, тайно сообщили Наполеону, что местные власти настроены крайне враждебно, но что масса людей предана ему и что они только ждут, когда он повернется к ним спиной, чтобы избавиться от него. “Не торопитесь”, - сказал император. “Пусть они испытают унижение, увидев наш триумф, не имея повода упрекнуть нас. Будь спокоен и благоразумен”.

Император приближался с быстротой молнии. “Победа, - сказал он, - зависела“ от моей скорости. Для меня Франция была в Гренобле. Это место находилось на расстоянии ста лиг, но я и мои спутники достигли его за пять дней,^[28] и по каким дорогам и в какую погоду! Я въехал в город как раз в тот момент, когда граф д'Артуа, предупрежденный по телеграфу, покидал Тюильри. Тюильри”.

Сам Наполеон был настолько убежден в положении дел и народных настроениях, что знал, что его успех никоим образом не зависит от сил, которые он может привести с собой. По его словам, вмешательство жандармерии - это все, что было необходимо. Все вышло так, как он рассчитал: “Победа наступала *в атаке*, и национальный орел перелетал со шпилья на шпиль, пока, наконец, не взгромоздился на башни Нотр-Дама”. Император, однако, признал, что поначалу он испытывал некоторую тревогу и неуверенность. Правда, когда он продвигался вперед, все население с энтузиазмом высказывалось в его пользу; но он не видел солдат: все они были тщательно убраны с мест, через которые он проходил. Только когда он был между Мюром и Визиллем, в пяти или шести лье от Гренобля, и на пятый день после высадки, он встретил первый батальон. Командующий офицер отказался даже вступить в переговоры. Император, не колеблясь, двинулся вперед один, а сотня его гренадеров маршировала на некотором расстоянии от него, поменяв оружие местами. Вид Наполеона, его костюма, и в особенности его серого военного мундира, произвел на солдат магическое действие, и они стояли неподвижно. Наполеон подошел прямо к ветерану, рука которого была покрыта *шевронами*, и, очень бесцеремонно схватив его за бакенбарды, спросил, хватит ли у него духу убить своего императора. Солдат, глаза которого увлажнились от слез, немедленно воткнул шомпол в свой мушкет, чтобы показать, что он не заряжен, и воскликнул: “Видишь, я не мог причинить тебе никакого вреда: все остальные такие же”. Крики *Да здравствует Император!* раздавались со всех сторон. Наполеон приказал батальону сделать пол-оборота вправо, и все двинулись на Париж.

Недалеко от Гренобля полковник Лабедойер во главе своего полка прибыл, чтобы присоединиться к императору. Затем импульс был подтвержден, и вопрос был почти решен.

Крестьяне Дофини выстроились по обочинам дорог: они были взволнованы и сходили с ума от радости. Первый батальон, о котором только что говорилось, все еще проявлял некоторые признаки колебания; но тысячи людей столпились у него в тылу, и под их крики *“Да здравствует Император!”* пытался подтолкнуть войска к принятию решения; в то время как другие, находившиеся в тылу Наполеона, побуждали его маленький отряд к наступлению, заявляя, что ему не будет причинено никакого вреда.

В долине, через которую они проезжали, представилось очень трогательное зрелище: многие коммуны собрались вместе в сопровождении своих мэров и викариев. Среди толпы был замечен красивый молодой человек, гвардейский гренадер, который пропал без вести со времени высадки Наполеона и чье исчезновение вызвало подозрения. Теперь он подошел и бросился к ногам императора; слезы блестели в его глазах, и он поддерживал на руках девяностолетнего старика, которого представил императору: это был его отец, на поиски которого он отправился, как только высадился во Франции. Император по прибытии в Тюильри приказал нарисовать картину, изображающую это обстоятельство.

Была ночь, когда Наполеон прибыл к стенам Гренобля: его быстрота свела на нет все меры, которые должны были быть приняты для противодействия ему. Не было времени ни разрушить мосты, ни даже привести войска в движение. Он обнаружил, что городские ворота закрыты, а полковник, командующий крепостью, отказался их открыть. “Особым обстоятельством, сопровождавшим этот необычайный переворот, - сказал император, - было то, что солдаты не испытывали недостатка в определенной степени в дисциплине и повиновении своим командирам: их единственным сопротивлением была инертная сила, которой они пользовались по праву”. Таким образом, первый батальон выполнил все приказы, отступил и отказался выходить на связь; но солдаты не зарядили свои ружья и не стали бы стрелять. Когда Наполеон подошел к Греноблю, весь гарнизон, собравшийся на крепостных валах, кричал *Да здравствует Имперец!* Они пожимали руки сторонникам Наполеона через калитки, но не хотели открывать ворота, потому что командующий запретил им это делать. Император счел необходимым взламывать ворота; и это было сделано под прицелом десяти артиллерийских орудий на крепостных валах, заряженных картечью. В довершение этого стечения исключительных обстоятельств командир первого батальона и полковник, которые так открыто выступали против императора, когда он спросил их, может ли он положиться на них, ответили, что может; что их войска покинули их, но что они никогда не бросят свои войска; и что, поскольку люди объявили себя сторонниками Наполеона, они также будут верны ему. Император оставил этих офицеров у себя на службе.

Ни в одном из своих сражений Наполеон не представлял себе, что находится в такой большой опасности, как при вступлении в Гренобль. Солдаты, казалось, повернулись к нему с яростными жестами; на мгновение можно было подумать, что они собираются разорвать его на куски. Но это были всего лишь порывы любви и радости. Толпа понесла императора и его коня, и едва он успел перевести дух в гостинице, где остановился, как на улицах послышался усилившийся шум: жители Гренобля пришли предложить ему ворота города, так как не могли вручить ему ключи.

“Обосновавшись в Гренобле, - сказал император, - и достигнув значительной власти, я мог бы продолжать военные действия, если бы в этом была необходимость”.

Наполеон в то время очень сожалел, что не напечатал свои воззвания на острове Эльба; но, конечно, это нельзя было сделать без риска обнародования его тайных замыслов. Он диктовал свои воззвания на борту брига, где каждый человек, умевший писать, был занят их переписыванием. Было сочтено необходимым переписать их заново во время похода императора на Париж, чтобы их можно было распространять по дороге, настолько большим был спрос на них. В то время они были очень редки, часто неточны и даже неразборчивы; и все же необходимость их обнародования ощущалась на каждом шагу, поскольку везде, где их читали,

они производили немедленную и мощную сенсацию. События последних двадцати лет в значительной степени способствовали просвещению народных масс, поскольку, несмотря на радость, которую они испытывали по поводу возвращения императора, они нетерпеливо интересовались, какова была его цель. Все были удовлетворены национальными чувствами, содержащимися в прокламациях, и была выражена величайшая радость, когда стало известно, что Наполеон не привел с собой иностранных войск. Его продвижение было таким быстрым, а передвижения такими неожиданными, что были распространены тысячи сообщений о количестве и характере его войск. Говорили, что его сопровождали неаполитанцы, австрийцы и даже турки.

Можно сказать, что Наполеон совершил триумфальное шествие от Гренобля до Парижа. В течение четырех дней его пребывания в Лионе перед его окнами постоянно собиралось более двадцати тысяч человек, и их приветствия были непрекращающимися. Никогда бы не предположили, что император хоть на мгновение был разлучен со своими подданными. Он подписывал указы, издавал приказы, проводил смотры войск и т. Д.; все военные корпуса, все государственные учреждения, все классы граждан, с готовностью вышли вперед, чтобы выразить ему свое почтение и продемонстрировать свою привязанность. Даже национальная конная гвардия, корпус, состоящий из людей, проявивших себя наиболее рьяно в деле роялистов, добивалась чести составлять его эскорт; но это были единственные лица, к которым император относился холодно. “Господа,” сказал он, - я благодарю вас за предложение ваших услуг, но ваше поведение по отношению к графу д'Артуа достаточно доказывает, как бы вы поступили со мной, если бы фортуна покинула меня. Я не стану подвергать вас этому новому испытанию.” Покидая Лион, граф д'Артуа, как говорят, нашел только одного из гвардейцев, желающего последовать за ним в Париж. Император, чье сердце было так чутко воспринято ко всем великодушным чувствам, услышав о верности этого добровольца, приказал вручить ему орден почетного легиона.

В Лионе Наполеон отдавал приказы посредством прокламаций со всей той точностью, твердостью и уверенностью, которые обычно присущи установившейся и бесперебойной власти. В его поведении не было и следа ужасных неудач, которые он так недавно пережил, или больших рисков, с которыми ему еще предстояло столкнуться. Если бы было возможно упомянуть все обстоятельства, которые имели место, я мог бы рассказать очень приятный частный анекдот, свидетельствующий о спокойствии духа, проявленном Наполеоном во время великого кризиса, который должен был изменить облик Франции и поднять на ноги всю Европу.

Как только император покинул Лион, он написал Нейю, который со своей армией находился в Лон-ле-Сонье, что он должен немедленно выступить со своими войсками на соединение с ним. Ней, среди всеобщего смятения, покинутый своими войсками, сбитый с толку прокламациями императора, обращениями Дофини и дезертирством лионского гарнизона, подавленный энтузиазмом населения окрестных провинций, — Ней, дитя Революции, поддался общему порыву и издал свой знаменитый приказ дня. Но воспоминание о событиях в Фонтенбло побудило его написать императору, сообщив ему, что в своем недавнем поведении он руководствовался главным образом интересами своей страны; и что, убежденный, что он, должно быть, утратил все права на доверие Наполеона, он попросил разрешения уйти со службы. Император снова написал, желая, чтобы он немедленно приехал и присоединился к нему, и что он примет его так же, как принял на следующий день после битвы при Москве. Ней, представ перед императором, был сильно смущен и повторил, что, если он утратил его доверие,

он просит только о том, чтобы его понизили в звании до одного из его гренадеров. “Конечно, ” сказал император, “ он поступил со мной очень дурно; но как я мог забыть его блестящее мужество и множество героических поступков, которыми отличалась его прошлая жизнь! Я бросилась вперед, чтобы обнять его, назвав *”храбрейшим из храбрых”* — и с этого момента мы помирились”.

Император почти в спешке проделал весь путь от Лиона до Парижа. Он нигде не встречал сопротивления, и никаких сражений не происходило. Буквально его присутствие произвело лишь театральную смену обстановки. Его передовой отряд состоял из войск, которые случайно оказались перед ним на дороге и к которым были высланы гонцы. Таким образом, Наполеон вступил в Париж в сопровождении тех самых войск, которые утром были высланы ему навстречу. Полк, расквартированный в Монтеро, самовольно перешел мост, направился к Мелену и атаковал отряд телохранителей, который был расквартирован в последнем месте: это обстоятельство, как говорят, послужило причиной внезапного отъезда королевской семьи.

Император часто говорил нам, что, если бы он захотел, он мог бы привести с собой в Париж два миллиона крестьян. При его приближении люди повсюду массово поднимались; и он часто повторяет, что не было никаких заговорщиков, кроме общественного мнения.

На следующий день после прибытия Наполеона в Тюильри кто-то заметил ему, что его жизнь была чередой чудес, но последнее превзошло все остальные, и я услышал, как он сказал в ответ, что его единственная заслуга в данном случае заключалась в том, что он составил справедливое мнение о положении дел во Франции и сумел проникнуть в сердца французов. В другой раз, беседуя на эту тему, он сказал нам: “Если я, за исключением Лабедойера, который примчался ко мне с энтузиазмом и любовью, и еще одного человека, который добровольно оказал мне важные услуги, почти все остальные генералы, которых я встречал на своем пути, проявляли нерешительность: они поддавались только порыву своих войск, если на самом деле не проявляли враждебного чувства по отношению ко мне.

“Теперь каждому ясно, - сказал он, - что Ней покинул Париж, вполне преданный королю, и что если он обратился против него несколько дней спустя, то только потому, что считал, что не мог поступить иначе.

Я был настолько далек от того, чтобы вообще полагаться на Массену, что, высадившись во Франции, счел необходимым как можно скорее миновать его; и когда некоторое время спустя, в Париже, я спросил его, как бы он поступил, если бы я не покинул Прованс так поспешно, он был достаточно откровенен, чтобы ответить, что ему было бы неловко отвечать мне; но что курс, которого я придерживался, был, во всяком случае, самым безопасным и лучшим.[best](#).

“Сен-Сир оказался в опасности, пытаюсь сдержать солдат, находившихся под его командованием.

Сульт признался мне, что проникся искренним уважением к королю, настолько он восхищался его правлением; и он не вернется ко мне на службу до окончания *Майского поля*.

Макдональд так и не появился, и герцог Беллуно последовал за королем в Гент. Таким образом, ” сказал он, “ если у бурбонов есть основания жаловаться на полное дезертирство солдат и народа, они, конечно, не имеют права упрекать в неверности военачальников, тех учеников или даже вождей Революции, которые, несмотря на двадцатипятилетний опыт, проявили себя в

данном случае просто детьми в политике. На них нельзя было смотреть ни как на эмигрантов, ни как на патриотов!”

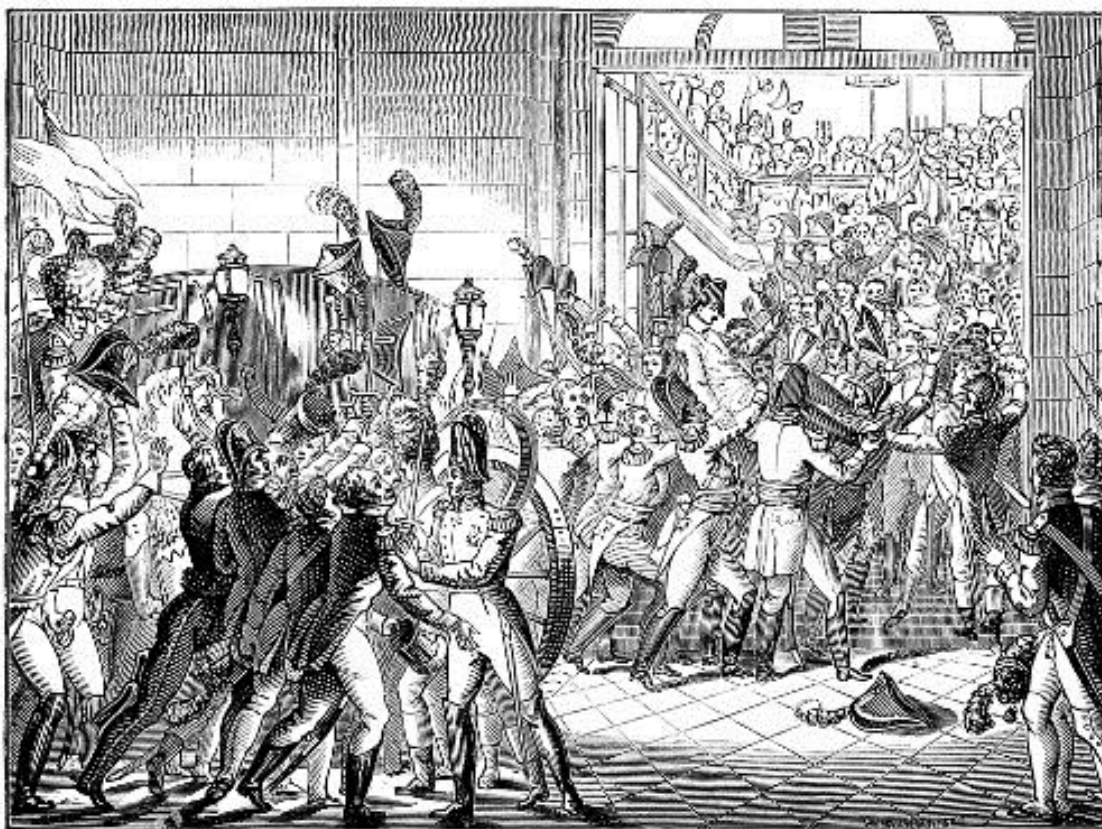
Наполеон, казалось, инстинктивно придерживался своего великого принципа действовать только на массы и посредством масс. Как в начале предприятия, так и после его высадки во Франции его неоднократно уговаривали договориться с некоторыми представителями власти, но он постоянно давал один и тот же превосходный ответ: “Если я все еще занимаю место в сердцах людей, мне мало нужно беспокоиться о лицах, облеченных властью, и если бы я мог полагаться только на последних, какую услугу они могли бы оказать мне в противостоянии огромной массе?”

Следующий факт покажет, насколько слабую связь поддерживал Наполеон со столицей. Утром в день его вступления в Париж, после возвращения с острова Эльба, сто пятьдесят офицеров на половинном жалованье покинули Сен-Дени, где их разместили принцы, и двинулись маршем в столицу, захватив с собой четыре артиллерийских орудия. По дороге их встретили несколько генералов, которые встали во главе их, и таким образом маленький отряд проследовал во дворец Тюильри, где собрались главы различных департаментов министерства, которые все согласились действовать от имени императора. Таким образом, Париж в тот день безмятежно управлялся потоком мнений и всплеском личных привязанностей. Никто из великих сторонников императора, никто из его бывших министров, получив от него какое-либо сообщение, не осмелился подписать приказ или взять на себя какую-либо ответственность. В общественных работах не появились бы на следующий день, но за усердие частных лиц, которые, спонтанно и без полномочий, наполнил их выражения чувства, ощущения, которыми они анимированные, и с заявлениями прохождения событий. Таким же образом Лавалетт завладел почтой. Париж в тот день был без полиции и без правительства, и все же никогда еще в столице не царило большего спокойствия.

Император въехал в Тюильри около девяти часов вечера в сопровождении сотни всадников, как будто он приехал из одной из своих загородных резиденций. Выйдя из машины, он был почти до смерти зажат толпой военных офицеров и горожан, которые столпились вокруг него и буквально на руках отнесли его в салон. Здесь он обнаружил, что ужин готов, и как раз садился за стол, когда прибыл офицер, которого утром отправили в Венсен для осмотра крепости. Он принес известие о капитуляции коменданта, единственным условием которой было то, что он должен получить паспорт для себя и своей семьи.

Весьма необычным обстоятельством является то, что на следующее утро после прибытия императора в Тюильри, когда посыльный отправился за трехцветным флагом, один из них был найден в павильоне Марсан во время обыска, который из соображений благоразумия был произведен по всему дворцу. Этот флаг был немедленно поднят. Он был совершенно новым и больше обычного размера. Никто не мог догадаться, как он попал в Тюильри и для какой цели предназначался.

На самом деле, чем больше света проливается на этот предмет, тем очевиднее должно быть, что не было никакого другого заговора, кроме заговора природы вещей. Только партийный дух может стремиться в нынешнюю эпоху вызвать сомнение по этому поводу; в истории его не будет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ЭЛЬБЫ.

Лондон: Опубликовано для Генри Колберна, декабрь 1835г.

Через несколько дней после отъезда Наполеона в Лонгвуд его возвращение с Эльбы стало предметом разговора среди представленных ему офицеров, когда один из них заметил, что это удивительное событие представило взорам Европы контраст всего самого слабого и самого возвышенного: бурбоны отказались от монархии и обратились в бегство при приближении одинокого человека, который своими личными усилиями смело предпринял завоевание империи. “Сударь, - сказал император, - вы ошибаетесь, у вас неправильный взгляд на дело. Бурбонам не было недостатка в мужестве; они сделали все, что могли. Граф д'Артуа улетел в Лион; герцогиня д'Ангулем проявила себя амазонкой в Бурдо, а герцог д'Ангулем оказал столько сопротивления, сколько мог. Если, несмотря на все это, они не смогли достичь удовлетворительной цели, вина должна быть возложена не на них, а на силу обстоятельств. Бурбоны по отдельности могли сделать не больше, чем они делали на самом деле; зараза распространилась во всех направлениях”.

ПОЭМА КАРЛА ВЕЛИКОГО. —БРАТЬЯ И СЕСТРЫ ИМПЕРАТОРА, СТАВШИЕ АВТОРАМИ.

15—го.- Сегодня император воспользовался коротким промежутком хорошей погоды, чтобы прогуляться в сад Компании. Я был с ним наедине, я сделал ему определенные заявления, после чего осмелился предложить некоторые идеи, но он отверг их как абсурдные. - Ступайте, мой

дорогой Лас Касес, - сказал он. - Вы *простофиля*. Но не обижайтесь на этот эпитет, - добавил он, - я не применяю его ко всем; для меня это почти синоним честного человека”.

После ужина император попытался прочесть часть поэмы Карла Великого, которую он взял в руки вчера вечером и снова отложил в сторону. Этот вечер, как и два предыдущих, был разделен между Карлом Великим и Гомером. Последнее, по словам императора, он читал для того, чтобы приободриться, и снова возобновил свое осуждение принца Люсьена и свое восхищение Гомером.

Кто-то из присутствующих сообщил императору, что Люсьен подготовил к печати еще одно стихотворение, похожее на его “Карл Великий”, под названием “Шарль Мартелл на Корсике”. Было добавлено, что он также написал дюжину трагедий. “Да ведь в нем сидит дьявол”, - воскликнул император.

Затем ему сообщили, что его брат Луи был автором романа. “Его работа может обладать духом и изяществом, - сказал он, - но в ней не обойдется без смеси сентиментальной метафизики и философского абсурда”.

Упоминалось, что принцесса Элиза также написала роман и что даже принцесса Полина создала что-то в области литературы. “Да, ” сказал император, - возможно, как героиня, но не как писательница. В таком случае, - продолжал он, “ все мои братья и сестры должны быть писателями, кроме Каролины. Последняя, действительно, в детстве считалась в семье дурочкой и Золушкой, но она выросла очень красивой и очень умной женщиной”.

НЕХВАТКА ПРОВИЗИИ.—ВЕСЕЛАЯ СОФИСТИКА.—О НЕВОЗМОЖНОМ.НЕВОЗМОЖНОСТИ.

16—го.-Утром мой слуга пришел сказать мне, что на завтрак нет ни кофе, ни сахара, ни молока, ни хлеба. Вчера, за несколько часов до обеда, почувствовав голод, я попросил кусок хлеба, но мне сказали, что для меня ничего нет. Таким образом, мы лишены самого необходимого для жизни. Этому факту вряд ли поверят, и все же я не сказал ничего, кроме правды.

Сейчас установилась прекрасная погода. В течение некоторого времени император не мог выйти на улицу; но сегодня он вышел в сад, а затем приказал подать коляску с намерением совершить свою обычную прогулку, которая так долго откладывалась. Когда мы прогуливались, мадам де Монтолон отогнала собаку, которая подошла к ней. — “Вы не любите собак, мадам?” — сказал император, - “Нет, сир”. — “Если вы не любите собак, вам не нравится верность; вам не нравятся те, кто привязан к вам; и, следовательно, вы неверны”. — “Но... но...” — сказала она - “Но... но...” - повторил император, - “в чем ошибка моей логики? Опровергни мои аргументы, если сможешь!”

Несколько дней назад один из приближенных предложил провести некоторые химические эксперименты, и император поинтересовался, удалось ли ему. Другой пожаловался на отсутствие необходимого оборудования. “Настоящее дитя Сены, ” сказал Наполеон, “ настоящий парижский кокни! Вы думаете, что все еще находитесь в Тюильри? Истинное трудолюбие не состоит в том, чтобы действовать известными и заданными средствами; доказательством искусства и гениальности является достижение цели, несмотря на трудности, и практически не обнаруживать *невозможности*. Но на что вы жалуетесь? На отсутствие пестика, когда для вашей цели могла бы подойти перекладина от любого стула? На отсутствие

ступки? Любая вещь - это ступка, которую вы решите использовать для этого; этот стол - ступка; любая кастрюля или чайник - это ступка. Ты думаешь, что все еще находишься на улице Сент-Оноре, среди всех магазинов Парижа?

Здесь великий маршал заметил, что это обстоятельство напомнило ему кое-что, что произошло, когда он впервые имел честь быть представленным Наполеону, и о первых словах, которые он услышал от него. Когда Бертран собирался покинуть итальянскую армию, чтобы отправиться с миссией в Константинополь, молодой генерал, узнав, что он инженерный офицер, дал ему поручение по этому ведомству. “По возвращении, ” сказал Бертран, “ я встретился с вами недалеко от штаб-квартиры и сообщил вам, что нашел это невозможным. На это ваше величество, к которому я обратился с большой застенчивостью, сказал с самым фамильярным видом: ”Но давайте посмотрим, как вы приступите к работе, сэр: то, что вы сочли невозможным, может оказаться для меня невозможным”. Соответственно, “Соответственно, — продолжил Бертран, - когда я упомянул средства, с помощью которых я предложил выполнить то, что пожелало ваше Величество, вы немедленно заменили их другими. Через несколько мгновений я был совершенно убежден в превосходстве планов вашего величества, и это обстоятельство наполнило меня чувствами и воспоминаниями, которые с тех пор оказались для меня очень полезными”.

Император рано ушел на покой. Мы заметили, что он очень изменился внешне, особенно после своей последней болезни. Он очень слабеет и чувствует усталость после двух кругов по саду.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ.—ЧИСЛЕННОСТЬ ИЗРАИЛЬТЯН В ЕГИПТЕ.

17-18 сентября. Теперь полностью установилась прекрасная погода. Император вышел в сад в сопровождении всей своей свиты. Побродив немного, он направился к лесу.

По возвращении с прогулки мы все вместе позавтракали в палатке; и, поскольку погода была очень благоприятной, император выразил желание прокатиться в коляске.

Около пяти часов он попросил меня зайти к нему в кабинет, чтобы помочь в поиске некоторых документов по внутренней части Африки, граничащей с Египтом. Этим вопросом он занимается уже несколько дней, поскольку намеревается сделать его предметом некоторых глав своей Египетской кампании.

Он пожаловался на плохое самочувствие и попросил меня заказать ему чаю. Это было нечто экстраординарное. Вскоре после этого пришел великий маршал, чтобы занять мое место при написании под его диктовку.

После обеда император с пером в руке занялся сравнительным анализом плодородия почв Египта и Франции. Он обнаружил, что производство Франции значительно уступает производству Египта. Этот расчет был сделан на основе “Статистических обзоров Франции” Пеуше. Император был удовлетворен результатом, к которому он пришел; это соответствовало тому мнению, которое он сформировал ранее. Это, естественно, дало повод для рассмотрения нескольких других тем; например, каково было вероятное население Египта в древние времена? — какой могла бы быть численность израильтян, если бы за короткий период, пока они оставались в плену, они увеличились до степени, упомянутой в Священном Писании? и т.д. Император пожелал, чтобы на следующий день я представил ему кое-что по этому последнему вопросу. Много говорилось о вероятностях человеческой жизни, таблицы которых также были

найжены в работе Пеуше; и по этому поводу император сделал несколько очень остроумных, новых и поразительных замечаний.

Я представил императору расчеты, сделанные мной по задаче, которую он дал мне накануне. Результат его немало удивил; и это послужило предметом для обстоятельного обсуждения. Суть того, что я ему представил, заключается в следующем.

Израильтяне оставались в Египте двести лет, за это время мы можем насчитать десять поколений. Они рано женились, и их браки были очень плодотворными. Я предположил, что все дети Иакова, двенадцать вождей колен, были женаты; я также предположил, что у каждого из них было одинаковое количество детей, или шесть пар, и так далее подряд. Десятое поколение тогда составило бы 2 480 064 704 человека. Но девятое поколение и даже восьмое все еще существовало. Отсюда и такое ужасное количество цифр. Во всяком случае, пусть из числа детей будет сделан достаточный вычет смертности, вызванной несчастными случаями, болезнями и т. Д., И все же совершенно очевидно, что никакие расчеты не могут быть выдвинуты в противовес рассказу Моисея. Император довольно долго забавлялся, обнаруживая и показывая ошибочность моих рассуждений.

Во время ужина он упражнялся в английском, задавая моему сыну вопросы на этом языке по истории и геометрии. После обеда император взялся за "Одиссею", чтение которой доставило удовольствие всем нам.

ИМПЕРАТОР ЗАМЕТНО МЕНЯЕТСЯ В ЛИЦЕ И ТЕРЯЕТ СИЛУ.—ПРОДАЖА ЕГО ТАРЕЛКИ.

19.— Наполеон провел утро, собирая информацию об истоках Нила из работ нескольких современных авторов, Брюса и др.... Я помогал ему в этой работе. В три часа он оделся и вышел. Погода была довольно хорошей. Он заказал коляску, а затем отправился в лес пешком, и мы шли, пока не увидели Сигнальный холм. Он беседовал со мной о нашем моральном положении и о тех неприятностях, которые не могли не вызвать у него даже обстоятельства, вытекающие из нашей близости с ним. Коляска поравнялась с нами, и в ней были месье и мадам Монтолон. Император был очень рад этому, так как сказал, что не чувствует в себе достаточно сил, чтобы вернуться домой пешком. Он явно слабеет, его походка становится тяжелой и запинаящейся, черты лица меняются. Его сходство со своим братом Джозефом сейчас поразительно; настолько, что, встретившись с ним на днях в саду, я мог бы поклясться, что это Джозеф, до того самого момента, когда я подошел к нему вплотную. Другие отмечали это сходство, так же как и я; и мы часто говорили, что, если бымы верили в *второе зрение* шотландских горцев, мы были бы склонны ожидать, что с Джозефом или с императором произошло что-то экстраординарное.

По возвращении император осмотрел большую корзину, полную битой посуды, которую на следующий день должны были отправить в город. В будущем это должно было стать незаменимым дополнением к нашему ежемесячному существованию вследствие недавних сокращений, произведенных губернатором.

Мы знали, что капитаны Ост-Индской компании предлагали по сто гиней за одну тарелку. Это обстоятельство побудило императора приказать стереть гербы и сломать осколки, чтобы не оставить никаких следов того, что тарелка принадлежала ему. Все крышки для тарелок были украшены маленькими массивными орлами; это были единственные вещи, которые он хотел

сохранить, и он велел их отложить. Эти последние фрагменты были предметом желаний каждого из нас; мы смотрели на них как на реликвии. В этом чувстве было что-то религиозное и в то же время скорбное.

Когда настал момент разбить эту тарелку, это вызвало у слуг самые болезненные эмоции и настоящее горе. Они не могли без величайшей неохоты заставить себя нанести удар молотком по этим предметам своего почитания. Этот акт опрокинул все их представления; для них это было святотатством, опустошением. Некоторые из них проливали слезы по этому случаю. После обеда император продолжил “Одиссею”, а затем прочел несколько отрывков из поэмы Эсменара “Мореплавание”, которые ему понравились.

НОВОЕ РАЗДРАЖЕНИЕ ОТ ГУБЕРНАТОРА.—ТОПОГРАФИЯ ИТАЛИИ.

20-е число. Император послал разбудить меня около восьми часов, желая, чтобы я присоединился к нему с коляской в лесу, где он уже прогуливался с господином де Монтолоном, беседуя о хозяйственных расходах заведения. Погода наконец-то снова установилась, было восхитительное весеннее утро. Мы сделали два поворота.

Сегодня мы столкнулись с новым и непостижимым раздражением со стороны губернатора. Он запретил нам продавать нашу тарелку, когда она разбита, любому другому лицу, кроме того, которого он должен назначить. Каковы могли быть его намерения при совершении этого нового акта несправедливости? Чтобы сделать себя еще более несносным и привести еще один пример злоупотребления властью.

Император позавтракал в палатке; сразу после этого он продиктовал отчет о битве при Маренго генералу Гурго. Он велел мне остаться с ними и послушать. Около двенадцати часов он удалился в свою квартиру, чтобы попытаться отдохнуть.

Около трех часов император снова вошел в мою комнату. Он застал меня и моего сына занятыми сравнением и просмотром отчета о битве при Арколе. Он знал, что это моя любимая глава и что я назвал ее песнью “Илиады”. Он хотел прочитать ее еще раз и выразил, что она ему тоже понравилась.

Прочтение этого рассказа об Арколе пробудило у императора представление о том, что он называл “этим прекрасным театром Италии”. Он приказал нам следовать за ним в гостиную, где диктовал нам в течение нескольких часов. Он велел расстелить на полу свою огромную карту Италии, занимавшую большую часть гостиной, и, улегшись на нее, прошелся по ней на четвереньках с циркулем и красным карандашом в руке, сравнивая и измеряя расстояние длинным куском бечевки, один из концов которой держал один из нас. “Вот так, - сказал он мне, смеясь над позой, в которой я его застал, - следует измерить страну, чтобы составить о ней правильное представление и составить хороший план кампании”.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЗАКОНОПРОЕКТЫ САН—ДОМИНГО.—ИНСПЕКТОРЫ По ПРОВЕРКЕ И С.—ПЛАНЫ УПРАВЛЕНИЯ И С.—ГОДЕН, МОЛЬЕН, ДЕФЕРМОН, ЛАКУИ И С.—МИНИСТР ФИНАНСОВ.—ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ.-ВАЖНОСТЬ ИХ ФУНКЦИЙ.

21—го.-Сегодня меня навесит адмирал Малькольм. Он пришел попрощаться со всеми нами; на следующий день он должен был отплыть на Мыс и отсутствовать там два месяца.

Нам жаль терять адмирала; его манеры, всегда вежливые, и своего рода молчаливая симпатия, существующая между нами, постоянно противопоставляют его в нашем сознании сэру Хадсону Лоу, который так на него не похож.

Адмирал видел императора, который тоже равнодушен к нему. Они вместе прогулялись по саду, и адмирал сказал мне, что собрал отличную информацию о Шельде и Нивендипе, совершенно неизвестном ему морском предприятии в Голландии, основанном Наполеоном.

После ужина разговор зашел о том, что император назвал знаменитыми векселями Сан-Доминго. Это дало повод к следующим любопытным подробностям. "Администратору Сан-Доминго, - сказал император, - однажды взбрело в голову без разрешения взять из Капского казначейства в Париже векселя на сумму в шестьдесят миллионов долларов, и все эти векселя были оплачены в один и тот же день. Франция тогда не была и, возможно, никогда не была достаточно богатой, чтобы удовлетворить такой спрос. Кроме того, где и какими средствами администрация Сан-Доминго приобрела такой кредит? Первый консул не мог приказывать ничего подобного в Париже; это было все, что мог сделать г-н Неккер во времена своей наибольшей популярности. Как бы то ни было, когда эти векселя появились в Париже, куда они прибыли раньше рекомендательных писем, из казначейства обратились к Первому консулу с просьбой указать, что следует сделать. 'Подождите рекомендательных писем,' сказал он, - чтобы узнать характер сделки. Казначейство подобно капиталисту; оно обладает теми же правами и должно следовать тому же курсу. Эти счета не принимаются, следовательно, они не подлежат оплате'. Однако необходимая информация и ваучеры прибыли. В этих векселях указывалась полученная стоимость, но квитанции офицеров, отвечавших за сундук, в руки которых были выплачены деньги, были лишь на одну десятую, одну пятую, одну треть суммы соответствующих векселей. Казначейство, следовательно, признало бы и возместило бы только действительно *идобросовестно* уплаченную сумму; а векселя по их сроку действия были объявлены фальшивыми. Это вызвало большой шум, и произвело ужасное волнение среди торговцев. Депутация прибыла к первому консулу, который, отнюдь не пытаясь избежать этого, сразу же открыл дело и спросил, 'принимают ли они его за ребенка, думают ли они, что он будет так забавляться с представителями чистейшей крови народа, или что он настолько равнодушен к защите общественных интересов?' То, от чего он отказался отказаться, 'сказал он, ' не касалось его лично, не было внесено в его гражданский список, но это была общественная собственность, хранителем которой он был и которая по этой причине была более священной в его глазах'. Затем, обращаясь к двум лицам, стоявшим во главе депутации, он сказал: 'Вы, джентльмены, купцы, банкиры, деловые люди, дайте мне положительный ответ. Если бы один из ваших агентов за границей потребовал у вас очень большие суммы вопреки вашим ожиданиям и вашим интересам, согласились бы вы, оплатили бы вы его счета? Они были вынуждены признать, что не стали бы этого делать. "Тогда, - сказал Первый консул, - вы, которые являетесь простыми собственниками и по праву вашего большинства отвечаете только за свои

собственные действия, вы хотели бы обладать правом, которое вы отказываетесь предоставить мне, собственнику от имени всех, и который в этом качестве всегда второстепенен и подлежит пересмотру! Нет, джентльмены, я буду пользоваться вашими привилегиями от имени и на благо всех; фактическая сумма, полученная по вашим счетам, будет возвращена вам, и не более. Я не прошу коммерсантов принимать векселя моих агентов: это честь, знак доверия, к которому я не стремлюсь; если торговцы и принимают их, то на свой страх и риск; я признаю только и считаю священным согласие моего министра финансов'. На это они снова возразили, и последовало много праздных разговоров. Они сказали, что они должны быть вынуждены объявить себя банкротами; они получили эти векселя за наличные деньги; их агенты за границей совершили ошибку, взяв их из уважения к правительству и доверия к нему. 'Очень хорошо,' сказал Первый консул, 'станьте банкротами. Но они этого не сделали, - заметил император, - они не получали эти векселя наличными, и их агенты не допустили никакой ошибки'".

Члены депутации покинули первого консула, убежденные в справедливости его доводов; тем не менее они наполнили Париж своими криками и ложью, совершенно искажая суть дела.

"Эта сделка, - сказал император, - и ее детали объясняют многие другие сделки, о которых много говорили в Париже при императорской администрации.

Представители коммерческого мира, в частности, говорили и повторяли, что это разбирательство не имело аналогов; что такое нарушение кредита было делом доселе несслыханным; но на это Первый консул ответил, что он разрешит этот вопрос, сославшись на прецеденты, и он напомнил им о биллях Людовика XIV, ликвидации Регентской компании, Компании, ликвидации войн 1763 и 1782 годов и т. Д.; И доказал им, что то, что они утверждали, было мошенничеством. беспрецедентной была постоянная практика монархии".

После этого дела император обратился к различным ветвям администрации. Он защищал учреждение должности инспекторов проверок. "Только благодаря им можно было установить действительное количество присутствующих людей; только благодаря им было получено это преимущество, и оно имело огромное значение в активных военных действиях. И эти инспекторы были не менее полезны с административной точки зрения; ибо, какие бы незначительные злоупотребления ни существовали в деталях, и какими бы многочисленными ни были эти злоупотребления, такие вещи следует рассматривать исходя из общего принципа; и, чтобы справедливо оценить полезность этого института, следует спросить, какие другие злоупотребления имели бы место, если бы его не существовало? Что касается меня, - сказал Наполеон, - то я должен сказать, что, проверяя расходы, прикидывая, во что должна была обойтись общая численность войск в соответствии с их фиксированными нормами жалованья, я всегда обнаруживал, что сумма, выплаченная казначейством, не соответствует моей оценке. Следовательно, армия обошлась дешевле, чем должна была обойтись: какой результат мог быть более выгодным?"

Император процитировал администрацию военно-морского флота как самую регулярную и самую честную; она стала шедевром. "В этом," сказал он, "заключалась великая заслуга Декре". Император считал, что Франция слишком велика, чтобы иметь только одного министра для управления военным министерством. "Это была," сказал он, - задача, выходящая за рамки сил одного человека. Париж был сделан центром принятия всех решений, заключения контрактов, поставок и организации; в то время как корреспонденты министра были

распределены между числом лиц, равным числу полков и корпусов. Следовало бы поступить наоборот; следовало ввести соответствие и разделить ресурсы, собрав их там, где они были необходимы. Я долго обдумывал план создания во Франции двадцати или двадцати пяти военных округов, в состав которых входило бы столько-то армий. Бухгалтеров было бы не больше этого числа; это были бы двадцать заместителей министра; необходимо было бы найти двадцать честных людей. У министра было бы всего двадцать корреспондентов; он бы централизовал все и заставил машину работать быстро.

“Господа Годен и Мольен, ” сказал император, - придерживались мнения, что необходимо, чтобы генеральные распорядители, государственные финансисты и подрядчики, обладали очень большими состояниями, чтобы в их власти было извлекать значительные прибыли и открыто заявлять о них таким образом, чтобы сохранить степень уважения, которой они могли бы остерегаться подвергать опасности, и характер чести, который они могли бы стремиться не компрометировать. Иначе и быть не могло, - сказал он, - чтобы в случае необходимости получить от них поддержку, обслуживание и кредит.

Другая группа людей, Дефермон, Лакуэ и Марбуа, напротив, считали, что невозможно быть слишком бдительным, слишком экономным и слишком строгим. Что касается меня, то я был склонен придерживаться мнения первого, считая взгляды последнего узкими и такими, которые применимы к полку, но не к армии; к расходам частного дома, но не к расходам великой империи. Я назвал их пуританами и янсенистами своей профессии”.

Император заметил, что министр финансов и государственный секретарь были двумя из его учреждений, с которыми он больше всего поздравлял себя и от которых он получил наибольшую помощь. “Министр финансов концентрировал все ресурсы и контролировал все расходы империи. Все действия исходили от государственного министра. Он был министром министров, придававшим жизнь всем промежуточным актам; великим нотариусом империи, подписывавшим и удостоверявшим подлинность всех документов. Благодаря первому я в каждый момент знал о состоянии своих дел; а благодаря второму я объявлял о своих решениях и своей воле во всех направлениях и везде. Так что, имея только моего министра финансов и моего государственного секретаря и полдюжины клерков, я бы взялся управлять империей из самых отдаленных уголков Иллирии или с берегов Немана с такой же легкостью, как и в моей столице”.

Император не мог понять, как могли продолжаться дела с четырьмя или пятью государственными секретарями наших королей. “И в самом деле, как у них шли дела?” - спросил он. “Каждый представлял, осуществлял и контролировал свои собственные операции. Они могли действовать в прямом противоречии друг с другом; поскольку короли ставили свой знак только на полях предлагаемых планов или заверяли только черновой вариант своих указов, государственные секретари могли заполнять их или действовать так, как им заблагорассудится, не опасаясь какой-либо большой ответственности. Добавьте к этому, что у госсекретарей была ГИПЕРССЫЛКА *hagriffe*, изобретение, которое они хотели заставить меня принять, но которое я отверг как инструмент, присвоенный *Ройз файненас*. Среди этих министров у кого-то могли быть деньги, которые они не могли использовать, а другие могли быть не в состоянии приступить к работе из-за нехватки фартинга. Не было общего центра, который объединял бы их движения, удовлетворял их потребности и руководил выполнением их мер”.

Император сказал, что должность государственного секретаря в точности подходит королям без талантов, но тщеславным, которые нуждались бы в помощи премьер-министра и не хотели бы ею владеть. “Если бы мой министр-статс-секретарь был назначен президентом государственного совета, “ сказал он, - с этого момента он был бы настоящим премьер-министром в полном соответствии с этим термином; поскольку он представил бы свои планы государственному совету, чтобы они были преобразованы в законы, и подписал бы их за принца. Не может быть никаких сомнений, что с манерами и привычками первой расы наших королей или с принцами, подобными им, мой государственный секретарь за очень короткое время стал бы мэром Дворца.”Дворец”.

ПЕРЕСМОТР ГЛАВ ОБ АРМИИ ИТАЛИИ.

22 день. —Император возобновил свои исследования, касающиеся Египта. Он дал мне просмотреть Страбона; это было издание, которое он заказал. Он высоко оценил заботу и усилия, приложенные к изданию, и сказал, что в его намерение входило предоставить нам со временем издания всех трудов древних через официальное посредство Института. Перед обедом император послал за мной и моим сыном и провел с нами по меньшей мере шесть часов, перечитывая и перерабатывая главы о Тальяменто, Леобене и Венеции.

В этих главах об Итальянской кампании все прекрасно. В том, что касается Тальяменто, мы видим, как одна-единственная диспозиция, составленная на берегах этой реки и едва замеченная, одно из тех движений, которые император называет *мыслью о битве*, неизбежно должна привести к воротам Вены.

Глава о Венеции написана в манере древних. Однако, кажется, что последняя прочитанная глава всегда доставляет наибольшее удовольствие.

Я был крайне нездоров и очень устал, не столько от переутомления, вызванного работой, сколько от телесного недомогания. В этот вечер мы развлекались, читая описание отъезда Улисса с острова Калипсо и его прибытия к феакийцам.

О ЧУВСТВЕННОСТИ. —О ЖИТЕЛЯХ ВОСТОКА И ЗАПАДА; О РАЗЛИЧИЯХ, НАБЛЮДАЕМЫХ Между НИМИ, И Т.д.

23d.— Этим утром император, беседуя в своей комнате, коснувшись нескольких тем, заговорил о чувствах и восприимчивости и, упомянув одного из нас, который, как он заметил, никогда не произносил имени своей матери, но со слезами на глазах, он сказал: “Но разве это не свойственно ему? Это общее чувство? Вы испытываете то же самое, или я неестественен в этом отношении? Я, конечно, люблю свою мать всем сердцем; нет ничего, чего бы я не сделал для нее, и все же, если бы я услышал о ее смерти, я не думаю, что мое горе проявилось бы хотя бы одной слезинкой; но я бы не стал утверждать, что это было бы так, если бы я потерял друга, или свою жену, или своего сына. Основано ли это различие на природе? Что может быть его причиной? Может быть, мой разум заранее подготовил меня к ожиданию смерти моей матери

как естественного хода событий, в то время как потеря моей жены или моего сына является неожиданным событием, испытанием, причиненным судьбой, с которым я пытаюсь бороться? Возможно также, что это различие просто проистекает из нашей естественной склонности к эгоизму. Я принадлежу своей матери, но моя жена и мой сын принадлежат мне". И он продолжал умножать доводы в поддержку своего мнения со своей обычной изобретательностью, в которой всегда было что-то оригинальное и поразительное.

Несомненно, что он был нежно привязан к своей жене и сыну. Те люди, которые служили в его доме, теперь сообщают нам, как он любил потакать своим чувствам привязанности к своей семье; и указывают на некоторые оттенки в его характере, о существовании которых мы в то время были далеки от подозрения.

Иногда он брал сына на руки и обнимал его с самыми пылкими проявлениями отцовской любви. Но чаще всего его привязанность проявлялась в игривом поддразнивании или причудливых проделках. Например, если он встречал своего сына в саду, он бросал его на землю или переворачивал его игрушки. Ребенка приносили к нему каждое утро во время завтрака, и тогда он редко обходился без того, чтобы не испачкать его всем, что находилось в пределах его досягаемости на столе. Что касается его жены, то здесь не проходило и дня, чтобы он не вовлекал ее в свои частные беседы; если они длились сколько-нибудь долго, она обязательно приходила, чтобы принять в них участие или стать их исключительной темой. Нет ни одного обстоятельства, ни одной мельчайшей детали, связанной с ней, которую он не повторял бы мне сто раз. Пенелопа, после десятилетнего отсутствия, чтобы убедить себя, что ее не обманули, задает Улисссу несколько вопросов, на которые он один может ответить. Что ж! Я думаю, что мне не составит труда вручить свои верительные грамоты Марии-Луизе.

В ходе вечерней беседы император, говоря о разных нациях, сказал, что ему известны только две — народы Востока и народы Запада. "Англичане, французы, итальянцы и т. Д., - сказал он, - составляют одну семью и образуют западное подразделение; у них те же законы, те же манеры, те же обычаи; и они полностью отличаются от жителей Востока, особенно в отношении своих женщин и прислуги. У жителей Востока есть рабы; наши слуги свободны; жители Востока запирают своих женщин; наши жены пользуются всеми нашими правами; жители Востока содержат сераль, но полигамия никогда и ни в какой период не допускалась на Западе. Есть и несколько других отличий, " сказал император. "Говорят, что их насчитывалось до восьмидесяти. Таким образом, жители Востока и Запада, - заметил император, - на самом деле являются двумя разными нациями: у жителей Востока все рассчитано на то, чтобы дать им возможность присматривать за своими женами и быть уверенными в них; все наши учреждения на Западе, напротив, стремятся лишить нас возможности присматривать за своими и сделать необходимым, чтобы мы полагались только на них. У нас каждый человек, который не хочет прослыть идиотом, должен иметь какое-то занятие; и пока он занимается своим делом или выполняет обязанности, вытекающие из его положения, кто будет присматривать за ним? Поэтому мы должны с нашими манерами полностью полагаться на честь наших женщин и безоговорочно доверять им. Что касается меня, - добродушно добавил он, - у меня были и жены, и любовницы; но мне никогда не приходило в голову применять какие-либо особые меры предосторожности для наблюдения за ними, потому что я думал, что с этими вещами дело обстоит так же, как со страхом перед кинжалами и ядом в определенных жизненных ситуациях; мучение от защиты от них больше, чем опасность, которой мы хотим избежать: лучше довериться своей судьбе.

“Однако решить, какой метод лучше - наш или восточных; хотя, вероятно, не для вас, леди”, - сказал он, бросив лукавый взгляд на тех, кто присутствовал. “И все же несомненно, что было бы очень большой ошибкой предполагать, что жители Востока имеют меньше удовольствий, чем мы, и менее счастливы, чем мы на Западе. На Востоке мужья очень любят своих жен, а жены очень привязаны к своим мужьям. У них столько же шансов на счастье, сколько и у нас, какими бы разными они ни казались; ибо у людей все условно, даже в тех чувствах, которые, можно было бы предположить, должны быть продиктованы одной только Природой. Кроме того, женщины на Востоке имеют свои права и привилегии, как и наши: запретить им ходить в общественную баню было бы так же невозможно, как запретить нашим женщинам ходить в церковь; и те и другие злоупотребляют этой свободой. Таким образом, вы видите, что воображение, чувства, добродетели и недостатки человеческой природы ограничены очень узкими рамками; и что одни и те же вещи, с небольшими исключениями и различиями, можно найти повсюду”.

Затем он приступил к объяснению или оправданию полигамии среди жителей Востока в очень остроумной манере. “Этого никогда не существовало,” сказал он, “на Западе: у греков, римлян, галлов, немцев, испанцев, бриттов никогда не было больше одной жены. С другой стороны, на Востоке многоженство существовало во все века: у евреев, ассирийцев, татар, персов, туркмен было по несколько жен. Откуда могло возникнуть это универсальное и неизменное различие? Было ли оно следствием случайности или простого каприза? Зависело ли это от физических причин у отдельных людей? Нет. Были ли женщины среди нас пропорционально менее многочисленны, чем в Азии? Нет. Были ли они более многочисленны на Востоке, чем мужчины? Нет. Были ли последние выше нас ростом или иначе сложены? Нет. Дело в том, что законодатель или та мудрость свыше, которая заменяет его, должна была руководствоваться силой обстоятельств, возникающих в соответствующих местах. Все люди Запада имеют одинаковую форму, одинаковый цвет кожи; они составляют лишь одну нацию, одну семью: как и в момент Сотворения Мира, было возможно назначить им только одного помощника — счастливый, достойный восхищения, благодетельный закон, который очищает сердце мужчины, возвышает положение женщины и обеспечивает обоим множество нравственных наслаждений!

“Жители Востока, с другой стороны, отличаются друг от друга так же сильно, как день и ночь, по своим формам и окрасам: они бывают белыми, черными, медного цвета, смешанными и т. Д. Первое, о чем следовало подумать, - это об их сохранении, об установлении между ними кровного братства, без которого они постоянно преследовали бы, угнетали, истребляли друг друга: этого можно было достичь только путем установления полигамии и предоставления им возможности иметь в одно и то же время белую, черную, мулатку и жену медного цвета. Различные окрасы, составляющие теперь часть одного и того же семейства, таким образом, смешались в привязанностях вождя и во мнениях каждой из самок относительно других.

“Магомет,” добавил он, “по-видимому, был знаком с этой тайной и руководствовался ею: иначе как случилось, что он, который так близко идет по стопам христианства и так мало отклоняется от него, не запретил многоженство? Вы ответите, что он сохранил это только потому, что его религия была полностью чувственной? В этом случае он разрешил бы мусульманам неопределенное количество жен, тогда как он ограничил их только четырьмя, что, по-видимому, подразумевает чернокожую, белую, меднокожую и смешанную.

Кроме того, пусть не думают, что эта милость закона применялась на практике ко всему народу; иначе у них у всех не было бы жен. Фактически, одиннадцать двенадцатых населения имеют только одного, потому что они не могут содержать больше, но многоженства у вождей достаточно для достижения великой цели: ибо смешения рас и цветов кожи, существующего посредством многоженства в высшем классе, достаточно для установления союза и совершенного равенства среди всех. Поэтому мы должны признать, - заключил он, - что если полигамия не была результатом политической комбинации, если своим возникновением она обязана только случаю, то этот случай в данном случае породил не меньше, чем совершенную мудрость ”.

Император сказал, что он серьезно думал о применении этого принципа к нашим колониям, чтобы согласовать благосостояние негров с необходимостью их трудоустройства. По его словам, он даже консультировался по этому вопросу со священнослужителями, чтобы выяснить, нет ли средств, учитывая местные обстоятельства, согласовать наши религиозные представления с этой практикой.

Император продолжал беседовать таким образом до глубокой ночи.

О ГОЛЛАНДИИ И КОРОЛЕ ЛЮДОВИКЕ.—ЖАЛОБЫ ИМПЕРАТОРА НА ЧЛЕНОВ ЕГО СЕМЬИ.—ДЕЛА ВЫСШЕЙ ПОЛИЦИИ И Т.Д.—ПИСЬМО КОРОЛЮ ЛЮДОВИКУ, БРАТУ ИМПЕРАТОРА.

24—го. - Император послал за мной около половины первого в свой кабинет. Наш разговор зашел о преемственности авторов, через которых до нас дошел свет истории с древнейших времен до наших дней. Это побудило его прочитать ту часть первой таблицы Исторического атласа, в которой дается их краткое изложение и представлено все в одном ракурсе.

Разговор зашел о разнообразии человеческого вида. Император послал за Бюффеном, чтобы пролить свет на этот вопрос, и некоторое время продолжал искать информацию по этому предмету.

Одевшись, император послал за моим сыном, и мы три или четыре часа проработали над главами Итальянской кампании.

Когда это было закончено, разговор на самые разные темы зашел о Голландии и короле Людовике, в отношении которых он сказал несколько вещей, достойных внимания.

“Людовик не лишен разума, ” сказал император, “ и у него доброе сердце; но даже обладая этими качествами, человек может совершить много ошибок и натворить много зла. Луи от природы склонен к капризности и фантазиям, и работы Жана-Жака Руссо способствовали усилению этой склонности. Стремясь снискать репутацию чувствительного и великодушного человека, сам по себе неспособного к широким взглядам и, самое большее, разбирающегося в местных деталях, Людовик действовал скорее как префект, чем как король.

“Как только он прибыл в Голландию, то, вообразив, что нет ничего прекраснее, чем заявить, что отныне он истинный голландец, он всецело примкнул к партии, благоприятствующей англичанам, способствовал контрабанде и, таким образом, потворствовал нашим врагам. С этого момента стало необходимым присматривать за ним и даже угрожать напасть на него. Тогда Людовик, ища убежища от слабости своего характера в самом упрямом упрямстве и

приняв публичный скандал за славный поступок, бежал со своего трона, выступая против меня и моего ненасытного честолюбия, моей невыносимой тирании. Что же тогда оставалось мне делать? Должен ли я был оставить Голландию нашим врагам? Должен ли я был дать ей другого короля? Но в таком случае мог ли я ожидать от него большего, чем от моего собственного брата? Разве всекороли, которых я создал, не действовали почти одинаково? Поэтому я присоединил Голландию к империи; и этот акт произвел самое неблагоприятное впечатление в Европе и немало способствовал тому, чтобы проложить путь к нашим несчастьям.

Людовик был рад взять Люсьена за образец: Люсьен действовал почти так же; и если позже он раскаялся и даже благородно загладил свои ошибки, такое поведение делало честь его характеру, но не могло привести к каким-либо благоприятным изменениям в наших делах.

“Он“По моем возвращении с Эльбы в 1815 году Людовик написал мне длинное письмо из Рима и направил ко мне посла. Это был его договор, сказал он, условия, на которых он вернется ко мне. Я ответил, что не буду заключать с ним никакого договора, что он мой брат и что, если он вернется, его хорошо примут.

“Поверят ли, что одним из его условий было право развестись с Гортензией? Я сурово упрекнул участника переговоров за то, что он осмелился выступить с таким абсурдным предложением и за то, что он поверил, что такая мера когда-либо может стать предметом переговоров. Я напомнил Луи, что наш семейный договор категорически запрещает это, и объяснил ему, что это не менее запрещено политикой, моралью и общественным мнением. Далее я заверил его, что, руководствуясь всеми этими мотивами, если бы его дети потеряли свое состояние по его вине, я был бы более заинтересован в них, чем в нем, хотя он и был моим братом.

“Возможно, капризному нраву Людовика можно было бы найти оправдание в плачевном состоянии его здоровья, возрасте, в котором оно пошатнулось, и ужасных обстоятельствах, которые вызвали это расстройство и которые, должно быть, оказали значительное влияние на его психику; в тот момент он был при смерти и с тех пор подвержен самым жестоким недугам: он почти парализован с одной стороны.

“Однако несомненно, ” добавил император, “ что я получил мало помощи от своей собственной семьи и что они нанесли серьезный ущерб мне и великому делу. Энергию моего характера часто превозносили; но я был простым молокососом, особенно по отношению к своей семье; и они хорошо знали это после того, как прошел первый момент гнева, они всегда отстаивали свою точку зрения настойчивостью и упрямством. Я устал от соревнования, и они делали со мной все, что им заблагорассудится. Это большие ошибки, которые я совершил. Если бы вместо этого каждый из них дал общий импульс различным организациям, которые я отдал под их руководство, мы бы двинулись к полюсам; все уступило бы нам дорогу; мы изменили бы лицо мира; Европа теперь пользовалась бы преимуществами новой системы, и мы получили бы благословения человечества! Мне не повезло так, как Чингисхану с его четырьмя сыновьями, каждый из которых соперничал с другим в рвении к службе. Не успел я сделать человека королем, как он уже возомнил себя королем *милостью Божьей*, настолько заразительно употреблено это выражение. Тогда он был уже не лейтенантом, на которого я мог положиться, а другим врагом, от которого я был обязан защищаться. Его усилия были направлены не на то, чтобы поддержать меня, а на то, чтобы сделать себя независимым. Все они сразу вообразили, что их обожают и отдают предпочтение мне. С того момента, как я встал у них на пути, я поставил под угрозу их существование! Законные монархи не вели бы себя иначе; не считали бы

себя более прочно обосновавшимися. Слабоумные люди! которые, когда я пал, имели случай убедить себя, что враг даже не оказал им чести потребовать отречения от своего достоинства или хотя бы намекнуть на это. Если они теперь подвергнуты личным ограничениям, если они подвергаются досаде, это должно исходить со стороны завоевателя из желания навязать вес власти или из низменного мотива удовлетворения своей мести. Если члены моей семьи вызывают большой интерес у человечества, то это потому, что они принадлежат мне и общему делу; но, несомненно, нет ни малейшей опасности того, что кто-либо из них произведет какое-либо движение. Несмотря на философию их несколько (по некоторым из них было сказано, по образу евнухов в Фобур Сен-Жермен, что они были *вынуждены* на княжение) свое падение, должно быть, путешественники почувствовали их, ибо они только приспособились к удовольствиям и удобствам их станции; все они были просто королями. Благодаря моим трудам все пользовались преимуществами королевской власти; я один познал ее заботы. Я все время нес мир на своих плечах, и это занятие, в конце концов, довольно утомительно.

“Возможно, меня спросят, почему я упорствовал в создании государств и королевств? Этого требовали нравы и положение Европы. Каждый раз, когда к Франции присоединялась еще одна страна, этот акт усиливал всеобщую тревогу, которая и без того царила, вызывая громкий ропот и уменьшая шансы на мир. Тогда почему, как будет сказано далее, я тешил себя тщеславием, возводя каждого члена своей семьи на трон? (ибо большинство людей, должно быть, думали, что мной движет только тщеславие:) почему я не остановил свой выбор на частных лицах, обладающих большими способностями? На это я отвечу, что дело не в тронах, а в функциях старосты; таланты и способности настолько распространены в наш век среди множества людей, что нужно быть осторожным, чтобы не пробудить идею соперничества. В условиях волнений, в которые мы были вовлечены, и при наших современных институтах было уместно думать скорее об объединении и концентрации наследственного права наследования, чтобы избежать бесчисленных распрей, фракций и несчастий. Если и был какой-то недостаток в моей личности и моем возвышении, согласующемся с планом вселенской гармонии, который я обдумывал ради всеобщего покоя и счастья, так это то, что я сразу выделился из толпы. Я чувствовал, что нахожусь в изоляции и одиночестве, и со всех сторон бросал якоря в окружавшее меня море. Где я мог более естественно искать поддержки, чем среди своих родственников? Мог ли я ожидать большего от незнакомцев? И следует признать, что если члены моей семьи имели глупость разорвать эти священные узы, то нравственность людей, превосходящая их слепую влюбленность, отчасти соответствовала моей цели. С ними их подданные считали себя более спокойными, более сплоченными, как в одной семье.

Итак, к действиям такой важности нельзя относиться легкомысленно; они были связаны с соображениями высшего порядка; они были связаны со спокойствием человечества, возможностью улучшения его положения. Если, несмотря на все эти меры, предпринятые с наилучшими намерениями, кажется, что никакого постоянного блага достигнуто не было, мы должны признать истинность этого великого принципа, что управлять очень трудно тем, кто хочет делать это добросовестно”.

Следующее письмо, датированное очень давним временем, прольет яркий свет на слова Наполеона, упомянутые несколькими страницами ранее, относительно поведения его брата в Голландии.

В более поздний период король Людовик опубликовал своего рода отчет о своем управлении, адресованный голландскому народу; после прочтения приведенного выше абзаца и сопроводительного письма особенно интересно ознакомиться с этим документом короля Людовика, чтобы иметь возможность составить мнение по этому вопросу, основанное на должном знании всех обстоятельств.

“Марахский замок, 3 апреля 1808 года.

“Сэр и брат. Час назад одитор доставил мне вашу депешу, датированную 22 марта. Я посылаю курьера, который доставит это письмо вам в Голландию.

“Использование вами привилегии милосердия не может не привести к очень плохим последствиям. Эта привилегия является одним из самых прекрасных и благородных атрибутов суверенной власти. Чтобы не дискредитировать его, оно должно использоваться только в тех случаях, когда королевское милосердие не наносит ущерба целям правосудия, или когда оно рассчитано на то, чтобы создать впечатление, что является результатом великодушных чувств. Настоящее дело касается нескольких бандитов, которые напали на нескольких сотрудников таможни и убили их с намерением впоследствии беспрепятственно заниматься контрабандой. Эти люди приговорены к смерти; и ваше Величество проявляет к ним королевскую милость ... к кучке убийц, к людям, которых никто не может пожалеть. Если бы они были пойманы на месте преступления при провозе контрабанды; если бы, защищаясь, они убили кого-нибудь из офицеров, тогда вы, возможно, приняли бы во внимание положение их семей и свое собственное; и показали бы пример своего рода отцовских чувств, изменив суровость закона, смягчив наказание. Именно в случаях осуждения за нарушения налогового законодательства, особенно в случаях осуждения за политические преступления, хорошо применяется милосердие. В этих вопросах принцип заключается в том, что, если нападению подвергается Суверен, есть определенное великодушие в помиловании преступника. При первом сообщении о деле такого рода симпатии общественности немедленно возбуждаются в пользу преступника, а не того, кто должен понести наказание. Если князь отменяет приговор, народ считает его выше совершившего преступление, и общественный шум направлен против тех, кто его оскорбил. Если он следует противоположной системе, его считают мстительным и тираническим. Если он прощает ужасные преступления, на него смотрят как на слабака или им движут дурные намерения.

“Не воображайте, что привилегией милосердия всегда можно пользоваться без опасности, и что общество всегда будет одобрять ее проявление в Суверене. Суверена обвиняют, когда он применяет его в пользу убийц или крупных злоумышленников, потому что тогда это становится вредным для интересов общества. Вы слишком часто и в слишком многочисленных случаях проявляли королевскую милость. Нельзя прислушиваться к доброте вашего сердца, когда это может нанести ущерб вашему народу. В деле с евреями я поступил бы так же, как вы; но в деле с мидделбургскими контрабандистами я ни в коем случае не стал бы их прощать. Многие причины должны были побудить вас пустить правосудие на самотек и привести пример казни, которая произвела бы превосходный эффект предотвращения многих преступлений благодаря тому ужасу, который она вызвала бы. Государственные служащие убиты посреди ночи — убийцы осуждены. Ваше Величество заменяет смертную казнь несколькими годами тюремного заключения! Насколько это не приведет в уныние всех лиц, занятых сбором вашего дохода! Политический эффект, произведенный этим, также очень плох по следующим причинам: —

Голландия была каналом, через который Англия в течение многих лет поставляла свои товары на Континент. Голландские купцы получили огромные прибыли от этой торговли; и это причина, почему голландская нация равнодушна к Англии и любит контрабанду, и почему она ненавидит Францию, которая запрещает контрабанду и выступает против Англии. Милосердие, которое вы проявили к этим контрабандистам и убийцам, является своего рода комплиментом, который вы сделали вкусу голландцев к контрабанде. Вы, по-видимому, выступаете заодно с ними, — и против кого? Против меня.

“Голландцы любят вас: ваш нрав дружелюбен, ваши манеры неизменны, и вы управляете ими в соответствии с их склонностями; но вы бы с пользой использовали то, чем вы обладаете, если бы показали, что решительно настроены пресекать контрабанду, и если бы вы открыли им глаза на их истинные интересы: тогда они подумали бы, что система запрета хороша, поскольку ее соблюдает король. Я не вижу, какую выгоду ваше величество может извлечь из популярности, которую вы приобрели бы за мой счет. Конечно, Голландия уже не та, какой она была во времена Рисвикского мирного договора; и Франция не находится в том положении, в котором она находилась в последние годы правления Людовика XIV. Следовательно, если Голландия не в состоянии следовать системе политики, независимой от политики Франции, она должна выполнить условия альянса.

“Государи должны учитывать свою политику не только в настоящем; будущее также должно быть объектом их рассмотрения. Какова на данный момент ситуация в Европе? С одной стороны, Англия, которая обладает, благодаря своим единственным усилиям, властью, которому до сих пор был вынужден подчиняться весь мир. С другой стороны, Французская империя и Континентальные государства, которые, укрепленные союзом своих держав, не могут согласиться с этим превосходством, осуществляемым Англией. У этих государств были также свои колонии и морская торговля; они обладают протяженностью побережья, гораздо большей, чем Англия; но они стали разобщенными, и Англия атаковала морскую мощь каждого в отдельности: Англия одерживала победы на всех морях, и все флоты были уничтожены. Россия, Швеция, Франция и Испания, обладающие такими достаточными средствами для того, чтобы иметь корабли и матросов, не осмеливаются выслать эскадру из своих портов. Следовательно, Европа больше не может ожидать своей морской эмансипации и системы мира, которая может быть установлена только по воле Англии, от конфедерации морских держав — конфедерации, которую, к тому же, было бы невозможно поддерживать из-за удаленности и вмешательства различных интересов каждой из них в интересы других.

“Я желаю мира; я желаю добиться его любыми средствами, совместимыми с достоинством могущества Франции; ценой любых жертв, которые может позволить наша национальная честь. С каждым днем я все больше и больше чувствую, что мир необходим; и правители Континента так же стремятся к миру, как и я. Я не испытываю страстного предубеждения против Англии; я не питаю к ней непреодолимой ненависти: она придерживалась против меня системы отталкивания; я принял против нее континентальную систему не столько из зависти к честолюбию, как предполагают мои враги, но для того, чтобы поставить Англию перед необходимостью улаживать наши разногласия. Пусть Англия будет богатой и процветающей; меня это не касается, при условии, что Франция и ее союзники будут пользоваться теми же преимуществами.

“Континентальная система не имеет, следовательно, никакой другой цели, кроме как приблизить момент, когда общественные права Европы и Французской империи будут окончательно установлены. Правители Севера строго соблюдают систему запретов, и это принесло большую пользу их торговле: мануфактуры Пруссии теперь могут конкурировать с нашими. Вам известно, что Франция и все побережье, которое сейчас составляет часть империи, от Лионского залива до оконечности Адриатики, строго закрыты для продукции иностранной промышленности. Я собираюсь принять меры в отношении дел Испании, результатом которых будет отторжение Португалии от Англии и подчинение всего побережья Испании на обоих морях влиянию политики Франции. Тогда побережье всей Европы будет закрыто для Англии, за исключением побережья Турции, которое меня не волнует, поскольку турки не торгуют с Европой.

“Разве вы не понимаете из этого заявления фатальных последствий, которые могли бы возникнуть в результате льгот, предоставленных Голландией англичанам для ввоза их товаров на континент? Они позволили бы Англии взимать с нас субсидии, которые она впоследствии предложила бы другим державам для борьбы против нас. Ваше величество так же, как и я, заинтересованы в том, чтобы защититься от коварной политики английского кабинета. Еще несколько лет, и Англия будет желать мира так же сильно, как и мы. Понаблюдайте за ситуацией в вашем королевстве, и вы увидите, что система, о которой я говорю, более полезна для вас, чем для меня. Голландия - морская и торговая держава; она обладает прекрасными морскими портами, флотом, матросами, искусными командирами и колониями, которые метрополии ничего не стоят; и ее жители разбираются в торговле так же хорошо, как англичане. Разве Голландия, следовательно, не заинтересована в защите всех этих преимуществ? Не может ли мир вернуть ей положение, которое она занимала раньше? Допустим, что ее положение может быть болезненным в течение нескольких лет; но разве это не предпочтительнее, чем сделать короля Голландии простым губернатором Англии, а Голландию и ее колонии - вассалами Великобритании? И все же защита, которую вы предоставили бы английской торговле, привела бы к такому результату. Примеры Сицилии и Португалии все еще перед вашими глазами.

“Ждите результатов хода времени. Вы хотите продавать свои души, а Англия хочет их покупать. Укажите место, куда английские контрабандисты могут прийти и забрать их; но пусть они платят за них деньгами, а не товарами, *решительно никогда!* Наконец-то должен быть заключен мир; и тогда вы заключите торговый договор с Англией. Я, возможно, также заключу такой же с ней, но в котором наши взаимные интересы будут взаимно гарантированы. Если мы должны позволить Англии осуществлять своего рода господство на море, господство, которое она купила ценой своих сокровищ и своей крови и которое является естественным следствием ее географического положения и ее владений в трех других частях земного шара, то, по крайней мере, наши флаги будут свободно появляться в океане, не подвергаясь оскорблениям, и наша морская торговля перестанет быть разорительной. В настоящее время мы должны направить наши усилия на то, чтобы помешать Англии вмешиваться в дела Континента.

“Размышления о милости, которую вы оказали, привели меня к вышеупомянутым деталям, и я остановился на них, потому что опасался, что ваши голландские министры могут внушить вашему величеству ложные представления.

“Я хочу, чтобы вы серьезно поразмыслили над содержанием этого письма и превратили различные темы, которые в нем рассматриваются, в предмет обсуждения ваших советов, с тем

чтобы ваши министры могли придать надлежащее направление своим мерам. Франция ни под каким предлогом не позволит Голландии отделиться от континентальной системы.

“Что касается этих контрабандистов, то, поскольку вина была совершена, ее нельзя исправить. Однако я советую вам не оставлять их в тюрьме Мидделбурга; это слишком близко от места, где было совершено преступление: отправьте их в самую отдаленную часть Голландии. Настоящее, не имеющее другого объекта, и т. Д.

(Подпись) “Наполеон”.

Во время обеда император спросил своего конюха, как поживает его лошадь; конюх ответил, что она хорошо накормлена, в хорошем настроении и в отличном состоянии. “Я надеюсь, что он не жалуется на меня,” сказал император. “Если когда-либо хорс и вел жизнь каноника, то, несомненно, это так”. Прошло уже два или три месяца с тех пор, как император ездил верхом.

РВЕНИЕ К РАБОТЕ.—ИДЕИ И ПЛАНЫ НАПОЛЕОНА В ОТНОШЕНИИ НАШЕЙ ИСТОРИИ И С.—ОБ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТАХ И С.—М. МЕНЕВАЛЬ; ЛЮБОПЫТНЫЕ ПОДРОБНОСТИ.

25-27-е. Император в последние несколько дней был удивительно усерден. Все наше утро было потрачено на исследования, касающиеся Египта, в трудах древних авторов. Мы просмотрели Геродота, Плиния, Страбона и других авторов вместе, без какого-либо перерыва, кроме того, который потребовался нам для завтрака, который был подан на его маленьком столике. Погода по-прежнему была неблагоприятной, и император диктовал свои условия каждый день.

За ужином он сказал нам, что чувствует себя намного лучше, и тогда мы заметили ему, что в последнее время, однако, он не выходил из дома и был занят по восемь, десять или двенадцать часов в день. “Это и есть та самая причина, по которой я стал лучше, - сказал он. - Профессия - моя стихия; я был рожден и создан для нее. Я нашел пределы, за которыми я не мог использовать свои ноги; я видел, до какой степени я мог бы использовать свои глаза; но я никогда не знал никаких границ своим возможностям применения. Я чуть не убил беднягу Меневаль; я был вынужден освободить его на время от обязанностей, связанных с его положением, и поместить для поправления здоровья поближе к Марии Луизе, где его должность была простой синекурой”.

Император добавил, что, будь он в Европе и имея он досуг, ему доставило бы удовольствие писать историю. Он посетовал на то, что везде история пишется очень равнодушно. Исследования, которыми он в последнее время занимался, доказали ему этот факт в такой степени, о какой он и подозревать не мог.

“У нас нет хорошей истории, - заметил он, - и не могло быть никакой; и другие народы Европы находятся почти в том же затруднительном положении, что и мы. Монахи и привилегированные лица, то есть люди, дружелюбно относящиеся к злоупотреблениям и враждебно относящиеся к информации и обучению, монополизировали эту отрасль письма; они говорили нам то, что считали нужным, или, скорее, то, что отвечало их интересам, удовлетворяло их страсти или совпадало с их собственными взглядами!— Он составил, ” сказал он, “ план по максимально возможному устранению зла; он намеревался, например, назначить комиссии из Института или ученых мужей, на которых общественное мнение могло бы указать ему, для пересмотра, критики

и переиздания наших летописей. Он также хотел бы дополнить комментарии к классическим авторам, которые попали в руки нашей молодежи, чтобы объяснить их применительно к нашим современным институтам. При хорошей программе, соревновании и наградах эта цель была бы достигнута; всего, - сказал он, - можно добиться такими средствами”.

Затем он повторил то, о чем, по-моему, я упоминал ранее, а именно, что его намерением было написать историю последнего правления наших королей на основе подлинных документов, хранящихся в архивах нашего Министерства иностранных дел. В Императорской библиотеке также было несколько рукописей, как древних, так и современных, которые он намеревался напечатать, классифицировав и объединив их под разными заголовками, чтобы сформировать кодексы доктрин о науке, морали, литературе, изобразительном искусстве и т.д.

По его словам, у него было несколько других планов аналогичного характера. И можно ли считать какой-либо другой период столь же благоприятным для осуществления таких планов? Когда в одном и том же человеке снова соединятся гений замысла и сила для их осуществления?

Чтобы проконтролировать производство огромного количества некачественных работ, которыми была завалена публика, не ущемляя, однако, свободу прессы, он спросил, какие могли быть возражения против формирования трибунала мнений, состоящего из членов Института, сотрудников Университета и лиц, назначенных правительством, который исследовал бы все работы со ссылкой на эти три точки зрения: науку, мораль и политику; который критиковал бы их и определял степень заслуг, которыми обладает каждая. Этот трибунал был бы светом общественности; он действовал бы как гарантия в пользу произведений, обладающих реальными достоинствами, гарантировал бы их успех и, таким образом, вызывал подражание; в то время как, напротив, он неизбежно препятствовал бы публикации произведений более низкого качества.

Все наши вечера были посвящены "Одиссее", от которой мы в восторге. Полифем, Тиресий и Сирены совершенно очаровали нас.

Следующие подробности относятся к месяцу Меневалю, на которого император ссылался выше; они будут считаться бесценными, поскольку помогут представить Наполеона в сфере его частной жизни.

Император, будучи первым консулом, жаловался, что у него нет секретаря. Он только что расстался с тем, который был у него во время походов в Италию и экспедиции в Египет; это был старый товарищ императора по колледжу, человек умнейший, к которому он был очень привязан; но он был вынужден расстаться с ним. Затем его брат Жозеф предложил ему своего личного секретаря, который у него был совсем недолго: Наполеон принял предложение и приобрел сокровище. С тех пор император повторял это несколько раз. Это был Меневаль, которого он с тех пор произвел в бароны, *мэтр Реквием* и секретарь командования при императрице Марии Луизе..

Титул Меневалья, когда он был прикреплен к первому консулу, был "Секретарь портфеля"; в отношении него было даже специально издано пространное постановление, основной статьей которого было то, что он никогда, ни под каким предлогом, не должен был иметь секретаря или нанимать помощника; это условие строго соблюдалось.

Месье Меневаль был человеком с мягкими и сдержанными манерами, очень сдержанным, работающим в любое время суток. У императора никогда не было причин быть недовольным им, и он был очень к нему привязан. В ведении секретаря Портфеля обычно находились все текущие дела, все дела, возникшие в результате внезапной чрезвычайной ситуации или внезапной мысли. Сколько дел, планов и концепций было обсуждено и передано через его посредство! Он вскрывал и читал все письма, адресованные императору; классифицировал их для рассмотрения императором и писал под его диктовку.

Император диктовал так быстро, что чаще всего в целях экономии времени Секретарю приходилось стараться запомнить слова, а не пытаться записать их в тот момент, когда они произносились. В этом Меневаль особенно преуспел. Со временем Меневалю было разрешено самому отвечать на многие вопросы. Он мог бы легко приобрести большое влияние, но не в его характере было стремиться к нему.

Император почти всегда находился в своем кабинете; можно сказать, что он проводил там весь день и часть ночи. Обычно он ложился спать в десять-одиннадцать часов и снова вставал около двенадцати, чтобы поработать еще несколько часов. Иногда он посылал за месье Меневалем, но чаще всего этого не делал; и, зная о его рвении, он иногда говорил ему: “Ты не должен убивать себя”.

Когда император утром зашел в свой кабинет, он обнаружил пачки бумаг, уже разложенных и подготовленных для него Меневалем, который был там до него. Если император иногда пропускал двадцать четыре часа или два дня, не вдаваясь в подробности, его секретарь напоминал ему об этом и говорил, что он позволит перегружать себя массой бумаг, которые накапливаются, и что шкаф скоро будет полон ими. На это император обычно добродушно отвечал: “Не беспокойтесь, все скоро прояснится”; и так оно и было на самом деле, ибо через несколько часов император отправил все ответы и был доволен текущим делом. Это правда, что он прошел через многое, не отвечая на многие вопросы и отбрасывая все, что считал бесполезным, даже когда это исходило от его Министров. К этому они привыкли, и когда ответа не последовало, они поняли, что это значит. Он сам читал все письма, которые были ему адресованы; на некоторые он отвечал, написав несколько слов на полях, а другим диктовал ответ. Те, которые имели большое значение, всегда откладывались, перечитывались во второй раз и не получали ответа до тех пор, пока не проходило некоторое время. Выходя из своей каморки, он обычно перечислял те дела, которые имели наибольшее значение, и назначал час, к которому они должны быть готовы для него, что всегда выполнялось пунктуально. Если в этот час император не приходил, г-н Меневаль ходил за ним с места на место по дворцу, чтобы напомнить ему об этом. В некоторых из этих случаев император шел и улаживал дело, в других случаях он говорил: “Завтра; ночь - хороший советчик”. Это была его обычная фраза; и он часто говорил, что действительно работал ночью гораздо усерднее, чем днем; не потому, что мысли о делах мешали ему спать, а потому, что он спал с перерывами, в зависимости от того, как ему хотелось отдохнуть, и ему хватало немного.

Часто случалось, что императора во время его кампаний внезапно будили по какой-нибудь чрезвычайной ситуации; тогда он немедленно вставал, и по выражению его глаз было невозможно догадаться, что он только что спал. Затем он высказал свое решение или продиктовал свой ответ с такой же ясностью и с таким же свободным и невозмутимым умом, как и в любой другой момент. Это он называл *послеполуночным присутствием духа*; и он обладал

им в самой экстраординарной степени. Иногда случалось, что его вызывали, возможно, раз десять за одну ночь, и каждый раз обнаруживалось, что он снова засыпает, еще не отдохнув положенное количество времени.

Хвастаясь однажды одному из своих министров (генералу Кларку) своей способностью спать почти в свое удовольствие и тем, как мало ему требуется отдыха, Кларк ответил шутливым тоном: “Да, сир, и это является источником мучений для нас, потому что часто это происходит за наш счет; иногда мы получаем свою долю удовольствия”.

Император все делал сам и через посредничество своего Кабинета. Он назначал на все вакантные должности и чаще всего заменял новыми именами тех, кого ему предлагали. Он читал планы своих министров, принимал, отклонял или изменял их. Он даже процитировал записки своего министра иностранных дел, которые продиктовал Меневалю, от которого ничего не скрывал. Именно через Меневаля он также писал различным государям; обращаясь к ним, он придерживался формулы, которую вывел из отчетов прежних времен и строгому соблюдению которой придавал большое значение. Все министры вместе вели дела с императором в один день недели, назначенный для этой цели, если только что-нибудь не мешало этому. Дело каждого министра рассматривалось в присутствии всех остальных, которым было позволено высказать свое мнение относительно него, и каждый из них таким образом опустошал свой портфель. Был составлен реестр обсуждений, который, должно быть, состоит из многих томов. Те документы, по которым было принято решение, были оставлены для проставления подписи, что было сделано через посредство государственного секретаря, который их скрепил. Иногда некоторые из этих документов, после принятия по ним такого решения, все же отправлялись в кабинет императора для пересмотра и модификации, прежде чем под ними ставилась подпись. Министр иностранных дел был единственным, кто, независимо от его участия в общих делах, которыми занимались другие министры, имел, кроме того, в силу секретного характера своих функций, другие дела, которые следовало обсудить с глазу на глаз с императором.

Одному из любимых адъютантов императора было поручено все, что касалось *персонала* военного министерства. Долгое время этот конфиденциальный пост занимал Дюрок, затем Бертран и Лористон; последним его занял граф Лобау.

Г-н Мeneваль, находясь в очень слабом состоянии здоровья, измученный работой и нуждающийся в некотором перерыве в отдыхе, император дал ему место при дворе императрицы Марии Луизы, что было, по его словам, настоящей синекурой. Однако император расстался с ним только при условии, что он вернется к нему, как только поправится; и он неизменно напоминал ему об этом каждый раз, когда видел его.

После ухода Меневаля на пенсию делами кабинета императора перестал руководить только один человек; у Меневаля одновременно сменилось очень много преемников, и кабинет превратился в своего рода канцелярию, в которой работали несколько человек. Один из этих людей, которого император взял по рекомендации других, которые думали, что могут отвечать за него, как за себя, получил приказ во время бедствий 1814 года сжечь документы, находившиеся в шкафу; но вместо того, чтобы подчиниться этому приказу, он настолько забыл свой долг, что забрал их с собой; и после реставрации короля он написал одному из своих министров, чтобы передать их ему. Император нашел доказательство его предательства среди бумаг, оставленных в Тюильри 20 марта; и однажды утром, зайдя в свой кабинет до прихода

кого—либо, он несколько раз написал на листе бумаги, как будто пробуя свое перо: "*Такой-то (называя его по имени) - предатель*"-*Такой-то - предатель*"; и положил листок на стол, где сидел один из тех, кто рекомендовал его, и который сам, по словам императора, был человеком, на рвение и верность которого можно было положиться". быть размещенным. Это был единственный упрек, который он когда-либо адресовал ему, и единственная месть, которую он когда-либо осуществлял обидчику.

Таким образом, до сих пор можно найти несколько следов и должно существовать несколько документов о делах, которые велись в кабинете императора. Некоторые из этих документов упоминались в ходе дебатов в британском парламенте; но Наполеон торжественно заявил по возвращении 20 марта прошлого года, что эти документы были сфальсифицированы. И это не единственные документы, которые остались от той приснопамятной администрации.

Там должно быть двадцать или тридцать томов в виде фолиантов и столько же in quarto, содержащих переписку о кампаниях в Италии и Египте, собранную и систематизированную.

Должно быть также около шестидесяти или восьмидесяти томов в виде фолиантов с отчетами о заседаниях Совета министров, собранными государственными секретарями, герцогом Бассано и графом Дару; и, наконец, протоколы заседаний ~~the~~[the](#) Государственного совета, составленные и упорядоченные месье Локре.

Это настоящие и гордые титулы славы Наполеона. По этим бессмертным памятникам все последующие правительства строили и направляли свою администрацию; и от них все будущие правительства каждой страны отныне неизбежно будут искать и черпать информацию: настолько надежными и прочными были заложенные им основы — так разумно расставлены ориентиры — так глубоки корни — одним словом, все это несет на себе печать гениальности, а также характер честности и долговечности.

ЗАМЕЧАНИЯ ИМПЕРАТОРА Относительно МОЕЙ ЖЕНЫ. — ПОД ДИКТОВКУ ИМПЕРАТОРА ДЛЯ ДРУГОЙ ЧАСТИ ЕГО МЕМУАРОВ.

28-го.—Император воспользовался сегодня хорошей погодой, чтобы дважды прокатиться в коляске: он сказал, что ему нужна небольшая встряска. Его левая щека все еще была опухшей. Около трех часов он вернулся; вскоре после этого, от нечего делать, он послал за мной, и мы некоторое время гуляли по саду. Увидев Доктора, он поманил его к себе. К нам подошел Доктор, и от него Наполеон узнал, что русские и австрийские комиссары прибыли накануне к въезду в Лонгвуд, от которого их прогнал центр, установленный губернатором.

Когда мы остались одни, император, поговорив на самые разные темы, заговорил о моей жене, высказывая предположения о том, чем она могла заниматься, что с ней стало и т.д.

“Нет никаких сомнений, ” сказал он вскоре после этого, “ что ваше положение на острове Святой Елены вызывает живой интерес и должно способствовать тому, что люди будут стремиться к обществу вашей жены. Все, что связано со мной, по-прежнему дорого многим людям. Из этого камня я по-прежнему дарю короны!... Да, мои дорогие друзья, когда вы вернетесь в Европу, вы обнаружите, что коронованы!”

Затем, снова заговорив о моей жене, он сказал с выражением величайшей доброты: “Лучшее, что она могла бы сделать, - это поехать и провести время разлуки с вами с мадам или с кем-

нибудь из других членов моей семьи. Они, несомненно, испытали бы большое удовольствие, заботясь о ней” и т.д.

Когда мы вернулись в дом, император сел за работу. Кампания в Италии была почти закончена, но он предоставил мне новую тему.

“Обратите внимание, напишите” — вот слова, которые император произнес внезапно, когда ему в голову пришла новая идея. Далее следует буквально то, что он продиктовал мне в данном случае: в нем ничего не было изменено, и он никогда не перечитывал его.

“Примечание.—Поскольку кампания в Италии завершена, Лас Кейсес в течение недели охватит период от разрыва Амьенского мирного договора до битвы при Йене. В 1802 году во всей Европе царит мир; вскоре после этого вся Европа начинает войну: республика меняется и становится Империей; морской вопрос становится главной причиной разрыва Амьенского мира.

“Дела Лас начнутся с того, что малыш Эмануэль под его руководством сделает выписки из “Монитор” того времени: он должен просматривать по крайней мере шесть-семь страниц в день, что составит сто восемьдесят, или период в шесть месяцев за один месяц.— Должен быть выделен по крайней мере шестимесячный период, прежде чем мы начнем.

“Периоды, предшествующие и следующие за этим периодом, будут подготовлены и организованы другими джентльменами. При составлении выписок необходимо следовать плану, уже предписанному месяце Монтолону, то есть извлекать все, что относится к одному событию, со ссылкой на страницу и месяц.

Ниже будут приведены основные события этого периода:—

- “1-я часть Истории флотилии.
- “2-е, Декларация Австрии.
- “3d, Передвижения флотов.
- “4-я Трафальгарская битва.
- “5—й, Ульм-Аустерлиц.
- “6-е, Венский мир.
- “7-е, Переговоры с лордом Лодердейлом в Париже.
- “8-е, битва при Йене.
- *“Должны быть вставлены в соответствующие места:—*
- “1-й, Заговор Жоржа.
- “2-е, Дело герцога Энгиенского”.
- “3-е, Коронация императора папой римским.
- - 4-я имперская организация.

“Это будет один из самых славных периодов в истории Франции; ибо в течение одного года, с одной стороны, папа приезжает во Францию, чтобы короновать императора, — событие, которого не было тысячу лет назад; а с другой стороны, французский флаг развевается над столицами Австрии и Пруссии, Римская империя распадается, а прусская монархия уничтожена”.

Я с удовольствием дословно переписываю вышеприведенную диктовку императора с его первыми идеями и в его первых словах, чтобы показать его стиль и манеру поведения.

Легко представить, с каким усердием и ревностью и я, и мой сын посвятили себя этой нашей задаче, важность которой мы полностью оценили. Мы еще не закончили анализ наших шести месяцев, когда меня оторвали от Лонгвуда.

НА ЯМЕ В САДУ.

29—го.- Во время обеда кто-то упомянул о пруде, который находится в нашем саду, недалеко от дома, и который достаточно глубок, чтобы в нем мог утонуть ягненок, пытавшийся напиться. Император сказал по этому поводу одному из обитателей дома: “Возможно ли, сэр, что вы еще не наполнили этот бассейн? Как бы вы были виноваты и каким бы не было ваше горе, если бы ваш сын утонул в нем, а это легко может случиться!” Человек, подвергнутый такому порицанию, ответил, что он часто намеревался это сделать, но было невозможно нанять рабочих. “Это не оправдание, - резко сказал император. - Если бы здесь был *мой* сын, я бы пошел и засыпал его собственными руками”.

Император был уже в постели, когда послал за мной: по его словам, он хотел задать мне несколько вопросов и узнать о некоторых датах, связанных с делами, которые касались нас материально.

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ДИКТОВКИ ИМПЕРАТОРА.—ХАРАКТЕРНЫЕ ДЕТАЛИ И КОНКРЕТИКИ.

30—е. -Всякий раз, когда император касался какой-либо темы, если он был хоть немного оживлен, его язык был пригоден для печати. Он часто, когда его осенила какая-нибудь идея, небрежно диктовал любому из нас, кто случайно оказывался у него на пути, страницы с самой отточенной дикцией. У других джентльменов из его свиты, должно быть, есть великое множество таких диктовок, и все они очень ценны. К несчастью для меня, слабое состояние моих глаз, которое мешало мне писать, чаще всего лишало меня этого преимущества.

Однажды, когда в английских министерских газетах появились объявления о сокровищах, которыми должен обладать Наполеон и которые он, без сомнения, спрятал, император продиктовал следующее:

“ Вы хотите узнать о сокровищах Наполеона? Они огромны, это правда, но все они выставлены на свет. Они: благородный порт Антверпен и промывки, которая способна удерживать крупнейших флотов и защиты их от льдов из моря,—гидравлический работает в Дюнkerке, Гавре, и приятно,—огромной гавани Шербурга,—в морском работает в Венеции,—прекрасные дороги от Антверпена до Амстердама; у Mentz был в Мец; от Бордо до Байонны;—перевалы Симплон, Мон-Сени, Мон-Genevre, Ла-Корниш, что открыть коммуникации через Альпы в четырех разных направлениях; и количество которых превышает в величии, в смелости и мастерству исполнения, все дела римлян: в одиночку вы найдете восемьсот миллионов;—дороги от Пиренеев до Альп, от Парма в Spezzia, из Савона в Пьемонте,—мосты иене,

Аустерлице, искусство, Севр, туры, Rouanne, Лион, Турин, из Изер, Дюранс, Бордо, Руана, и т. д.—канал, который соединяет Рейн и Рона с ДУ, и таким образом объединяет в Северном море со Средиземным; канал, который соединяет реки Шельда с Сомме, и, таким образом, соединяет Париж и Амстердам; в-канал, который объединяет Ранс с Вилен; канал отАрля, что Павии, и канал Рейн—осушение болот Burgoing, из Котантена, из Рошфор—восстановление большее число церквей, разрушенных во время революции—здание универсальным ассортиментом—множество предприятий промышленности для подавления нищенство—работы в Лувре—строительство складов, Банка, канал Урк—распределение воды в г. Париж—многочисленные коллекторов, Набережных, украшения, и памятникам, что крупный капитал—работы по украшению Рима—восстановление производители Лиона—создание многих сотен хлопчатобумажных мануфактур для прядения и ткачества, в которых трудятся несколько миллионеровуках—средств, накопленных для создания свыше 400 мануфактурное производство сахара из сахарной свеклы-корень, по потреблению частью Франции, и что бы обстановка сахара по той же цене, Вест-Индии, если они по-прежнему получают поощрение лишь на четыре года дольше—замена Вайды для индиго, который бы, наконец, принесли к равноценных по своему качеству, и не превышают в цене, индиго из колонии—многочисленные мануфактуры для всех видов предметами искусства, и т. д.—пятьдесят миллионов израсходовано на ремонт и украшение дворцов, принадлежащих короне—шестьдесят миллионов мебель для дворцов, принадлежащих короне во Франции и в Голландии, в Турине и в Риме—шестьдесят миллионов в бриллиантах короны, все купленные с Наполеоном деньги—*Регент* (единственный алмаз, который был оставлен принадлежащий экс-алмазы, короны) изъят из рук евреев в Берлине, с кем он был в залоге в три миллиона—наполеоновский музей, стоимостью свыше четырехсот миллионов, наполненного объектами, законно приобретено либо на деньги, либо мирные договоры известны на весь мир, благодаря которому шедевры содержит дали взамен территории, или вклад—несколько миллионов нажил за поддержку сельского хозяйства, которое является основным критерием для интересов Франции—Введение во Францию мериносов, и т. д.--они образуют сокровище в несколько тысяч миллионов, который простоят века! это памятники, которые опровергнут клевету!”

История скажет, что все это было достигнуто в условиях непрекращающихся войн, без обращения к каким-либо займам, в то время как государственный долг даже уменьшался с каждым днем, и что было перечислено почти пятьдесят миллионов налогов. Очень большие суммы все еще оставались в его личной казне; они были гарантированы ему Фонтенблоским мирным договором в результате экономии, произведенной в его гражданском списке, и других его частных доходов. Эти суммы были разделены и не поступили полностью ни в государственную казну, ни в казну Франции!!

В другой раз император прочитал в английской газете, что лорд Каслри сказал на встрече в Ирландии, что Наполеон заявил на острове Святой Елены, что он никогда не заключил бы мира с Англией, если бы не хотел обмануть ее, заставить врасплох и уничтожить; и что если французская армия была подчинена императору, то только потому, что у него была привычка выдавать дочерей богатейших семей своей империи замуж за своих солдат: император, охваченный негодованием, продиктовал следующее: “Эта клевета, произнесенная против человека, который является столь варварски угнетенным, чьему голосу не позволено быть услышанным в ответ на них, не поверят все хорошо образованные и восприимчивые к чувствам люди. Когда Наполеон восседал на первом троне в мире, тогда, без сомнения, его враги имели право говорить все, что им заблагорассудится; его действия были публичными и были

достаточным ответом им; во всяком случае, такое поведение теперь принадлежит общественному мнению и истории; но произносить новую и гнусную клевету против него в настоящий момент - это акт крайней подлости и трусости, который не отвечает намеченной цели. Миллионы пасквилей публиковались и продолжают публиковаться каждый день, но они не имеют никакого эффекта. Шестьдесят миллионов людей из самых образованных наций мира поднимают свой голос, чтобы опровергнуть их, и пятьдесят тысяч англичан, которые сейчас путешествуют по Континенту, по возвращении домой расскажут правду жителям трех королевств Великобритании, которые покраснеют от того, что были так грубо обмануты.

Что касается Законопроекта, в силу которого Наполеон был взят на эту скалу, то это акт запрета, аналогичный акту Суллы, но еще более жестокий. Римляне безжалостно преследовали Ганнибала до самых пределов Вифинии; и Фламиний убедил царя Пруссия согласиться на смерть этого великого человека; однако в Риме Фламиния обвинили в том, что он действовал таким образом, чтобы удовлетворить свою личную ненависть. Напрасно он настаивал в свою защиту на том, что Ганнибал, хотя и в расцвете сил, все еще может стать опасным врагом и что его смерть была необходима; раздались тысячи голосов, и ему ответили, что акты несправедливости и неблагородные поступки никогда не могут быть полезны великой нации; и что под такими предложениями, как этот, могут быть оправданы убийства, отравления и все виды преступлений! Последующие поколения упрекали своих предков в этом низменном поступке. Они заплатили бы высокую цену, чтобы стереть это пятно со своей истории, и с тех пор, как среди современных народов возродилась письменность, нет поколения, которое не добавило бы свои проклятия к тем, которые были произнесены Ганнибалом в тот момент, когда он испил роковую чашу: он проклял Рим, который, в то время как его флоты и легионы покрывали Европу, Азию и Африку, отомстил одинокому и беззащитному человеку, потому что боялся его или делал вид, что боится.

Римляне, однако, никогда не нарушали права гостеприимства: Силла нашла убежище в доме Мария. Фламиний, прежде чем объявить Ганнибала вне закона, не принял его на борту своего корабля и не заявил, что у него есть приказ обращаться с ним благосклонно; римский флот не доставил его в порт Остия; и Ганнибал, вместо того чтобы отдать себя под защиту римлян, предпочел доверить свою персону царю Азии. Когда он был объявлен вне закона, он не находился под защитой римского флага; он был под знаменами короля, который был врагом Рима.

“Если когда-нибудь, в череде переворотов веков, король Англии предстанет перед ужасным трибуналом своей нации, его защитники будут отстаивать в его пользу священный характер короля, уважение, подобающее трону, всем коронованным особам, помазаннику Господню! Но его обвинители будут иметь право ответить так: ‘Один из предков этого короля, которого вы защищаете, изгнал человека, который был его гостем, в мирное время; боясь предать его смерти в присутствии нации, управляемой позитивными законами и обычными общественными формами, он заставил свою жертву выставить свою жертву на самом нездоровом месте скалы, расположенной в другом полушарии, посреди океана, где этот гость погиб после долгих мучений, став жертвой климата, нужды, оскорблений всякого рода! И все же этот гость был также великим Государем, возведенным на трон при поддержке тридцати шести миллионов граждан. Он был хозяином почти каждой столицы Европы; величайшие короли составляли его двор; он был щедр ко всем; в течение двадцати лет он был арбитром наций; его семья состояла

в родстве со всеми царствующими семьями, даже с семьей Англии; он был дважды помазанником Господним; дважды освящен величественными религиозными церемониями!!!”

Этот отрывок, безусловно, очень хорош своей правдивостью, своей дикцией и, прежде всего, своим историческим богатством.

Император всегда диктовал без малейшей подготовки. Я никогда не видел, чтобы он по какому-либо поводу проводил какое-либо исследование, касающееся нашей истории или истории какой-либо другой нации; и все же ни один человек никогда не цитировал историю более точно, более *уместно* и чаще. Можно было бы предположить, что он знал историю только по цитатам, и что эти цитаты приходили ему в голову как по вдохновению. И здесь мне должно быть позволено упомянуть факт, который часто поражал меня и который я никогда не мог удовлетворительно объяснить самому себе; но он настолько примечателен, и я так часто был свидетелем этого, что не могу обойти его молчанием. Дело в том, что Наполеон, по-видимому, обладает запасом информации по нескольким вопросам, который остается у него как бы про запас, чтобы с блеском проявиться в знаменательных случаях, и который в моменты его беспечности кажется не только дремлющим, но и почти неизвестным ему вообще. Например, что касается истории, то как часто случалось, что он спрашивал меня, правил ли Людовик Святой до или после Филиппа Красивого, и задавал другие вопросы того же рода. Но при удобном случае, когда наступал его момент, он цитировал без колебаний и с мельчайшими подробностями; и когда мне иногда случалось сомневаться и идти проверять, я всегда находил, что он прав и скрупулезно точен: я никогда не мог уличить его в ошибке.

Еще одна странная особенность в нем того же рода заключается в следующем: В своем обычном жизненном общении и привычной беседе император искажил наиболее знакомые ему имена, даже наши; однако я не думаю, что это случилось бы с ним на публичном мероприятии. Я много раз слышал, как он во время наших прогулок повторял знаменитую речь Августа; и он никогда не упускал случая сказать: “Присаживайся, Силла”.^[30] Он часто придумывал имена людей в соответствии со своей фантазией; и, когда он однажды их усвоил, они оставались зафиксированными в его сознании, хотя мы произносили их так, как они должны быть, по сто раз в день в пределах его слышимости; но он был бы поражен, если бы мы использовали их так, как он их изменил. То же самое было и с орфографией: как правило, он не обращал на это внимания; однако, если бы в наших копиях были какие-либо орфографические ошибки, он бы пожаловался на это. Однажды император сказал мне: “Ты ведь пишешь не по орфографии, не так ли?” Этот вопрос вызвал саркастическую улыбку у стороннего наблюдателя, который подумал, что это был упрек. Император, видевший это, продолжил: “По крайней мере, я полагаю, что вы этого не делаете; ибо человек, занятый общественными или другими важными делами, министр, например, не может и не нуждается в том, чтобы заниматься орфографией. Его мысли должны течь быстрее, чем может проследить его рука; у него есть время только на иероглифы; он должен складывать буквы в слова, а слова в предложения; и предоставить писцам разбирать это позже”. Император многое оставлял переписчикам; он был их мучением: его почерк фактически образовывал иероглифы; он часто сам не мог их расшифровать. Однажды мой сын читал ему главу из Итальянской кампании: внезапно он резко остановился, не в силах разобрать написанное. “Маленький болван, - сказал император, - не может прочесть собственного почерка!” — “Это не мой почерк, сир”. — “А чей же тогда?” “Принадлежит вашему величеству”. — “Как, ты, маленький плут! ты хочешь оскорбить меня?” Император взял рукопись, долго пытался прочесть ее и, наконец, отбросил, сказав: “Он прав: я сам не могу

сказать, что там написано”.— Он часто присылал ко мне переписчиков, чтобы я попытался прочесть им то, что сам он был не в состоянии расшифровать.

Ясность своих идей и способность к чрезвычайно длительному применению, которой он обладал, император объяснял тем, что различные дела были разложены в его голове, как в шкафу. “Когда я хочу отказаться от какого-либо дела, - сказал он, - я закрываю ящик, в котором оно лежит, и открываю тот, в котором лежит другое. Они не смешиваются друг с другом и не утомляют меня и не причиняют неудобств”. По его словам, ему никогда не мешала бодрствовать произвольная занятость ума. Если я хочу спать, я задвигаю все ящики и вскорез засыпаю. Так что он всегда, добавил он, спал, когда хотел отдохнуть, и почти по своему желанию.

МОЙ АТЛАС.—ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ И С.—ГУБЕРНАТОР ПРЕДПРИНИМАЕТ БЕСПЛОДНЫЕ ПОПЫТКИ БЫТЬ ПРИНЯТЫМ ИМПЕРАТОРОМ.

Вторник, 1 октября. Когда я вошел в комнату императора, у него в руках был мой Атлас. Он перевернул несколько генеалогических карт, связь и соответствие которых друг другу он теперь понимает удивительно хорошо. Закрывая книгу, он сказал: “Какое сочетание! как каждая часть является результатом того, что было до нее, и подтверждает это! Как каждая часть раскрывается сама по себе и остается зафиксированной в сознании! В других случаях, если бы вы не сделали ничего большего, чем указали на истинный метод обучения, вы все равно оказали бы самую важную услугу. Теперь каждый может облекать скелет так, как ему заблагорассудится; он, без сомнения, будет улучшен, но первая концепция принадлежит вам” и т.д.

Среди многочисленных тем последовавших разговоров упоминалось предопределение. Император сделал много замечательных замечаний по этому поводу; среди прочих, “Скажите, - сказал он, - разве не говорят, что я склонен верить в предопределение?” “Да, сир, по крайней мере, многими людьми”. “Хорошо, хорошо! пусть они говорят дальше; иногда может возникнуть искушение подражать, и иногда это может оказаться полезным.... Но что такое мужчины!... Насколько легче завладеть их вниманием и поразить их воображение нелепостями, чем рациональными идеями! Но может ли человек в здравом уме хоть на мгновение прислушаться к такой доктрине? Либо предопределение признает существование свободы воли, либо отвергает ее. Если он признает это, то какого рода предопределенный результат является тем, который простая воля, шаг, слово могут изменять *до бесконечности*? Если же предопределение, напротив, отвергает существование свободной воли, то это совсем другой вопрос; в таком случае ребенка нужно только бросить в колыбель, как только он родится; нет необходимости уделять ему хоть малейшую заботу; ибо, если бесповоротно определено, что он должен жить, он будет расти, даже если ему не давать пищи. Вы видите, что такая доктрина не может быть поддержана: предопределение - это всего лишь слово, не имеющее значения. Сами турки, эти покровители фатализма, не убеждены в этой доктрине, иначе в Турции не существовало бы медицины; и человек, живущий на третьем этаже, не стал бы утруждать себя спуском по более длинной лестнице, он немедленно выбросился бы из окна: вы видите, к какой череде абсурдов это приведет ”.

Около трех часов императору доложили, что губернатор желает сообщить ему некоторые инструкции, которые он только что получил из Лондона. Император ответил, что ему нездоровится, что инструкции могут быть отправлены ему самому или переданы кому-нибудь из

его свиты; но губернатор настоял на том, чтобы его впустили, сказав, что он желает пообщаться непосредственно с императором: он добавил, что ему также нужно сказать нам несколько слов наедине, после разговора *с генералом*. Император снова отказался, на что губернатор удалился, сказав, что просит сообщить ему, когда он *сможет* *see с*. Возможно, этот период действительно был далеким; император, с которым я был в тот момент, сказал мне, что твердо решил никогда больше не принимать его.

После ужина император приказал привести к нему Бюффона и Вальмона де Бомаре. Он посмотрел на то, что говорят эти авторы о разнообразии человеческого вида, о разнице между неграми и белыми; но он был не очень удовлетворен тем, что нашел у них по этому вопросу. Он рано ушел к себе: ему нездоровилось.

2. Император сказал мне, что он полон решимости снова заняться изучением английского языка и что я должен обязывать его каждое утро посещать уроки, поэтому я отправился в его апартаменты около половины первого. Мне не повезло с выбором момента, потому что он лежал на диване и спал после завтрака. Я, должно быть, разозлил его, и сам был очень сильно разозлен. Однако он не позволил мне уйти и около получаса немного читал по-английски. Ему было не очень хорошо. Он оделся. Сказав ему, что мы закончили то, что он нам поручил, он сначала предложил приступить к работе над главами Итальянской кампании; но потом передумал и весь день был занят чем-то другим. Около пяти часов он попытался выйти на улицу, но обнаружил, что погода слишком холодная. После ужина он попытался почитать, но тщетно; он не мог продолжать: он почувствовал усталость, сонливость, недомогание и почти сразу же ушел.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ; КОДЕКС; МЕРЛИН И Др.—ПАМЯТНИКИ В ЕГИПТЕ.—ПЛАН ЕГИПЕТСКОГО ХРАМА В ПАРИЖЕ.

3. После завтрака император два или три раза прогулялся по саду. Мы все были с ним. Он рассказал о сообщениях, которые губернатор должен был сделать нам, и проанализировал различные предположения — некоторые хорошие, некоторые плохие, — которые каждый из нас высказал по этому вопросу. Погода была сносной; он заказал коляску, и мы отправились в обход леса. Жара и тяжесть атмосферы, хотя солнце было скрыто, вынудили его снова войти в дом. Он сел и диктовал моему сыну до пяти часов.

Мы снова попытались прогуляться по саду, но воздух был холодным и сырым. Он снова вошел в дом и заставил меня подойти побеседовать с ним. Он перелистал английскую книгу и остановился на части, относящейся к юриспруденции и уголовным кодексам Франции и Англии, пытаясь сравнить их. Всем известно, насколько хорошо он разбирается в наших кодексах; но он мало знаком с кодексами Англии, и, за исключением некоторых общих моментов, я не смог ответить на его вопросы. В ходе беседы он сказал: "Законы, которые в теории являются образцом ясности, слишком часто превращаются в хаос при их применении; потому что люди со своими страстями портят все, к чему прикасаются, и т. Д.... Люди могут избежать воздействия произвольных действий судьи, только подчинившись деспотизму закона и т. Д.... Сначала я воображал, что можно свести все законы к простым геометрическим демонстрациям; так что каждый человек, умеющий читать и связывать две идеи воедино, сможет решить сам; но я почти сразу же убедился, что эта идея абсурдна. Однако, " добавил он, " я хотел бы начать с какой-нибудь фиксированной точки и следовать одной дороге, известной всем; не иметь

никаких других законов, кроме тех, которые включены в кодекс; и провозгласить раз навсегда, что все законы, которых нет в кодексе, недействительны. Но нелегко добиться простоты от юристов-практиков: сначала они доказывают вам, что простота невозможна, что это всего лишь химера; а затем пытаются продемонстрировать, что она несовместима со стабильностью и существованием власти. Власть, говорят они, одна подвержена непредвиденным махинациям всех и каждого; поэтому она должна иметь в случае необходимости оружие в резерве на такие случаи, так что с некоторыми старыми эдиктами Хильперика или Фарамона, раздобытыми специально для этого случая, - сказал Наполеон, - никто не может сказать, что он защищен от повешения по всем правилам и в соответствии с законом.

“Пока темы обсуждения в Государственном совете, - сказал император, - относились к кодексу, я чувствовал себя очень сильным; но когда они расходились с ним, я был совершенно в неведении, и Мерлин был тогда моим источником — он был моим светом. Не обладая особыми способностями, Мерлин очень образован, мудр, прямолинеен и честен; один из ветеранов старого доброго дела: он был очень привязан ко мне.

“Как только кодекс появился, за ним почти сразу последовали комментарии, пояснения, пояснения, интерпретации и Бог знает что еще. Обычно я восклицал, видя это: ”Джентльмены, мы вычистили конюшню Авгия; ради Бога, не давайте нам наполнять ее снова!" и т.д.

Во время обеда император высказал несколько весьма примечательных замечаний относительно Египта, которые будут приведены в главах, продиктованных Бертрону. Затем он вернулся к своей экспедиции в Сирию и заявил, что главной целью экспедиции в Египет было поколебать могущество Англии в четырех частях света путем совершения революции, способной изменить весь облик Востока и дать новую судьбу Индии. Египет, сказал он, должен был заменить нам Сан-Доминго и наши американские колонии, чтобы примирить свободу чернокожих с процветанием нашей торговли. Эта новая колония разорила бы англичан в Америке, в Средиземноморье и даже на берегах Ганга.

Затем, отвечая на упрек в свой адрес в том, что он дезертировал из своей армии, он сказал: “Я просто подчинился зову Франции, которая призвала меня спасти ее, и я имел на это право. Я получил от Директории *карт-бланш* на все мои операции в бассейне Средиземного моря, в Африке и Азии. У меня были все полномочия для ведения переговоров с русскими, турками, Берберийскими штатами и провинциями Индии. Я был волен назначить преемника, вернуть армию или вернуться самому, если считал нужным”.

Император думал, что все, что он видел в Египте, и особенно все те знаменитые руины, о которых так много говорили, не идут ни в какое сравнение с Парижем и Тюильри. Единственная разница между Египтом и нами заключалась, по его мнению, в том, что Египет, благодаря чистоте своего воздуха и природе своих материалов, навсегда сохранил свои руины; в то время как природа нашей европейской атмосферы не допускала, чтобы у нас были какие-либо руины в течение какого-либо длительного времени, поскольку все вскоре подвергалось коррозии и исчезало.

На берегах Нила можно было бы найти следы тысячелетней давности, но ни один из них не сохранился бы на берегах Сены через пятьдесят лет. Он, однако, очень сожалел, что не распорядился воздвигнуть в Париже египетский храм: он мог бы пожелать украсить столицу таким памятником и т.д.

РЕСУРСЫ ВО ВРЕМЯ ЭМИГРАЦИИ: АНЕКДОТЫ И Т.п. —ОФИЦИАЛЬНЫЕ СООБЩЕНИЯ.—НОВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ.

4-й. Около двенадцати часов я отправился в апартаменты императора. Он получил хороший урок английского языка в "Телемахусе": он решил снова воспользоваться моим методом; по его словам, он одобряет его и извлекает из него большую пользу. Он заметил, что, по его мнению, у меня отличные задатки для того, чтобы быть очень хорошим школьным учителем; я сказал ему, что это плод моего опыта. Затем он посвятил меня во множество подробностей, касающихся того времени, когда я давал уроки в Лондоне, во время моей эмиграции, и они его очень позабавили. "Однако," сказал он, - вы, джентльмены, должно быть, сделали честь своей профессии, если не своей ученостью, то, по крайней мере, своими манерами". Затем я рассказал ему, что один из наших принцев преподавал математику во время своей эмиграции. "И ужеодно это, - сказал он с воодушевлением, - сделало бы его мужчиной и показало, что он обладает некоторыми достоинствами; это, несомненно, один из величайших триумфов мадам де Жанлис".

Затем я рассказал ему следующий любопытный анекдот, который я слышал по этому поводу. "Принц находился в Швейцарии и, будучи в таких обстоятельствах, что счел целесообразным скрыть свое существование, пожелал взять имя, которое могло бы способствовать его маскировке. Один из наших епископов с Юга Франции вообразил, что нет ничего лучше, чем дать ему имя молодого человека из Лангедока, жившего тогда в Нисме, который был очень ревностным протестантом; что было именно так и должно быть, поскольку принц находился в протестантском кантоне. Епископ добавил, что нет никаких признаков того, что молодой человек когда-либо встанет на пути фальсификации присвоения принцем своего имени. Но случилось так, что молодой человек пошел в армию и стал адъютантом г-на де Монтескью, а вскоре после этого эмигрировал именно в Швейцарию вместе со своим генералом. Каково же было его удивление, когда он оказался *задомашним столом*, за ужином с человеком его собственного имени, того же вероисповедания и из того же города! Это было в точности похоже на сцену с двумя Сосиями.^[31] Но лучшей шуткой было то, что молодой человек также сменил свое имя и тщательно скрыл свое собственное. Такие случаи встречаются только в романах; считается, что они невозможны. Возможно, эта история была несколько приукрашена, но, думаю, я могу подтвердить, что слышал ее от самого молодого человека".

"Но," заметил впоследствии император, - те из вас, эмигрантов, которые создали для себя ресурсы за границей, должно быть, чувствовали себя совершенно потерянными, когда вернулись во Францию и снова разорились?" — "Конечно, сир; ибо мы не нашли ничего из того, что мы раньше оставили во Франции, и мы просто отказались от того немногого, что создали сами. Но мы не рассчитали: наше нетерпение вновь посетить родную землю перевесило все остальные соображения, и некоторые из нас вскоре оказались в величайшем затруднении, испытывая нужду во всем, хотя были знакомы и даже близки со многими великими личностями того времени — с вашими министрами, сир, вашими государственными советниками и другими. Это обстоятельство вызвало *бон мот* у одного из наших *умников*. Встретив однажды в салоне морского министра друга, который, как и он сам, едва знал, как прокормиться, он воскликнул в качестве утешения: "Что ж, мой друг, если мы умрем с голоду, на наших похоронах все еще могут присутствовать два или три министра". Император от души рассмеялся над этой шуткой и признал, что она точно описывает положение дел в то время.

После урока английского языка и последовавшей за ним беседы император вышел на прогулку. Мы дошли до конца леса, где к нам подъехал "калаш".

По возвращении императора Доктор пришел сообщить ему, что полковник Рид, которого он согласился принять вместо губернатора, желает быть представленным ему. Полковник Рид передал императору довольно пространную записку, и за мной послали, чтобы я ее перевел. В нем содержались сообщения, которые сэр Хадсон Лоу в течение трех или четырех дней тщетно пытался передать лично. Записка была составлена в самых оскорбительных выражениях, и губернатор пожелал оставить за собой удовольствие сообщить ее содержание императору. Это характерная черта, и она не требует комментариев. Резкие выражения, в которых это было высказано, и в особенности неоднократная угроза разлучить нас с императором, чрезвычайно раздосадовали нас и выбили из колеи на остаток дня.

ИМПЕРАТОР ЧИТАЕТ МОЙ ДНЕВНИК И ДИКТУЕТ МНЕ. — СОВЕЩАНИЕ Между ВЕЛИКИМ МАРШАЛОМ И ГУБЕРНАТОРОМ.

5-й.— Сегодня рано утром, еще до того, как я встал, я услышал, как кто-то тихо приоткрыл дверь моей комнаты. Мои покои так загромождены моей собственной кроватью и кроватью моего сына, что войти в них нелегко. Я заметил руку, отдергивающую полог моей кровати: это была рука императора. Я читал книгу по геометрии, что его очень позабавило и, как он сказал, спасло мою репутацию. Я немедленно встал и вскоре присоединился к императору, который в одиночестве направлялся в лес. Он довольно долго рассказывал о событиях предыдущего дня. Затем он вернулся в дом, чтобы принять ванну: он был очень болен и плохо провел ночь.

Он послал за мной в час дня. Он был в гостинице и выразил желание взять урок английского. Погода была очень жаркой и душной. Император чувствовал себя вялым и подавленным: он не мог сосредоточиться на учебе и несколько раз засыпал. Наконец он встал, сказав, что полон решимости стряхнуть с себя летаргию, и направился в бильярдную подышать свежим воздухом.

Беседуя об Итальянских кампаниях, он спросил, что я сделал с первыми черновыми набросками, заметив, что все главы были переписаны несколько раз. Я сказал ему, что бережно хранил их. Он пожелал, чтобы ему принесли все рукописи, и, отложив два полных экземпляра, отправил остальные на кухню для сожжения.

Я уже несколько раз упоминал, что император знал, что я веду Дневник. Это был секрет, и поэтому он никогда не говорил со мной на эту тему, за исключением тех случаев, когда мы оставались наедине. Он часто спрашивал меня, продолжаю ли я вести дневник и что я могу найти, чтобы записать в нем. "Сир, " ответил я, - все, что ваше величество делает и говорит, с утра до ночи". "Тогда, " сказал он, - вы, должно быть, чудовищно много повторяете и рассказываете много бесполезных вещей! Но неважно, продолжай, когда-нибудь мы посмотрим на это вместе".

Когда он посещал мою комнату, то часто заставлял верного Али за переписыванием моего Дневника; поскольку он любезно предложил заняться этим в часы досуга. Император иногда бросал взгляд на почерк Али и, прочитав несколько строк, то есть, как только он выяснял, что это было, он отворачивался и говорил о чем-то другом, никогда не затрагивая эту тему. Именно это и произошло сегодня утром; и император, вспомнив об этом обстоятельстве, сказал, что хотел бы наконец взглянуть на это знаменитое *нагромождение мелочей*. Мой сын принес часть

рукописи, и император потратил на ее изучение более двух часов. Вступление, относящееся лично ко мне, привлекло его внимание; он перечитал его дважды, а затем сказал: “Что ж, очень хорошо; это прекрасное наследство для маленького Эмануэля”. Что касается Журнала, он одобрил его форму и общий план. Он собственноручно внес несколько исправлений в те части, которые касались его семьи и детства. Он попросил моего сына взять перо и продиктовал ему некоторые подробности, касающиеся Бриенны, отца Патро и других. Закончив, он пожелал, чтобы я продолжал свои труды, поскольку он ими доволен; и он пообещал снабдить меня множеством анекдотов, особенно касающихся Александра и других государей.

После этого он прокатился в коляске, в которой я сопровождал его, и Дневник снова стал темой разговора. Император много говорил на эту тему и выразил большое удовлетворение этой идеей. Он дал мне несколько советов относительно этого и в заключение заметил, что из-за особых обстоятельств, при которых оно было создано, оно могло бы стать поистине уникальным по своему характеру произведением и бесценным сокровищем для его сына.

По возвращении в Лонгвуд мы застали Главного маршала, который только что вернулся из Плантейшн-Хауса, где он должен был провести совещание по поводу вчерашних сообщений. Мы с нетерпением ждали ответа, который он мог принести. Он сообщил нам, что было сделано предложение, которое заключалось ни много ни мало в том, что четверо из нас должны быть отделены от императора. Было много других незначительных моментов очень досадного характера, но этот заставил нас упустить из виду все остальное. Однако губернатор в конце концов согласился уволить только Поляка и троих слуг. Согласно отчету великого маршала, я был человеком, на которого обрушилась буря, на которого губернатор особенно жаловался и чье смещение, по его словам, он, несомненно, принял бы решение, если бы не считал меня слишком полезным императору. Он жаловался, что я постоянно писал в Европу, выступая против правительства и несправедливости и угнетения, которые, как я утверждал, применялись по отношению к нам. Другими предметами его жалоб были следующие: я говорил об Императоре незнакомцам, посетившим Лонгвуд, таким образом, чтобы возбудить их интерес; что я постоянно пытался установить связь с разными людьми на острове (и он упомянул пример миссис Штюрмер); что я адресовал или пытался передать различные документы в Европу и т.д. Однако, после того как он по той или иной причине отозвался обо мне в самых гневных выражениях, он попытался смягчить сказанное несколькими лестными замечаниями. Он заметил, что едва ли ожидал подобного поведения человека, обладающего таким количеством информации и чья добрая репутация установилась по всей Европе.

После обеда император развлекался, решая несколько задач по геометрии и алгебре: это, по его словам, напомнило ему дни его юности; и мы все были удивлены, обнаружив, что эти предметы все еще так свежи в его памяти.

ОСОБЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННЫЕ С МОИМ ЖУРНАЛОМ. —ИМПЕРИЯ МНЕНИЙ.—ТАЛЬМА, КРЕСЧЕНТИНИ И К.

6-7. В течение этих двух дней произошло обстоятельство, которое настолько тесно связано с характером настоящей работы, что я не могу не обратить на него внимания. Я только что упомянул, что император выразил полное удовлетворение моим дневником: он несколько раз упоминал о нем в течение дня, заверяя меня, что испытывает большое удовольствие, прочитав и исправив его. Эта информация, как можно предположить, была для меня в высшей степени

приятной. Момент, которого я так долго и страстно ждал, наконец наступил. То, что я собрал поспешно и, возможно, неточно, теперь должно было получить неоценимое исправление и санкцию. Несовершенные моменты были бы развиты, пропасти заполнены, а неясности объяснены. Какой кладезь исторических истин и политических секретов я собирался получить! Окрыленный этими ожиданиями, я в первый же день явился к императору в обычное время, захватив с собой свой дневник; но он начал диктовать мне совершенно другую тему, и я был вынужден смириться с разочарованием. На следующий день повторилось то же самое. Теперь я хотел привлечь внимание императора к своему Дневнику; но он, казалось, не понял меня, и я понял намек. Я так хорошо знаю Наполеона! Он в высшей степени владеет искусством делать вид, что ничего не понимает; он часто прибегает к нему, и всегда с какой-то определенной целью. В данном случае я понял его в достаточной степени и больше не пытался привлечь его внимание к этому предмету. Сначала я был очень озадачен, пытаюсь угадать мотив, побудивший его поступить таким образом; и я высказал несколько предположений, которые, вероятно, приходили в голову читателю, так же как и мне самому. Через несколько дней я была вынуждена расстаться с ним, хотя у меня не было ни малейшей причины предвидеть это роковое событие.

Я остановился на этом обстоятельстве со скрупулезной точностью, поскольку полагаю, что оно дает новую гарантию моей искренности и служит точному объяснению характера моего Дневника. Большая часть его содержания, и в частности важные события, описанные в нем, несомненно, заслуживают внимания. Однако в детали могли вкрасться некоторые непреднамеренные ошибки из-за поспешности, с которой они были собраны, и из-за того, что я был лишен возможности получить рукопись на доработку единственным человеком, который был способен исправить ее неточности.

Император, одеваясь и ожидая, когда придет очередь великого маршала писать, развлекал себя разговорами на разные темы.

Он говорил о влиянии общественного мнения, на которое он так часто ссылается. Он проследил его тайный ход, его неуверенность и капризность его решений. Затем он сослался на природную деликатность французов, которые, по его словам, были изысканны в вопросах этикета, на похвальную восприимчивость наших манер, а также на изящество действий и мягкость прикосновений, к которым должны прибегать власти, если предпринимается попытка ущемить национальные чувства.

“В соответствии с моей системой, - заметил он, - ”“ объединения всех видов заслуг и придания универсальности одной и той же награде, у меня была идея вручить Тальме крест Почетного легиона; но я воздержался от этого, принимая во внимание наши капризные манеры и абсурдные предрассудки. Я хотел провести первый эксперимент в деле, которое было неважным, и соответственно отдал Железную корону Кресцентини. Награда была иностранной, как и человек, которому она была вручена. Это обстоятельство с меньшей вероятностью могло привлечь внимание общественности или сделать мое поведение предметом обсуждения; в худшем случае, оно могло послужить поводом лишь для нескольких злонамеренных шуток. Таково, ” продолжал император, “ влияние общественного мнения. Я раздавал скипетры по своему желанию, и тысячи людей с готовностью склонялись под их влиянием; и все же я не мог отдать ни кусочка ленты без риска навлечь на себя неодобрение; поскольку я считаю, что мой эксперимент с Кресцентини оказался неудачным ”. “Так и было, сир”, - заметил кто-то из присутствующих. Это обстоятельство вызвало большой резонанс в Париже; оно вызвало

всеобщую анафему во всех гостиных столицы и дало широкий простор для выражения злобных чувств. Однако на одной из вечеринок Сен-Жерменского предместья *доброе слово* полностью погасило поток негодования. Напыщенный оратор в красноречивом тоне рассуждал о чести, оказанной Кресцентини. Он объявил это позором, ужасом, совершенной профанацией и поинтересовался, какое право Кресцентини может иметь на такое различие? Услышав это, присутствовавшая при этом прекрасная мадам Г. величественно поднялась со стула и поистине театральным тоном и жестом воскликнула: "*И с вами, сударь!* вы не принимаете это во внимание?" Это вызвало общий взрыв смеха и аплодисментов, и бедная мадам Г. была очень смущена своим успехом".

Императора, который теперь впервые услышал этот анекдот, он очень позабавил. Впоследствии он часто упоминал об этом, а иногда и сам рассказывал.

За обедом император сообщил нам, что проработал двенадцать часов; и мы заметили, что его рабочий день еще не закончился. Он казался больным и измученным.

"ОДИССЕЯ" — БИТВА МЕЖДУ УЛИССОМ И ИРУСОМ.

8-е число. Когда я вошел в апартаменты императора этим утром, я застал его за чтением подшивок Журнала дебатс, который недавно прибыл. В три часа он начал одеваться. Его первый камердинер заболел; и он заметил, что те, кто заменял его, не были равны ему в обращении.

Погода была сносной, и мы дошли пешком до опушки леса, где нас должна была подвезти коляска.

У меня была свободная сумма денег в Лондоне, которую я перевез туда в 1814 году. Воспоминание о лишениях, которые я пережил во время своей эмиграции, и возможность в будущем столкнуться с нуждой побудили меня к этому благоразумному поступку, и теперь я пожинал его плоды. Благодаря этому обстоятельству я был более спокоен в денежных делах, чем любой другой человек из свиты императора на острове Святой Елены; но что заставило меня рассматривать эту сумму как бесценное сокровище, так это счастье иметь возможность положить ее к ногам императора. Я уже несколько раз предлагал ему принять это; и теперь я еще раз повторил это предложение, сославшись при этом на возобновившиеся безобразия, которые мы только что пережили со стороны губернатора. В этот момент к нам присоединилась мадам де Монтолон, вышедшая вслед за нами. Она заметила, что император шел так быстро, что она, несомненно, потеряла бы его из виду, если бы моя жестикуляция не позволяла ей следить за нами; и что она была озадачена, догадавшись о причине моей горячности. "Мадам, - сказал император с самой пленительной грацией, - он пытался заставить меня принять его щедрость; он предлагал поддержать нас здесь".

Мы почти сразу же вернулись в дом, так как погода была очень сырой, а император жаловался на зубную боль. В течение некоторого времени его беспокоило обильное выделение слюны.

После обеда он возобновил чтение "Одиссеи": мы дошли до отрывка, описывающего битву между Улиссом и Ирусом на пороге дворца, оба в одежде нищих. Император очень не одобрял этот эпизод, который он назвал подлым, неуместным и унижающим достоинство короля. "И все же, " продолжал он, " независимо от всех недостатков, которые, по моему мнению, представляет собой этот инцидент, я все же нахожу в нем нечто интересное для себя. Я воображаю себя на месте Улисса, и тогда я хорошо понимаю его ужас перед тем, что его

одолеет жалкий нищенствующий. У каждого принца или генерала не такие широкие плечи, как у его гвардейцев или гренадеров; у каждого мужчины нет силы носильщика. Но Гомер исправил все это, представив своих героев в виде множества великанов. Сейчас у нас нет таких героев. Что бы с нами стало, - добавил он, оглядывая всех нас, “ если бы мы жили в те хорошие времена, когда физическая сила составляла настоящую силу? Да ведь Новерраз (его камердинер) будет править скипетром над всеми нами. Следует признать, что цивилизация полностью благоприятствует разуму в ущерб телу”.

ПОЛЯК, АРЕСТОВАННЫЙ ГУБЕРНАТОРОМ.—РАЗМЫШЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА О СВОЕМ СЫНЕ И АВСТРИИ.—НОВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ.—ЗАМЕЧАНИЯ О ЛОРДЕ БАТЕРСТЕ.—НАБЛЮДЕНИЯ, ПРОДИКТОВАННЫЕ НАПОЛЕОНОМ.

9. — Когда мы шли за калашом, нам сообщили, что поляк только что был арестован губернатором. Конечно, это был всего лишь первый шаг — предупреждение о том, чего нам всем следовало ожидать. Запугивание, по-видимому, является системой, к которой губернатор прибегает с момента получения своих последних инструкций, и которую он старается выполнять в меру своей изобретательности. Посмотрим, как далеко он зайдет.

Когда я прислуживал императору перед обедом, я нашел его скучным и явно отсутствующим. Разговор привел его к упоминанию Австрии, и он упомянул об оскорблениях, которые он получил от этой Державы, и об ошибках ее политики. Он описал слабость монарха, который, по его словам, никогда не проявлял энергии, за исключением тех случаев, когда это подрывало его репутацию в глазах подданных. Он подробно остановился на продажности и беспринципности, отличавших людей, которые консультировали и проводили меры австрийского кабинета. Он говорил о слепой политике Австрии и описал ее опасное положение. “Теперь она стоит, - сказал он, - в самой неминуемой опасности, приближаясь навстречу объятиям колосса, находящегося у нее впереди, в то время как она не может отступить ни на шаг, потому что с ее фланга и тыла зияет пропасть”.

Такой поворот разговора, естественно, побудил императора заговорить о своем сыне. “Какое образование они ему дадут?” - спросил он. “Какие принципы они привьют его юному разуму? С другой стороны, если он окажется слабоумным - если они внушат ему ненависть к отцу! Эти мысли наполняют меня ужасом! и где противоядие от всего этого? Отныне между ним и мной не может быть определенного средства общения — никакой верной традиции! В лучшем случае в его руки могут попасть мои мемуары или, возможно, ваш Дневник. Но для того, чтобы подавить ложные установки, усвоенные в юности, противодействовать ошибкам плохого воспитания, требуются определенные способности, определенная сила ума и решительность суждений, которые выпадают не на долю каждого”. Он казался глубоко взволнованным; и после паузы в несколько мгновений он сказал внезапно и с нажимом: “Но давайте поговорим о чем-нибудь другом”; однако он по-прежнему продолжал молчать. Я сел писать, и через час или два пришел главный маршал и занял мое место.

Сразу после того, как я покинул апартаменты императора, за мной снова послали, чтобы я перевел ему большую пачку бумаг, которые были получены от губернатора. Состояние моих глаз, которые теперь совершенно подводят меня, вынудило меня воспользоваться помощью месье де Монтолона для чтения газет.

Их содержание было 1. Некоторые из новых ограничений, которые были наложены на нас, при которых с императором обращаются таким образом, который можно назвать любопытным; непристойность и неприличный тон доходят до того, что предписывают характер и пределы бесед, которые ему должно быть разрешено вести. Это вряд ли будет засчитано!

2. Форма декларации, которая была представлена нам на подпись. Это была просто серия произвольных и бесполезных раздражений, усугубляемых всеми раздражающими обстоятельствами, которые могла предложить месть.

3. Наконец, письмо губернатора великому маршалу, основанное на записке, представленной полковником Ридом, которую я перевел императору и которую полковник отказался оставить после себя; читатель, вероятно, помнит, что я уже обращал на нее внимание. Однако в письме, переданном императору, некоторые существенные моменты были очень изобретательно опущены или изменены: император часто отмечал, что губернатор обладает особым талантом в делах такого рода. Я приведу здесь эту заметку по воспоминаниям. Хотя я читал его только один раз, а именно в то время, когда переводил его императору, все же я думаю, что могу поручиться за то, что нижеследующее является точным отражением его содержания.

“Французы, пожелавшие остаться с генералом Бонапартом, должны были подписать формулу, которая должна была быть им представлена и по которой они подчинялись всем ограничениям, налагаемым на генерала. Это обязательство должно было рассматриваться как бессрочное. Те, кто откажется заключить это соглашение, должны были быть отправлены на мыс Доброй Надежды. Из свиты генерала Бонапарта должны были быть удалены четыре человека. Те, кто мог остаться, должны были рассматриваться так, как если бы они были англичанами по рождению, и подчиняться законам, установленным для обеспечения надежной опеки генерала Бонапарта; иными словами, они понесли бы смертную казнь за попустительство его побегу. Любой француз, который может использовать оскорбительные выражения или высказывания или вести себя так, чтобы оскорбить губернатора или правительство, будет немедленно отправлен на мыс Доброй Надежды без предоставления средств для возвращения в Европу: все расходы по путешествию ложатся на него самого”.

Во время ужина и большую часть вечера эти документы стали предметом разговора.

Нас очень позабавил тот отрывок из письма губернатора, в котором передавались министерские инструкции и сообщалось, что те, кто может испытывать недостаток уважения к губернатору или вести себя несносно, будут отправлены на Кейп, а расходы, связанные с их возвращением в Европу, должны быть оплачены ими самими. Нам это показалось очень забавным, и император сказал: “Конечно, эта угроза кажется вам очень необычной и нелепой; но, без сомнения, для лорда Батерста она была совершенно естественной. Осмелюсь сказать, он не мог представить себе более ужасного наказания. Это идея настоящего лавочника!”

Император завершил вечер чтением нам "Аделаиды Дюгесклен", в которой содержится прекрасная родомонтада о бурбонах.

Прочитав это, император сказал: “Во времена моей власти был отдан приказ о запрете представления этой драмы под предлогом того, что это было бы оскорбительно для меня. Это обстоятельство случайно стало мне известно, и я приказал оживить произведение. Происходило много вещей того же рода; люди часто поступали очень неразумно, полагая, что они служат мне или доставляют удовольствие”.

Я привожу здесь ограничения, на которые я только что ссылался. Они любопытны сами по себе и лучше, чем тома описаний, дадут точное представление о нашем положении; но ценность этого документа усиливает то, что наблюдения, сопровождающие каждую статью, были сделаны самим императором.

Ограничения, составленные сэром Хадсоном Лоу и переданные Лонгвуду 19 октября 1816 года, но которые он уже привел в исполнение различными секретными приказами, начиная савгуста предыдущего месяца, хотя он никогда не сообщал о них дежурным английским офицерам, несомненно, потому, что стыдился их.

ТЕКСТ ОГРАНИЧЕНИЙ.

“1. Лонгвуд с дорогой у ворот Хижины, вдоль холма, до сигнального поста возле Алармхауса, должны быть установлены в качестве границ”.

Наблюдение. Предшественник сэра Хадсона Лоу расширил линию границы до вершин холмов; но примерно через две недели он понял, что, если убрать часовых немного дальше, дом и сад генерального секретаря Брука будут включены в границы, и он немедленно отдал приказ об изменении.

Примерно в сорока саженях от дороги находится сад Корбетта, в котором растет около восьми или десяти дубов и есть фонтан, дающий прохладную и приятную тень.^[32] В соответствии с новыми ограничениями, которые ограничили его выезд на шоссе, поверхность заменена линией, а дом секретаря и сад Корбетта исключены из границ.

“2. Часовые обозначат пограничные линии, которые никто не должен пересекать, приближаясь к дому или территории Лонгвуда, без разрешения губернатора”.

Наблюдение. Согласно правилам, которые были впервые установлены в отношении нашего поселения на острове Святой Елены и которые были одобрены английским губернатором, лица допускались в Лонгвуд следующим образом: губернатор, адмирал, полковник, командующий полком и лагерем, два члена Совета Ост-Индской компании и генеральный секретарь, которые были лицами, наделенными высшей властью на острове, могли проходить линию часовых без какого-либо приказа или разрешения. Жители острова должны были иметь пропуск от губернатора; моряки должны были получить пропуск от своего адмирала, а военные - от своего полковника; и, наконец, все жители, матросы и офицеры могли приезжать в Лонгвуд с разрешения графа Бертрана, когда император желал их принять. Это соглашение, которое продолжалось в течение восьми месяцев, не сопровождалось никакими неудобствами. Согласно настоящему постановлению (которое вступило в силу с августа месяца, хотя официально нам о нем не сообщали до тех пор, пока мы не получили список новых ограничений), можно сказать, что мы содержимся в одиночной камере и отрезаны от всех контактов с обитателями. Последним, офицерам и матросам, в равной степени претит мысль о том, что им придется испрашивать разрешения губернатора посетить Лонгвуд и подвергать себя допросу о мотивах своего визита. Незнакомые люди, гражданские или военные, офицеры, останавливавшиеся на острове Святой Елены по пути из Индии и, возможно, желавшие увидеть императора, обычно обращались к графу Бертрону, который назначал день и час, когда они будут приняты. Во время их пребывания на острове они считались гражданами, и с разрешения графа Бертрана они могли, когда им заблагорассудится, посещать Лонгвуд; и можно еще раз

отметить, что это соглашение просуществовало восемь месяцев, не сопряженное с какими-либо неудобствами. Если какие-либо незнакомцы, появившиеся на острове, могли вызвать подозрение губернатора, он мог помешать им высадиться на берег или миновать первый пост. Наконец, губернатор, по донесению часовых, ежедневно знакомился с именами лиц, которые посещали Лонгвуд. Но в августе месяце губернатор попытался возложить на нас обязанность принимать незнакомцев, которым он хотел оказать любезность, а также принимать их в то время, которое он мог бы назначить по своему усмотрению. Это стало завершающим штрихом всего его оскорбительного поведения! Чтобы положить конец всем этим оскорблениям, император счел себя обязанным заявить, что в будущем он никого не будет принимать.

“3. Дорога слева от ворот Хат, которая сворачивает через Вудридж в Лонгвуд, никогда не посещавшаяся генералом Бонапартом с момента прибытия губернатора, пост, с которого за ней наблюдали, будет в значительной степени убран. Но всякий раз, когда генерал пожелает проехать верхом в этом направлении, своевременно уведомив офицера, он не встретит никаких препятствий“.

Наблюдение.—В первом наблюдении было доказано, что пределы были сокращены в этом квартале; и в соответствии с этой третьей статьей они еще более ограничены. Сказать, что долина не посещалась в течение шести месяцев, - странная причина для принятия такого решения. Совершенно верно, что Наполеон в течение нескольких месяцев отказывался выходить из города из-за назойливого поведения губернатора; но следует также отметить, что одна часть долины недоступна в дождливую погоду, а в другой части был разбит лагерь. Однако лорд Батерст заявил в своей речи в парламенте, что “эта дорога была запрещена, когда выяснилось, что он (генерал Бонапарт) злоупотребил оказанным ему доверием и пытался развратить жителей острова”. Но здесь лорд Батерст противоречит сэру Хадсону Лоу. Предложение разрешения прокатиться верхом по долине, когда бы вы ни пожелали, является простым предлогом; формы, предписанные для получения этого разрешения, делают это невозможным. Это предложение так и не было выполнено и никогда не может быть выполнено. Поскольку поездка в долину таким образом запрещена, стало невозможным посетить сад мисс Мейсон, в котором есть несколько больших деревьев, дающих приятную тень. В пределах границ, которыми в настоящее время ограничены пленники, нет ни одного места, где они могли бы наслаждаться видом деревьев или воды: часовые расставлены на разном расстоянии по всей границе; и под предлогом недопонимания в приказах и т.д. любой человек может быть арестован. Это часто случалось с французскими офицерами.

“4-й. Если он (генерал Бонапарт) пожелает продлить свою поездку в каких-либо других направлениях, офицер штаба губернатора (если он получит своевременное уведомление) будет готов сопровождать его. Если уведомление должно быть коротким, дежурный офицер в Лонгвуде может занять место штабного офицера.

“Инспектирующему офицеру приказано не приближаться к генералу Бонапарту, по крайней мере, если его об этом не попросят; и не наблюдать за ним во время прогулок, за исключением случаев, когда этого требует его долг; то есть он должен следить за тем, чтобы установленные правила не нарушались; и если они будут нарушены, он должен сообщить об этом обстоятельстве уважительным образом”

Наблюдение. Это постановление бесполезно. Император не выйдет на улицу до тех пор, пока не увидит, что есть желание подвергнуть его прямому и публичному контролю. Кроме того, штабные офицеры имеют приказ сообщать обо всем, что французы могут сказать в разговоре с ними. Это дает возможность для клеветы. Несколько английских офицеров отказались играть эту позорную роль, заявив, что они не будут опускаться до уровня шпионов и пересказывать разговоры, которые могут происходить в неохраняемой обстановке во время поездки верхом или на прогулке.

“5-е. Уже действующие правила, запрещающие общение с кем бы то ни было без разрешения губернатора, должны строго соблюдаться. Следовательно, требуется, чтобы генерал Бонапарт воздерживался от вступления в какие-либо разговоры (за исключением тех, которых может потребовать обмен обычными приветствиями) с лицами, с которыми он может случайно встретиться, за исключением случаев, когда это происходит в присутствии английского офицера”.

Замечание.—До сих пор такого крайнего оскорбления удавалось избегать. Император не признает ни за губернатором, ни за его агентами права налагать на него какие-либо ограничения. Но какова цель этой статьи? Оскорблять и унижать достоинство пленников! — вызывать споры между ними и часовыми. Запрещать им разговаривать с кем-либо или входить в какой-либо дом - это, по сути, моральное аннулирование разрешенного им круга общения. Это настолько необычно, что теперь мы действительно склонны верить в то, о чем многие люди уже подозревали, а именно в то, что сэр Хадсон Лоу время от времени подвержен приступам безумия.

“6. Те лица, которые с согласия генерала Бонапарта могут получить разрешение губернатора на посещение его, не должны общаться ни с кем из его свиты, если только на это не будет получено специального разрешения”.

Замечание.— Это бесполезно; поскольку никого не принимали с тех пор, как нынешний губернатор отменил правила, установленные его предшественником. Однако следствием этого ограничения является то, что, если бы Наполеон принял незнакомого человека, поскольку никто из его офицеров не может присутствовать и никто из его слуг не присутствует, он был бы вынужден сам открывать двери. Кроме того, поскольку император не понимает по-английски, из этого следует, что если допущенный к нему человек не говорит по-французски, то они оба должны оставаться немymi, и, таким образом, собеседование сведется к простой демонстрации.

“7. На закате сад вокруг Лонгвуда следует рассматривать как протяженность границ. В это время у границ сада будут выставлены часовые, но так, чтобы не мешать генералу Бонапарту наблюдать за его передвижениями, если он пожелает продолжить свои прогулки. Ночью часовые будут находиться рядом с домом, как это было раньше; и любой вход должен быть запрещен до тех пор, пока часовые не будут выведены из дома и сада на следующее утро”.

Наблюдение.—В чрезмерно жаркое время года гулять можно только после захода солнца. Чтобы избежать встречи со стражами, император считает необходимым вернуться в дом, пока еще светло; хотя из-за палящего солнца он не может выходить на улицу днем, поскольку на территории вокруг Лонгвуда нет тени, воды или зелени. Согласно этому новому ограничению, император не может наслаждаться вечерней прогулкой, в то время как он также лишен

возможности заниматься верховой ездой. Он заключен в маленький дом, во всех отношениях недостаточный для его проживания, плохо построенный, нездорово расположенный и без запаса воды; и, в дополнение ко всему этому, используется любая возможность, чтобы подвергнуть его оскорблениям и неуважению. Его телосложение, хотя и является от природы крепким, сильно ослаблено обращением, которому он подвергается.

8. Каждое письмо для Лонгвуда будет вложено губернатором в запечатанный конверт и передано дежурному офицеру, который передаст его запечатанным офицеру из свиты генерала Бонапарта, которому оно адресовано, который таким образом будет уверен, что никто, кроме губернатора, не знает его содержания.

Аналогичным образом письма от любого из жителей Лонгвуда должны быть доставлены дежурному офицеру, вложены во второй запечатанный конверт и адресованы губернатору, что будет гарантией того, что никто, кроме последнего, не сможет ознакомиться с их содержанием.

“Никакое письмо не может быть написано или отправлено, и никакое сообщение любого рода вообще не может быть осуществлено, кроме как указанным выше способом. Никакая переписка не может поддерживаться с каким-либо лицом на острове, за исключением необходимых сообщений поставщику. Записки, содержащие эти сообщения, должны быть доставлены в открытом виде дежурному офицеру, который перешлет их в соответствующее подразделение.

“Вышеупомянутые ограничения будут соблюдаться с 10 января.

“Х. Лоу“.

“Остров Святой Елены, 9 октября 1816 года.“

Замечание.—Это последнее ограничение не имеет отношения к императору, который не пишет и не получает писем. Следовательно, все, что требуется, - это простое объяснение. Будут ли замечания, которые могут содержаться в конфиденциальных письмах офицеров императора своим друзьям, расценены как оскорбительные? Когда те, кто может прочесть эти письма, убедятся, что они никоим образом не направлены против безопасности или политики государства, забудут ли они их содержание, чтобы они никогда не стали предметом разговоров или оскорблений? Это объяснение решит, следует ли рассматривать всю переписку как запрещенную. Арест личности графа Лас Кейсса полностью подтверждает это наблюдение.

Цель 8-й статьи ограничений, как убедительно доказывает установленная на острове система дознания, состоит в том, чтобы помешать европейским журналам предавать огласке преступное поведение, которое здесь совершается. Чтобы обезопасить этот объект, приходится приложить немало усилий: было бы гораздо проще действовать таким образом, чтобы сделать сокрытие ненужным. Письмо, адресованное графу Бертрону, датированное 1 июля 1816 года, простирается еще дальше, поскольку в нем запрещается даже словесное общение с жителями острова. Это бред ярости и ненависти; или, скорее, можно сказать, что это доказательство откровенного безумия. Постановление, о котором здесь говорится, является лишь незначительным примером неприятностей, которым мы подвергаемся и изобретение которых, по-видимому, является единственным занятием нынешнего губернатора. Может ли лорд

Батерст теперь подтвердить, что сэр Х. Лоу не вводил никаких ограничений; что инструкции английского министерства носили выгодный для Наполеона и его свиты характер и не имели никакой другой цели, кроме обеспечения их надежной сохранности? Вследствие этого абсурдного и оскорбительного обращения император уже несколько месяцев не имел возможности заниматься спортом без дверей. Его сопровождающие врачи предвидят, что это заключение окажется фатальным для его конституции. Это более надежный и гораздо более бесчеловечный способ убийства, чем яд или меч. [Какое ужасное пророчество!]

БЕСПОКОЙСТВО, ВЫЗВАННОЕ НОВЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ.—АНЕКДОТЫ КАМПО-ФОРМИО.—ММ. ДЕ КОБЕНТЦЕЛЬ, ГАЛЛО И КЛАРК.—ГРАФ Д'Антрэг.

10—го.- Этим утром мы договорились встретиться у Главного маршала, чтобы обсудить ограничения, которые губернатор недавно передал нам, и принять единообразную резолюцию. Я был нездоров и не смог присутствовать. Я, однако, записал свое мнение: я заявил, что в той деликатной ситуации, в которую я попал, я ничего не мог поделать; я не мог прийти ни к какому положительному выводу; я всегда считал 0-0.

Вопрос, о котором шла речь, действительно, носил самый серьезный и трудный характер. От нас требовали подвергнуть себя новым ограничениям, поставить себя в зависимость от губернатора, который позорно злоупотреблял своей властью, употреблял самые оскорбительные выражения по отношению к императору и объявил, что мы должны подчиняться всем жалобам под страхом быть немедленно разлученными с Наполеоном, отправленными на Капскую Капу, а оттуда в Европу.

С другой стороны, император, возмущенный унижениями, которым мы подвергались из-за него, настаивал, чтобы мы больше не подчинялись им. Он убеждал нас скорее бросить его и вернуться в Европу, чтобы засвидетельствовать, что мы видели, как его похоронили заживо.

Но как мы могли хоть на мгновение вынести эту мысль! Смерть была предпочтительнее разлуки с тем, кому мы служили, кем восхищались и кого любили; к кому мы с каждым днем привязывались все больше и больше благодаря его личным качествам и страданиям, которые несправедливость и ненависть обрушили на него. Таково было реальное положение дел. В этих печальных обстоятельствах мы не знали, какую решимость принять. Я завершил свое письмо заявлением, что, если меня оставят в покое, я без колебаний подпишу любой документ, который губернатор может мне представить; и что, если будет принято коллективное решение, я безоговорочно приму его.

Теперь губернатор детально изучил способ нападения на нас: он заявил о своем намерении устранить любого человека из свиты Наполеона в соответствии с его волей и капризом.

Император был нездоров: врач заметил начинающуюся цингу. Он пожелал, чтобы я присутствовал при нем, и мы поговорили о предметах, которые в данный момент больше всего занимали наше внимание. Ему захотелось чем-нибудь развлечь себя, и он взял главу из "Леобена", которая случайно оказалась рядом с ним. Когда он закончил читать, разговор зашел о конференциях, которые привели к заключению Кампо-Формийского мирного договора. Я обращаюсь к главам, посвященным этому предмету, за портретом и характером первого австрийского переговорщика, г-на де Кобенцеля, которого Наполеон прозвал "большим

северным медведем” из-за влияния, которое, по его словам, оказала его тяжелая лапа на зеленый стол совещаний.

“Господин де Кобентцель был в то время, ” сказал император, “ агентом австрийской монархии, главной движущей силой ее планов и руководителем ее дипломатии. Он был назначен во все главные европейские посольства и долгое время находился при дворе Екатерины, особой благосклонностью которой пользовался. Гордый своим званием и важностью, он не сомневался, что его достойные и учтивые манеры легко внушат благоговейный страх генералу, только что вышедшему из революционного лагеря. ”Таким образом, - заметил Наполеон, - он проявил недостаток уважения, обращаясь к французскому генералу; но первых слов, произнесенных последним, было достаточно, чтобы низвести его до надлежащего уровня, выше которого он впоследствии никогда не пытался подняться“.

Сначала совещания продвигались очень медленно, поскольку г-н де Кобентцель, по обычаю австрийского кабинета министров, проявил себя очень искусным в искусстве затягивания переговоров. Французский генерал, однако, решил довести дело до конца: конференция, которую он объявил последней, была проведена с большой теплотой. Пришел Наполеон, полный решимости дать решительный ответ на свои предложения; они были отвергнуты. Затем он встал в порыве гнева и энергично воскликнул: “Значит, вы хотите войны?— Вы получите это”. и, взяв в руки великолепное фарфоровое изделие (которое г-н де Кобентцель с большим самодовольством хвастался, что получил в подарок от великой Екатерины), он со всей силы швырнул его на землю, где оно разбилось на тысячу осколков. “Вот, - воскликнул он, - такова, я обещаю вам, будет судьба вашей австрийской монархии менее чем через три месяца”. и месяцы: “и с этими словами он выбежал из комнаты. Г-н де Кобентцель окаменел; но г-н де Галло, который был более миролюбивого нрава, последовал за французским генералом к его карете, пытаясь задержать его. “Он почти силой оттащил меня назад, - сказал император, - и с таким жалким видом, что, несмотря на мой явный гнев, я не смог удержаться от смеха в рукав”.

Г-н де Галло был послом Неаполя в Вене, куда он сопровождал неаполитанскую принцессу, вторую жену императора Франциска. Он пользовался полным доверием принцессы, а она, в свою очередь, управляла своим мужем: таким образом, посол пользовался большим влиянием при Венском дворе. Когда итальянская армия, шедшая на Вену, продиктовала Леобенское перемирие, императрица в этот критический момент обратила свой взор на своего доверенного и поручила ему предотвратить опасность. Он должен был как бы случайно встретиться с французским генералом и попытаться убедить его принять его услуги в качестве посредника на переговорах. Наполеон, который был хорошо знаком со всеми обстоятельствами, решил использовать свои знания с пользой. Соответственно, приняв г-на де Галло, он спросил, кто он такой. Любимый придворный, смущенный необходимостью называть свое имя, ответил, что он маркиз де Галло и что император Австрии поручил ему заигрывать с Наполеоном. “Но, ” сказал тот, “ ваше имя не немецкое”. “Верно, - ответил месье де Галло, ” ”я неаполитанский посол”. “И как же так получилось, ” сухо спросил Наполеон, “ что я должен вести переговоры с Неаполем? У нас мир. Неужели у австрийского императора нет переговорщиков старой школы? Неужели старая венская аристократия вымерла?” Господин де Галло, встревоженный мыслью о том, что подобные наблюдения будут официально доведены до сведения венского кабинета министров, теперь был полон решимости снискать расположение молодого генерала.

Наполеон осведомился, какие новости получены из Вены, и рассказал об армиях на Рейне, Самбре и Маасе. Он получил все сведения, какие только мог; и, когда он собирался отступать, г-н де Галло самым просящим тоном спросил, может ли он надеяться, что его примут в качестве участника переговоров, и должен ли он отправиться в Вену, чтобы получить все полномочия. Наполеон не хотел отклонять это предложение; он получил преимущество, которое не хотел терять. Месье де Галло, который впоследствии стал послом Неаполя при Первом консуле, а также послом Жозефа при императоре Наполеоне, часто упоминал эту сцену и откровенно признавался, что никогда в жизни не был так напуган.

На французских переговорах Кларк играл такую же второстепенную роль, какую г-н де Галло играл в отношении Австрии. “Кларк,” сказал император, - был послан в Италию Директорией, которая начала считать меня опасным. На него была возложена мнимая общественная миссия; но у него был секретный приказ не спускать с меня глаз и выяснить, возможно ли в случае необходимости арестовать меня. Но в деле такого рода мало можно было полагаться на офицеров моей армии, и поэтому первые запросы были направлены в Цизальпийскую директорию. Ответ состоял в том, что было бы лучше не беспокоиться по этому поводу и отказаться от всякой мысли о нем. Как только я был ознакомлен с реальными инструкциями Кларка, я откровенно рассказал ему все, что знал; в то же время заверив его, что я должен очень мало беспокоиться о любых отчетах, которые могут быть сделаны. Вскоре он убедился в этом. Когда во время своей миссии в Австрию он был уволен этой Властью, я предложил ему найти работу, и впоследствии он остался со мной; хотя, возможно, на самом деле между нами было мало симпатии. Я, несомненно, снова взял бы его к себе на службу после моего возвращения, если бы нашел его в строю вместе с остальными. Вы знаете, что мне было нелегко избавиться от тех, к кому я привык: когда люди однажды садились на корабль вместе со мной, я никогда не мог заставить себя выбросить их за борт. Ничто, кроме абсолютной необходимости, не могло заставить меня пойти по такому пути. Главным достоинством Кларка было то, что он был хорошим деловым человеком”.

После Брюмера Кларк, естественно, вступил в контакт с Первым консулом в качестве его помощника и т. д. В то время во дворце мало соблюдался этикет; обязанности не были четко разделены, и все представляли собой своего рода семейный круг. Офицеры, непосредственно связанные с консулом, обедали за общим столом. Кларк, который был чрезвычайно впечатлительным и пунктуальным, ввязался в ссору с одним из этих людей. Когда это обстоятельство дошло до ушей Первого консула, он назначил Кларка послом во Флоренцию, ко двору королевы Этрурии. Этот пост сам по себе был весьма приятным, но Кларк был назначен на него с позором. Он срочно потребовал пересмотра приговора; и, наконец, к своему большому удовлетворению, он получил приказ вернуться во Францию. Но его наказание еще не закончилось. Первый консул почти не обратил на него внимания: он отправил его в Тюильри, в Сен-Клу и в Булонский лагерь, не объяснив своих намерений и ничего ему не предоставив. Кларк в отчаянии сказал одному из своих друзей, что у него нет другого выхода, кроме как броситься в Сену, поскольку он больше не мог выносить презрение, которому подвергался, усугубляемое унижением от того, что его лишили положения. Как раз в это время он неожиданно был назначен секретарем Топографического кабинета, членом государственного совета и назначен на ряд других должностей, что в общей сложности приносило ему жалованье в размере 60 или 80 000 франков. Таков был путь Наполеона: за его первой милостью обычно немедленно следовали несколько других. В этих случаях его щедрость была ошеломляющей.

Но необходимо было воспользоваться паузой благосклонности; она могла быть бесконечной, а могла быть мгновенно и безвозвратно утрачена.

Я хорошо знал генерала Кларка; он был моим товарищем по Военному училищу. Он сообщил мне, что за несколько дней до битвы при Йене император, под диктовку которого он только что написал многочисленные приказы и инструкции, вступив в фамильярную беседу, пока он ходил взад и вперед по своим покоям, сказал: “Через три или четыре дня я буду сражаться в битве, которую я выиграю: она приведет меня по крайней мере к Эльбе, а возможно, и к Висле. Там я буду сражаться во второй битве, которую тоже выиграю. Тогда... тогда...” сказал он с задумчивым видом и приложил руку ко лбу ... “но этого достаточно; бесполезно выдумывать романы, Кларк, через месяц вы будете губернатором Берлина; и история запишет, что в течение одного года и в двух разных войнах вы были губернатором Вены и Берлина, то есть австрийской и прусской монархий. Кстати, ” продолжал он, улыбаясь, “ что Франциск дал вам для управления своей столицей?”— “Совсем ничего, сир”.— “Как, совсем ничего?— Это было действительно тяжело! Что ж, в таком случае я должен выплатить его долг”. И он дал ему, насколько я помню, сумму, достаточную для покупки отеля в Париже или загородного дома в окрестностях столицы.

Ход событий превзошел ожидания даже Наполеона. Он участвовал всего в одном сражении, которое привело его в Берлин и позволило продвинуться к Висле.

“У Кларка, ” сказал Наполеон, “ был большой вкус к семейным пергаментам. Во Флоренции он потратил большую часть своего времени на изучение моей генеалогии. Он также приложил немало усилий, чтобы разыскать своих собственных, и, я полагаю, в конце концов убедил себя, что состоит в родстве со всем Сен-Жерменским предместьем. Несомненно, теперь, когда он является министром законного короля, он гораздо более высокого мнения о своем собственном достоинстве, чем чем он был, когда был просто министром выскочки-императора. Говорят, что в настоящее время он пользуется большим расположением; я желаю, чтобы это продолжалось. Это началось за несколько дней до моего прибытия в Париж, когда положение короля было отчаянным. Конечно, казалось бесполезным принимать служение, когда все было потеряно; но мне нечего сказать против этого. В таком поведении может быть своя справедливая сторона; однако необходимо соблюдать некоторую степень приличия, и в этом Кларк был совершенно не прав. Однако я охотно прощаю его во всем, что касается меня.... В 1813 и 1814 годах некоторые люди пытались внушить мне сомнения в верности Кларка, но я никогда не желал слушать ничего подобного. Я всегда считал его честным человеком”. Близкие друзья герцога де Фельтре могут засвидетельствовать, что Наполеон был прав в своем мнении о характере своего министра.

Герцог де Фельтр, сообщив императору известие о прибытии графа д'Артуа в Швейцарию, посоветовал ему заключить мир. Наполеон ответил под датой 22 февраля 1814 года: “Что касается вашего совета заключить мир, то он слишком абсурден: именно лелея такие представления, как это, разрушается общественный дух. Кроме того, предполагая, что я либо сумасшедший, либо глупец, воображаю, что, если бы я мог заключить мир, я бы не сделал этого немедленно. К господствующему представлению о том, что в моих силах было заключить мир в течение последних четырех месяцев, но я отказывался это сделать, следует отнести все несчастья Франции. Я ожидал, что, по крайней мере, буду избавлен от боли слышать высказывания подобных чувств”.

Император, возвращаясь к событиям в Кампо-Формио, упомянул об аресте графа д'Антрэга, найденных при нем бумагах и открытиях, к которым они привели; он также упомянул снисхождение, которому подвергся граф, и вероломство, которым за это было отплачено.

Граф д'Антрэг, человек незаурядного таланта, любивший интриги и обладавший личными преимуществами, приобрел известную степень значимости в начале нашей Революции. Он был членом правой части Учредительного собрания и эмигрировал во время его роспуска. В то время, когда французы собирались напасть на Венецию, граф д'Антрэг проживал там, где у него было дипломатическое назначение от российского правительства, и был главной пружиной и проводником всех махинаций, которые замышлялись против Франции. Увидев опасность, грозящую Венецианской республике, он попытался бежать, но наткнулся на один из наших постов и был схвачен со всеми своими бумагами. Главнокомандующий назначил специальную комиссию для изучения этих документов, и секреты, которые они раскрыли, вызвали большое изумление. Они содержали, среди прочего, полное доказательство измены Пишегрю, который пожертвовал своими войсками, чтобы облегчить операции “Пишегрю, - возмущенно воскликнул император, - был виновен в самом отвратительном преступлении, которое только можно себе представить, в хладнокровном принесении в жертву людей, чьи жизни были вверены его чести и благоразумию”.

Граф д'Антрэг д'Антрэг, обнаружив, что все его секреты раскрыты, вел себя с такой обходительностью и кажущейся откровенностью, что Наполеон, полагая, что он расположил его к себе, или, правильнее сказать, позволил графу расположить к себе, отнесся к нему с величайшей снисходительностью. Он защищал его от действий Директории, которая настаивала на его расстреле, и графу было разрешено выехать в Милан под честное слово. Но каково же было удивление Наполеона, когда он узнал, что г-н д'Антрэг бежал в Швейцарию и опубликовал против него гнусную клевету, упрекая его в жестоком обращении и жалуясь на то, что его заковали в цепи? Эта ложь вызвала такое сильное возмущение, что несколько иностранных дипломатов, знавших, как на самом деле поступил Наполеон по отношению к графу, спонтанно сделали публичное заявление о том, чему они были свидетелями.

В конце 1814 года граф д'Антрэг умер в Англии ужасной смертью, будучи убит своим камердинером в присутствии своей жены, знаменитой певицы Сен-Юберти.

Во время изъятия бумаг графа д'Антрэга Пишегрю возглавлял Законодательный орган и находился почти в состоянии открытой войны с Директорией. Вполне можно предположить, что члены Директории были весьма довольны, получив таким образом важные и подлинные документы против своих противников. Это открытие оказало большое влияние на курс, который Наполеон избрал в событиях при Фруктидоре: оно стало одной из главных причин его знаменитого провозглашения, приведшего к триумфу Директории.

Дезэ, служивший под началом Моро в Рейнской армии, воспользовавшись перемирием, чтобы представиться главнокомандующему итальянской армией, которым он питал величайшее восхищение, был с Наполеоном во время вышеупомянутого важного открытия. Наполеон сообщил ему об измене Пишегрю, и Дезэ заметил: “Но мы знали все это на Рейне три месяца назад. Фургон, принадлежавший корпусу генерала Клинглина, попавший в наши руки, снабдил нас всей перепиской Пишегрю с врагами Республики”. — “И Моро не намекнул об этом Директории?” — “Нет”. - “Тогда он очень виноват”, - воскликнул Наполеон. “когда на карту поставлена безопасность чьей-либо страны, молчание является виной!” После падения

Пишегрю Моро сообщил Директории все, что ему было известно о заговоре, в то же время вынес суровое порицание тем, кто был в нем замешан. “Это был всего лишь еще один пример неподобающего поведения, - сказал Наполеон. - не выступив раньше, он предал свою страну; а выступив так поздно, он просто нанес удар тому, кто уже был повержен”.

МЕЧТА ИМПЕРАТОРА.

11-12. В этот день был получен продукт от продажи порции тарелок на сумму 6000 франков. Эту сумму император считал необходимой для восполнения наших недостатков по истечении каждого месяца; и он приказал регулярно повторять распродажу.

Император по-прежнему очень болен и пребывает в очень подавленном настроении. Сегодня он не выходил из своей комнаты до обеда. Он очень мало разговаривал и не занимался никакими делами. Я оставался с ним большую часть дня. Он часто говорил о ситуации, в которой мы оказались по отношению к губернатору, и сделал несколько весьма примечательных замечаний по этому поводу.

После ужина он рассказал о сне, который приснился ему ночью. Дама, с которой он был мало знаком (мадам Кларк, герцогиня де Фельтре), явилась ему во сне и сказала, что она умерла, в то же время добавив несколько замечаний, которые были выражены совершенно связным и понятным языком. “Все было так ясно и отчетливо, - сказал император, - что произвело на меня сильное впечатление; настолько сильное, что, если бы я действительно услышал о смерти герцогини де Фельтре, я должен признаться, что мои устоявшиеся представления поколебались бы; и, возможно, - сказал он, улыбаясь и глядя на кого-то из присутствующих, - я тоже поверил бы в сны и привидения”.

Император ел мало; его настроение было подавленным, и он, очевидно, был очень болен. Он почти сразу же удалился, и его поведение сильно повлияло на нас. Мы не могли не отметить, как сильно он изменился.

ЛИШЕНИЯ, КОТОРЫМ ПОДВЕРГАЕТСЯ ИМПЕРАТОР. —ЕГО ПРИТЯЗАНИЯ НА ПРИНЦА ЕВГЕНИЯ.

13—го.-Император пришел ко мне около десяти часов. Он заглянул в дверь моей комнаты и обвинил меня в том, что я не встал раньше. Он застал меня принимающим ванну для ног, так как мне было нехорошо. Вскоре я присоединился к нему в палатке, где он пожелал позавтракать. Он сказал мне, что отдал приказ составить некоторые заметки относительно новых ограничений, чтобы предотвратить вынесение нам приговора без какой-либо ответственности за тех, кто вынес приговор. Затем он приступил к подсчету партий пластин, которые еще предстоит продать, и периода, в течение которого они будут служить нам на содержание. Я повторил предложения, которые я уже делал несколько раз, сказав ему, что ему тяжело быть вынужденным избавиться от своей посуды; но он ответил: “Мои дорогие Лас Кейсы, в каких бы обстоятельствах я ни находился, эти предметы роскоши никогда не имеют для меня никакого значения; а что касается других, то есть, что касается публики, простота всегда будет моим лучшим украшением”. Он добавил, что, в конце концов, может рассчитывать на помощь принца Евгения; и что он даже склонен написать ему с просьбой о ссудах, которые будут необходимы ему для существования, когда запасы иссякнут. Он также выразил намерение поручить Эжену переслать ему несколько важных книг, которые он хотел бы прислать из Лондона, вместе с

небольшим количеством отборного вина, которое ему необходимо было принимать в качестве лекарства. “Эта комиссия по винам, - сказал он, - заставит наших врагов в Европе говорить, что мы здесь не думаем ни о чем, кроме еды и питья”. Он сказал, что без колебаний должен обратиться по этому поводу к Эжену, который обязан ему всем, чем владеет, и что было бы оскорбительно для принца сомневаться в его готовности служить ему, тем более что у него, кроме того, есть законное право на него примерно на десять или двенадцать миллионов.

Пока мы завтракали, император послал за поляком, который вскоре должен был покинуть нас. После завтрака он хотел заняться чтением или диктовкой, но чувствовал сильную сонливость и несколько раззасыпал. Он удалился в свою комнату, чтобы немного прилечь, попросив меня прийти к нему в час дня на урок английского. Но когда наступил назначенный час, он все еще находился в том же состоянии сонливости, и ему удалось пробудиться, только приняв ванну, в которой, по обычаю, он оставался долгое время. Удивительно, что эта практика в сочетании с приемом очень горячих ванн не причиняет ему вреда.

Император почти не ужинал и жаловался на то, что не наслаждался регулярным и полноценным отдыхом. Некоторое время он беседовал на тему воздушных шаров и смеялся над теми биографическими заметками, которые изображают его с мечом в руке влезшим в воздушный шар военного училища. Он упомянул, как своего рода чудо, тот факт, что воздушный шар, который поднимался во время его коронации, упал в течение нескольких часов в окрестностях Рима, неся жителям этого города информацию о церемонии.

Император взялся за “Дон Кихота”, но закрыл книгу примерно через полчаса: теперь он не может заниматься чтением дольше. Его здоровье заметно ухудшается. Он часто замечает мне, что мы оба очень стареем, и что он намного старше из них двоих: эти слова говорят о многом.

ТРЕБУЕМОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ НАПРАВЛЯЕТСЯ ГУБЕРНАТОРУ.—ИМПЕРАТОР ЗАМЕЧАЕТ, ЧТО МНОГИЕ СОВРЕМЕННЫЕ КНИГИ — ВСЕГО ЛИШЬ СПЕКУЛЯЦИИ КНИГОТОРГОВЦЕВ.—ЛОЖНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ ПАРТИЙНЫМ ДУХОМ.—ГЕНЕРАЛ МЭЗОН.

14—го.- Сегодня главный маршал направил губернатору новые заявления, которые он требовал от нас сделать. Все они были похожи друг на друга и заключались в следующем:

“Я, нижеподписавшийся, настоящим заявляю, что желаю остаться на острове Святой Елены и разделить ограничения, налагаемые лично на императора Наполеона”.

Около часа дня я отправился навестить императора в его покоях. Я рассказал ему о некоторых частных поручениях. Он читал работу о правительстве Франции. Ему это показалось очень безразличным, и он заметил, что, поскольку у него вошло в привычку просматривать новые публикации, он обнаружил, что они по большей части являются всего лишь предметом спекуляций — вещами, выставленными на продажу книготорговцами. Миру, сказал он, теперь угрожает поток плохих книг, и он не видит средства, которое могло бы эффективно противодействовать столь великому злу.

Одевшись, император отправился в гостиную, где просмотрел несколько английских газет и прочел несколько строк из “Телемаха”. Но он почувствовал усталость и упадок духа и прервал

чтение. Мы поговорили на несколько тем, которые глубоко касались императора, который завершил разговор, несколько раз повторив: *“Бедная человеческая натура!”*

Во время другого перерыва в разговоре Наполеон, делая обзор нескольких хорошо известных личностей, о которых он высказал свое мнение, упомянул одного, которого он представил как самого безнравственного и подлого человека. Мне довелось быть знакомым с этим человеком, и я заметил, что знал его как полную противоположность тому, что я только что слышал. Я с большой теплотой защищал этого человека, о котором шла речь, когда император прервал меня, сказав: “Я полностью верю тому, что вы говорите; но я слышал о нем другой отзыв; и хотя я вообще взял за правило относиться к вещам такого рода с подозрением, все же, вы видите, я не всегда мог не сохранить некоторое впечатление от услышанного. Была ли в этом моя вина? Когда у меня не было особого мотива для расследования, как я мог прийти к знанию фактов? Это, ” продолжал он, “ неизбежное следствие гражданских волнений: у двух сторон всегда две репутации. Какие нелепости, какие нелепые истории рассказывают о личностях, участвовавших в нашей Революции!^[33] Салуны Парижа полны ими. Я сполна хлебнул такого рода скандалов. Кто после меня имеет право жаловаться? И все же я протестую, что ничто подобного рода никогда не оказывало никакого влияния на мой разум и ни в коем случае не заставляло меня менять свои решения и т. Д.”

Упомянув нескольких военных офицеров, император упомянул генерала Мезона. “Его маневры, ” сказал он, - вокруг Лилля во время кризиса 1814 года привлекли мое внимание и запечатлелись в моей памяти. В 1815 году его не было с нами. Что с ним стало? Где он был в это время?”— Я не мог ответить на эти вопросы, так как не знал генерала.

ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКШИЕ ИЗ—ЗА ТОГО, ЧТО ГУБЕРНАТОР УВАЖАЛ НАШИ ЗАЯВЛЕНИЯ.—МНЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ПО ЭТОМУ ПОВОДУ.—БЕСЕДА ГУБЕРНАТОРА С КАЖДЫМ ЧЛЕНОМ ИМПЕРАТОРСКОЙ СВИТЫ.—ЗАМЕЧАНИЕ НАПОЛЕОНА.-ЗАВЕРШЕНИЕ НАШЕГО РАБСТВА.

15-е число. С некоторых пор я обнаружил, что не могу заснуть; и я проводил целые ночи, не смыкая глаз. Около восьми часов утра, когда я пытался успокоиться, в мои покои вошел великий маршал и сообщил мне, что губернатор отправил обратно наши декларации и сам придет, чтобы заставить нас подписать ту, которую он прислал в качестве образца и которая отличается от нашей только титулом, который мы присвоили императору. Было высказано пожелание, чтобы мы называли его просто по имени *Бонапарт*.

Великий маршал направился в апартаменты императора, куда я был почти немедленно вызван. Войдя, я обнаружил, что император расхаживает по комнате и высказывается с большой теплотой. Всечлены свиты были собраны вместе. “Оскорбления, ” сказал он, “ которые ежедневно обрушиваются на тех, кто посвятил себя мне, оскорбления, которые, весьма вероятно, будут умножены до еще большей степени, представляют собой зрелище, которое я не могу и не должен больше выносить. Джентльмены, вы должны покинуть меня; я не могу видеть, как вы подчиняетесь ограничениям, которые вот-вот будут наложены на вас и которые, несомненно, вскоре будут усилены. Я останусь [здесь](#) [здесь](#) один. Возвращайтесь в Европу и расскажите об ужасном обращении, которому я подвергаюсь; засвидетельствуйте, что вы видели, как я преждевременно сошел в могилу. Я не позволю никому из вас подписать это заявление в той форме, которая требуется. Я запрещаю это. Никогда не будет сказано, что руки,

которыми я имел власть командовать, были использованы для записи моего унижения. Если возникают препятствия из-за простой глупой формальности, завтра будут созданы другие по столь же тривиальной причине. Решено устранить вас в деталях; но я предпочел бы, чтобы вы были удалены полностью и немедленно. Возможно, эта жертва принесет результат”. С этими словами он отпустил нас, и мы удалились, охваченные тревогой.

Через несколько минут император снова послал за мной. Он ходил взад и вперед по всей длине своих двух маленьких комнат. В тоне его голоса была особая нежность, и я никогда не замечал более непринужденной фамильярности в его манерах. “Что ж, мой дорогой Лас Касес, - сказал он, “ Я собираюсь стать отшельником”. “Сир, - сказал я, - разве вы уже не отшельник? Какие ресурсы предоставляет вам наше общество? Мы можем только возносить вам молитвы и добрые пожелания; которые, хотя и могут мало способствовать вашему утешению, для нас важны. Наше нынешнее положение самое удручающее, какое только можно себе представить, ибо в рассматриваемом вопросе нам сейчас, возможно, впервые трудно повиноваться вашему Величеству. Вы пользуетесь языком разума, в то время как мы руководствуемся только чувствами. Аргументы, которые вы только что привели нам, не выдерживают критики. Ваша решимость соответствует вашему характеру; она никого не удивит, но ее исполнение выше наших сил. Мысль о том, что я оставлю вас здесь одну, по ужасу превосходит все, что может представить наше воображение”. — “Однако такова моя судьба, “ спокойно ответил император, “ и я должен подготовиться к худшему: мой разум достаточно силен, чтобы противостоять ей. Они оборвут мою жизнь, это несомненно”. — “Сир, ” заметил я, - о шаге, о котором вы приказываете, не следует и думать. До последнего момента я буду высказываться так, как это сделало ваше величество: по этому вопросу я буду сопротивляться изо всех сил, но я сочту невозможным действовать так, как я говорю”.

Император сел и попросил меня сесть рядом с ним. Он заметил, что очень устал; и он заказал завтрак, желая, чтобы я остался с ним. В течение значительного времени у меня не было привычки обедать с ним; он объяснил мне причину, по которой я был лишен этого счастья; и я счел за одолжение, что он снизошел до того, чтобы сообщить мне об этом. Когда принесли кофе, чашки для меня не оказалось. Маршан собирался принести один из них, но император вернул его назад, сказав: “Возьми этот с каминной полки: он будет пить из моего красивого золотого кубка”.^[34]

Как только закончился завтрак, вошел главный маршал и сообщил нам, что прибыл губернатор и выразил желание видеть его в его (Бертрана) новом доме, который находится совсем недалеко от нашего заведения и, наконец, близок к завершению. Император пожелал, чтобы он присутствовал при встрече с губернатором. Великий маршал, собираясь уходить, казалось, желал узнать, по-прежнему ли император настаивает на приказах, которые он отдал нам сегодня утром, на случай, если губернатор не уступит. Император резко заметил: “Я не ребенок; когда я однажды тщательно обдумал вопрос, я больше не придерживаюсь двух мнений по нему. Я руководил битвами, которые решали судьбу империй, и отдаваемые мной приказы всегда были результатом моих зрелых размышлений. В данном случае речь идет только обо мне. Уходи!”

Вскоре верховный маршал вернулся с отчетом о беседе, которую он завершил своим отказом. Губернатор, сказал он, пожелал видеть трех других членов свиты вместе, но мы сочли, что будет более уместно представиться по очереди.

Я отправился навестить губернатора. Я нашел его в окружении нескольких приближенных в саду, недалеко от дорожки, ведущей к дому великого маршала. Заметив меня, он отошел, но я присоединился к нему во дворе перед домом.

Поскольку он выразил свое сильное раздражение по отношению ко мне, я укрепился настолько хорошо, насколько это было возможно. Он, однако, с большой вежливостью провел меня в дом, оставив офицеров своей свиты снаружи; и, сказав мне, что ожидает прибытия господ. когда де Монтолон и Гурго приступили к делу, я спросил его, не возражает ли он против немедленного обращения ко мне. Он ответил, что нет; и, созвав своих офицеров, он сказал мне в их присутствии, что я, без сомнения, узнал от великого маршала, что он хотел предложить по поводу моего заявления. Я ответил утвердительно, в то же время заметив, что я рассматриваю Великого маршала как свой образец и проводника из-за его ранга, а также того уважения, которое я к нему питал, и поэтому естественно ожидать, что мой ответ будет соответствовать его ответу. Я добавил, что не могу понять, почему так много значения придавалось простому вопросу формы, который был так болезнен для наших чувств, в то время как он не мог принести никакой пользы тем, кто настаивал на этом. “Это не в моей власти,” сказал губернатор, - внести изменения, которые вы желаете. Мне поручено представить вам на подпись заявление, написанное моей рукой: “Теперь я, будучи англичанином, не могу написать титул, который вы пожелаете”. — “Я не был осведомлен об этом, об этом,” ответил я. - На этот аргумент мне нечего возразить. Вы, как англичанин, должны писать так; но я, как француз, должен подписываться на своем языке, то есть с переводом с вашего. Поэтому позвольте мне добавить к своей подписи любую фразу, которую вы сочтете нужным мне продиктовать, в которой я смогу выразить себя на своем родном языке. Теперь вы можете судить,” добавил я, “откровенен ли я и стремлюсь ли создавать трудности”. Это предложение, казалось, привлекло его внимание. “Мы сейчас,” продолжал я, “просто спорим о словах, которые могут показаться очень глупыми, учитывая важные обстоятельства, в которых мы оказались; но, сэр, кто создал эти трудности? Кто от них пострадает? Ваш отказ ставит нас в крайне тяжелое положение! Вы видите, что я доведен до крайнего отчаяния! Для меня разлука с императором была бы хуже смерти; и все же я предпочел бы смириться с этим, чем допустить, чтобы моя рука стала орудием его унижения. Император объединяет в себе все, что составляет величественный характер в глазах Бога и человека: отрицать это значило бы отрицать свет солнца”.

Губернатор заметил, что он, как англичанин, не может признать императора; и я ответил, что не могу выдвинуть никаких возражений против этого. Я добавил, что, как бы сильно меня ни задело то, как он назвал императора, все же я dididid не хотел подвергать сомнению его право использовать любые термины, которые он сочтет уместными; и что по той же причине он не должен возражать против моих мнений и выражений, учитывая, что я француз и что он требует моей подписи. В

Здесь сэр Хадсон Лоу сердито сослался на некоторые прошлые обстоятельства, касающиеся его лично; и он заметил, что, в конце концов, моральный облик - единственное реальное право, заслуживающее уважения. “В таком случае, губернатор,” ответил я с некоторой теплотой, обращаясь к присутствовавшим офицерам, - император может лишиться себя всех своих титулов, и он только выиграет во мнении мира, если его характер будет оцениваться по той шкале, на которую вы ссылаетесь”. Губернатор помолчал; затем, после нескольких секунд паузы, он заметил, что мы по-прежнему относимся к нашему генералу так, как если бы он был Императором. “А как мы можем относиться к нему иначе?” — “Я хочу сказать, что вы

продолжаете смотреть на него как на Суверена”. — Губернатор, вы говорите о почитании его как нашего Суверена; мы делаем больше — мы поклоняемся ему! Теперь мы считаем Императора ушедшим из этого мира; мы смотрим на него так, как если бы он был на Небесах!... Когда вы оставляете нам выбор, который противоречит ему, это подобно выбору, данному мученикам, когда им приказывают отречься от своей веры или умереть. “Следовательно, смерть должна быть нашей альтернативой”. Эти слова произвели видимое впечатление на присутствовавших офицеров и даже на губернатора. Вопреки обыкновению, лицо его приняло кроткое выражение, а тон голоса смягчился.

“ Наше положение здесь, - продолжал я, - настолько ужасно, что почти невыносимо. Вы знаете это; но то, что мы сейчас испытываем, ничто по сравнению с теми страданиями, которые нам уготованы. То, о чем я прошу, не будет жертвой для вас, а для нас будет всем. Я умоляю вас исполнить мою просьбу; это уже кое-что, поскольку вы знаете, что у меня нет привычки просить вас об одолжениях. Сделайте только эту уступку, и вы получите мою вечную благодарность. Кроме того, учтите, что на вас лежит ответственность; что в Европе существует общественное мнение, которым вы можете пренебречь, не получив взамен никаких преимуществ. Вам не могут быть чужды чувства, которые одушевляют меня; я уверен, они должны найти отклик в сердцах всех, кто меня слушает”.

Тут губернатор, казалось, был несколько тронут; офицеры были явно взволнованы. Сэр Хадсон Лоу, помолчав несколько минут, поклонился мне, и я удалился.

Господа . де Монтолон и Гурго побеседовали каждый по очереди; и мы все четверо присутствовали при туалете императора, не имея, однако, возможности сообщить ему, было ли принято какое-либо решение по вопросу, который нас так глубоко интересовал.

Император выразил желание выйти, хотя ветер был очень сильный: мы все дошли до опушки леса. Он проанализировал поведение губернатора, сделав по этому поводу замечания в свойственной ему быстрой и обстоятельной манере; и в заключение он сказал, что если сегодня мы согласимся подписать декларацию, чтобы избежать разлуки с ним, то завтра будет выдвинуто другое основание для высылки; и что он хотел бы, чтобы наше выселение было произведено принудительно и немедленно, а не спокойно и подробно. Затем, внезапно перейдя на шуточный тон, он сказал, что, в конце концов, он с трудом может поверить, что губернатор желает свести своих подданных только к одному; и какого рода это будет подданный! добавил он — абсолютный дикобраз, которого он и пальцем не посмел бы тронуть.

Во время нашей прогулки двое незнакомцев подошли к нам совсем близко. Император попросил кого-нибудь поинтересоваться, кто они такие, и ему сообщили, что они принадлежат судну, которое завтра должно было отплыть в Европу. Император спросил, смогут ли они увидеть кого-нибудь из министров по прибытии в Лондон, и они ответили, что должны увидеть лорда Батерста. “Скажите ему, - сказал ~~Наполеон~~, - [Наполеон](#)“, что его инструкции относительно обращения со мной здесь в высшей степени отвратительны и что его агент выполняет их со скрупулезной точностью. Если бы он хотел избавиться от меня, ему следовало бы прикончить меня одним ударом, вместо того чтобы убивать таким образом по дюймам. Такое поведение поистине варварское; в нем нет ничего английского, и я могу объяснить это только какой-то личной ненавистью. Я слишком уважаю принца-регента, большинство министров и английскую нацию, чтобы предполагать, что они несут ответственность за обращение со мной.

Как бы то ни было, их власть распространяется только на тело; душа находится вне их досягаемости: она воспарит к Небесам даже из темницы”.

Император, вернувшись домой, принял ванну; он был утомлен и измучен событиями прошедшего дня. Он заснул, а я бодрствовал рядом с ним, размышляя о наших новых обидах.

За обедом он ел совсем немного. Кто-то сделал замечание, и император, не расслышав его отчетливо, спросил, что было сказано, — что часто случается. Затем эти слова были повторены более громким тоном, на что он заметил: “Я определенно становлюсь глухим, потому что иногда не слышу, что говорят, и я склонен сердиться, когда люди говорят громче, чем обычно”. В заключение вечера он прочитал отрывок из “Дон Кихота”. Его очень позабавили некоторые комические пассажи; и, откладывая книгу, он заметил, что мы, безусловно, проявили большое мужество, поскольку в наших нынешних обстоятельствах могли смеяться над такими пустяками. Он помолчал несколько мгновений и, казалось, был глубоко погружен в раздумья; затем встал и удалился, сказав: “Прощайте, мои дорогие друзья”.

Во время обеда мне доставили письмо от великого маршала, но я спрятал его, полагая, что оно не предвещает ничего хорошего. Я вскрыл его, как только император удалился. В нем было вложено письмо от губернатора, в котором сообщалось, что, если мы по-прежнему будем упорствовать в своем отказе подписать декларацию, он немедленно отдаст приказ о нашей высылке в Европу. Мы подчинились велению наших сердец: принять решение об уходе от императора было выше наших сил; в то же время это выходило бы за рамки его желаний и, возможно, даже слишком за рамки его приказов. С единодушными чувствами мы охотно подписали декларации в том виде, в каком они были нам представлены, и передали их английскому офицеру, дежурившему в Лонгвуде, вместе с письмом великому маршалу, в котором ознакомили его с тем, что мы сделали без его участия. Мы руководствовались исключительно нашими чувствами и верили, что эти чувства послужат нам утешением, даже если император не одобрит предпринятый нами шаг.

Теперь мы достигли предела нашего абсолютного рабства и зависимости от воли и каприза сэра Хадсона Лоу; не только из-за подписи, которую мы только что ему дали, но и потому, что теперь он знает наш секрет, и поэтому в его власти заставить нас подчиниться всему, что ему заблагорассудится.

АНЕКДОТЫ СИЙЕСА.—ИМПЕРАТОР ЧАСТО ПОСЕЩАЛ НАРОДНЫЕ ГУЛЯНИЯ ПЕРЕОДЕТЫМ.—ЕГО ВИЗИТЫ В СЕНТ-АНТУАНСКОЕ ПРЕДМЕСТЬЕ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ МОСКВЫ И С ОСТРОВА ЭЛЬБА.—НРАВЫ ВО ВРЕМЕНА ДИРЕКТОРИИ.—ПРИМЕЧАТЕЛЬНАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ СПРАВКА.

16—го. - Император прислал за мной около полудня. Он былуже читал и только допивая кофе. Он предложил мне сесть и сам вступил в разговор. От него не ускользнуло ни единого слова, которое могло бы навести меня на мысль, что он знал о решении, принятом нами вчера вечером; он ни словом не коснулся этой темы, и она не упоминалась в течение всего дня. После

завтрака император прошелся по своим покоем. Разговор перешел на рассказы о былых временах, темой которых был Сийес. Император рассказал, что, когда Сийес был капелланом принцев Орлеанских и однажды был занят служением мессы, что-то неожиданно заставило принцев удалиться во время службы; после чего аббат, подняв глаза и увидев только присутствующих камердинеров, немедленно закрыл свою книгу, заметив, что он не был занят служением мессы для толпы.

“ Ваше величество, - сказал я, “ вы были первым, кто познакомил меня с именем и личностью Сийеса. Через несколько дней после моего представления при дворе ваше величество на одной из ваших аудиенций, проходя мимо меня, остановились, чтобы поговорить с человеком, который стоял рядом со мной, обратившись к нему по имени. Все мои эмигрантские предрассудки были еще в полной силе, и я считал себя запятнанным контактом с человеком, которого я считал абсолютным чудовищем и о котором я никогда не слышал упоминания, кроме как как о предмете самого горького проклятия ”. “Несомненно, - сказали император, - вы думали о фразе *”Смерть без смерти“*. Но я слышал, что Сийес отрицал это”.

Теперь я повторил анекдот, который раньше ходил в Сен-Жерменском предместье и по поводу которого, когда я рассказывал его в первый раз, император не сделал никаких замечаний. Было описано, что Сийес использовал эпитет *тиран*, говоря о Людовике XVI., на что Наполеон, как говорили, ответил: “Месье аббат, если бы он был тираном, меня бы здесь не было, а вы все еще служили бы мессу”. “Я мог бы так подумать, - сказал император, когда я рассказал этот анекдот во второй раз, - но я, конечно, не был бы настолько глуп, чтобы сказать это. Это одна из абсурдных историй, придуманных в парижских гостиных. Я никогда не совершал подобных ошибок: моей целью было погасить пламя, а не подпитывать его. Поток враждебности был уже слишком сильно направлен против определенных лидеров Революции. Я счел необходимым поддержать их; и я это сделал. Кто—то раздобыл - Бог знает где - бюст Сийеса в его церковном обличье, он был выставлен на всеобщее обозрение и вызвал всеобщий шум. Сийес в ярости попытался подать мне жалобу, но я уже сделал необходимый выговор, и бюст снова был предан забвению.

“Моим великим принципом было остерегаться ответных действий и предавать прошлое забвению. Я никогда не осуждал никаких мнений и не запрещал никаких действий. Меня окружали люди, голосовавшие за смерть Людовика XVI: они были в министерстве и в Государственном совете. Я не одобрял их доктрин; но какое я имел к ним отношение? какое право я имел объявлять себя их судьей?” Одними двигала убежденность, другими - слабость и ужас, и всеми - бред и ярость момента. Фатальность греческой трагедии была продемонстрирована на примере жизни Людовика XVI”.

Я сказал императору, что в Сен-Жерменском предместье распространился слух, что Сийес был уличен в заговоре против него в связи с делом господина Клемана де Рис; и что он (Наполеон) помиловал его при условии его полного отказа от какого-либо участия в политических делах. “Это еще одна досужая история, для которой нет ни малейшего основания”, - сказал император. “Сийес всегда был привязан ко мне, и у меня никогда не было причин жаловаться на него. Вероятно, он был раздосадован, обнаружив, что я выступаю против его метафизических идей; но в конце концов он убедился, что Франции необходим правитель, и предпочел меня любому другому. В конце концов, Сийес был честным и очень умным человеком: он много сделал для Революции”.

Император упомянул, что на одном из первых публичных празднеств, состоявшихся во время консульства, когда он вместе с Сийесом смотрел иллюминацию, он спросил его, что он думает о положении дел. Сийес ответил холодным и даже обескураживающим тоном. “И все же, ” продолжал Наполеон, “ сегодня утром я получил весьма удовлетворительные доказательства духа народа”. “Редко бывает, ” ответил Сийес, “ чтобы люди проявляли свой истинный дух, когда их взору предстает человек, обладающий властью. Я могу заверить вас, что они далеки от удовлетворения ”.— “Значит, вы не думаете, что нынешнее правительство прочно утвердилось?” — “Нет”. — “И когда, по-вашему, мы все уладим?” — “Когда я увижу герцогов и маркизов старого двора в вашей приемной”. — “Сийес, - добавил император, - и представить не мог, что это произойдет так скоро. Он был близорук и не мог видеть далеко перед собой. Я, как и он, думал, что Республикой все не кончится, но я предвидел установление Империи. Соответственно, два или три года спустя, когда обстоятельства, о которых я только что рассказал, были еще свежи в моих воспоминаниях, я сказал Сийесу на одной из моих грандиозных аудиенций: “Ну что ж, теперь вы дружны со всеми старыми герцогами и маркизами; вы думаете, теперь все улажено?” - ”О да, — ответил Сийес, низко кланяясь. - Вы сотворили чудеса, равных которым прежде не было, и которые я никогда не мог предвидеть“.

Однажды во время консульства Наполеон стоял перед отелем "Отель де ла Марин", наблюдая за публичной иллюминацией. Рядом с ним стояла дама, которая, судя по всему, раньше вращалась в знатных кругах, в сопровождении своей дочери, очень хорошенькой девушки, которой она указывала на всех примечательных персон, когда они проходили взад и вперед по апартаментам. Обратив внимание своей дочери на одного человека, она сказала: “Напомни мне как-нибудь пойти и засвидетельствовать ему свое почтение. Мы должны это сделать, потому что он оказал нам большую услугу”. “Но, мама, ” возразила юная леди, - я не знала, что от нас ждут благодарности таким людям. Я думал, что они были слишком счастливы, имея возможность услужить людям нашего уровня”. “Конечно, - сказал император, - Лабрюйер обратил бы этот инцидент во благо”.

Наполеон иногда выходил переодетым ранним утром, в одиночестве пересекая улицы столицы и смешиваясь с трудящимися классами народа, с состоянием и чувствами которых он хотел познакомиться. В Государственном совете я часто слышал, как он советовал префекту полиции принять этот план. Он назвал это *полицейской системой халифа* и сказал, что считает ее лучшей.

По возвращении из катастрофических походов под Москвой и Лейпцигом Наполеон, чтобы сохранить видимость уверенности, часто появлялся среди толпы почти без сопровождающих. Он посещал рыночные площади, предместья и все густонаселенные районы столицы, фамильярно беседуя с людьми, и везде его принимали с уважением.

Однажды в Ла-Галле женщина, с которой у него состоялся небольшой диалог, прямо сказала ему, что он должен помириться. “Добрая женщина, ” ответил император, “ продай свою зелень и предоставь мне улаживать мои дела. Пусть каждый занимается своим делом”. Прохожие засмеялись и заплодировали ему.

В другой раз, в Сент-Антуанском предместье, когда он был окружен огромным скоплением людей, к которым относился очень снисходительно, кто-то спросил, действительно ли дела обстоят так плохо, как их изображают? “Конечно, ” ответил император, - я не могу сказать, что дела идут очень хорошо”. “Но чем все это закончится?” “Бог знает!” “Войдет ли враг во

Францию?” “Очень возможно; и он может даже дойти до Парижа, если вы мне не поможете. У меня нет миллиона оружия. Я не могу сделать все своими собственными усилиями”. “Мы поддержим вас”, - раздалось несколько голосов. “Тогда я разобью врага и сохраню славу Франции”. “Но что мы должны делать?” “Вы должны записаться в армию и сражаться”. “Мы сделаем это, - сказал кто-то из толпы, - но мы должны выдвинуть несколько условий!” “Какие они?” “Мы не перейдем границу”. “От вас этого и не требуется”. “Мы хотим служить в гвардии”, - сказал другой. “Вы должны это сделать”. Воздух мгновенно огласился одобрительными возгласами. Были немедленно открыты списки, и в течение дня было записано две тысячи человек. Наполеон вернулся в Тюильри; и когда он въехал на площадь Карусель верхом на лошади, окруженный толпой, чьи возгласы сотрясали воздух, все предположили, что вспыхнуло восстание и ворота вот-вот закроются.

По возвращении с острова Эльба император нанес еще один визит в Сент-Антуанское предместье, где его приняли с таким же энтузиазмом и таким же образом проводили обратно во дворец. Когда он проходил по Сен-Жерменскому предместью, толпа, сопровождавшая его, останавливалась перед главными отелями и выражала свое неодобрение гневными словами и жестами. Император заметил, что он едва ли когда-либо оказывался в столь щекотливом положении. “Сколько бед могло бы произойти, - сказал он, - если бы толпа бросила хоть один камень. Если бы от меня ускользнуло хоть одно неосторожное слово или даже двусмысленный взгляд, все Предместье могло быть уничтожено; и я убежден, что его сохранение следовало всецело приписать моему присутствию духа и уважению, которое питала ко мне толпа”.

Сегодня я присутствовал при туалете императора. Сантини стриг волосы, и большой пучок упал к моим ногам. Я наклонился, чтобы поднять его, и император, заметив меня, спросил, что я делаю. Я ответил, что что-то уронил, на что он улыбнулся и ущипнул меня за ухо: он догадался, что я подобрал.

Говоря о порочности нравов, царивших в то время, когда он командовал внутренней армией в Париже, Наполеон упомянул, что подрядчик приходил просить у него несколько подписей и умолять его поддержать определенные назначения и поставки: он пообещал сделать это без колебаний, полагая, что в этом предложении нет ничего несправедливого. Прежде чем удалиться, подрядчик ловковоспользовался случаем и оставил на камине два руло, в которых было по сто луидоров. Это была огромная сумма в звонкой монете, поскольку в то время в ходу были в основном бумажные деньги. К счастью, генерал первым обнаружил это обстоятельство, и посетителя позвали обратно, прежде чем он успел уйти далеко. Сначала он пытался отрицать, что оставил деньги; но впоследствии признал это, заметив, что каждый должен жить и что принятый им метод, по его мнению, является общепринятым. Он, однако, выразил надежду, что его могут простить, если он непреднамеренно поступил неправильно, добавив, что очень редко возникает необходимость просить прощения за такие проступки.

В час, в который император обычно совершает свою прогулку, он почувствовал сильную сонливость; но он был полон решимости разбудить себя и вышел, хотя дул сильный ветер. Пройдя небольшое расстояние, он вернулся в дом, и мы вошли в апартаменты мадам де Монтолон. Едва император сел на диван, как почувствовал, что его клонит ко сну. Он встал и прошел в гостиную. Он пожаловался на сильный внутренний жар и попросил стакан тоста с водой. Его все еще одолевала сонливость, и он удалился в свою комнату, чтобы прилечь.

Около семи часов он послал за мной и передал следующую записку, которую просил сохранить вместе с остальными официальными бумагами. Это была копия записки, которую он отправил тем утром губернатору

Примечание.— “Я припоминаю, что в разговоре, который состоялся между генералом Лоу и некоторыми джентльменами из моей свиты (имеется в виду разговор 15-го числа), были сделаны некоторые замечания относительно моего положения, которые не соответствовали моим представлениям. Я отрекся от престола перед представителями народа и в пользу моего сына. Я уверенно направился в Англию с намерением жить либо там, либо в Америке, в глубоком уединении и под именем полковника, который был убит в бою на моей стороне. *Я решил не иметь никакого отношения к политическим делам любого рода.*

“Когда я поднялся на борт "Нортумберленда", мне сообщили, что я военнопленный, что меня должны перевезти за Линию Фронта и что меня должны называть *генералом Бонапартом*. Это вынудило меня сохранить якобы титул императора Наполеона в противовес имени генерала Бонапарта, которое, таким образом, было мне навязано.

“Около семи или восьми месяцев назад граф Монтолон предложил устранить небольшие трудности, которые постоянно возникают, взяв для меня обычное имя. Адмирал счел необходимым написать по этому поводу в Лондон, и на этом вопрос был решен.

“Имя, которое сейчас применяется ко мне, имеет то преимущество, что не предвосхищает прошлое; но оно не соответствует формам общества. *Я по-прежнему склонен носить имя, которое может соответствовать обычаю; Я еще раз повторяю, что, когда бы я ни был освобожден из моего жестокого плена, я по-прежнему готов оставаться посторонним ко всем политическим делам, что бы ни происходило в мире.* Таково мое решение, и никакое другое заявление по этому вопросу не имеет моей санкции”.

Император почти не ужинал; в охватившей его летаргии было что-то совершенно необычное. Весь день его одолевала сонливость, и все же, когда он отошел, он сказал, что боится, что не сможет уснуть, настолько необычными были его ощущения. Обычно он крепко спит, когда его клонит ко сну, но он дремал весь день, не имея возможности отдохнуть.

Сегодня фрегат отплыл в Европу.

ЛЮДОВИК XVI.—МАРИЯ—АНТУАНЕТТА.—МАДАМ КАМΠΑН.—ЛЕОНАРД.- ПРИНЦЕССА ДЕ ЛАМБАЛЬ.

17-го. Около полудня император послал за мной; он только что закончил свой завтрак. Ему было не лучше, чем вчера. Он попытался немного побеседовать, а затем прочел по-английски несколько страниц "Викария из Уэйкфилда". Он все еще жаловался на сонливость и после нескольких тщетных попыток разбудить себя удалился в свою комнату, чтобы попытаться вздремнуть. Он был тем более удивлен, что эта тяжесть продолжалась, поскольку сказал, что хорошо выспался ночью.

Он не выходил из своей комнаты, пока не был готов обед, а после обеда попытался немного почитать "Дон Кихота", но почти сразу отложил книгу и удалился. Поскольку было очень рано, он послал за мной после того, как лег спать, и я оставался с ним почти час, беседуя на разные темы.

Мы говорили о Людовике XVI, королеве, мадам Елизавете, их мученичестве и т. Д. Он попросил меня рассказать ему, что я знаю о короле и королеве, и что они сказали мне во время моего представления. Я сообщил ему, что формы и церемонии Двора были такими же, как и те, которые были приняты во времена Империи. Что касается характера, то, как я заметил, было общепризнано, что королева обманула ожидания общественности. В первые минуты революционной бури были все основания считать ее женщиной большого таланта и энергии; но впоследствии эти качества, казалось, полностью покинули ее. Что касается короля, я упомянул мнение, составленное о нем месье Бертраном де Мольвиллем, с которым я был хорошо знаком и который был морским министром при Людовике XVI. в разгар кризиса. Он заявил, что король обладал значительной информацией, здравым смыслом и прекрасными намерениями; но на этом все закончилось. Он терялся в многообразии советов, к которым обращался, и в своей нерешительной манере следовать этим советам.

Император, в свою очередь, обратился к портрету королевы кисти мадам Кампан, которая, как он заметил, была ее наперсницей и служила ей с усердием, любовью и верностью, поэтому можно было ожидать, что она много знала о ней и заслуживала того, чтобы считаться авторитетом. Мадам Кампан, по его словам, сообщила ему многие подробности личной жизни королевы, и он рассказал о некоторых подробностях, которые почерпнул из этого источника.

Королева, по словам мадам Кампан, была очаровательной женщиной, но лишенной таланта: ей больше подходило быть приверженкой удовольствий, чем участницей государственных дел. Она обладала прекрасным сердцем, была скорее бережливой, чем экстравагантной, и ни в коем случае не обладала силой характера, равной тем тяжелым обстоятельствам, в которые она попала. Она получала регулярную информацию о замыслах, которые осуществлялись за границей; и она никогда не сомневалась в своем освобождении, даже до рокового 10 августа, катастрофа которого была вызвана исключительно интригами и надеждами Двора, которые были явлены миру из-за неосторожности короля и тех, кто его окружал.

“В ужасную ночь 5 октября, ” сказал император, - человек, к которому королева питала большое уважение и с которым я впоследствии очень дурно обращался в Раштадте, поспешил присоединиться к принцессе в Версале; послали ли за ним, или он отправился по собственной воле разделить с ней опасности, я не знаю. Именно в эти трудные моменты, ” продолжал император, “ мы больше всего нуждаемся в совете и утешении тех, кто нам предан. В момент катастрофы, когда дворец был взят штурмом, королева бежала в поисках убежища в покои короля; но ее муж подвергся величайшей опасности и спасся, только выпрыгнув из окна”.

Я сообщил императору, что королева сильно упала в глазах эмигрантов из-за своего поведения во время вареннских событий; ее упрекали в том, что она не позволила королю отправиться в путь одному и проявила недостаток мастерства и энергии во время бегства королевской семьи. Действительно, ничто не могло быть более плохо организованным и запутанным, чем путешествие в Варенн. Любопытным обстоятельством, связанным с этим событием, было то, что Леонард, знаменитый парикмахер королевы, нашел способ проехать в своем кабриолете посреди беспорядков; и он прибыл в Кобленц, захватив с собой маршальский жезл, который, как говорили, король унес из Тюильри, чтобы передать его г-ну де Буйе, когда тот присоединится к нему.

“У членов Австрийского дома было установлено правило, - сказал император, “ хранить глубокое молчание в отношении королевы Франции. Всякий раз, когда упоминалась Мария-

Антуанетта, они опускали глаза и ловко меняли разговор, как бы избегая неприятной и смущающей темы. Это правило, - продолжал император, - было принято всеми членами семьи и рекомендовано их агентам за границей. Усилия, предпринятые в последнее время французскими принцами в Париже, чтобы возродить интерес к памяти несчастной королевы, несомненно, вызвали недовольство Венского двора”.

Затем император задал мне несколько вопросов о принцессе де Ламбаль, о которой, по его словам, ему ничего не известно. Я смог ответить на его вопросы, поскольку хорошо знал принцессу. Одна из моих кузин была ее фрейлиной, и по прибытии в [Экс-ла-Шапель](#) в [Экс-ла-Шапель](#), в начале моей эмиграции, меня приняли как члена ее семьи и обращались с величайшей добротой.

В Экс-ла-Шапель принцесса де Ламбаль собрала вокруг себя множество обломков Версаля: ее окружали вельможи и светские люди, имевшие связи со старым двором. Ее также посещали многие знаменитые иностранцы; и пока я оставался с ней, я часто видел Густава III, короля Швеции, носившего имя графа де Хага; принца Фердинанда Прусского и его детей, старший из которых (принц Луи) был убит незадолго до битвы при Йене; герцогиню Камберлендскую, вдову брата короля Англии, и т.д.

Когда Людовик XVI. торжественно принял Конституцию и, таким образом, перестроил нацию, принцесса получила официальное письмо от королевы, в котором ей предлагалось вернуться к своему положению. Она посоветовалась со своими старыми друзьями, которые высказали мнение, что королева несвободна, и, полагая, что в Париже ей не будет безопасно, посоветовали ей не обращать внимания на письмо королевы и сделать вид, что оно никогда не попадало в руки. Однако принцесса, спросив некоторых других людей, как бы они посоветовали ей поступить, они, к сожалению, ответили: “Мадам, вы разделили процветание королевы, и теперь у вас есть прекрасная возможность доказать свою верность, тем более что вы больше не являетесь ее фаворитом”. Принцесса обладала возвышенными чувствами, теплой привязанностью и была довольно романтического склада ума. Она заявила о своем намерении на следующий день отправиться в Париж. Таким образом, несчастная ледивернулась в столицу с полным осознанием опасности, которой она подвергалась; и она пала жертвой великодушия и благородных чувств. Когда принцесса решила отправиться в Париж, мои друзья предложили, чтобы я сопровождал ее, [должен был сопровождать](#) ее в качестве члена свиты. Юности, вместе с тем обстоятельством, я, почти чужой в Париже, позволило бы мне пройти незамеченными, и я бы, возможно, полезно для нее, но в [тот](#) момент своего отъезда, какие трудности возникали, что мешало мне сопровождать ее. Тем не менее, я стал ее корреспондентом; и через день я передавал ей всевозможные абсурдные истории, которые питали наши надежды и которым мы не могли безоговорочно доверять. Я продолжал переписку, пока мы оставались в стране; я продолжал ее даже после того, как она перестала существовать!

Крайнее огорчение, в которое я был повергнут, услышав о ее ужасной судьбе, иногда усиливалось опасением, что мои письма, возможно, сыграли какую-то роль в ее возникновении. Так случилось, что теперь в моем распоряжении есть несколько строк, которые она написала за несколько дней до ужасной катастрофы, оборвавшей ее существование. Они датированы *моим подземельем*, ибо так она называла Павильон Флоры, который в то время занимала в Тюильри.

КОНЕЦ ТОМА III.

Сноски

1. Диаметр этих конусов, которые были высотой 60 футов, составлял 104 фута у основания и 60 футов на вершине.
2. Только в 1789 году, через пять лет после начала этих работ, правительство отдало приказ провести зондирование гавани и определить состояние дна. До этого времени работы велись исключительно на основе расплывчатых и несовершенных представлений!! (Mémoire du Baron Cachin, Inspecteur Général des ponts et chaussées.)
3. Некто, считающий себя хорошо информированным, заверил меня, что это ошибочно, поскольку г-н де Калонн прибыл в Германию только после того, как мера эмиграции была уже определена; добавив, что он не только не придумал и не спровоцировал ее, но фактически осудил ее.
4. Безусловно, это врожденная слабость нашей природы - обманывать себя относительно чувств, которые питают к нам другие. В Кобленце, где мы выбрасывали на ветер столько денег, где столько любезных и блестящих молодых людей, которых, без сомнения, следовало бояться больше из-за избытка, чем из-за недостатка образования, заполняли каждый дом и посещали каждую семью, было естественно верить, что нас должны любить, и соответственно мы считали себя обожаемыми. Что ж! во время моего изгнания на мысе Доброй Надежды я по исключительной случайности попал под охрану жителя Кобленца, который был свидетелем блестящих моментов нашей эмиграции. Я испытал огромное удовольствие, возобновив с ним разговор на эту тему. На этот счет у нас не могло быть секретов, которые мы могли бы скрывать друг от друга; прошло двадцать пять лет. Что ж, тогда "абсолютной ненависти к вам не было, - сказал он, - но наша настоящая привязанность была сохранена к вашим противникам, поскольку их дело было нашим. Через вас к нам проскользнула Свобода. Там, среди вас, даже на ваших глазах, мы организовали клубы, и Бог знает, как часто мы смеялись в них на ваш счет и т. Д." И ему не раз случалось, уверял он меня, смешавшись с толпой, которая оглашалась одобрительными возгласами, когда мы проходили мимо, кричать вместе со значительным числом своих товарищей: "Да здравствуют французские принцы, и пусть они немного выпьют в Рейне! Вы говорили о приеме, который мы вам оказали, - сказал он. - Это был прием, который мы оказали Кюстину, и вам следовало бы его видеть! Там у вас была бы возможность оценить наши истинные чувства. Мы с энтузиазмом побежали ему навстречу: мы короновали его солдат; многие из нас записались в его армию, и некоторые из них стали генералами. Что касается меня, то я упустил возможность разбогатеть.
5. Весь мир знает или должен был бы знать (если бы по роковой случайности, совершенно свойственной Наполеону, большая часть его самых похвальных деяний не была в то время подавлена под тяжестью злобы и клеветы) историю этой жалкой хижины, окруженной дворцом римского короля, владеец которой последовательно требовал в десять, двадцать, пятьдесят и сто раз больше ее реальной стоимости. Когда он достиг этой смехотворной цены, император, чьи указания на этот счет были приняты, внезапно приказал прекратить сделку, воскликнув, что это жалкое стойло среди всего великолепия дворца римского короля, в конце концов, будет

виноградником Навуфея, самым решающим свидетельством его справедливости, самым благородным трофеем его правления.

6. Справедливо отметить, что полковник Густафсон (Густав IV.) объявил это утверждение ошибочным. Но из самого его письма можно было бы предположить, что ошибка проистекает исключительно из неправильного толкования его подлинных слов: теперь каждый знает, как легко, как часто подобные неточности встречаются в отношении обстоятельств, передаваемых через нескольких промежуточных лиц. Опасаясь, что недоразумение могло возникнуть из-за меня, что вполне возможно, я бы ни минуты не колебался, чтобы обвинить себя в ошибке; но каждый читатель должен судить, что продолжительность беседы Наполеона и развитие его идей по этому вопросу не могли оставить у меня никаких сомнений.

7. Родовой дом Наполеона, его колыбель, в настоящее время (1824 г.) находящийся во владении М. Ромалино, члена Палаты депутатов, является, как и можно было бы естественно предположить, объектом жадного любопытства и большого почитания путешественников и, в частности, военных.

Очевидцы уверяют меня, что по прибытии каждого полка на Корсику солдаты немедленно сбегаются к нему толпами и добиваются пропуска с определенной степенью авторитета. Можно было бы сказать, что они считают себя имеющими на это право. После признания каждый ведет себя в соответствии с теплотой своих чувств: один поднимает руки к небу, оглядываясь по сторонам, другой падает на колени, третий целует пол, а четвертый разражается слезами. Есть люди, которых, кажется, охватывает приступ безумия. Нечто подобное говорится о могиле великого Фредерика. Таково влияние героев.

8. Я обычно пропускаю мимо ушей все детали такого рода как тривиальные, если только не представляется случай для их использования, а у меня, к сожалению, нет времени искать или создавать такие случаи. Однако незначительное обстоятельство, о котором я здесь рассказываю, приобретает слишком большое значение из-за характера смерти и длительных и ужасных мучений бессмертной жертвы, которая скончалась под тройными пытками тела, разума и сердца. Ему гораздо меньше пришлось бы вытерпеть от рук каннибалов!... И эти страдания и мучения были хладнокровно прибережены для него варварской администрацией, которая таким образом запятнала анналы народа, столь справедливо известного возвышенностью своих чувств и сочувствием несчастью!... Но печальная и болезненная известность будет приобщена к именам палачей Наполеона. Негодование великодушных сердец всех эпох и каждой страны навеки обрушивается на них с вечным осуждением!

9. Это было мое письмо принцу Люсьену, с тех пор столь прославившееся в истории моих преследований, и которое будет найдено в надлежащем месте.

10. С момента первого появления этой работы мне было замечено, что это анахронизм, поскольку позолота купола дома инвалидов была начата до начала кампании в России. Именно минареты Каира, а не шпили Москвы, должно быть, натолкнули Наполеона на эту мысль; и это, без сомнения, было то, что он хотел сказать: легко представить, что ошибка такого рода могла быть допущена им в разговоре без какой-либо специальной цели: на самом деле каждый человек подвержен таким ошибкам.

11. Генерал Дурутте, который был изувечен в тот катастрофический день и который командовал упомянутой здесь четвертой дивизией, заявляет, что, должно быть, произошла какая-то ошибка

в отношении численности, указанной в этой диктовке Наполеона; или что в отчете, который ему был представлен, была какая-то неточность или злой умысел.

12. После моего увольнения из Лонгвуда Наполеон предпринял специальную работу о Фридрихе Великом с заметками и комментариями о его кампаниях.

13. Благородная венецианская леди необычайной красоты, чьи приключения образуют поистине романтическую и драматическую историю. Она сбежала из дома своего отца, чтобы последовать за молодым флорентийским разносчиком, и была доведена до величайшего несчастья. Впоследствии она стала великой герцогиней Тосканской и завершила свою карьеру, хладнокровно отравившись за столом в приступе досады, увидев, как великий герцог, ее муж, отведал отравленное блюдо, которое она приготовила для своего шурина, кардинала Медичи, который, со своей стороны, упрямо воздерживался от его дегустации.

14. При победе при Лютцене император понес тяжелую утрату в результате гибели храброго и верного маршала Бессьера, герцога Истрийского, который был так искренне предан Наполеону. Король Саксонии воздвиг памятник в его память на том самом месте, где он получил смертельный удар. По чудесному совпадению памятник похож на памятник Густаву Адольфу и расположен недалеко от него. Он состоит из простого камня, окруженного тополями. Это не единственный случай, когда иностранцы отдали дань уважения памяти отважных французов, которой пренебрегли их собственные соотечественники.

15. Ссылка на Мемуары графа Монтолона о Наполеоне покажет, что император признает ложность этого обвинения против Жомини, который, по его словам, даже не был знаком с его планами.

16. Смерть знаменитого Моро, сражавшегося под русскими знаменами в противостоянии с французской армией, была и всегда будет оставаться источником скорби для его самых искренних друзей и самых горячих сторонников.

17. Когда я посетил Лондон в 1814 году, внимание общественности было приковано к недавним событиям на Континенте, и битва при Лейпциге была общей темой разговоров. Рассказывали, что в момент поражения присутствие духа полностью покинуло Наполеона. Он бродил по городу и заблудился на пустынной улице. Несмотря на то, что он был верхом, слабость вынудила его опереться о стену, и в этой ситуации он справился о дороге у пожилой женщины и попросил у нее стакан воды. Взрыв моста не был забыт, и история рассказывалась точно так же, как в Париже. Эти подробности, которые повторялись в гостиных и ходили по улицам, были известны как высшим слоям общества, так и простонародью. В витринах магазинов были выставлены гравюры, изображающие различные события битвы. Темой одной из этих гравюр был вышеописанный инцидент на улице Лейпцига. Было распространено такое множество нелепостей, что людям, обладающим здравым смыслом, ничего не оставалось, как пожать плечами и терпеливо вынести все, что они услышали.

18. Это предположение было не совсем безосновательным, поскольку до сих пор остается сомнительным, было ли согласие Австрии на свержение императора обязательным или добровольным. В результате одной из тех фатальных случайностей, которые сопутствовали завершению карьеры Наполеона, кратковременный успех разделил австрийцев и русских, и приказ о походе на Париж, а также знаменитая декларация, объявляющая Наполеона и его семью вне закона, исходили исключительно от Александра. Когда Фрэнсис представился, у

него не было иного выбора, кроме как дать свое согласие на меры, которые уже были приняты; но многие обстоятельства наводят на мысль, что он сделал это с большим отвращением и неудовлетворенностью.

19. Почтенный и верный король Саксонии последовал за своим союзником Наполеоном, в штаб-квартире которого он обосновался. Объединившиеся державы, войдя в Лейпциг, захватили особу короля и объявили о своем намерении избавиться от его государств. Его несчастья известны всей Европе; они вызвали глубокий интерес в каждом великодушном сердце.

20. Среди всеобщей нелояльности поведение короля Вюртембурга представляет собой почетное исключение. Этот принц, хотя и был уже в состоянии войны с нами, разбил кавалерийскую бригаду и пехотный корпус, которые перешли на сторону врага, и в то же время лишил их офицеров награды своего ордена.

21. Решимость сдаться в гарнизоне была далеко не единодушной. Мнения по этому поводу разделились. Одни выступали за возвращение во Францию путем капитуляции, и этот курс был принят; другие выступали за предприятие гораздо более смелого характера. Это означало не что иное, как оставить Дрезден с отборными войсками гарнизона, спуститься по Эльбе, последовательно снимая блокаду Торгау, где насчитывалось 28 000 человек; Виттемберга, где было 5000; Магдебурга, где было 20 000, и проследовать к Гамбургу, где было 32 000. Собранная таким образом армия, которая составила бы 60 или 80 000 человек, должна была отправиться во Францию, прорубив проход через ряды противника или вынудив его отступить маневрированием у него в тылу; в то время как массовые призывы, которые могли бы выдвинуться для нападения на наши ветеранские отряды, были бы парализованы. И даже если бы этот план провалился, проблема вряд ли была бы более фатальной, чем капитуляция. Это мнение горячо поддерживали граф де Лобо, генералы Тест, Мутон-Дюверне и другие. Дизайн был грандиозным, достойным нашей славы и вполне гармонизировавшим с нашими прошлыми деяниями. Привести его в исполнение было намерением императора, и с этой целью он издавал приказы, которые, однако, не доходили до места назначения. Отчаяние, вызванное мыслью о капитуляции, было таково, что часть войск убеждала офицера, стоявшего во главе противоборствующей стороны, взять командование на себя. Уважение к дисциплине в конце концов возобладало над энтузиазмом; но упомянутый выше офицер высказался на совете самым бурным образом. Говорят, что в своем негодовании он воскликнул главнокомандующему: “Император скажет мне, что с пистолетом в руке я должен был принять командование на себя”.

22. Пока лорд Лодердейл находился в Париже и вел переговоры с полномочными представителями императора, Пруссия взялась за оружие и заняла враждебную позицию. Лорд Лодердейл, казалось, не одобрял такое поведение и считал борьбу очень неравной. Будучи проинформирован о том, что Наполеон намеревался выступить во главе армии, он поинтересовался, согласится ли император отложить его отъезд и заключить соглашения с Пруссией, если Англия согласится на основу переговоров, то есть *nauti possidetis* с обеих сторон, включая Ганновер. Дискуссия продолжалась по вопросу о Ганновере, который Англия хотела вернуть независимо от этого основания. Согласно ответу кабинета министров Сент-Джеймса, лорд Лодердейл был отозван. Император отправился в путь, и произошла битва при Йене: Фокс был тогда мертв.

В тот период мы были очевидцами сожаления и отвращения, которые проявлял Наполеон по поводу необходимости вступления в войну с Пруссией. Он был склонен оставить Ганновер во владении этой державы и признать Конфедерацию Севера Германии. Он чувствовал, что Пруссия, никогда не побежденная и не униженная Францией, и ее могущество все еще ослаблено, у нее не может быть интересов, враждебных его интересам; но что, если однажды она будет покорена, она должна быть уничтожена.

23. Было широко распространено сообщение о том, что брак эрцгерцогини Марии-Луизы с императором Наполеоном был секретной статьей Венского мирного договора: эта идея лишена оснований. Венский мирный договор датирован 15 октября 1809 года, а брачный контракт был подписан в Париже 7 февраля 1810 года.

Каждый, кто присутствовал на заседаниях Тайного совета, может засвидетельствовать, что обстоятельства брака были такими, как они были описаны выше; что у графа де Нарбонна не возникало никаких мыслей об австрийском союзе до того, как стало известно содержание депеш графа де Нарбонна; и что брак с эрцгерцогиней Марией-Луизой был предложен, обсужден и одобрен Советом и подписан в течение двадцати четырех часов.

Членами Совета были император, высшие сановники Империи, высшие должностные лица короны, все министры, председатели Сената и Законодательного органа, а также государственные министры, председатели секций Государственного совета; всего их было 25.

24. Я не хотел опускать это краткое изложение кампании в Саксонии, хотя эта же тема уже подробно рассматривалась в начале этого тома. Однако, если некоторые читатели сочтут это просто повторением, другие найдут в нем средство сравнения и проверки того, что было сказано ранее: один из отчетов составлен на основе документов, опубликованных в Европе, в то время как другой был продиктован на острове Святой Елены самим Наполеоном.

25. Тик - это французский термин, обозначающий любую вредную привычку.

26. Я должен воспользоваться этой возможностью, чтобы исправить ошибку, которая причинила значительную боль человеку, которого я очень уважаю. В предыдущей части этого Дневника упоминается, что *завосемь дней* до того, как император покинул Эльбу, генерал Друо сообщил о своих намерениях принцессе Боргессе и т.д. Генерал Друо, однако, утверждает, что он не был удостоен доверия императора *до самого последнего момента*, и что, следовательно, он не мог разгласить секрет в то время, о котором идет речь. Генерал Друо, должно быть, лучше всех других осведомлен, а также наиболее заинтересован в отношении этих фактов: со своей стороны, я должен только заметить, что в данном случае я просто записал текущий отчет, который был повторен без какого-либо злого умысла и который никогда не был опровергнут.

27. Не следует, однако, предполагать, что он проявлял какое-либо бесчувственное пренебрежение к этим людям; ибо он приказал военному комиссару Шарлю Вотье, который был с ним, со всей поспешностью отправляться в Антиб и освободить пленных, попытавшись захватить гарнизон. Когда Вотье уходил, он несколько раз крикнул ему вслед: ему: “Берегись, чтобы тебя тоже не взяли в плен”.

28. 1 марта. Император высадился в Каннах, в заливе Жуан.

2-й. Въехал в Грасс.

3д. Ночевал в Бареме.

4. Обедал в Дине и ночевал в Малигее.

5-й. Спал в Гар.

6-й. Ночевал в Корпусе, а на следующий день, немного за городом, император выступил с речью и сплотил войска 5-го полка. Через несколько часов к нему присоединился Лабедойер во главе 7-го отряда.

7-го. Прибыл в Гренобль и остановился.

9-го. Ночевал в Бургуэне.

10-го. Достиг Лиона, где оставался три дня.

13-го. Ночевал в Мейконе. Вышло знаменитое воззвание Нея.

14-го. Ночевал в Шалоне.

15-го. Ночевал осенью.

16-го. В Авалоне.

17-го. В Осере, где он оставался один день, и к нему присоединился князь Московский.

20-го. Прибыл в Фонтенбло в четыре утра и вошел в Тюильри в девять вечера.

29. Своего рода печать, на которой выгравирована подпись.

30. Вместо Цинны в трагедии Корнеля "Цинна", акт V. сцена 1—я. -Англ. изд.

31. В комедии Мольера "Амфитрион". Англ. изд.

32. В том самом месте, которое здесь описал Наполеон, находится его могила.

33. Я пользуюсь этой возможностью, чтобы исправить ошибку, на которую здесь ссылаются. В предыдущей части этой работы утверждается, что М. Монж взошел на якобинскую трибуну и т.д. Друзья и родственники этого выдающегося человека, однако, заверили меня, что все, кто знал его в то время, о котором идет речь, могут засвидетельствовать, что он никогда не появлялся среди них и что он никогда не выступал ни на одном общественном собрании. Я испытываю удовольствие, упоминая об этом обстоятельстве, ибо ничто не доставляет мне большего счастья, чем быть средством развития истины.

34. Это была чашка с его туалетного столика, которая стояла на камине в качестве украшения.

Теперь я имею счастье обладать блюдцем, принадлежащим к этой чашке. мсье Маршан, тот верный слуга, к которому Наполеон, по его словам, был так сильно привязан, по возвращении со острова Святой Елены подошел и подарил мне это блюдце таким образом, что это сильно пробудило мою благодарность и чувствительность. “ Прекрасная чашка, - сказал он, - из которой вы иногда пили, принадлежала туалетному столику императора и была соответственно возвращена на свое место. Блюдце, однако, среди прочих предметов досталось на мою долю; и

теперь я дарю его вам, будучи уверенным, что вы испытаете такое же удовольствие, получив его, как и я, подарив”.

Примечание переписчика

Некоторые условные обозначения текста были изменены. Например, там, где имя было пропущено, использовался ряд точек (....). Они были заменены длинными тире (---), чтобы избежать неудобных разрывов строк.

Учитывая дату публикации, орфография, как правило, оставлена в том виде, в каком она была напечатана. Например, слова "сомнабула" и "сомнабулизм" на стр.43, по-видимому, ошибочны, но согласуются друг с другом. Однако ошибки, которые, скорее всего, были допущены принтером, были исправлены и отмечены ниже.

В тексте было несколько примеров, когда у слов, взятых в кавычки, отсутствовали либо открывающие, либо закрывающие кавычки. Правильное размещение не всегда очевидно, но был сделан наиболее правдоподобный выбор, основанный на контексте и озвучке. Среди наиболее сложных - рассказ автора о воспоминаниях Наполеона об обмене мнениями с Папой римским на стр.130.

Следует отметить приведенные ниже в таблице проблемы вместе с решениями. Ссылки ниже приведены на страницу и строку в оригинале.

25.25	“Во владении обта Иллирией”.	.
43.25	[сомнабула], который ночью бежит по крыше	<i>так в оригинале</i>
43.29	о его [сомнабулизме],	<i>так в оригинале</i>
	Добавил император rema[r]ked	.
63.15	это преклонение перед [sa / as] пока не перенесено	.
66,35	подходящая пара для вашей принцессы.[’]	Добавлено.
72.20	[“/’]Вскоре вы снова увидите меня	замененным.
77.33	, пока мы [повторно / re] владели ею.	Перемещенное пространство.
81,19	[’]Как", - воскликнул он,	добавил.
90,33	13-й выпуск [e/é]miaire	Заменен.
95.38	, по которой [b / h] е страдает от	замены.
102.5	и совершенно бесполезная.[’’]	Добавлено.
105.18	даже когда эта великая пресса E [x / m], восседающая на своем троне,	Сменилась.
107.41	, если меня это не устраивало[,/.]	Заменена.

108.30	, возможно, спровоцировала его на слепоту.[’’]	Добавлено.
108.31	[“]В конце этого	удалена.
116.40	или боль в животе.[’/’]	Заменено.
120.7	будут виновны в моем уничтожении[’]”	Добавлено.
121.15	воскликнула она, [“] но осталось одно мгновение;	Добавлено.
121.24	он опубликовал брошюру [l]и	добавил.
130.16	, если это возможно.[’”] Однако она была	добавлена.
130.26	[“]"Я никогда этого не сделаю", - заметил он,	добавил.
131.2	все, что я пожелаю.[’”]	Добавлено.
140.28	[“]Сир”, - ответил я,	Добавил.
147.17	[“]"Тысяча и одна ночь"	Добавлен.
151.30	как и все принципы здоровой[,] морали.	Удалено.
154,38	в Лоди, Кастильоне, Риволи, Арколе	Добавлена.
155.32	[ir/ re] существовал на этом камне	Заменен.
155.37	[“] Не удалось получить разрешение на подписку	Добавлено.
155.40	В связи с требованием	Удалена
159.6	Те, кто, кто> не уважает Наполеона,	удалены.
159.38	сказал он, [“] это очень счастливая связь.	Добавлено.
163.11	с нациями, расположенными в их тылу.[’”]	Добавлено.
166.32	[“], Которой были бы посвящены мой досуг и моя старость,	удалена.
168.1	Армия с трудом преодолела этот урочище[.]	Добавлено.
171.22	снабжает все предприятие водой с	добавлением.
174.17	на некоторые дома квартала Франков[,/’]	Заменен.
189.36	добавлено двадцать четыре[-] часа	.
199.15	только не все одновременно[,] время	Удалена.
230,34	Добавлено[r] подкреплений для битв при Лейпциге	.
232.31	со[/a]отключенные полномочия	восстановлены
		.
239.28	поздравьте себя с	добавлением.
259.39	когда мне посчастливилось остаться с ним наедине	Удалена.
260.35	Священная лига, которая была сформирована против Генриха III.	Удалена/
261.15	Но эти переговоры были подготовлены	Добавлены.
214.1	победили 107 000 русских или пруссаков[’]	Удалено.
219.25	страхование независимой национальной таможенной службы Франции	Заменено.
265.30	Камп[и]о-Формио	Удалена.
267,38	бургундского, шампанского	Удалена.

279,26	от Государств Австрийского дома[.]	Восстановлено .
284.15	в одном из малых Версалея[,]	старательно удалена.
292.29	что касается Avi [n] gnon, то он не услышал ничего, кроме сожаления, что	удален.
292.39	он несколько раз окликнул его.["/:]	Заменено.
294.12	[“] зависит от моей скорости.	Добавлено.
294.17	покидал Тюильри.[”]	Добавлено.
298.19	все государственные органы, все классы граждан	Удалены.
300.36	самый безопасный и лучший[.]	Добавлен.
301.41	с выражениями [f]угрей	Добавлен.
302.39	Бурбоны выступают за замену монархии	.
304.9	О НЕВОЗМОЖНОСТИ.	Добавлено.
305.22	[“]Соответственно,” продолжил Бертран,	Удалено.
312.15	Миссисипская компания[,]	Добавлена.
315.13	за очень короткое время мэра Дворца.[”]	Добавлено.
319.13	[“]С другой стороны, восточные народы отличаются	Добавлено.
321.37	[“]По возвращении с Эльбы	Добавлена.
332.30	<i>М[я / аi]три запроса</i>	Заменены.
337.1	Государственный совет	Удален.
346.22	и я скоро усну.[”]	Удалено.
357.26	заметил он, [“]об объединении всех видов заслуг	добавлено.
371,36	менее чем за три месяца[: “]/:”] и, таким образом,	заменен.
375,19	того [е / а], что у него было, когда он был всего лишь	замененным министром.
376.34	который пожертвовал своими войсками для облегчения операций	Добавлено.
376.39	[D/d]'Antraigues>, обнаружив, что все его секреты	заменены.
383.9	Я останусь с ней наедине.	Добавлено.
386.1	“Я не знал об этом[,]	” - ответил я; Добавил.
386.27	тем не менее, я бы не хотел подвергать сомнению его право на	замену.
388.21	“Скажите ему”, - сказал [“] Наполеон“, ["]что его инструкции	изменены.
390,8	У него было заменено чтение [d / n]	.
399.10	по прибытии в Экс-ла[-]Шапель	Восстановлен.
400.5	мои друзья предложили мне составить компанию для ее	замены.
400.9	но в момент [i] ее отправки,	удалена.